

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

Язык как система, деятельность и пространство мысли

Коллективная монография
памяти профессора В.Я. Мыркина

Архангельск
Издательство «КИРА»
2015

УДК 81+81'36
ББК 81.2+81.2-2
Я 41

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательской комиссией
Института филологии и межкультурной коммуникации
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Н.Н. Болдырев, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов;

М.А. Грачев, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Редакционная коллегия:

Е.П. Беляева, Е.В. Боднарук, Т.А. Сидорова, Л. Ю. Щипицина

Я 41 Язык как система, деятельность и пространство мысли : коллективная монография памяти профессора В. Я. Мыркина / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова» ; [сост. и отв. ред. Л. Ю. Щипицина, Т. А. Сидорова]. – Архангельск : КИРА, 2015. – 349 с. : табл.
ISBN 978-5-98450-400-3.

Агентство СІР Архангельской ОНБ

В коллективной монографии рассматриваются различные аспекты современного языкознания и грамматики, которые поднимал в своих трудах профессор Виктор Яковлевич Мыркин: выявление системных и асистемных связей в языке, рассмотрение языка через соотнесение понятий системы, речи, контекста и смысла. На различном языковом материале авторы анализируют выражение в языке темпоральных и аспектуальных значений, проводят сопоставительные исследования семантики глаголов и фразеологизмов, а также рассматривают функционирование различных языковых единиц с когнитивных и дискурсивных позиций.

Монография предназначена для лингвистов, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов факультетов филологического и гуманитарного профиля.

УДК 81+81'36
ББК 81.2+81.2-2

ISBN 978-5-98450-400-3

© Коллектив авторов, 2015
© Изд-во «КИРА», 2015

Оглавление

Предисловие.....	5
Из воспоминаний о В.Я. Мыркине	7
Введение	10

Глава 1. Системные и асистемные явления в немецкой грамматике

1.1. Претерит в немецкой диалогической речи: семантико-синтаксические и семантико-прагматические факторы селекции формы <i>Костеневич Е.В., Архангельск</i>	12
1.2. Употребление конструкции „werden+Infinitiv“ в немецкой речи (по материалам анкетирования) <i>Степырева Е.В., Архангельск</i>	27
1.3. Участие лексических маркеров времени в формировании футуральной семантики высказывания <i>Боднарук Е.В., Архангельск</i>	41

Глава 2. Системные и асистемные явления в русском языке

2.1. От лексических парадигм к парадигмам текстовым: источники и условия расширения границ синонимии, антонимии и гипонимии в речи <i>Котцова Е.Е., Архангельск</i>	56
2.2. Системность и асистемность в медийных новообразованиях <i>Рацибурская Л.В., Нижний Новгород</i>	71
2.3. Функционирование категории рода в современной устной речи (социопсихолингвистические и семантико-стилистические аспекты) <i>Морозова О.Е., Архангельск</i>	87
2.4. О номинативном аспекте местоименной лексики <i>Петрова Н.А., Архангельск</i>	105
2.5. Лексико-семантическое поле «свет–тьма» в ранних стихотворениях Ольги Фокиной <i>Петрова Т.В., Архангельск</i>	113
2.6. Лексика охоты в русских старожильческих говорах Якутии <i>Павлова И.П., Якутск</i>	128

Глава 3. Сопоставительные исследования языка

3.1. Широкозначность слова как когнитивный феномен (на материале русских и немецких глаголов) <i>Куликова Г.В., Плотникова А.М., Екатеринбург</i>	144
--	-----

3.2. Сопоставительное изучение денотативно связанных фразеологических единиц английского и французского языков <i>Нифанова Т.С., Северодвинск</i>	158
3.3. Особенности ассимиляции испанских заимствований в английском языке <i>Беляева Е.П., Храпонова М.С., Архангельск</i>	177

Глава 4. Процессы концептуализации мира в языке

4.1. Деривационные средства как способ концептуализации мира в художественном тексте (на материале произведений Л. Петрушевской) <i>Сидорова Т.А., Архангельск</i>	184
4.2. Ценностные приоритеты в аллюзивных афоризмах <i>Карасик В.И., Волгоград</i>	199
4.3. Ассоциативные словари как инструмент антропоцентрически ориентированных лингвистических исследований <i>Черняк В.Д., Санкт-Петербург</i>	212
4.4. Лингвоконцепт в координатах миромоделирования (на примере конструирования рекламной реальности) <i>Кушнерук С.Л., Челябинск</i>	227

Глава 5. Дискурс, текст, коммуникация

5.1. Можно ли получить новое лингвистическое знание, изучая макроструктуру текста? <i>Гришаева Л.И., Воронеж</i>	244
5.2. Проявление этнокультурных особенностей текста в текстовых конвенциях <i>Заиченко Л.С., Архангельск</i>	271
5.3. Когнитивно-прагматический анализ междометий-маркеров дискурса <i>Белоус Т.В. Архангельск</i>	282
5.4. Авторский комментарий в немецких рыцарских романах <i>Баева Г.А., Санкт-Петербург</i>	297
5.5. К вопросу о языковой норме интернет-коммуникации <i>Щипицина Л.Ю., Архангельск</i>	310
Заключение	334
Сведения об авторах	338
Summaries	341

ПРЕДИСЛОВИЕ

Виктор Яковлевич Мыркин (1930–2008) – доктор филологических наук, профессор, кавалер Ордена Дружбы, автор множества лингвистических работ.

Долгие годы Виктор Яковлевич работал на факультете иностранных языков Архангельского педагогического института, а затем Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, читая лекции по общему языкознанию, истории немецкого языка и теоретической грамматике и в беседах со студентами и аспирантами отстаивая свои новаторские научные идеи. Статьи Виктора Яковлевича о соотношении языка и речи, системности и асистемности языка, о немецкой темпорологии и аспектологии были опубликованы в отечественных и зарубежных научных журналах, среди которых можно назвать «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Иностранные языки в школе», „Deutsch als Fremdsprache“. В.Я. Мыркин является также автором до сих пор востребованных учебно-методических работ: «Грамматический род существительных в русском и немецком языках», «Вид и время глагола в русском и немецком языках: сопоставительный анализ», «Диминутивные существительные в русском и немецком языках: сопоставительный анализ», «Язык – речь – контекст – смысл», «Латинский язык». Учебное пособие В.Я. Мыркина «Языковая норма: узус и кодификация» рекомендовано Советом по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов гуманитарных факультетов и с успехом используется в обучении студентов и магистрантов. Первый полноценный учебник, вышедший в издательстве ПГУ, также принадлежит перу Виктора Яковлевича: это «Введение в языкознание», которое сам автор считал венцом своей жизни. В этом учебнике очень понятно излагаются непростые языковедческие вопросы, доступные восприятию первокурсников. И вместе с тем это необычайно новаторский учебник, т.к. Виктор Яковлевич включил в него и свои оригинальные научные идеи, к которым ученый пришел в ходе своей активной научной и преподавательской деятельности.

22 сентября 2015 года Виктору Яковлевичу Мыркину исполнилось бы 85 лет, но в октябре 2008 года из-за неизлечимой болезни его не стало.

Чтобы почтить память известного архангельского лингвиста и продолжить его научные идеи, его коллеги, друзья и ученики организовали Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы современного языкознания и грамматики», прошедшую 22–23 октября 2015 г. в Институте филологии и межкультурной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. Часть материалов конференции нашла отражение в сборнике статей «Актуальные проблемы современного языкознания и грамматики» (Архангельск, 2015), а часть, в том числе материалы пленарных докладов – представлена в главах данной коллективной монографии.

Коллективная монография «Язык как система, деятельность и пространство мысли» продолжает серию монографий, отражающих результаты исследований научной школы немецкой темпорологии и аспектологии, созданной В.Я. Мыркиным на кафедре немецкого языка Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (в настоящее время – кафедра немецкой и французской филологии САФУ имени М.В. Ломоносова). Среди монографий школы – «Категории значения и выражения глагольной темпоральности и аспектуальности в немецком языке» [Категории значения..., 2008], включающая, пожалуй, последнюю публикацию В.Я. Мыркина, а также «Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста» [Выражение темпоральных..., 2013], изданная под редакцией Елены Владимировны Боднарук, первой аспирантки В.Я. Мыркина, которая сейчас руководит школой.

Настоящая коллективная монография, конечно, включает в свою структуру главу, посвященную изучению немецкой темпорологии, но выходит за рамки только этого научного направления, отражая, по возможности, различные грани научной деятельности В.Я. Мыркина и даже то направление (когнитивные исследования языка), которым он непосредственно не занимался, но оказывал влияние своими научными трудами. Об этом свидетельствуют как ссылки на научные труды Виктора Яковлевича, отраженные в библиографическом списке авторов монографии, так и живые воспоминания о нем, высказанные в ходе конференции, посвященной его памяти. Часть этих воспоминаний нашла отражение в отдельном разделе данной книги.

Библиографический список

1. Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста: коллективная монография / отв. ред. Е.В. Боднарук. Архангельск: КИРА, 2013. 143 с.
2. Категории значения и выражения глагольной темпоральности и аспектуальности в немецком языке: монография / под общ. ред. В.Я. Мыркина, Л.Ю. Щипициной. Архангельск: Поморский университет, 2008. 108 с.

Л.Ю. Щипицина, Т.А. Сидорова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.Я. МЫРКИНЕ

Анатолий Леонидович Шарандин,

доктор филологических наук профессор кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Из предисловия к статье «Лексическая семантика и средства ее выражения в аспекте теории языкового знака» в сборнике статей «Теория языка. Компаративистика. Германистика» (2000, с. 89), посвященном 70-летию В.Я. Мыркина

Так уж получилось, что в начале моего научного образования работы В. Я. Мыркина «Текст, подтекст и контекст» (ВЯ, 1978, № 1), «Сверххарактеризация и сверхнейтрализация грамматических значений в речи» (Иностранные языки в школе, 1978, № 1), «В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности» (ВЯ, 1986, № 3) оказались, если можно так выразиться, в активном запасе научных идей, которые, в связи с темой моего исследования, в той или иной мере осмысливались и привлекались в качестве теоретической базы. А личное знакомство с В. Я. Мыркиным в г. Архангельске (1995 г.) я считаю подарком судьбы, поскольку уважительное отношение к В. Я. Мыркину как ученому плавно перешло, если уместно так выразиться, в антропоцентрическое русло нашего общения, которое всегда при встречах окрашивается различными человеческими оттенками – яркими, теплыми, запоминающимися

Владимир Ильич Карасик,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград

Мне довелось встречаться и беседовать с Виктором Яковлевичем Мыркиным несколько раз. Запомнились его точные суждения о проблемах лингвистики, его уважительность и проницательность в общении с коллегами, удивительный сплав его неподдельного интереса к жизни и ироничности. Он очень любил свой город, мог долго и увлеченно рассказывать об Архангельске. В людях он ценил цельность характера и преданность своему делу. Я запомнил, с какой благодарно-

стью он всегда говорил о своих учителях в науке. С ним всегда было интересно общаться. И главное чувство, которое осталось у меня от встреч с ним – его мудрая оптимистическая уверенность в том, что в итоге верность своему делу и своим принципам позволяет преодолеть все трудности

Татьяна Александровна Сидорова,
*профессор кафедры русского языка и речевой культуры института
филологии и межкультурной коммуникации САФУ
имени М.В. Ломоносова, Архангельск*

Виктор Яковлевич запомнился мне как человек с неиссякаемым чувством юмора. Помню, как на регистрации участников одной из конференций он назвался Иосифом Виссарионовичем Джугашвили из Гори. И студенты добросовестно записали имя «гостя». Мы приглашали Виктора Яковлевича на свои конференции, круглые столы, семинары. Бегали на его научные семинары, которые он проводил для лингвистов двух факультетов – иностранных языков и русского языка и литературы. И всегда с ним было интересно. То он погружал нас в глубины грамматики, то поднимал к высотам филологии. Общение с ним – это всегда и возможность получить урок духовности, культуры, настоящей учености.

Виктор Яковлевич был весьма щедр на идеи, советы, поддержку. Особенно мне нравилось с ним дискутировать по проблемам лингвистики. Бывал в споре и категоричен, но всегда искренен, что подкупало и притягивало к нему его коллег и учеников. Наверное, ему подошли бы эпитеты «неутомимый», «прозорливый», «целеустремленный», «щедрый». И он был патриотом университета: несмотря на то, что его приглашали в Москву, он остался здесь. Возможно, тому причина и любовь к северному краю, его природе, людям.

Виктор Яковлевич был талантлив во всем, что делал. Была ли это наука, фотографии или поэтическое творчество. Многосторонность, открытость, юмор и оптимизм, переплетенные с деловитостью, полная самоотдача во всем – вот основные жизненные установки Виктора Яковлевича. Встреча с такими людьми – заряд на всю жизнь.

Евгения Вениаминовна Парфенова,
*старший преподаватель кафедры немецкой и французской
филологии САФУ имени М.В. Ломоносова, Архангельск*

Человеческая память, перефразируя слова Корнея Чуковского, действительно, «громадная сила», которая «сумеет удержать эти глыбы снега, когда они уже растают, только она оставит нерастаянным этот туман», в котором как призраки живут наши воспоминания. С Викто-

ром Яковлевичем у меня связана самое прекрасное время, время студенчества и время моего ученичества на кафедре, когда я делала первые шаги в профессии. В середине шестидесятых, на которые приходятся мои студенческие годы, Виктор Яковлевич еще не был профессором с мировым именем, он преподавал у нас историю языка и языкознание. Его лекции я вспоминаю с удовольствием, он умел сложные вещи преподнести так, что они становились всем понятными. На лекциях он часто цитировал стихи русских поэтов. Он был знатоком русской классической поэзии и умел делать это красиво.

Вспоминаются семинары по готскому языку, которые проводил с молодыми преподавателями. Мы собирались и переводили библию с готского языка на немецкий. Было сложно, но невероятно интересно. Виктор Яковлевич с большим уважением относился к людям, которые хотели знать и уметь больше. Он всегда старался поддержать и помочь.

Нас всегда поражали и восхищали его неординарность и нестандартность. Эти качества проявлялись достаточно ярко во всем: в общении со студентами, в манере чтения лекций и при проведении практических занятий. На экзаменах он мог задать самый неожиданный вопрос, который не всегда совпадал с содержанием билета. Это сейчас у студентов больше прав, чем знаний, а тогда мы отвечали на все вопросы, задаваемые экзаменатором. Запомнился мне и неприятный эпизод, когда Виктор Яковлевич поставил мне на экзамене по истории языка четверку, что, правда, не повлияло на мой красный диплом, но обидно было до слез. К чести Виктора Яковлевича нужно сказать, что у него было правило: все спорные вопросы решать в пользу студента. Этого правила преподаватели кафедры придерживаются до сих пор.

Среди студентов В.Я. Мыркин был очень популярен. В нем ощущалась только ему свойственная независимость и демократичность в общении, которая привлекала студентов. Вспоминаются факультетские конкурсные вечера, праздники последнего звонка, на которых симпатии студентов к любимому преподавателю проявлялись особенно ярко. Виктора Яковлевича цитировали, пародировали, очень часто он сам становился участником этих розыгрышей.

С уходом Виктора Яковлевича закончилась прекрасная эпоха, пора ученичества и время становления факультета иностранных языков, время, когда студенческие вечера начинались с исполнения студенческого гимна «Гаудеамус» на латинском языке.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена рассмотрению различных аспектов функционирования языка, которыми интересовался В.Я. Мыркин и которые не потеряли свою актуальность и в настоящее время: проявление системности и асистемности различных языковых явлений – грамматических категорий и лексем, в т. ч. при сопоставительном изучении нескольких языков, процессы концептуализации мира в языке, роль текста и дискурса в процессе коммуникации. Отсюда и *структура* монографии, включающая пять глав.

Первая и вторая главы посвящены анализу системных и асистемных явлений в немецкой грамматике и в русском языке. В двух разделах первой главы рассмотрению подвергаются грамматические маркеры: временная форма претерит и конструкция werden + инфинитив (в традиционной терминологии – форма футура I). В фокусе внимания автора третьего раздела оказываются лексические маркеры времени.

Во второй главе рассматривается многоаспектная проблема асистемных явлений в русском языке. Так, в первом разделе этой главы Е.Е. Котцова мотивирует необходимость выхода за рамки традиционных подходов в изучении речевой деятельности при составлении словарей и изучает возможные источники и условия расширения границ синонимии, антонимии и гипонимии в речи. В разделах главы рассматриваются также системность и асистемность медийных новообразований (раздел 2.2.), способов использования категории рода в современной устной речи (раздел 2.3.), семантической структуры местоименных слов (раздел 2.4.), лексико-семантического поля «свет – тьма» в стихотворениях О. Фокиной (раздел 2.5.) и лексики охоты русских старожильческих говоров Якутии (раздел 2.6.).

Третья глава посвящена изучению системных связей в сопоставительных исследованиях – широкосзначности русских и немецких глаголов (раздел 3.1.), денотативно связанных фразеологических единиц английского и французского языков (раздел 3.2.) и ассимиляции испанских заимствований в английском языке (раздел 3.3.).

Задачей четвертой главы является изучение процессов концептуализации мира в языке. При этом рассматривается роль deriva-

ционных средств в концептуализации мира в художественном тексте (раздел 4.1.), концептуализация ценностных пресуппозиций в аллюзивных афоризмах (раздел 4.2.), ассоциативный словарь как инструмент антропоцентрически ориентированных лингвистических исследований (раздел 4.3.), миромоделирующая роль лингвоконцепта в рекламном дискурсе (раздел 4.4.).

Авторы пятой главы тематизируют различные аспекты изучения коммуникативных единиц языка – текста и дискурса. При этом дискутируется возможность получения нового лингвистического знания через изучение макроструктуры текста (раздел 5.1.), проявление этнокультурных особенностей текста в текстовых конвенциях (раздел 5.2.), роль междометий-маркеров дискурса в английской разговорной речи (раздел 5.3.), функции авторского комментария в немецком рыцарском романе (раздел 5.4.) и проблема языковой нормы в интернет-коммуникации (раздел 5.5.).

Практическим материалом в исследовании указанных теоретических проблем выступают, в первую очередь, русский и немецкий языки, в ряде случаев привлекаются также английский и французский язык, представленные как в парадигматике (словари), так и в синтагматике (тексты различных функциональных стилей – художественного, публицистического, обиходно-разговорного). Материалы исследования дополняются также данными опросов, проведенными авторами монографии. Такая широта практического материала позволяет повысить объективность полученных выводов и показать универсальность рассматриваемых языковых проблем.

Методы исследования, применяемые авторами монографии, различны, что обусловлено концепцией книги и подходом, применяемым в каждой главе. Так, в первой главе применяется преимущественно функционально-грамматический анализ, во второй – функционально-семантический, в третьей – сопоставительный, в четвертой – когнитивный, в пятой – макротекстовый, когнитивно-дискурсивный и стилистический, но чаще всего авторы глав применяют комплексный анализ языковых явлений, применяя для целей каждого раздела комбинацию из названных видов лингвистического анализа. Это позволяет получить новые интересные результаты исследования и демонстрирует комплексность большинства современных лингвистических исследований.

В целом, как нам представляется, комплексность отличает и саму монографию, но при этом она остается цельной, как в миниатюре демонстрируя сложность строения языка и отдельных его подсистем.

Л.Ю. Щипицина, Т.А. Сидорова, Е.В. Боднарук, Е.П. Беляева

Глава 1

СИСТЕМНЫЕ И АСИСТЕМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКЕ

2.1. Претерит в немецкой диалогической речи: семантико-синтаксические и семантико-прагматические факторы селекции формы

Костеневич Е.В., Архангельск

Как известно, основной сферой употребления немецкого претерита является письменная повествовательная речь. Однако претерит употребляется также и в устной диалогической речи, вступая в конкуренцию с перфектом. Такой претерит В.Я. Мыркин называет диалогическим претеритом [Мыркин, 1991; Мыркин, 1993; Мыркин, 1996; Мыркин, 2008]. Согласно данным нашего исследования соотношение употреблений перфекта и претерита в диалогической речи составляет 64% : 36%. В качестве примера приведем диалог, в котором преимущественно употреблен претерит.

“Hatte er Weibergeschichten?”

“Sicher. Er steht auf jung und dumm. Billig-Sex. Ex und hopp. Er hatte nie Probleme, Frauen zu finden”

“Und was sagte seine Frau dazu?”

“Sie wußte einiges, aber schwieg” [GV, с. 64].

Чем же вызван такой высокий процент употреблений претеритных форм в диалоге?

По мнению многих лингвистов, важным фактором, влияющим на употребление той или иной временной формы в речи, является семантика глагола: “Грамматические формы не просто накладываются на лексический материал подобно сетке. Именно потому, что они обладают своей семантикой, они избирательны в отношении лексики” [Шендельс, 1982, с. 78]. Избирательность морфологических форм по отношению к их лексическому наполнению может проявляться либо в полном несогласовании их, и, следовательно, в невозможности образования словоформы, либо в полном или частичном согласовании смыслов единиц этих уровней и, как следствие этого, в

принципиальной возможности образования словоформы. Таким образом, избирательность всегда связана с ограничениями, которые могут проявляться либо в блокировании определенной формы, либо в предпочтительном употреблении одной из форм.

Согласно данным статистики, существуют определенные глаголы, употребляющиеся в диалогической речи в 80% или 90% случаев в форме претерита и соответственно в 20% или 10% случаев в перфекте [Hauser-Suida, Hoppe Beugel, 1972; Latzel, 1977; Dieling, 1983; Sieberg, 1984; Sieberg, 1989; Hennig, 2000; Latzel, 2004]. Большую часть употребляемых в претерите глаголов составляют вспомогательные, модальные, некоторые сильные частотные глаголы и так называемые функциональные глаголы: *sein, kommen, haben, sagen, werden, können, wollen, gehen, müssen, stehen, fahren, kriegen, wissen, geben, tun, machen, sollen, liegen, denken, laufen, fallen, nehmen, bleiben, finden*. Согласно данным Б. Зиберга, именно эти 25 глаголов участвуют в образовании 89,2% примеров в претерите [Sieberg, 1984, с. 90].

Следует отметить, что в лингвистической литературе были предприняты единичные попытки объяснить, почему именно данные глаголы имеют тенденцию к употреблению в форме претерита, но исследователям так и не удалось прийти к единому мнению по данному вопросу. В основном авторы ограничиваются перечислением наиболее употребительных в претерите глаголов, оставляя без должного внимания следующие важные моменты:

- способность/неспособность глагола самостоятельно выступать в роли сказуемого;
- принадлежность глагола к тому или иному семантическому классу предиката и тематическим подклассам;
- синтаксическая валентность и коммуникативно-текстовые возможности.

Наибольшей распространенностью в лингвистической литературе пользуется следующая схема основных категориальных значений глагола: акциональность, процессуальность, свойство (или квалификативность), стательность, релятивность [Болдырев, 2000, с. 29].

Следует, однако, учесть тот факт, что различная степень сложности самого действия и разный характер системных связей его наименования с другими словами языка, полисемичность глаголов или разные возможности его употребления делают семантические границы в известной мере условными, проницаемыми. В зависимости от реализованного им значения один и тот же глагол может быть отнесен к разным классам. Нежесткий характер глагольной таксономии в целом, создает, по мнению Н.Н. Болдырева, с одной сторо-

ны, «неограниченные возможности функциональной реализации различных смыслов, а с другой – сама эта реализация становится возможной и обеспечивается регулярностью и закономерностью использования определенных языковых механизмов, что и составляет функционально-семиологический аспект глагольного значения» [Болдырев, 2000, с. 27].

Для проведения нашего исследования воспользуемся классификацией Г.А. Золотовой [Золотова, 1998, с. 76], которая выделяет следующие классы глаголов:

1. Неполнознаменательные глаголы:

1.1. Модификаторы: фазисные, модальные

1.2. Компенсаторы

2. Знаменательные глаголы:

2.1. Акциональные: физического действия, ментального действия

2.2. Неакциональные: статуальные, функтивные, реляционные (локализующие, партитивные, посессивные, сопоставительные)

2.3. Компликаторы: каузативные, авторизующие

В ходе анализа 1300 глаголов, из которых 470 были употреблены авторами в диалогической речи в форме претерита, нами были выявлены следующие наиболее частотные глаголы: *sein* (180); *wollen* (57); *haben* (44); *denken* (30); *können* (18); *müssen* (16); *sollen* (15); *wissen* (13); *sagen* (12); *kennen* (9); *kommen* (8); *gehen* (7); *mögen* (7); *stehen* (6); *meinen* (5); *liegen* (5); *sitzen* (4); *hören* (4); *sehen* (3).

Анализ фактического материала показал, что наиболее сильное сближение перфекта и претерита в диалоге наблюдается в употреблениях со статальными глаголами бытийного (*sein*), эмоционального (*mögen*) и ментального состояния (*kennen*); неопредельно-процессными глаголами, лексическое значение которых характеризуется семей длительности (*wohnen, dauern, sitzen, liegen, stehen*), а также с обстоятельствами протяженной длительности (*x Stunden/Tage/Wochen/Monate lang; die ganze Zeit/Woche/Nacht; den ganzen Tag/Monat/Jahr über; von ...bis; zwischen...und...Uhr; lange; innerhalb einer Woche*), участвующих в выражении имперфективности. Именно в этой группе глаголов наблюдается сильная конкуренция перфекта и претерита в диалогической речи [Костеневич, 2013, с. 11].

Однако стабильность и высокая частотность использования претерита в немецкой диалогической речи обусловлена его употреблением со следующими двумя классами глаголов:

а) с классом неполнознаменательных глаголов-модификаторов: *sein, wollen* и др.

б) с классом глаголов-компликаторов: *sagen, denken, wissen, wollen* и др.

В этих случаях конкуренция с перфектом либо вовсе отсутствует, либо слабо выражена.

Претерит глаголов-модификаторов

Глаголы *sein, sollen, können, müssen, wollen* можно отнести к подклассу модификаторов, которые не способны служить предикатом, им не свойственна роль самостоятельных членов предложения. Глаголы-модификаторы могут выполнять чисто связочную, между субъектом и предикатом, грамматическую функцию. Субстантивно- и адъективно-предикатные структуры в составе предложения-высказывания приобретают оттенок глагольности, актуализуя значения состояния, свойства, отношения, выражаемые неакциональными глаголами.

sein + предикативное существительное в им.п.:

“*Was waren denn das für Indizen?*” [NA, с. 47].

sein + предикативное прилагательное:

“*Kindisch warst du*” [SN, с. 73]

Главное достоинство адъективно-предикатных структур заключается в их качественной экономности, т.е. стандартности, позволяющей пользователю языка стереотипно, по шаблону образовывать удобные синтаксические конструкции [Щербакова, 2001, с. 19].

Глаголы-модификаторы могут выражать и модальное отношение между субъектом и предикативным признаком и тогда тоже становятся вспомогательным элементом в составе предиката или - вместе с тем - сигналом усложненности, полипредикативности конструкции, если выражают модальную волю другого субъекта:

“*Wie konnte ich euch allen das antun?*” [SN, с. 118].

Для диалогической речи характерным является употребление модальных глаголов с невербализованным инфинитивом (эллиптическое употребление), что становится возможным на основе данных общей коммуникативной ситуации, контекста и пресуппозиции:

“*Wie konntest du aber auch, Junge!*” [KM, с. 122].

Следует дифференцировать случаи, когда глаголы *wollen, mögen, können* выступают в роли полнозначных глаголов и имеют совершенно другое значение (*wollen=wünschen; mögen=lieben; können=beherrschen*). Причем, глагол *wollen* сочетается при этом с придаточным дополнительным, попадая в разряд глаголов-компликаторов, а глаголы *mögen, können* употребляются с дополнением в винительном падеже:

“*Quark jedenfalls nicht*”, sagte David, “*den mochte ich nie*” [NA, с. 141].

Таким образом, и фазисные, и модальные глаголы не выполняют роли самостоятельных членов предложения, они служат модификаторами, усложнителями предиката. Вместе с модифицирующим значением они выражают и грамматические категории глагола (лицо, число, время, наклонение), а основной глагол при них принимает форму инфинитива.

Глаголы-компенсаторы – это разряд неполнознаменательных глаголов, которые образуют предикат вместе с отвлеченными именами действия, состояния, качества. На имени лежит основная категориально-семантическая нагрузка, глагол дополнительно вербализует значения процесса или признака и выражает формально-грамматические значения предиката. Глаголы *sein, haben, kommen, gehen, stehen* могут выступать в форме претерита как глаголы-компенсаторы в составе аналитической конструкции (нем. *Funktionsvergefüge, Streckform*), где в сочетании с номинальным компонентом, состоящим из существительного или из группы “предлог + существительное” они теряют свое собственное значение. Этим функциональные глаголы схожи со вспомогательными:

“*Aber kam des an dem Sonntach zum Krach zwischen uns*” [GT].

Анализ речевых примеров подтверждает однозначное преобладание данных классов неполнознаменательных глаголов в форме претерита.

Высокая частотность, продуктивность и стабильность данных подклассов глаголов, употребляемых в форме претерита в диалогической речи, обусловлена тем, что глаголы-модификаторы и глаголы-компенсаторы в составе составного глагольного или именного сказуемого реализуют структурно схожие предикативные структуры, для которых характерны:

- двучленность (двухкомпонентность) предиката;
- создание рамки предложения, которая является одной из самых существенных закономерностей построения немецкого предложения. Данные признаки способствуют созданию определенного “поля напряжения”;
- распределение грамматического и лексического значений между различными элементами глагольной конструкции, что защищает финитный глагол от функциональной перегрузки;
- языковая экономичность конструкции (содержат на один языковой элемент меньше, чем аналогичные конструкции в перфекте);
- служат формальной организации речевых единиц, способствуя их внешнему структурированию.

Детальный анализ корпуса примеров показал еще одну тенденцию использования определенных глаголов из данного списка, а именно глаголов *sagen, hören, sehen, wissen, meinen, denken* в качестве глаголов-компликаторов.

Претерит глаголов-компликаторов

Глаголы *denken, wissen, hören, sehen, sagen, wollen* при реализации в речи определенных значений попадают в разряд глаголов-компликаторов. Например, у глагола *denken* словарь “Duden. Universallexikon” выделяет восемь значений:

1. die menschliche Fähigkeit des Erkennens u. Urteilens anwenden; mit dem Verstand arbeiten, überlegen: logisch, schnell denken;
2. eine bestimmte Gesinnung haben, gesinnt sein: gemein denken;
3. annehmen, glauben, vermuten, meinen: ich denken, wir können uns einigen;
4. eine bestimmte Meinung von etw. haben, etw. von etw. halten: er denkt ganz anders über diese Sache;
5. sich etw. [in bestimmter Weise] vorstellen: ich könnte es mir so denken, daß...;
6. sich erinnern, gedenken: oft, mit Freude an etw. denken;
7. seine Gedanken, sein Interesse auf jmdn., etw. richten: er denkt nur an sich;
8. eine bestimmte Absicht haben, etw. Bestimmtes vorhaben: wir denken daran, uns eine neue Wohnung zu suchen.

Из словарной статьи данного глагола следует, что значения одного и того же глагола *denken* отличаются по семантическому и синтаксическому характеру, что дает основания видеть в них два качественно различных значения глагола *denken*. Значения ментального действия лица (1, 2, 4, 6, 7) противостоят значениям 3, 5, 8.

В первом значении глагол думать – акциональный, называет ментальное действие лица, соответственно организует модели, состоящие из компонентов: имя лица-агенса, обозначение действия, делиберата (о ком, о чем, что, насчет чего и т. д.).

Во втором значении глагол думать – неакциональный, не обозначает действия, производимого с помощью языка, символизирует логическое отношение типа умозаключения между фактами, событиями, пропозициями. Этот глагол представляет разряд компликаторов. Данному подклассу глаголов отводится особая семантико-синтаксическая функция усложнителя простого предложения, преобразователя элементарной модели в полипредикативную.

Общей структурной особенностью предикатов ментальной, перцептивной деятельности и предикатов речи является их валентностная специфика, а именно, способность присоединять в качестве объектного актанта целую пропозицию, оформляемую как придаточное дополнительное предложение.

В исследовательском корпусе нами были зафиксированы две разновидности употребления данных классов глаголов с придаточными дополнительными, вводящими косвенную речь:

а) Препозиция союзному придаточному дополнительному с обычным для придаточного порядком слов. При этом придаточное вводится с помощью глаголов:

wissen + отрицание *nicht*; *denken*, *hören*, *sagen*:

“dacht ich mir, daß dir das gefällt” [SI 4, с. 63].

б) Препозиция бессоюзному придаточному дополнительному с измененным порядком слов, что обусловлено особенностями разговорного синтаксиса. Реализация сложноподчиненных предложений подобного рода связана с изменением топологической схемы зависимой части в сторону ее формальной автономности, т.е. с утратой типичного для придаточных порядка слов (придаточная часть имеет порядок слов самостоятельного предложения). Такие бессоюзные дополнительные предложения очень частотны в диалогической речи с глаголами *sagen* и *denken*, вводящими косвенную речь:

“Ich dachte, so was liegt eher an den Gästen” [GV, с. 12].

В бессоюзных дополнительных предложениях при глаголах речи и мнения в качестве прямого показателя подчиненности может выступать форма конъюнктива I, которая, выявляя косвенную речь, показывает, что не сам говорящий является источником той информации, которая содержится в предложении. Причем, глаголы *denken*, *sagen* допускают трансформацию бессоюзного придаточного из конъюнктива I в индикатив, и наоборот, что означает, что они не употребляются как фактивные предикаты. Употребляя данные глаголы в высказывании, говорящий не выражает своего отношения к истинности / ложности пропозиции. В данном случае речь идет о передаче или обработке информации:

“Ich dachte, du kämst um sieben” [KM, с. 86] → Ich dachte, du kommst um sieben.

“Dein Alter sagte vorhin, du wüßtest Bescheid” [NA, с. 19] → Dein Alter sagte vorhin, du weißt Bescheid.

Во всех приведенных выше предложениях (союзных и бессоюзных; с обычным и с измененным порядком слов) в подчиненной части раскрывается основная информация, которую несет весь сложноподчиненный комплекс, между тем как господствующее предложение служит лишь для введения такого семантически насыщенно-

го подчиненного предложения и для того, чтобы выразить отношение говорящего к содержанию этого предложения. В немецкой грамматике весьма близкие явления обычно обозначаются термином “Inhaltsätze” [Brinkmann, 1962]. В.Г. Адмони использует термин «раскрывающее или изъяснительное предложение» [Адмони, 1973, с. 328].

Другой особенностью данных глаголов является то, что в соединении с пропозициональными субъектами они выполняют функцию авторизующих глаголов: «Соединение в предложении указания на акт речи (мысли, мнения, знания, оценки и ее субъекта, “автора”) с диктумным содержанием этого акта порождает полипредикативную авторизованную конструкцию» [Золотова, 1998, с. 76]. Под диктумом в современной лингвистике понимается обозначение некоего события реальной или воображаемой действительности в виде элементарной ситуации; диктум – это и есть собственно пропозиция высказывания в узком смысле, его основной номинативный субстрат. Модус, или пропозициональная установка высказывания, отражает то или иное субъективное отношение говорящего к содержанию, передаваемому пропозицией (диктумом) [Балли, 1955, с. 44; Гак, 1981, с. 22; Золотова, 1998, с. 75; Арутюнова, 1999, с. 408–409]. Предикаты модуса, или модусной рамки, не являясь самостоятельными, функционируют как рамка объективной информации, предъявляют информацию о ситуации речи, интерпретируют диктум.

В диалоге «я» и «другой» составляют непосредственную данность общения. В ходе их взаимодействия обнаруживается специфичность позиции каждого из них. Поэтому естественно, что в диалогической речи в отличие от монологической модус регулярно вводится в высказывание [Арутюнова, 1999, с. 59]. Ш. Балли называл такой модус эксплицитным. Эксплицитной формой модальности являются предложения с придаточным дополнительным, где субъект – говорящий и его отношение (оценка, суждение), т. е. модус, и понятие о предмете речи и его свойстве, т. е. диктум, выражены отдельными лексемами, а связь между ними представлена как обязательная.

Исследователи, отмечая связь эксплицитного модуса с диалогом, подчеркивают, что обращение к диалогу помогает лучше понять природу и происхождение эксплицитных модусов [Арутюнова, 1988, 1999; Падучева, 1996]. Диалог, как наиболее естественная форма коммуникации, играет первостепенную роль в формировании предложений, в которых фактообразующее значение занимает место темы или субъекта. В ходе модального диалога (обмена мнениями) в ответных репликах, тема которых соответствует реплике-стимулу, в позицию предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение – знание, сомнение, убежденность, оценку, допущение, психическую реакцию [Арутюнова, 1999, с. 439].

Н.Д. Арутюнова распределяет значения эксплицитного модуса по следующим четырем основным планам: перцептивному (сенсорному), ментальному (когнитивному, эпистемическому), эмотивному и волеизъявительному [Арутюнова, 1999, с. 411]. Н.К. Онипенко в соответствии с системой коммуникативных регистров выделяет пять модусных рамок: перцептивную, ментальную, волюнтивную, реактивную, речевую [Онипенко, 1998, с. 280]. Каждая модусная рамка имеет свой репертуар модусных, рамочных предикатов: в перцептивных модусных рамках используются глаголы чувства (видеть, слышать и др.), в ментальных модусных рамках возможны глаголы восприятия в ментальном значении (видеть, слышать, чувствовать), глаголы знания, мнения (знать, думать, полагать и др.), в речевых модусных рамках - глаголы речи (говорить), глаголы интерпретации речевой деятельности (сообщить, доказать и др.).

Выделенные в нашем исследовании наиболее частотные глаголы речевого действия (*sagen*), ментального действия (*denken, meinen, wissen*), сенсорного восприятия (*hören, sehen*), употребляемые в диалоге в форме претерита, могут фигурировать в диалоге в двух функциях – в диктумной части:

“Ich sah gestern einen schönen bei NN-eins, genau so hell wie deiner“ [GS 3, с. 76].

и в модусной рамке сообщения:

“nun nun hörte ich öh von der KK auch schon mal das die seit Jahren...die Formulare weg... die Originale weg...” [GS 3, с. 136].

Глаголами модусной рамки в работе называются лишь те, при помощи которых говорящий обнаруживает характер ментальных и/или речевых действий субъекта речи по отношению к содержанию диктума.

В ходе исследования нами были выделены следующие модусные рамки, обнаруживающие (констатирующие) способ восприятия информации:

1. Модус ментального плана

а) Ментальная модусная рамка: *Я думал что....*

Новая информация получена посредством логической операции (умозаключения) над имеющимися в сознании говорящего фактами. В роли глагола-компликатора выступает глагол *denken*, который в сочетании с придаточным предложением в объектной позиции выражает значение мнения, полагания. В прошедшем времени при ретроспективной точке отсчета в предложениях с глаголами думать/считать/полагать возникает коммуникативная импликация неистинности пропозиции, точнее, только тенденция предполагать, что в настоящий момент пропозиция не имеет места. В прошедшем времени думать часто практически сливается с верить, что происхо-

дит потому, что вопрос есть или не есть для прошедшего времени делается часто неактуальным: он уже решен к настоящему времени [Шатуновский, 1988, с. 18–22]:

“Ich dachte...

“Du dachtest, wir hätten schon eine eigene Badeanstalt, nein, so reich sind wir noch nicht” [КМ: 234].

б) Ментальная модусная рамка: Я знал / не знал что...

В роли глагола-компликатора – ментальный предикат знания *wissen* / не знания *nicht wissen*. В этом случае речь идет не столько о знаниях о действительности, сколько о знании некоторой информации и ее присутствии в памяти. Глагол *wissen* относится к числу фактивных предикатов, при употреблении которых и у субъекта, и у говорящего имеется презумпция истинности пропозиции.

“Da hast du die goldene Freiheit”

“Das wußte ich auch vorher schon” [НА, с. 34].

В ответной реплике данного диалога не эксплицируется зависимая пропозиция.

Информационному значению глагола знания *wissen* противостоит модус незнания *nicht wissen*:

“Ich wußte damals wirklich nicht, was ich machen sollte” [НА, с. 291].

Участвуя в экспликации различных коммуникативных установок, названные рамочные конструкции придают диалогу декларативный характер – с их помощью говорящий заявляет о своих намерениях, оценках по отношению к высказанным фактам в расчете на определенную реакцию адресата.

2. Модус сенсорного плана

Перцептивная модусная рамка: Я видел как...

В роли глаголов-компликаторов выступает глагол чувственного восприятия *sehen*. Новая информация получена посредством прямого наблюдения самого говорящего:

“Sah, wie du da herumwürgtest und wollte mal etwas nachhelfen” [ДК, с. 77].

3. Модус речевого плана

Речевая модусная рамка: Он / ты / сказал мне что...

Глаголы речи образуют наиболее простую модусную рамку чужого слова: эти глаголы констатируют, что имело место речевое действие, и указывают на того, кто был субъектом данного речевого действия. Глаголы с общим значением «говорить, сказать, рассказывать» вводят предложения с чужой речью, не выражая при этом никакой субъективной оценки ее со стороны говорящего. Это типичный способ выражения нейтрального и аппозитивного отношения говорящего к чужой речи.

Одним из способов включения чужой речи в реплику говорящего является диалогическое цитирование. Цитирование, как средство передачи чужого “слова”, свойственно – в самой широкой мере - разговорному дискурсу [Падучева, 1996]. Цитирование в диалогической речи имеет место в том случае, если “вкрапление чужого слова” обнаруживается в высказывании, которое делается от лица говорящего. При цитировании говорящий использует какой-то фрагмент высказывания партнера по коммуникации, но речевой акт остается за ним: субъектом речи остается сам говорящий. С психолингвистической точки зрения в основе чужой речи всегда лежит одно отношение: передача информации ↔ получение информации [Москальская, 1981, с. 126].

В форме чужой речи говорящий может информировать адресата речи о содержании высказывания, сделанного им самим или же адресатом речи. Поэтому использование говорящим косвенных речевых актов с глаголом речи *sagen* в форме претерита наиболее характерно для информативного диалога, микроструктура которого сводится, в основном, к вопросно-ответным парам. «Информативный диалог вытекает из эпистемических нужд. В нем инициатором является игнорант. Поэтому роль лидера не совпадает с ролью коммуникативно главного собеседника: лидирует потребитель, ищущий знаний, активной речевой деятельностью занят адресат – владелец знаний» [Человеческий фактор в языке..., 1992, с. 53]. Желая добиться чего-либо должен позаботиться об оформлении своих слов, чтобы достичь желаемого результата. В этой связи существуют особые условности, выражающиеся в соблюдении этических норм в речи. В рамках информативного диалога формируется социальный этикет, стимулирующий использование косвенных речевых актов.

Коммуникативная интерпретация феномена чужой речи предполагает обращение к автору воспроизводимого текста, роль которого исполняет говорящий. Для ситуации диалогического общения характерны виды чужой речи, соотносимые с замещением следующих позиций:

а) автор ≠ говорящий (автор – конкретное лицо):

“*Dein Alter sagte vorhin, du wüßtest Bescheid*” [NA, с. 19].

б) автор ≠ говорящий (автор=адресат):

“*Du sagtest, ich habe meine eigene Schwäche besiegt*” [NA, с. 180].

В данных примерах мы имеем дело с нейтральным репродуцированием речи собеседника в анафорической функции с целью развития новой темы в диалоге. Причем, степень приближенности / отдаленности чужой речи к первичному сообщению зависит от коммуникативных намерений и индивидуальных способностей говорящего.

С помощью подобных реплик инициатор обеспечивает смысловую и структурную связность реплик: «Модус является важнейшим компонентом диалогической речи, активно участвующим в механизмах связывания реплик» [Человеческий фактор в языке..., 1992, с. 59]. Такие конструкции встречаются, как правило, в иницирующих репликах, при переходе к новой теме или при возвращении к уже упомянутой теме.

4. Модус волюнтивного плана

В волюнтивной модусной рамке в диалогической речи часто используется модальный глагол *wollen*, функционирующий как полнозначный, и имеющий значение, синонимичное *wünschen*. Сочетаясь с придаточным дополнительным, он является преобразователем простой модели предложения в полипредикативную:

“Ich wollte ja nur, daß wir mit ‘ner geschlossenen Meinung in die Versammlung gehen” [WL, с. 108].

Интересным представляется также употребление глагола *wollen* в конструкции: «*wollen* + глагол коммуникации (*sagen, reden, sprechen, fragen, informieren*)»: *Ich wollte fragen, ob... Ich wollte sagen, daß...* и т. п. Высказывания подобного рода можно назвать метакоммуникативным, основным назначением которых в диалоге является обеспечение надежности «канала связи». Употребление в речи данных высказываний связано, в первую очередь, с соблюдением «социальных конвенций». Вместо того чтобы сразу сказать нужное, говорящий делает некоторый «разбег» и начинает с фразы, которая для передачи определенной информации оказывается излишней. Использование подобного рода выражений может быть обусловлено многими факторами, например, проявлением вежливости, некатегоричности, внимательности и предупредительности к собеседнику, связью с контекстом и др.:

“Ich wollte mit dir reden” [SN, с. 102].

Стандартность и повторяемость жизненных ситуаций, с которыми связано повседневное общение, приводят к тому, что многое клишируется и воспроизводится в готовом или полуготовом виде как устойчивые выражения необходимого содержания [Девкин, 1981, с. 132]. Можно с уверенностью сказать, что претерит глагола *wollen* с глаголами речи (коммуникации) входит в систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, являясь единицей доброжелательного, вежливого общения. Присутствие таких выражений в диалоге необязательно – это всецело зависит от индивидуальных особенностей речи участников общения.

Употребление класса глаголов-компликаторов в форме перфекта возможно, но не так частотно, как в форме претерита. Глаголы *wissen, denken, hören, sagen, wollen* были зафиксированы в структурах с гипотаксисом

а) в препозиции союзному придаточному дополнительному с обычным порядком слов:

“*Und außerdem habe ich gehört, daß du wieder trinkst*” [ВВ, с. 123].

б) в препозиции бессоюзному придаточному дополнительному с измененным порядком слов:

“*Karsten, du hast gesagt, Nazare wollte Lebensmittel einkaufen...*” [ВВ, с. 24].

Подобные структурно полностью оформленные сложноподчиненные предложения с глаголом в форме перфекта очень громоздки и поэтому в составе диалогических единств функционируют довольно редко.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Угасающее функциональное различие перфекта и претерита в диалогической речи имеет следствием тенденцию к преобладающему употреблению перфекта в диалоге.

2) Хотя в данном виде речи имеют место случаи попеременного употребления перфекта и претерита в одинаковых контекстах, они не могут быть признаны абсолютными синонимами в силу периферийных особенностей лексико-семантического, синтаксического и прагматического характера, оказывающих влияние на селекцию данных форм в речи и обуславливающих различия их употребления.

3) Высокая частотность и стабильность употребления претерита в диалоге обусловлена влиянием следующих семантико-синтаксических и семантико-прагматических факторов:

– употреблением с классом неполнозначенных глаголов-модификаторов, которые служат формальной организации речевых единиц, способствуя их внешнему структурированию, и обладают большими сочетаемостными возможностями;

– употреблением с глаголами-компликаторами: *sagen, denken, wissen, sehen*, которые в модусной части выполняют авторизирующую роль, и вместе с тем служат усложнителями элементарных моделей предложения, реализуя структуры с гипотаксисом;

– употреблением с глаголом коммуникации *sagen*, который вводит элементы “чужой речи” в реплику говорящего. Использование говорящим косвенных речевых актов с глаголом речи *sagen* в форме претерита наиболее характерно для информативного диалога, микроструктура которого сводится, в основном, к вопросно-ответным парам. Для ситуации диалогического общения наиболее типичны ви-

ды чужой речи, соотносимые с замещением следующих позиций: автор ≠ говорящий (автор=адресат) и автор ≠ говорящий (автор= конкретное лицо).

4) Экономия в синтаксисе диалогической речи проявляется и в использовании претерита в общепринятых клишированных формах: *Ich wollte sagen, fragen*, употребление которых связано, как правило, с выражением вежливости, не допущением чрезмерной краткости, которая может быть воспринята как невнимание к партнеру.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построений: учеб. пособие. Л.: Наука, 1973. 365 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука. 1988. 338 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры. 1999. I–XV. 896 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. литературы. 1955. 416 с.
5. Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Теоретическое моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография / под общ. ред. Н.Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 5–46.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа. 1981. 208 с.
7. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.
8. Золотова Г.А. Семантико-синтаксические основания классификации глаголов // Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 59–80
9. Костеневич Е.В. Участие перфекта и претерита в формировании значений перфективности / имперфективности в немецкой диалогической речи // Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста: коллективная монография / отв. ред. Е.В. Боднарук. Архангельск: КИРА, 2013. С. 101–111.
10. Москальская О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
11. Мыркин В.Я. Немецкий претерит – время и вид (фрагмент глагольно-темпоральной системы) // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике: межвуз. сб. научн. тр. / отв. ред. С.М. Полянский. Новосибирск: Изд-во НГПИ. 1991. С. 25–30.
12. Мыркин В.Я. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии: учеб. пособие / научн. ред. Л.В. Рипинская. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993. 135 с.

13. Мыркин В.Я. Аспектуальная и темпоральная характеристика глагола (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. 212 с.
14. Мыркин В.Я. Три основных значения претерита // Категории значения и выражения глагольной темпоральности и аспектуальности в немецком языке: коллективная монография / под общ. ред. В.Я. Мыркина, Л.Ю. Щипициной. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 38–43.
15. Онипенко Н.К. Взаимодействие диктума и модуса. Авторизация // Коммуникативная грамматика русского языка. М. 1998. С. 279–300.
16. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
17. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука. 1992. 281 с.
18. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: Коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука. 1988. С. 18–22.
19. Шендельс Е.И. Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 78–83.
20. Щербакова А.В. Активные процессы в современном немецком письменном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2001. 34 с.
21. Buscha A. Zum Gebrauch der Vergangenheitstempora Perfekt und Präteritum im dialogischen Text // Deutsch als Fremdsprache. 1981. H. 3. S. 129–133.
22. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung (Sprache und Gemeinschaft. Bd. 1). Düsseldorf: Schwann. 1962. 654 S.
23. Dieling K., Kempter F. Die Tempora. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1983. 70 S.
24. Hauser-Suida U., Hoppe-Beugel G. Die Vergangenheitstempora in der deutschen geschriebenen Sprache der Gegenwart. Untersuchungen an ausgewählten Texten. München: Max Hueber Verlag, 1972. 406 S.
25. Hennig M. Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten. Tübingen: Niemeyer, 2000. 211 S.
26. Latzel S. Die deutschen Tempora Perfekt und Präteritum. Eine Darstellung mit Bezug auf Erfordernisse des Faches "Deutsch als Fremdsprache". München: Hueber. 1977. 287 S.
27. Latzel S. Der Tempusgebrauch in deutschen Dramen und Hörspielen. München: IUDICIUM Verlag, 2004. 139 S.
28. Sieberg B. Perfekt und Imperfekt in der gesprochenen Sprache. Untersuchungen zu Gebrauchsregularitäten im Bereich gesprochener Standard- und Rheinischer Umgangssprache mit dem Erp-Projekt als Grundlage der Korpusgewinnung. Bonn, Rhein: Fr.-Wilh.-Univ., 1984. 269 S.
29. Sieberg B. Zur Unterscheidung der Tempuskategorien Perfekt und Imperfekt // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1989. Bd. 108. S. 85–96.

Список источников иллюстративного материала

1. BB – Kehler J. Bären und Bullen: Kriminalroman. Dortmund: Grafit Verlag, 1996. 143 S.
2. DK – Remarque E. M. Drei Kameraden. Roman. M.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 456 S.
3. GS 3 – Texte gesprochener deutscher Standardsprache, erarbeitet im Institut für deutsche Sprache, Forschungsstelle Freiburg. Bd. 3 “Alltagsgespräche” / hrsg. u. eingeleitet von H. P. Fuchs u. G. Schank. München: Max Hueber Verlag, 1975. 172 S.
4. GT – Gespräche. Transkripte (freigegeben ohne Bedingungen vom Prof. Dr. W. Boettcher, Germanistisches Institut, Ruhr-Universität Bochum). 200 S.
5. GV – Wollenhaupt G. Grappas Versuchung. Kriminalroman. Dortmund: Grafit Verlag GmbH, 1993. 188 S.
6. KM – Fallada H. Kleiner Mann – was nun? Roman. Berlin; Weimer: Aufbau-Verl., 1980. 421 S.
7. NA – Schneider H. Nacht ohne Alibi. Kriminalroman. Rudolstadt: Greifenverlag, 1978. 220 S.
8. SI 4 – Beile W., Beile A. Sprechintentionen. Modelle 4. Textbuch. 6. Aufl. Bonn: Inter Nationes, 1989. 199 S.
9. SN – Hahnfeld I. Schwarze Narren. Kriminalroman. Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1988. 154 S.
10. WL – Schröder Cl. Winter eines Lords: Roman. Halle; Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1979. 304 S.

1.2. Употребление конструкции „werden + Infinitiv“ в немецкой речи (по материалам анкетирования)

Степырева Е.В., Архангельск

Говоря о системности и асистемности языковых явлений уместно привести высказывание Дж. Лайонза, согласно которому «никаких абсолютных стандартов чистоты и правильности в языке нет, и что эти понятия имеют смысл только относительно некоторого выбранного заранее стандарта» [Лайонз, 1999, с. 59].

Это утверждение применимо также и к употреблению немецкой конструкции „werden + Infinitiv“, семантический статус которой рассматривается исследователями неоднозначно. В целом, высказываются совершенно противоположные точки зрения: от футуральной до модальной интерпретации. Наиболее многочисленной является группа сторонников, признающих смешанный модально-темпоральный характер конструкции. В последнее время все чаще

предпринимаются попытки интерпретировать семантику формы с точки зрения прагматики [Степырева, 2010, с. 91].

При изучении и рассмотрении какого-либо явления лингвисты чаще всего обращаются к материалу письменного языка. Это объясняется целым рядом причин (как, например, удобство при обработке и анализе данных и т.д.). Известно, что устная и письменная речь имеют свои конструктивные особенности. А.Ю. Попов выделяет два важных психологических момента для письменной речи, обуславливающих стиль изложения, такие понятия, как «интровертность» и «экстровертность»: «интроверты предпочитают более длинные предложения» [Попов, 2002, с. 22]. Дж. Лайонз подчеркивает первичность устной речи по отношению к письменной: «Устная речь первична по отношению к письменной прежде всего потому, что она возникла раньше и более широко распространена» [Лайонз, 1999, с. 56]. Исследователь объясняет консервативный характер письменной речи следующим образом: «На протяжении истории языков письменность была консервативнее устной речи, что частично можно объяснить господствовавшим некогда взглядом на изменения языка как на его «ухудшение»; позже этот консерватизм укрепился вследствие стандартизации орфографии для целей книгопечатания» [там же, с. 57].

Достаточно часто высказывается мнение о том, что в разговорной речи гораздо чаще употребляется футуральный презенс, чем конструкция „werden + Infinitiv“. Однако в официальной, книжной речи более употребительна конструкция „werden+ Infinitiv“ [Jung, 1990; Мыркин, 1993; Thieroff, 2004 и др.].

Чтобы представить более полную картину выражения будущего времени в немецком языке, обратимся к результатам опроса, посвященного использованию конструкции „werden + Infinitiv“ в немецкой речи, проведенного в виде анкетирования. Следует отметить, что по своей структуре анкетирование больше относится к письменной речи, т.к. письменная речь отличается обдуманностью высказываний. Т. е. по своим чертам, по подготовленности речевых высказываний анкетирование является подобием письменной речи, поскольку здесь реципиент контролирует свою речь. Для устной разговорной речи характерна «непосредственная, неподготовленная и неконтролируемая в плане выражения речь» [Мыркин, 2005, с. 50].

Автором данного раздела была составлена анкета, представляющая собой список из 14 вопросов. Реципиентам-носителям немецкого языка предлагалось, исходя из собственного речевого опыта, отметить наиболее приемлемый для них вариант из двух возможных. Количество информантов составило 160 человек, которые представляют преимущественно две возрастные категории. Преоблада-

ющая часть опрошенных является студентами в возрасте от 20 до 30 лет. Другую группу представляют информанты разных профессий в возрасте от 45 до 65 лет.

Цель проведения анкеты – выяснить:

- 1) действительно ли конструкция „werden + Infinitiv“ употребляется в современном немецком языке редко;
- 2) если она употребляется, то в каком случае и каком контексте;
- 3) существует ли зависимость использования „werden + Infinitiv“ от предельности / неопределенности глагола в инфинитиве;
- 4) какова роль модального маркера (модальных слов) в предложении с конструкцией „werden + Infinitiv“.

Представим саму анкету и полученные результаты в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты опроса информантов о значении конструкции „werden + Infinitiv“

№	Задание: <i>Kreuzen Sie bitte an.</i>	Число ОТВЕТОВ
1.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ möglicherweise “ passend? <i>Glaubst Du, dass er kommt?</i>	
	1) Er kommt.	82
	2) Er wird kommen.	76
2.	Welchen Satz finden Sie besser? <i>Ihr schafft das doch, oder?</i>	
	1) Ich bin sicher, wir schaffen es.	83
	2) Ich bin sicher, wir werden es schaffen.	77
3.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ bestimmt “ passend? <i>Er hat Probleme mit der Prüfung.</i>	
	1) Nächste Woche legt er die Prüfung ab.	78
	2) Nächste Woche wird er die Prüfung ablegen.	79
4.	Welchen Satz finden Sie besser?	
	1) Jesus antwortete ihm: „Ich versichere dir, du bist noch heute mit mir im Paradies“.	36
	2) Jesus antwortete ihm: „Ich versichere dir, du wirst noch heute mit mir im Paradies sein“.	124
5.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ möglicherweise “ passend? <i>Kommt es denn nun noch zum Prozess oder nicht?</i>	
	1) Der Prozess findet erst in einigen Monaten statt.	75
	2) Der Prozess wird erst in einigen Monaten stattfinden.	84
6.	Welchen Satz finden Sie besser?	
	1) Jesus antwortete ihm: „Was ich tue, kannst du jetzt noch nicht verstehen, aber später begreifst du es.“	12
	2) Jesus antwortete ihm: „Was ich tue, kannst du jetzt noch nicht verstehen, aber später wirst du es begreifen.“	148

7.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ bestimmt “ passend? <i>Ob der die nicht verärgert?</i>	
	1) So weit kommt es nicht.	69
	2) So weit wird es nicht kommen.	90
8.	Welchen Satz finden Sie besser? <i>Das hat noch nie geklappt.</i>	
	1) Ich bin sicher, wir schaffen es.	73
	2) Ich bin sicher, wir werden es schaffen.	87
9.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ möglicher-weise “ passend? <i>Der kommt ganz bestimmt nicht.</i>	
	1) Er kommt.	71
	2) Er wird kommen.	88
10.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ bestimmt “ passend? <i>Der macht die Prüfung nächste Woche nie.</i>	
	1) Nächste Woche legt er die Prüfung ab.	78
	2) Nächste Woche wird er die Prüfung ablegen.	80
11.	Welchen Satz finden Sie besser? <i>Du solltest vielleicht die restlichen Turniere absagen.</i>	
	1) Ich setze die Saison wie geplant fort.	60
	2) Ich werde die Saison wie geplant fortsetzen.	99
12.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ möglicher-weise “ passend? <i>Wann ist denn der Prozess?</i>	
	1) Der Prozess findet erst in einigen Monaten statt.	81
	2) Der Prozess wird erst in einigen Monaten stattfinden.	72
13.	In welchem Anschluss-Satz ist die Ergänzung „ bestimmt “ passend? <i>Er muss wirklich aufpassen, dass er die nicht verärgert.</i>	
	1) So weit kommt es nicht.	64
	2) So weit wird es nicht kommen.	95
14.	Welchen Satz finden Sie besser? <i>Du kannst auf keinen Fall weitermachen.</i>	
	1) Ich setze die Saison wie geplant fort.	65
	2) Ich werde die Saison wie geplant fortsetzen.	93

Количество ответов не всегда соответствует цифре 160 (количеству реципиентов), поскольку в отдельных случаях информанты затруднялись ответить и отмечали либо два варианта одновременно, либо не отдавали предпочтение ни одному из вариантов.

Как свидетельствуют данные опроса, в большинстве случаев голоса разделились пополам. Составляя анкету, мы ориентировались, прежде всего, на теорию Э. Лейс, трактующую конструкцию „werden + Infinitiv“ как модальную и темпоральную форму. Исследовательница рассматривает конструкцию „werden + Infinitiv“ с точки

зрения аспектуальности и полагает „...dass die Distribution von modalem und temporalem werden + Infinitiv durch die Aspektualität des Verbs determiniert ist“ [Leiss, 1992, с. 198]. Э. Лейс выделяет несколько групп глаголов, а именно:

А. предельные глаголы (*die nonadditiven Verben*), которые не имеют временной формы будущего „werden + Infinitiv“. Эта конструкция относится в данном случае к модальной системе перфектных глаголов.

В. неопредельные глаголы (*die additiven Verben*), которые имеют временную форму Futur I. „Werden + Infinitiv“ – однозначно темпоральная форма.

С. аспектуально-неустойчивые глаголы (*aspektuell labile Verben*), которые могут варьироваться от темпоральной до модальной интерпретации [Leiss, 1992, с. 198].

В анкете представлены как предельные, так и неопредельные глаголы, использованные с конструкцией „werden + Infinitiv“. Так, глаголы *sein* и *fortsetzen* (в 4-м, 11-м и 14-м предложении) являются неопредельными. Все остальные глаголы (*kommen, schaffen, ablegen, stattfinden, begreifen*) – предельные.

Согласно теории Э. Лейс, конструкция „werden + Infinitiv“ в сочетании с предельными глаголами относится к модальной сфере употребления. Проиллюстрируем данное утверждение следующим примером. Так, глагол *kommen* является типичным предельным глаголом. При этом глагол *kommen*, употреблённый в форме презенса, может иметь значение будущего времени (*Er kommt*). Поэтому сочетание с *werden* для выражения будущего является, по мнению Э. Лейс, избыточным, излишним [Leiss, 1992, с. 195]. Если все же используется сочетание с *werden* (*Er wird kommen*), то значение данного выражения следует трактовать скорее как модальное [Leiss, 1992, с. 201].

Из полученных результатов анкетирования видно, что в большинстве случаев голоса разделились пополам (так, например, 3-е и 10-е предложения), или же ответы с небольшим перевесом в сторону той или другой формы являются, практически, равновероятными (например, 1-е, 2-е, 5-е, 8-е, 9-е и 12-е предложения). Однако в двух случаях мы можем говорить о явном предпочтении конструкции „werden + Infinitiv“ (6-е и 4-е предложения). Так, в шестом примере 92,5% всех информантов отметили вариант с конструкцией „werden + Infinitiv“ как наиболее предпочтительный и лишь 12 человек (в процентном соотношении 7,5%) вариант с формой презенса. Приведем сам пример:

(1) *Jesus antwortete ihm: „Was ich tue, kannst du jetzt noch nicht verstehen, aber später wirst du es begreifen“.*

Вероятно, это можно объяснить несколькими причинами.

1) Свою роль сыграла ориентация на то, что это пророчество.

2) Отвечая на вопрос, какой их двух вариантов им больше нравится, реципиенты исходили из контекста, типичного для типа текста Библии. Для Библии, как известно, характерно использование официальной, строгой, книжной речи. Высокий стиль речи и оказал, по всей видимости, влияние на выбор конструкции „werden + Infinitiv“.

В четвертом примере представлены аналогичные предложения, взятые также из Нового Завета, с той лишь разницей, что в роли инфинитивного глагола выступает неопределенный глагол *sein* и, что обстоятельство времени *heute*, использованное в предложении, указывает на ближайшую перспективу. Сравним:

(1) *Jesus antwortete ihm: „Ich versichere dir, du bist noch heute mit mir im Paradies“.*

(2) *Jesus antwortete ihm: „Ich versichere dir, du wirst noch heute mit mir im Paradies sein“.*

Скорее всего, именно этот последний фактор и объясняет тот факт, что количество информантов, отдавших предпочтение форме презенса, составило в процентном соотношении 22,5%. Однако ориентация на то, что это пророчество и официальная, книжная речь, определили выбор формы. 77,5% опрошенных считают предложение с конструкцией „werden + Infinitiv“ наиболее приемлемым в данном контексте.

Согласно концепции Э. Лейс, неопределенный глагол *sein* в сочетании с *werden* должен выполнять темпоральную (футуральную) функцию [Leiss, 1992, с. 203]. Мы же исходим из того, что в данном предложении выражено явное пророчество, поэтому определяем *werden* в сочетании с неопределенным глаголом *sein* для выражения модальной и футуральной функции. Поскольку наряду с явным пророчеством имеется временной указатель, который придает высказыванию футуральную направленность.

Рассмотрим другие случаи, где наблюдается некоторый перевес в использовании формы презенса или же конструкции „werden + Infinitiv“. Так, интересными в этом отношении являются 11-е и 14-е предложения. И в том, и другом случае в сочетании с *werden* употребляется неопределенный глагол *fortsetzen*. Информантам предлагается выбрать один из вариантов, исходя из предложенного контекста. В первом случае (11 пример) высказывается осторожная рекомендация, совет: *Du solltest vielleicht die restlichen Turniere absagen*. Во втором случае (14 пример) высказывается категорическое утверждение, констатация: *Du kannst auf keinen Fall weitermachen*.

В обоих случаях информанты отдали наибольшее предпочтение предложению с конструкцией „werden + Infinitiv“: *Ich werde die Saison wie geplant fortsetzen.*

В процентном соотношении это составило 62% (11 пример) и 58% (14 пример) соответственно. При этом в первом случае один человек не смог отдать предпочтение ни тому, ни другому варианту, а во втором случае два информанта отметили как правильные оба варианта. Хотя мы не можем говорить о явном преобладании конструкции „werden + Infinitiv“ в данных предложениях, всё же мы наблюдаем здесь определённую тенденцию. Попытаемся выяснить, чем она обусловлена.

Непредельный глагол *fortsetzen*, согласно концепции Э. Лейс, употребляется в форме будущего времени. И, следовательно, „werden + Infinitiv“ в данном предложении – однозначно темпоральная форма. На наш взгляд, здесь особо важную роль играет грамматическое лицо. В анализируемом предложении высказывается намерение говорящего осуществить определённое действие. Поскольку намерение выражается от первого лица, то оно носит убедительный характер. Это наблюдение отмечают многие грамматисты, например, авторы Duden-Grammatik, Р. Бронс-Альберт и др. [Duden, 1995, с. 147; Brons-Albert, 1982, с. 62]. Таким образом, мы полагаем, что конструкция „werden + Infinitiv“ используется в первом лице для выражения будущего времени.

Обратимся к 7-му и 13-му предложению. В 7-м примере предложен контекст в форме вопроса, сомнения или предположения: *Ob der die nicht verärgert?* В 13 примере контекст предстает в виде убедительного утверждения: *Er muss wirklich aufpassen, dass er die nicht verärgert.* В обоих случаях информантам предлагалось использовать модальное слово *bestimmt* либо с формой презенса, либо с конструкцией „werden + Infinitiv“:

- (1) *So weit kommt es **bestimmt** nicht;*
- (2) *So weit wird es **bestimmt** nicht kommen.*

Несомненно, модальное слово *bestimmt* играет важную роль в предложении и в значительной степени обуславливает выбор формы презенса и конструкции „werden + Infinitiv“.

Модальное слово *bestimmt*, использованное в 7-м и 13-м примере, служит для выражения уверенного предположения. Согласно теории Э. Лейс, предельный глагол *kommen* для выражения футурального значения может употребляться в форме презенса (*So weit kommt es bestimmt nicht*) [Leiss, 1992, с. 193]. Однако все же большая часть опрошенных отдала предпочтение сочетанию с глаголом *werden* (*So weit wird es bestimmt nicht kommen*). По всей видимости, в

данном случае превалирует сема «модальности», а именно значение уверенного предположения.

Во время проведения анкеты было сделано одно интересное наблюдение. Двум информантам, мужчине и женщине, было предложено заполнить анкету. После того, как реципиенты ответили на все вопросы, выяснилось, что женщина отметила преимущественно предложения с формой презенса, а мужчина, наоборот, предложения с конструкцией „werden + Infinitiv“. Это наблюдение поставило перед нами вопрос – существует какая-либо корреляция между полом говорящего и использованием конструкции „werden + Infinitiv“?

Были проведены количественные подсчёты, в результате чего выяснилось, что было бы неправомерным говорить о какой-либо тенденции в предпочтении „werden + Infinitiv“ у лиц мужского или женского пола. Преобладающая часть опрошенных – женщины (108 человек, в процентном соотношении 67,5%), менее многочисленной оказалась группа информантов, которую составляют мужчины (52 человека, в процентном соотношении 32,5% соответственно). Исходя из данного соотношения, мы проверили, как часто употребляют конструкцию „werden + Infinitiv“ женщины и мужчины. Так, во втором примере 56 человек женского пола отдали предпочтение форме презенса и 52 человека – конструкции „werden + Infinitiv“. В этом же примере 27 мужчин предпочли форму презенса и 25 – конструкцию „werden + Infinitiv“. В последующих примерах наблюдается аналогичная картина. Представим результаты в виде таблицы 2.

Полученные данные не подтверждают гипотезу о том, что существует какая-либо связь в использовании конструкции „werden + Infinitiv“ с полом человека.

Таблица 2 – Употребление конструкции „werden + Infinitiv“ в зависимости от половой принадлежности информанта

Женщины (общ. кол-во: 108 чел.)				Мужчины (общ. кол-во: 52 чел.)			
<i>Ich bin sicher, wir schaffen es</i>		<i>Ich bin sicher, wir werden es schaffen</i>		<i>Ich bin sicher, wir schaffen es</i>		<i>Ich bin sicher, wir werden es schaffen</i>	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
56	51,8	52	48,1	27	51,9	25	48

Далее мы решили проверить – существует ли какая-либо корреляция между возрастом человека и употреблением конструкции „werden + Infinitiv“. Мы разделили всех информантов условно на две возрастные группы. В первую группу вошли реципиенты в возрасте от 18 до 35 лет, в другую группу – реципиенты от 45 до 65 лет. В ко-

личественном соотношении обе группы не являются равночастотными. Так, первая группа является более многочисленной, чем вторая. Первую группу представляют 125 человек, вторую группу – 35 человек соответственно. При ответе на второй вопрос анкеты, голоса информантов разделились следующим образом: из 125 информантов первой возрастной группы 66 человек отдали предпочтение предложению в форме презенса и 59 человек – конструкции „werden + Infinitiv“. Во второй возрастной группе из 35 человек 17 опрошенных предпочли предложение в форме презенса и 18 опрошенных предложение с конструкцией „werden + Infinitiv“. Представим изложенное в таблице 3.

Таблица 3 – Употребление конструкции „werden + Infinitiv“ в зависимости от возраста человека

Возраст (18–35) (общ. кол-во: 125 чел.)				Возраст (45–65) (общ. кол-во: 35 чел.)			
<i>Ich bin sicher, wir schaffen es</i>		<i>Ich bin sicher, wir werden es schaffen</i>		<i>Ich bin sicher, wir schaffen es</i>		<i>Ich bin sicher, wir werden es schaffen</i>	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
66	52,8	59	47,2	17	49	18	51

Как видно из таблицы, голоса в каждой возрастной группе разделились практически пополам, что свидетельствует об отсутствии какой-либо тенденции в использовании конструкции „werden + Infinitiv“ в зависимости от возраста человека. Исходя из этого, можно утверждать, что употребление „werden + Infinitiv“ не зависит от возрастного критерия.

Анализ результатов анкетирования позволил сделать следующие выводы:

1. Конструкция „werden + Infinitiv“ употребляется в разговорной речи не так уж редко, о чем свидетельствуют количественные данные. Лишь в трех примерах доля футурального презенса превосходит конструкцию „werden + Infinitiv“:

- (1) *Glaubst Du, dass er kommt? Er kommt möglicherweise;*
- (2) *Ihr schafft das doch, oder? Ich bin sicher, wir schaffen es;*
- (3) *Wann ist denn der Prozess? Der Prozess findet möglicherweise erst in einigen Monaten statt.*

Однако говорить о явном преобладании в предложениях такого типа футурального презенса нельзя, поскольку количественные данные расходятся всего на 6–9 голосов. На наш взгляд, здесь имел место такой же фактор, как и в работе Р. Бронс-Альберт. Исследовательница делает интересное наблюдение: «Исследование, которое я

предприняла несколько лет назад, показало, что некоторые информанты использовали в своей речи для выражения будущего гораздо чаще конструкцию „werden + Infinitiv“, видя включенный микрофон, нежели тогда, когда они о нём не знали» [Brons-Albert, 1982, S. 25]. Информанты, отвечая на вопросы анкеты, подсознательно контролировали свои высказывания.

2. Употребление конструкции „werden + Infinitiv“ не связано с такими экстралингвистическими факторами, как пол и возраст человека. Как показывают полученные данные, мужчины и женщины, люди более младшего и более старшего возраста, в равной степени используют в своей речи как конструкцию „werden + Infinitiv“, так и футуральный презенс. Пол и возраст человека не играют в данном случае определяющей роли.

3. Результаты анкетирования также показывают, что существует определенная тенденция в использовании конструкции „werden + Infinitiv“ в зависимости от грамматического лица. В третьем лице чаще употребляется конструкция „werden + Infinitiv“.

4. Лингвисты приводят разные статистические данные относительно употребления конструкции „werden + Infinitiv“ и формы презенса с модальными словами. В анкете были предложены модальные слова разных семантических групп. С одной стороны, модальное слово *bestimmt*, которое усиливает модальность действительности, с другой стороны – модальное слово *möglicherweise*, выражающее модальность недействительности. Данное слово уточняет различные оттенки неуверенности и предположения. Согласно нашим количественным подсчетам, конструкция „werden + Infinitiv“ употребляется в сочетании с модальными словами несколько чаще презенса. При этом отметим, что конструкция „werden + Infinitiv“ употребляется как с модальными словами, выражающими неуверенное предположение, так и с модальными словами, выражающими уверенное предположение.

5. Утверждение Э. Лейс о том, что «распределение модального и темпорального характера „werden + Infinitiv“ определяется аспектуальностью глагола» [Leiss, 1992, с. 198] является, на наш взгляд, вполне обоснованным. Конструкция „werden + Infinitiv“ употребляется как с предельными, так и с неопредельными глаголами. Следует также отметить, что в сочетании с неопредельными глаголами, согласно данным анкеты, во всех случаях используется конструкция „werden + Infinitiv“. В одиннадцати примерах, в которых в качестве смыслового глагола используется предельный глагол, предпочтение отдается конструкции „werden + Infinitiv“ и лишь в трех случаях – форме презенса. Таким образом, при выборе конструкции „werden + Infinitiv“ в речи важную роль играет способ действия глагола.

И, наконец, особый интерес представляют случаи собственно модального употребления конструкции „werden + Infinitiv“, в частности примеры из Библии. В предложениях, служащих для выражения пророчества, используется в подавляющем большинстве случаев конструкция „werden + Infinitiv“.

Выбор конструкции „werden + Infinitiv“ в речи обусловлен целым рядом факторов, некоторые из которых представлены в данной работе. Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в современном немецком языке мы видим следы модального употребления конструкции „werden + Infinitiv“.

Таким образом, обозначение конструкции „werden + Infinitiv“ в традиционных грамматиках как «футур» может быть подвергнуто сомнению. Термин «футур», заимствованный из латинского как форма выражения будущего, не отражает в полной мере всей семантики конструкции „werden + Infinitiv“, в частности ее модальной характеристики. Руководствуясь системой исследованных аргументов, полагаем более уместным использование термина *конструкция „werden + Infinitiv“*.

Библиографический список

1. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1999. 543 с.
2. Мыркин В.Я. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии. Архангельск: Поморский университет, 1993. 135 с.
3. Мыркин В.Я. Введение в языкознание. Архангельск: Поморский университет, 2005. 306 с.
4. Попов А.Ю. Возможности НИР на кафедре иностранных языков в экономическом вузе (опыт ИИЯ СПбГУЭФ) // Иностранные языки в экономических вузах России. 2002. №1. СПб. С. 14–23.
5. Степырева Е.В. Семантическая и прагматическая интерпретация конструкции „werden + Infinitiv“ // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3. С. 91–95.
6. Brons-Albert R. Die Bezeichnung von Zukünftigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tübingen: Narr, 1982. 145 S. (Studien zur deutschen Grammatik, 17).
7. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4. 5. Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995. 864 S.
8. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. 10, neubearb. Aufl. Mannheim, Leipzig: Bibliographisches Institut, 1990. 488 S.
9. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1992. 334 S.
10. Thieroff R. Modale Tempora – non-modale Modi. Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachenvergleich (Eurogermanistik). Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2004. 258 S.

2.3. Участие лексических маркеров времени в формировании футуральной семантики высказывания (на материале немецкого языка)

Боднарук Е. В., Архангельск

Во многих исследованиях, посвященных изучению средств выражения футуральности в немецком языке – главным образом футуру I и презенсу – в качестве одного из факторов, регулирующих их выбор, называется лексический маркер времени. При этом имеется в виду его наличие/отсутствие и/или особенности его семантики. Многообразие лексических маркеров темпоральности практически в любом языке, а также неоднородность их использования вызывает значительные сложности при описании. Занимаясь проблемой функционирования глагольных средств в области футуральности, мы не могли обойти вниманием и вопрос об их корреляции с лексическими маркерами времени, тем более что последние часто служат своеобразными идентификаторами футурального значения всего высказывания. В этой связи в рамках данного раздела планируется решение следующих задач: 1) создание классификации лексических маркеров будущего времени; и 2) выявление особенностей их сочетаемости с глагольными средствами в высказывании.

К лексическим маркерам времени относятся в первую очередь наречия времени, а также разнообразные предложные и беспредложные именные группы, в составе которых выражение времени может осуществляться предлогами, существительными и атрибутами последних. Лексические маркеры времени в лингвистической литературе именуется по-разному: «лексические показатели времени» (напр., Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс), «лексические показатели темпоральности» (А.В. Бондарко), «хрононимы» (Н.В. Андреева) и др. [Гулыга, Шендельс, 1969; Андреева, 2008; Бондарко, 2011]. Можно было бы говорить в этом случае также о «лексических индикаторах времени». Однако в рамках данной работы будет использован термин «лексический указатель времени/темпоральности». Выбором этого термина предпринимается попытка подчеркнуть, что главным назначением лексических маркеров темпоральности является указание на положение события во времени.

В настоящее время в лингвистической литературе имеется значительное количество классификаций лексических средств, служащих для обозначения времени. Большинство из них соотносятся с тремя основными способами ориентации во времени, предложенными в работе В.Я. Мыркина: 1) *хронологическим (объективным) временем* (для отсчета которого выбирается какое-то событие, например, у христиан – рождение Иисуса Христа, а течение времени

делится на равные участки, обычно соотносящиеся с астрономическими явлениями); 2) *относительным (релятивным) временем* (при котором отношения между событиями во времени устанавливаются как происходящие одновременно или разновременно); 3) *эгоцентрическим (субъективным) временем* (точкой отсчета которого является момент осознания события субъектом, как правило, это момент речи) [Мыркин, 1989, с. 60–61].

Эгоцентрическое время сегодня принято называть *дейктическим*, относительное время может быть названо также *анафорическим* [см. напр., Лайонз, 2003, с. 333]. Дейктическое время имеет место обычно в ситуации непосредственного общения, которую К. Бюлер рассматривает как своеобразную систему координат с исходной точкой $O = \text{Origo}$, в которой находится говорящий и его непосредственно переживаемое *сейчас* [Бюлер, 2001, с. 94, 120]. Все события в этом случае ориентируются на момент речи говорящего. Анафорическое же время не связано непосредственно с речевой ситуацией. Оно предполагает, что «отправитель и получатель имеют перед собой речевой поток как некоторое целое, к частям которого можно сделать проспективную или ретроспективную отсылку» [там же, с. 112].

В ряде работ немецких исследователей прослеживается принцип систематизации лексических указателей времени, исходящий из названного выше троичного деления. Так, З. Латцель выделяет три вида временных указателей: а) дейктические, зависящие от момента речи (*sprechzeitbezogen*); б) зависящие от контекста (*kontextrelativ*); в) обусловленные календарной системой (*kalendarisch*) [Latzel, 2004, с. 39].

В. Тиммерманн считает, что деление обстоятельств времени на три группы: дейктические, анафорические и ориентированные на календарную систему следует считать традиционным [Timmermann, 2000, с. 157]. Вместе с тем, исследователь предпринимает дальнейшую систематизацию обстоятельств дейктического и анафорического характера, подразделяя их на обстоятельства рамочного характера (*Rahmenadverbiale*), указывающие на время действия, как бы «обрамляя» его, обстоятельства, указывающие на удаление действия от момента ориентации (*Abstandsadverbiale*) и обстоятельства, ориентирующие действие относительно момента ориентации (*Orientierungsadverbiale*), ср. данные таблицы 1, составленной нами по классификации В. Тиммермана [там же, с. 156–160].

Таблица 1 – Классификация указателей времени в работе В. Тиммерманна

Указатель времени	Тип обстоятельства		
	Rahmenadverbiale	Abstandsadverbiale	Orientierungsadverbiale
Дейктический	<i>morgen, am nächsten Sonntag, im nächsten Jahr, nächstes Jahr</i>	<i>in einer Woche, in zwei Wochen</i>	<i>gleich / sofort, nachher, bald, später</i>
Анафорический	<i>am Tag danach, am folgenden Tag, am nächsten Tag</i>	<i>einen Monat danach / später</i>	<i>danach / nachher, dann</i>

Третья группа обстоятельств имеет множество точек соприкосновения с первой группой, но в ней обстоятельства времени формируются без участия хронометрически и календарно обусловленных лексических единиц (типа *Woche, Monat, Jahr*), поэтому указатели третьей группы являются менее конкретными (и точными), они дают лишь приблизительный ориентир локализации действия на временной оси [Timmermann, 2000, с. 158]. В. Тиммерманн отмечает также группу обстоятельств, указывающих на временную границу действия (Grenzadverbiale): левостороннюю (*seit, von ... ab*), правостороннюю (*bis*) или же двустороннюю (*von ... bis*). Такие обстоятельства можно употреблять как дейктически, так и анафорически [там же, с. 162].

Вместе с тем, некоторые исследователи не ограничиваются в своих классификациях названными группам, выделяя дополнительно маркеры времени со значением длительности и повторяемости. К примеру, В. Кляйн пишет: 1) об обстоятельствах, локализирующих событие на временной оси (Positionsadverbiale) (типа *gestern*); 2) обстоятельствах длительности события (напр., *drei Tage*); и 3) обстоятельствах, указывающих на повторяемость событий (*dreimal* и др.). Обстоятельства первой группы делятся далее на три подгруппы: 1) подгруппу обстоятельств времени дейктического характера; 2) подгруппу обстоятельств времени анафорического характера; 3) подгруппу обстоятельств, соотносящих событие с календарной системой [Klein, 1992, с. 114–115].

К. Питтнер приводит в своей работе похожую классификацию, в которой отсутствует лишь группа обстоятельств времени, ориентированных на календарную систему. Она выделяет: 1) собственно временные обстоятельства (*Temporaladverbial*), 2) обстоятельства, выражающие длительность (*Durativadverbial*), 3) обстоятельства, выражающие частотность (*Frequenzadverbial*). Первая группа обстоятельств подлежит бинарному делению на обстоятельства а) ориен-

тированные относительно момента речи (*sprechzeitbezogen*) и б) ориентированные на контекст (*kontextbezogen*) [Pittner, 1999, с. 75–77].

Отказ от выделения в отдельную группу обстоятельств времени, ориентированных на календарную систему, встречается и в некоторых других исследованиях. Так, Г. Гревендорф выделяет лишь две группы: обстоятельства, ориентированные на момент речи (*sprechzeitrelativ*) и обстоятельства, ориентированные на контекст (*kontextrelativ*) [Grewendorf, 1982, с. 48].

Д. Вундерлих исходит из того же принципа и выделяет первоначально две группы обстоятельств времени: 1) «ориентированные на момент речи» (*sprechzeitrelativ*); и б) «ориентированные на контекст (*kontextrelativ*)» [Wunderlich, 1970, с. 76]. В отдельную группу Д. Вундерлих определяет обстоятельства типа *heute, einst, gerade, jetzt, nun, in diesem Augenblick/Moment*, указывающие на то, что время действия совпадает с моментом речи, либо непосредственно предшествует ему / следует за ним» (*Sprechzeiteinschluss oder – unmittelbarkeit*) [там же, с. 186].

В российской лингвистической традиции обнаруживаются как подобные, так и более дробные классификации лексических маркеров времени. Анализу подвергается как наречная темпоральность, так и другие неглагольные способы выражения временных отношений. Поскольку наречия традиционно считаются главным лексическим средством временной семантики [Marschall, 2008], многие классификации лексических маркеров темпоральности ориентированы именно на них.

Так, анализируя наречную темпоральность, Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс пишут о 4 группах наречий [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 65]:

1) наречия, уточняющие время действия (наречия временной локализации) (*morgen, vormittags, jetzt, damals, bald, früh, spät* и др.);

2) наречия, уточняющие соотношение между действиями (одновременность – разновременность) (*anfangs, früher, vorher, nachher, gleichzeitig*);

3) наречия, уточняющие продолжительность действия (наречия измерения времени) (*lange, kurz, schnell, ewig, sekundenlang, tagelang* и др.);

4) наречия кратности действия (однократности / многократности) (*stündlich, täglich, allzeit, immer, nimmer, niemals, einmal, ab und zu* и др.).

Е.А. Волкова, в свою очередь, представляет адвербиальное микрополе времени в виде трех полей, конституенты которых выражают значения временной ориентации, длительности и кратности. Центральную часть микрополя занимает поле *Wann?*, конституенты ко-

того выражают чисто темпоральные значения временной локализации (локализаторы) с тремя микрополями (прошедшего, настоящего и будущего времени) и последовательности совершения действий (корреляторы) (с микрополями предшествования, одновременности и следования). Конституенты поля *Wie oft?* делятся на три микрополя (МП): МП однократности (*einmal*), МП возобновления действия (*wieder, aufs neue*) и МП многократности (*oft, manchmal, selten, regelmäßig*). В поле *Wie lange?* также выделяются три микрополя: МП длительности (*lange, dauernd, immer, langfristig* и др.), МП кратковременности (*kurz, ein wenig* и др.) и МП абсолютной краткости (*momentan, augenblicklich* и др.) [Волкова, 1981, с. 2–6].

Из других критериев при построении классификации наречий времени исходит И.Л. Демидова, выделяющая наречия: 1) объективного астрономического измерения времени (по движениям светил), 2) субъективного измерения времени, когда время измеряется в связи с действиями, предпринимаемыми человеком по своей воле, и событиями, происходящими с человеком, и определяется в плане будущего, прошедшего и общего времени, и 3) связи событийных представлений о времени с объективным, годично-суточным временем [Демидова, 1986, с. 7].

Вместе с тем, наивысшая точность и определенность временной характеристики высказывания достигается чаще не с помощью наречий, а посредством группы существительного, в которую входят предлоги, а также местоимения, числительные, прилагательные, инфинитив, причастия, другие существительные в качестве определений [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 67]. Поэтому многие классификации учитывают весь спектр лексических маркеров времени.

Так, В.В. Морковкин выделяет безотносительное и относительное лексическое время. Безотносительное время предполагает повторяемость во времени (регулярную и нерегулярную) и длительность (неограниченную и ограниченную, последняя может быть представлена в виде временной точки и временного отрезка (неопределенной и определенной длительности). Относительное время связано либо 1) с общими обозначениями временного порядка (*начало, середина, конец, сначала, потом, после*), либо 2) обозначает время относительно чего-либо: а) относительно установленного момента (предполагающее совпадение или несовпадение с ним) (*во время, заблаговременно, несвоевременно*) или настоящего момента; б) относительно времени другого действия. В случае ориентации времени относительно настоящего момента можно говорить о неопределенном (*когда-нибудь, когда-либо* и т.п.) или об определенном времени (*будущее, предстоящее, будущность, будущий, предстоящий, грядущий, завтра, скоро, впрямь, предстоять* и т.п.). В случае

ориентации времени действия относительно времени другого действия можно говорить о совпадении времени действий или несовпадении. При несовпадении различаются предшествование и следование [Морковкин, 1977, с. 89–91].

Определенные сходства с классификацией В.В. Морковкина имеет классификация лексических маркеров немецкой темпоральности Т.А. Перминовой, разделяющей показатели времени на две большие группы: 1) ориентирующие и 2) квантификационные (*eine Sekunde, zwei Stunden*). Ориентирующие показатели времени подразделяются далее на: 1) календарное время (без отношения к моменту речи) (*am 1. September 1986*); 2) относительные лексические показатели времени. Время действия, выраженное относительными лексическими показателями, может быть ориентировано на момент речи (*heute, morgen, gestern*) или на какой-то иной ориентир (*damals, künftig, früher, später*). При этом лексические показатели времени могут сигнализировать относительную близость действия к точке отсчета или удаленность действия от точки отсчета, или могут указывать на контактность с точкой отсчета, моментом речи. Квантификационные лексические показатели времени указывают: 1) на неограниченную или 2) на ограниченную длительность; 3) на ограниченную длительность с указанием начала или конца действия [Перминова, 1988, с. 9–10].

М.А. Подтелкова приводит следующую классификацию лексических единиц с временным значением: 1) лексические единицы, указывающие на временную точку события (временная локализация может быть абсолютной (*um 12 Uhr, am 14. April 1987*), и относительной (*um Mitternacht, gestern*)); 2) лексические единицы, обозначающие протяженную длительность временного интервала события (*stündlich, jetzt, eine Nacht lang, den ganzen Tag*); 3) лексические единицы, обозначающие временные рамки события или действия (*in zwei Stunden, im Laufe einer Nacht, für immer, für 2 Stunden, bis heute Abend*); 4) лексические единицы, обозначающие частотность повторяемости события (*jeden Tag, dreimal im Jahr, monatlich, oft, selten, nie, einmal, zweimal*); 5) лексические единицы, обозначающие временную характеристику способа действия (*schnell, sofort, in einem Atemzug*) [Подтелкова 2008а, с. 141–142]. Отличительной особенностью классификации М.А. Подтелковой является то, что она рассматривает в качестве темпоральных лексические маркеры, дающие характеристику способа действия.

Иная терминология при обозначении лексических маркеров времени обнаруживается в статье В.Г. Гака, выделяющего внешнее и внутреннее время процесса. Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *когда?* (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты

внутреннего времени – на вопрос *как?* (*быстро, вдруг*). Между этими двумя группами временных значений находится группа, отвечающая на вопрос *сколько времени?* (показатели длительности, повторяемости). Внешнее время делится В.Г. Гаком на три больших разряда, которые определяются терминами «хронография», «хронометрия» и «хронология». *Хронография* указывает на определенное время, место события во времени, дату. Это указание может быть абсолютным, то есть выраженным в принятой в данном социуме системе летоисчисления (*в 1995 году н.э.*), или относительным, определяемым по отношению к другому событию (*через 50 лет после войны*). *Хронометрия* определяет длительность события, которая также может быть определена абсолютно, в принятых единицах меры времени (*два часа*), или относительно (*с утра до вечера*). *Хронология* устанавливает последовательность событий, которая может быть абсолютной (по отношению к моменту речи (*сегодня, завтра, вчера*)) или относительной (по соотнесенности с иным моментом (*в тот день, на следующий день, накануне*)) [Гак, 1997, с. 122–123]. Близкие в части терминологии классификации предлагаются в некоторых диссертационных исследованиях последних лет (см., напр. [Андреева, 2008, с. 3–14; Новожилова, 2008, с. 10–14]).

Наибольшая точность в выражении временных отношений лексическими маркерами достигается, как было отмечено выше, посредством использования группы существительного. А обусловливается эта точность сочетательными возможностями имени существительного. Временная семантика существительных может быть описана при помощи следующих временных моделей (шкал): шкала природных явлений (*весна* и т.д.); суточная шкала (*восход солнца* и т.д.); возрастная шкала/шкала жизненного пространства (*детство* и т.д.); циферблат (*8 часов утра*); календарь (*пятого октября 1977 года*); событийная шкала (*во сне, на Пасху*) [Потаенко, 1997, с. 114–115]. Примечателен тот факт, что временное значение могут приобретать не только существительные со значением действия или события, но также предметные существительные (*После селедки хочется пить*). В этом случае имеет место семантический эллипсис: *после селедки* = *после «съедания» селедки*) [Ермакова, 2015, с. 25]. Следует, впрочем, отметить, что временная семантика таких существительных актуализируется только в сочетании с предлогом. Вообще, предлоги играют значительную роль при выражении времени. В немецком языке их насчитывается более двух десятков [Белуосова, 1967, с. 4–5].

Предложные группы с существительными, обозначающими действия, события, процессы, состояния, либо имеющими конкретно-предметное значение, отличаются от других именных групп с тем-

поральной семантикой тем, что они также выражают таксисные значения, а предложения с ними должны рассматриваться как полипредикативные (*Nach dem Essen ging er ins Kino = Nachdem er gegessen hatte, ging er ins Kino*). В данных конструкциях таксисные значения передаются с помощью темпоральных предлогов, которые могут иметь значения одновременности и разновременности (предшествования или следования) [Корди, 2010, с. 129].

Поскольку в рамках данной работы предпринимается попытка составления классификации лексических указателей времени, способствующих актуализации футуральной семантики глагольных средств в высказывании, значительный интерес представляет анализ уже имеющихся в лингвистической литературе классификаций такого рода.

Классификации лексических указателей времени, функционирующих в области футуральности, были обнаружены нами в работах Р. Бронс-Альберт, Г. Мюллера и К. ди Меола. Так, Р. Бронс-Альберт подразделяет все временные указатели на три группы: 1) указатели, выражающие только будущее (*morgen, übermorgen* и т.д.); 2) указатели, выражающие будущее только при наличии дополнительного футурального контекста (например, при соотнесенности с моментом речи (*in 10 Minuten, gleich*) или каким-либо другим моментом (*dann*); 3) так называемые «*heute-Adverbiale*» (обстоятельства, объединенные значением «сегодня»), а также указатели типа *am Montag (dieser Woche)* или *im Herbst (dieses Jahres)* [Brons-Albert, 1982, с. 36]. В данной классификации не ясен критерий выделения третьей группы. Выделение в отдельную группу обстоятельств, выражающих только будущее, возражений не вызывает, но таких лексем в любом языке, по-видимому, очень немного.

К. ди Меола также считает принципиально важным различать темпоральные указатели, однозначно указывающие на футуральность ситуации (*morgen, in + (in fünf Minuten / in ein paar Tagen ...), in Zukunft, künftig* и др.), указатели, которые почти всегда соотносятся с футуральностью (*jetzt, in Kürze, nicht mehr lange, nächsten Montag, demnächst* и др.) и указатели, не имеющие однозначной соотнесенности с футуральностью (*am Montag, am Abend, beim nächsten Mal, in den kommenden Jahren, im Folgenden, gegen 18 Uhr, dann, danach, später, am Ende, endlich, im Herbst, bald, nun, irgendwann, immer* и др.) [di Meola, 2013, с. 100–102]. Указатели последних двух групп могут, например, сочетаться со сферой прошлого. Действительно, часть из приведенных выше указателей могут быть использованы при описании событий в прошлом, но только в том случае, если они употребляются с временными формами прошедшего времени. Следует, впрочем, отметить, что даже в сфере прошлого дан-

ные указатели в большинстве своем выражают следование за каким-либо событием. Кроме того, при употреблении с формами презенса и футура все они оказываются футурально ориентированными.

Иной принцип лежит в основе классификации Г. Мюллера, различающего первоначально две группы обстоятельств времени, использующихся для выражения футуральности в английском языке: 1) обозначающие некую точку на временной оси; 2) обозначающие некий временной отрезок. Обстоятельства, обозначающие точку на оси времени, разделяются далее на *определенные* (имеющие объективный характер, обусловленный возможностью измерения с помощью каких-либо приборов) и *неопределенные* (не имеющие объективного характера, основанные на субъективном восприятии времени, использующиеся для локализации событий, которые нельзя с точностью предсказать). Обстоятельства, обозначающие отрезок времени, также подлежат дальнейшему подразделению, связанному с наличием границы (точки, ограничивающей начало и / или конец действия) [Müller, 1986, с. 25–30]. В классификации Г. Мюллера возражение вызывает деление обстоятельств на обозначающие *точки* и *отрезки* на оси времени. Представляется крайне затруднительным различение данных групп, если принять во внимание, что большинство событий (действий и т.д.) не являются мгновенными.

Следует отметить, что систематизация лексических маркеров футуральности предпринимается и в общих классификациях указателей времени в рамках дейктического и анафорического употребления последних.

Так, Ф. И. Панков выделяет при анализе наречной темпоральности 1) наречия, выражающие следование действия за настоящим моментом; 2) наречия, выражающие следование действия за другим действием. Наречия первой группы подразделяются далее на 1) выражающие инклюзивное следование (*отныне*) и 2) выражающие эксклюзивное следование, которое может быть неконкретизированным (*скоро*) или конкретизированным: а) по отношению к моменту речи (*завтра*) или б) по отношению к моменту в тексте (*назавтра*) [Панков, 2005, с. 64]. Наречия второй группы также подразделяются на выражающие: 1) инклюзивное следование действия с указанием начальной границы – а) возраста индивида (*смолоду*); б) социального возраста (*исстари*); 2) эксклюзивное следование действия а) нейтрального (*затем*) или б) безотлагательного (*срочно*) [там же, с. 67].

В. В. Морковкин выделяет группу средств, обозначающих время: а) относительно установленного момента или настоящего момента (неопределенное время (*когда-нибудь*) и определенное время (*будущее, впредь, завтра* и др.); б) относительно времени другого действия (нейтральное следование (*потом, затем, позже* и др.) и без-

отлагательное следование (*немедленно, срочно, незамедлительно* и др.) [Морковкин, 1977, с. 89–91].

Несколько иной принцип лежит в основе классификации наречий со значением следования М.А. Подтелковой: «следование за моментом времени, являющегося точкой отсчета» (*künftig, ferner*), «каузальное следование за моментом времени» (*danach, anschließend, dann, darauf, alsdann*), «следование за моментом времени с указанием на неопределенный момент в будущем» (*hinterher, dann, später, nachträglich, nachher, spät, zuletzt, schließlich, endlich*); «следование за моментом времени с указанием на ближайшее будущее» (*nachher, alsbald, augenblicklich, augenblicks, bald, gleich, sofort, prompt*); «субъективная оценка несовпадения с моментом речи» (*augenblicklich, spät, schließlich, endlich*), «следование за моментом времени при актуализации его исходного местоположения» (*zuletzt, schließlich, endlich*) [Подтелкова, 2008б, с. 19]. В данной классификации очевидным образом взаимодействуют сразу несколько критериев, что размывает границы между группами.

В двух работах были обнаружены попытки систематизации обстоятельств времени в зависимости от критерия *близость / удаленность*. Одной из таких попыток является систематизация обстоятельств времени в зависимости от степени удаленности времени события от момента речи в работе Д. Вундерлиха [Wunderlich, 1970, с. 191]:

gleich, sofort...	[a nach s, -Öff., 0 Distanz]
nachher	[a nach s, -Öff., 1 Distanz]
in einiger (kurzer) Zeit	[a nach s, -Öff., (2±1) Distanz]
später, bald	[a nach s, -Öff., 3 Distanz]
demnächst	[a nach s, -Öff., 4 Distanz]
in langer (geraumter) Zeit	[a nach s, -Öff., (4±1) Distanz]
(über) ^{k-1} morgen	[a nach s, +Öff., k Tag]
in - kommend - ND*	[a nach s, +Öff., 1ND]
in - (über) ^{k-1} nächst - ND*	[a nach s, +Öff., k ND]
in - Num - ND	[a nach s, +Öff., Num ND]

При помощи +Öff. в данной классификации обозначаются временные указатели, «относящиеся к конвенциональной календарно-временной системе» (ND – секунды, часы, дни, недели и т.д.; Num и k – числа; [a nach s] – обозначает принадлежность к сфере будущего); при помощи -Öff. – временные указатели, «выражающие интенциональные временные отношения». Указатели с пометой -Öff. дифференцируются в зависимости от величины дистанции по отношению к моменту речи. Степень удаленности выражается цифрами. На наш взгляд, данная классификация не только очень субъективна, но и не всегда соотносится с дефинициями соответствующих лексических маркеров в толковых словарях.

К. ди Меола приводит классификацию указателей ближайшего и отдаленного будущего, показывающую также корреляцию с ними форм футура и футурального презенса, отраженную в таблице 2.

Таблица 2 – **Типы семантики временных указателей**
(данные приводятся по: [di Meola, 2013, с. 104])

Семантика временного указателя	Темпоральные формы		
	Präsens	Futur	Futur (%)
«Во время общения»	567	13	2,24
«Непосредственно после общения»	338	16	4,52
«Позднее, в тот же день»	99	1	1,00
«На следующий день»	58	4	6,45
«На следующей неделе»	53	3	5,36
«В следующем месяце»	11	1	8,33
«Еще позднее»	234	175	42,79

На наш взгляд, невозможно объективно разделить все временные указатели на две группы: группу указателей, выражающих ближайшее будущее, и группу указателей, имеющую значение отдаленного будущего. Трудность здесь заключается в том, что каждый человек по-разному воспринимает будущее: то, что одному кажется находящимся далеко в сфере будущего, другим может восприниматься как что-то совсем близкое. Разница в восприятии может быть обусловлена разными обстоятельствами, но, как правило, решающую роль здесь играет ситуация в широком смысле слова, которая определяет отношение говорящего к будущему событию.

В области футуральности функционирует множество лексических маркеров времени, но интерес для нашей классификации представляют далеко не все из них. Зона футуральности «обслуживается» также большим количеством грамматических и лексико-грамматических средств, для большинства из которых выражение будущего не является единственным значением. Такие глагольные средства «нуждаются» в уточнителях их временной семантики, а иногда и в так называемых «переключателях», способствующих актуализации семы «будущее». Именно *способность актуализировать сему «будущее»* у исследуемых глагольных средств и легла в основу предлагаемой ниже классификации, учитывающей также уже имеющийся опыт классификаций лексических маркеров времени, представленных, в частности, выше.

Кроме отмеченного выше общего критерия, хотелось бы остановиться еще на ряде важных для классификации принципах. В частности, мы исходили из двух типов указателей, способствующих актуализации значения будущего: указателей дейктического и анафорического характера, отказавшись от выделения в отдельную группу

указателей календарного будущего. В рамках дейктического будущего были далее выделены две группы указателей времени: а) способствующих выражению инклюзивного будущего, вытекающего из настоящего и продолжающегося некоторое время (т.е. обладающего выраженной характеристикой длительности), и б) способствующие выражению эксклюзивного будущего, т. е. собственно будущего, начинающегося после момента речи. Как инклюзивное, так и эксклюзивное будущее ориентированы на момент речи индивида. Лексические указатели анафорического будущего ориентируют одно событие относительно другого события – антецедента. При членении указателей дейктического и анафорического будущего мы исходили из определенного изоморфизма их значений, выделив «безотлагательное» и «отложенное» следование за моментом речи или другим событием. Так называемое «безотлагательное будущее» следует сразу за точкой отсчета (моментом речи или другим событием), в то время как «отложенное» будущее такой характеристикой не обладает. Вместе с тем, «отложенное» будущее подвергается дальнейшему членению на *определенное* и *неопределенное*. Отличие «определенного» будущего от «неопределенного» заключается в том, что оно является конкретизированным или уточненным календарно-обусловленными лексическими единицами (типа *Woche, Monat, Jahr* и др.), единицами временного цикла (типа *Morgen, Abend, Sommer, Winter*) обычно в сочетании с прилагательными или причастиями со значением «следующий / предстоящий / грядущий» типа *nächst-, kommend-, folgend-* или числительными, указывающими на удаление от точки отсчета. В эту же группу попадают все даты и обозначения точного времени, поскольку их «будущность» предполагает соотношенность с моментом речи.

Исходя из принципа изоморфизма дейктических и анафорических значений, можно было бы выделить инклюзивное будущее не только в рамках дейктического, но и в рамках анафорического, причем, по-видимому, с тем же арсеналом лексических маркеров. Тем не менее, на данном этапе исследования мы отказались от этого (ср. таблицу 3).

Отметим, что некоторые указатели дейктического будущего могут быть использованы и в анафорической функции (например, *jetmals, später* и нек. др.). Следует также сказать, что указатели дейктического будущего употребляются преимущественно в канонической (полноценной) ситуации общения, представленной в диалоге. Указатели анафорического будущего – в нарративном режиме (в рассказе о каком-либо событии), либо в синтаксическом режиме интерпретации (т. е. в рамках сложного предложения).

Таблица 3 – Классификация лексических указателей, способствующих актуализации футурального значения

Дейктическое будущее				Анафорическое будущее		
Инклюзивное будущее (начало в МР и ранее)	Эксклюзивное будущее (= начало события после МР)			(= начало события за другим событием)		
	Безотлагательное	Отложенное		Безотлагательное	Отложенное	
		Определенное	Неопределенное		Определенное	Неопределенное
<i>weiter(hin), noch lange noch eine halbe Stunde, für immer, lebenslang</i> и др.	<i>nun, gleich, demnächst, jetzt, unverzüglich, sofort, bald</i> и др.	<i>morgen, in ein paar Wochen, heute, am Sonntag, am Freitag, gegen sechs, in den nächsten Tagen, ab morgen, um drei</i> и др.	<i>irgendwann, später, eines Tages, früher oder später, von einem Tag auf den anderen, nächstes Mal, einmal, je wieder, einst, jemals, künftig, in Zukunft</i> и др.	<i>kurz danach, anschließend</i> и др.	<i>am Tag danach</i> и др.	<i>dann, danach, nachher</i> и др.

Для проведения анализа частотности указателей времени и особенностей их сочетаемости с глагольными средствами футуральности в высказывании, рассмотрению были подвергнуты три произведения художественной литературы современных немецких прозаиков. В фокусе нашего внимания оказалась так называемая диалогическая речь персонажей. Для выражения футуральности в данном виде речи могут использоваться самые разные средства, а именно: футур I и презенс индикатива, императив, модальные глаголы, конструкции *haben/sein+zu+инфинитив*, инфинитив, перфект, формы кондиционалиса, а также претерита и плюсквамперфекта конъюнктива. Общее количество форм, выражающих футуральность, составило в нашем эмпирическом материале 2317 языковых единиц.

Сочетаемость глагольных средств выражения футуральности с временными указателями составила около трети всех случаев их употребления (659 единиц = 28%). Частотность отдельных типов временных указателей, содействующих актуализации футуральной семантики глагольных средств, представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Частотность временных указателей в диалогической речи художественного дискурса

	Дейктическое будущее				Анафорическое будущее		
	Инклюзивное будущее	Эксклюзивное будущее			Безотлагательное	Отложенное	
		Безотлагательное	Отложенное			Определенное	Неопределенное
	Определенное		Неопределенное				
Худож. дискурс	65 (10%)	201 (30%)	115 (17%)	150 (23%)	-	4 (1%)	124 (19%)

Данные эмпирического анализа свидетельствуют о том, что в диалогической речи текстов художественных произведений преобладают указатели дейктического характера. Указатели анафорического характера используются в синтаксическом режиме, т. е. в рамках сложного предложения, реже в смежных предложениях.

Дейктическое будущее представлено в большей степени указателями безотлагательности. Впрочем, процентные данные по отдельным типам дейктического будущего расходятся не кардинально. Что касается корреляции «глагольное средство – временной указатель», то она показывает, что явного преобладания какого-либо типа временных указателей в сочетании с конкретным глагольным средством отмечено не было. Исключение составил лишь императив, встретившийся преимущественно с указателями дейктического безотлагательного будущего. Другие глагольные средства продемонстрировали сочетаемость с разными типами временных указателей.

При сравнении данных по каждому глагольному средству выяснилось, что в художественном дискурсе большее количество средств сочеталось с показателями дейктического безотлагательного будущего или определенного будущего (например, императив, модальные глаголы *können*, *sollen* в претерите конъюнктива и *müssen* в форме презенса индикатива):

Безотлагательное будущее: „ (...) So, und **nun** verschwinde.“ [Hein, 52]; „Ich muss dich **jetzt** sprechen.“ [Hein, с. 142].

Отложенное определенное будущее: „Das Gulasch könnte ich **morgen** gut aufwärmen. Dazu mache ich dann Kartoffelbrei“ [Noll, с. 121].

Однако если принять во внимание тот факт, что безотлагательное будущее схоже по своим свойствам с определенным, и суммировать числовые показатели данных двух групп маркеров, то выясняется, что они в сумме превышают показатели неопределенного будущего. Таким образом, к выражению дейктического неопределенного будущего тяготеют в художественном дискурсе лишь относи-

тельно нечастотные глаголы *sollen*, *dürfen* в форме презенса индикатива, *mögen* в форме *möchte*, глагол *lassen* в презенсе индикатива и инфинитив в проспективной функции:

„Wenn ich so etwas schon höre: *Noch und nöcher!* Die sollen **erst einmal** richtig Deutsch lernen!“ [Noll, с. 95].

„Na und? Willst du ein Leben lang nach seiner Pfeife tanzen? Ist schon gut, **beim nächsten Mal** hätte ich es ihm selbst gesagt!“ [Noll, с. 38].

„Mit der Dummheit lassen sich gute Geschäfte machen. Ich hoffe nur, sie sind nicht so dumm, **später** irgendjemandem davon zu erzählen. Denn das könnte für uns teuer werden“ [Hein, с. 249].

Что касается временных указателей анафорического характера, то это преимущественно указатели неопределенного будущего:

„(...) So, und nun verschwinde. Iss dein Abendbrot, und **dann** ab ins Bett“ [Hein, с. 52]. – В качестве antecedента, к которому отсылает наречие *dann*, служит в данном высказывании время ужина.

Следует отметить, что наречие *dann* характеризуется очень высокой частотностью в диалогической речи. Оно используется чаще в составе сложного предложения, но может находиться и в начале предложения, связывая его с предыдущим:

„Aber was soll ich tun? Stell dir vor, ich klage drei Geschäftsleute von Guldenberg an und mache einen Riesenwirbel. Ich habe Recht und bekomme es vielleicht, vielleicht wohlgemerkt, und **dann** wird mir mitgeteilt, das Ganze sei verjährt. Was mache ich **dann**? **Dann** kann ich hier einpacken, **dann** bin ich hier erledigt. **Dann** kann ich wieder von vorne anfangen. Irgendwo. Denn **dann** werden mich nicht nur diese drei Geschäftsleute nochmals vertreiben“ [Hein, с. 367].

К анафорическим указателям определенного будущего при синтаксическом режиме интерпретации мы относим такие как *nach dem Essen* и под.:

„Ich gehe an die See“, sagte er, und nach einer Pause ergänzte er: „**Nach der Schule** verschwinde ich an die See. Vielleicht auf eine Insel“ [Hein, с. 86].

Такого рода указатели представляют собой свернутую предикацию, что, по-видимому, обуславливает совпадение в них временного указателя с antecedентом (ср.: **Nachdem ich die Schule abgeschlossen habe**, verschwinde ich an die See = Ich schließe die Schule ab und **dann** verschwinde ich an die See).

Инклюзивное будущее представлено указателями дейктического характера. В данном случае речь идет о временных указателях темпорально-аспектуального характера, обладающих семой длительности, точнее указывающих на то, что действие имеет место в

настоящем и будет иметь продолжение в будущем. В качестве предиката выступает, как правило, глагол неопределённой семантики:

Dann fragten sie mich nach meinem Prachtstück, der Limousine, und wie teuer sie sei. „Unbezahlbar“, sagte ich, „das schöne Stück fahre ich **bis zu meinem Lebensende**“ [Hein, с. 211];

„... Ihr könnt euch gar nicht vorstellen, wie schlimm ein Krieg ist. Hoffentlich bleibt es euch **weiterhin** erspart“ [Noll, с. 156].

Необходимо отметить также те – довольно немногочисленные – случаи, когда лексические указатели могут брать на себя выражение футуральности всего высказывания в условиях отсутствия в нем глагольного предиката:

„Hast du Samstag Zeit?“ – „Ich dachte, am Wochenende bist du nicht in der Stadt.“ – „Wieso? (...) Ich bin hier!“ – „Gut“, sagte sie. „**Dann Samstag**“ [Kehlmann, с. 170];

„**Schluss jetzt**. Mir reicht es«, sagte der Polizist, »Ende der Diskussion. Und ihr verschwindet von der Brücke, wie ich es euch gesagt habe“ [Hein, с. 159].

Итак, в рамках данного раздела была предпринята попытка построения классификации лексических указателей футуральности, а также произведен анализ особенностей сочетаемости данных указателей с многочисленными глагольными средствами выражения будущего времени в диалогической речи персонажей художественного дискурса. Исследование показало, что в данном типе дискурса наибольшей частотностью характеризуются указатели дейктического характера, среди которых особо выделяются в количественном плане указатели безотлагательного будущего. Чуть меньшее распространение имеют актуализаторы отложенного определенного и неопределенного будущего. В меньшей степени распространены указатели инклюзивного будущего, вытекающего из настоящего. Анафорическое будущее представлено в синтаксическом режиме интерпретации, т. е. в рамках сложного предложения или в сопряженных предложениях. В нем преобладают указатели неопределенного будущего.

Библиографический список

1. Андреева Н.В. Функциональная семантика хронимов в нарративном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
2. Белоусова Л.И. Предложно-падежные конструкции с временным значением в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. 15 с.
3. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2001. 528 с.

5. Волкова Е.А. Функционирование наречий темпоральной семантики в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 15 с.
6. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С.122–130.
7. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
8. Демидова И.Л. Семантическая классификация наречий с общей семой времени и подтверждение этой классификации материалом пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 18 с.
9. Ермакова О.П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка. М.: Флинта: Наука, 2015. 96 с.
10. Корди Е.Е. Таксис в простом предложении // Проблемы грамматики и типологии: сб. статей памяти В.П. Неद्याлкова. М.: Знак, 2010. С. 128–138.
11. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
12. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во МГУ, 1977. 168 с.
13. Мыркин В.Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. 125 с.
14. Новожилова А.А. Функциональная вариативность относительных хронимов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.
15. Панков Ф.И. Функционально-семантическая категория наречной темпоральности и система значений наречий времени в русском языке // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 2005. № 1. С. 49–80.
16. Перминова Т.А. Функционально-семантическое поле темпоральности в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 20 с.
17. Подтелкова М.А. Классификация лексических средств немецкого языка с различной временной экстенцией // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008а. №. 1. С. 138–142.
18. Подтелкова М.А. Адвербиальные средства репрезентации универсальной категории времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008б. 23 с.
19. Потаенко Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка. Язык и время. М: Индрик, 1997. С. 113–121.
20. Brons-Albert R. Die Bezeichnung von Zukünftigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tübingen: Narr, 1982. 144 S.
21. di Meola C. Die Versprachlichung von Zukünftigem durch Präsens und Futur I: eine ebenenübergreifende Untersuchung samt kontrastivem Ausblick auf das Italienische. Tübingen: Stauffenburg, 2013. 261 S.
22. Grewendorf G. Deixis und Anaphorik im deutschen Tempus // Papiere zur Linguistik. 1982. Heft 1. S. 47–83.

23. Klein W. Tempus, Aspekt und Zeitadverbien // Kognitionswissenschaft. 1992. № 2. S. 107–118.
24. Latzel S. Der Tempusgebrauch in deutschen Dramen und Hörspielen. München: IUDICIUM Verlag, 2004. 139 s.
25. Marschall G.R. „Ewige Jugend und ein langes Leben“. Implizierte Zeit im Lexikon // Macris-Ehrhard A.-Fr. et al (Hg.) Temporalsemantik und Textkohärenz. Zur Versprachlichung zeitlicher Kategorien im heutigen Deutsch. Tübingen: Stauffenburg, 2008. S. 199–210.
26. Müller G. Die Verwendung von Temporalangaben in Verbindung mit Zeitformen, die ein zukünftiges Geschehen bezeichnen. Dissertation. Halle, 1986. 125 S.
27. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation. Tübingen: Stauffenburg, 1999. 390 S.
28. Timmermann W. Zeitadverbiale – Vielfalt mit System // Deutsch als Fremdsprache. 2000. Heft 3. S. 155–162.
29. Wunderlich D. Tempus und Zeitreferenz im Deutschen. München: M. Hueber Verlag, 1970. 358 S.

Список источников практического материала

1. Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 S.
2. Kehlmann D. Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 S.
3. Noll I. Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 S.

Глава 2

СИСТЕМНЫЕ И АСИСТЕМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. От лексических парадигм к парадигмам текстovým: источники и условия расширения границ синонимии, антонимии и гипонимии в речи

Котцова Е.Е., Архангельск

Исследование словарного состава в прагматическом аспекте, т. е. с точки зрения уместности употребления лексических и фразеологических единиц в зависимости от ситуации общения и целей, к достижению которых стремится говорящий в конкретном коммуникативном акте, позволяет выделить новое направление в изучении лексики – функциональную лексикологию. Основным предметом внимания функциональной лексикологии является «живое слово», или слово в речи [Алефиренко, 2009; Болотнова, 2009; Степанова, 2006; Сулименко, 2009; Сулименко, Хохлов, 2013; Черняк, 2010; и др.]. В 1970–90-е годы в связи с выходом исследований в области лексической семантики в текст большое внимание стало уделяться изучению не только системных, но и текстовых связей слов (см. список литературы в работе: [Котцова, 2002, с. 132–138]). В числе центральных проблем функциональной лексикологии оказались функциональные аспекты лексической синонимии, антонимии и гипонимии как основных видов парадигматических связей слов [Актуальные проблемы ..., 1997]. Явления функциональной синонимии, антонимии и гипонимии, которые устанавливаются в общем плане внутритекстовой мотивированности связей слов, привлекают все большее внимание в лингвистическом анализе текста. Характер такой мотивированности, особенности взаимопереходов, перекатегоризации лексико-семантических связей представляются многообразными и индивидуальными в своих проявлениях, которые далеко еще не выявлены в полной мере.

Установлено, что лексико-семантические связи языка выполняют важную текстообразующую роль, несут не менее 70% функциональной нагрузки в лингвистической коммуникации [Клычков, Шварц, 1986]. Лексико-семантическая парадигма (ЛСП) – это группа слов, в которую они объединяются на основе парадигматических отношений, то есть общего и различающего (если есть) признаков в их значениях. К ЛСП относят следующие группировки лексических единиц: 1) тематические, 2) лексико-семантические, 3) гипонимические, или родо-видовые, группы, 4) синонимические ряды, 5) антонимические пары [Котцова, 2002, с. 87]. Анализ лексических парадигм в речи предполагает выявление не только тех текстовых условий, в которых реализуются собственно системные связи слов, а также ситуаций, в которых наблюдаются разного рода модификации этих семантических связей в речи.

Текстовая связанность синонимов, антонимов и гипонимов может иметь двойственную мотивацию. С одной стороны, она может опираться на наличие данных парадигматических связей в системной организации лексики, то есть отражать их системно-языковые характеристики. С другой стороны, эти связи могут создаваться и в тексте, возникать как функциональное свойство у слов, не обладающих данными семантическими отношениями. В результате на основе функциональных сближений слов по синонимическому, антонимическому типу и по линии «род–вид» формируются текстовые парадигмы синонимов, антонимов и гипонимов, что расширяет границы этих лексических связей в речи.

Рассмотрим условия и источники расширения состава лексических парадигм и их перехода в разряд парадигм текстовых.

I. Функциональная синонимия и антонимия: условия и источники сближений слов в речи по синонимическому и антонимическому типу.

Расширение границ синонимии и антонимии в результате сближения слов по синонимическому или антонимическому типу в речи наблюдается обычно в особых языковых условиях – в типичных контекстах функционирования синонимов и антонимов. *Типичными контекстами функционирования синонимов является нейтрализующий контекст, то есть ряд контактно соположенных однородных членов предложения с отношениями перечисления (X, Y, Z ... ; и X, и Y), соединения (X и Y) или конструкция тождества (X – это Y).* Синонимы в условиях такого градационного ряда характеризуют одно понятие и используются для более полной его характеристики. При этом каждый последующий синоним вносит дополнительную информацию или отражает более высокую степень интенсивности явления (предмета, признака, действия). Ср.: Всту-

пил в *грязную, вонючую* лужу. <...> Сделаюсь *состоятельным, зажиточным* человеком. <...> *Слепая, темная* ночь (Н. Гоголь. Мертвые души).

Нередко синонимы соединяются союзом *и*. Ср.: И встретил почтмейстера, низенького человека, но *остряка* и *философа*. <...> Нельзя, однако ж, сказать, чтобы природа героя нашего была так *сурова* и *черства* (Н. Гоголь. Мертвые души). Присущая союзу *и* соединительная функция еще больше подчеркивает семантическую близость контактно соположенных слов. Но и в этом случае полное смысловое тождество, совпадение значений текстовых синонимов по семантическому объему отсутствует.

Функциональная синонимия – это расширение состава синонимических рядов в результате перекатегоризации, сближения по синонимическому типу семантически связанных слов (членов одной тематической или лексико-семантической группы, гипонимов, антонимов и др.).

Аспекты исследования функций синонимов в речи в значительной степени были стимулированы в начале 1970-х годов теми идеями, которые разрабатывались В.В. Степановой, В.Д. Черняк [Степанова, 2006; Черняк, 1997]. При использовании синонимов в тексте действуют разные механизмы речевой деятельности, реализуются разные языковые функции [Черняк, 1997, с. 103].

Функциональная антонимия – это расширение состава антонимов в речи в результате перекатегоризации, сближения по антонимическому типу семантически связанных слов (членов одной тематической или лексико-семантической группы, гипонимов, синонимов и др.).

Типичный контекст функционирования антонимов – *дифференцирующий* контекст, или контекст антитезы (X, а не Y; не X, а Y и др.). Не менее важным условием является и принадлежность текстовых синонимов и антонимов к одному тематическому полю, а значит, наличие хотя бы одного общего или близкого семантического признака (семантемы) в их значениях, «что и обуславливает их употребление одного в позиции другого в непринужденной речи» [Раков, 1981, с. 52].

Анализ текстовых сближений языковых единиц по синонимическому и антонимическому типу позволил выявить следующие *источники текстовых синонимов и антонимов*, то есть расширения состава лексических парадигм синонимов и антонимов в речи:

1. *Квазисинонимы и квазиантонимы*, то есть спорные, промежуточные между системными и текстовыми группировками объединения. Под *квазисинонимами* (термин Ю.Д. Апресяна) понимают два основных вида семантических сближений слов: а) включения в

состав смысловых синонимов слов с более существенными, качественными, родо-видовыми, отличиями (спать – дремать; наказание – казнь и др.); б) синонимы по сфере употребления, которые не включаются в словари синонимов русского литературного языка (синонимия литературных слов и лексики ограниченного употребления: диалектизмов, жаргонизмов, в том числе арготизмов, профессионализмов, просторечной лексики). Ср.: Для городских даже был составлен специальный словарь, чтобы они понимали, о чем *говорят* между собой урки. Вернее, *базарят* (КП. 2015. 16–23 сент.).

В качестве квазиантонимов, не включаемых в состав многих словарей антонимов как общеупотребительные, узуальные пары, могут рассматриваться а) однокоренные антонимы-эвфемизмы как варианты разнокорневых пар (умный – глупый/*неумный*); б) пары по аналогии с узуальными группировками (верх – низ, ср. пары по аналогии: *небо – земля, пол – потолок*); в) пары по половому признаку (бык – корова, мужчина – женщина ...), г) по цвету (узуальная пара только *белый – черный*, но в речи возможна антонимизация других основных цветов спектра: желтый – зеленый, белый – красный и др.); д) синонимы антонимов: большой (*огромный, гигантский, великанский*) – маленький (*малюсенький, крохотный, крошечный, игрушечный*), которые часто используются в речи как варианты узуальной антонимической пары, например *огромный – крохотный* и т.д.

2. Процессы *синонимизации антонимов и антонимизации синонимов* определяются тем, что слова в тексте, в отличие от словаря, находятся в качественно ином состоянии. По мнению В.В. Степановой, оно выражается в том, что «здесь могут оказаться измененными, размытыми границы между отдельными видами системных связей, присущих слову» [Степанова, 2006, с. 150].

а) *Антонимизация синонимов* наблюдается в дифференцирующем контексте антитезы (не X, а Y; X, а не Y; не Y – X). У синонимов при таком употреблении несущественные «оттенки» значения в тексте становятся существенными, качественными отличиями (не люблю, а лишь влюблен), вплоть до противоположности. Ср.: 1) Отмечала эту дату *одна – не в одиночестве, но одна* (Н. Дарьялов). 2) Его *рассеянность* была высшей *сосредоточенностью* (Ю. Данилов. Вечера в Колмове). 3) У жены твоей *не глаза – очи, и не губы – уста* (Р. Казакова). В последнем фрагменте в значениях слов *очи, уста* также актуализируется потенциальная сема «красивый».

Когда говорящий в контексте антитезы осуществляет выбор того или иного синонима, обычно он пытается обосновать этот выбор в форме языкового рефлексива [Вепрева, 2002; Котцова, 2015]. Ср.: А в чем же е смысл, этой профессии? В том, что мы смотрели и зада-

вали потом вопросы, волновались, печалились, радовались, и *не просто веселились, а радовались, преодолевая печаль и боль* (В. Золотухин. Печаль и смех моих крылечек). Успенский <...> стал курить. *Не дымить, как обыкновенно, не поыхивать, а курить короткими, с влажными всхлипами затяжками* (Ю. Данилов Вечера в Колмове).

б) *Синонимизация антонимов* в нейтрализующем контексте (X, Y, Z...; X и Y; X – это Y). Ср.: И все они, *низкие и прекрасные*, вначале покорны человеку (Н.Гоголь Мертвые души). Часто такие антонимы в роли синонимов фразеологизируются: *Радости и печали* делили пополам. Трудились *дни и ночи* напролет.

3. *Синонимизация и антонимизация членов других лексических парадигм* (тематических, лексико-семантических, гипонимических групп, паронимов, слов с партитивной связью).

а) *Синонимизация членов одной тематической или лексико-семантической группы*. Функциональная синонимия может выступать в качестве основы для семантического сближения на синонимической основе слов разных, но обычно смежных по семантике, лексико-семантических или тематических групп. Ср.:

1) Тиха была пустынная Петровка, и мы беспрепятственно наслаждались роскошной *архитектурой* ее державных зданий – *фризами, карнизами, ампиром, модерном* и так далее. Говорю – «и т. д.» потому, что я дилетант и люблю красоту исключительно в чистом виде, хотя *стили и названия архитектурных элементов* изучил бы с удовольствием, так как тянусь к культуре (Е. Попов Накануне накануне). Здесь источником функциональных синонимов в нейтрализующем ряду с отношениями перечисления элементов являются члены двух смежных лексико-семантических групп, относящихся к тематической группе «Архитектура»: «Стили» (ампир, модерн) и «названия архитектурных элементов» фриз, карниз).

2) Я, например, очень люблю народное искусство – оно для меня питание. Меня потрясают *пластика, гармония, цвет, философия*, сплавленные в единое движение (Архангельск. 2015. 10 сент.). В данном текстовом фрагменте слова с разными характеристиками явления (народного искусства) в нейтрализующем контексте, при «поддержке» лексического окружения («сплавленные в единое движение») могут рассматриваться как текстовые синонимы.

Ср. также глаголы одной тематической группы «Заниматься домашним хозяйством», «Фиксировать изображение кого-, чего-либо с помощью технических средств», которые в нейтрализующих контекстах выступают как функциональные синонимы: 3) <...> если не считать за реальное лицо тетку Олимпиаду, которая *стирала белье, натирала* полы и *готовила* старику покушать (Е. Попов Накануне

накануне). 4) В медицинской среде, безусловно, есть *шарлатаны, вымогатели, самозванцы* <...> **Мониторьте, штрафуйте, отбирайте лицензии**, заводите уголовные дела. Но не лишайте людей последней надежды (Экспресс газета. 2015. 28 сент.). Здесь синонимы в пределах двух рядов сближаются по синонимическому типу в условиях нейтрализующих контекстов в результате актуализации в тексте сем «обман» и «наказание». 6) *Швед, русский колет, рубит, режет...* (А. Пушкин) – Здесь синонимизируются члены двух лексико-семантических групп с ядерными семами «национальность» и «уничтожить, убить». 7) И мы видим, что <...> сигналы, идущие от Кремля, *затухают* в корпоративном болоте, **искажаются, ослабляются** (А. Проханов АиФ. 2015. 7–13 окт.). После победы возник *единый, спаянный, преображенный* народ, которому за 3 года удалось восстановить страну, а потом запустить человека в космос народ (А. Проханов. АиФ. 2015. 7–13 окт.).

б) *Синонимизация гипонимов* характерна для слов с видовым значением, без употребления гиперонима в контексте: 1) Мы решили ехать домой, ибо все, что нам было нужно, мы уже *увидели и услышали* <...> вот подробная запись того, что я *видел и слышал* (Е. Попов. Накануне накануне). Здесь представлены наиболее частотные гипонимы видо-видовой группы без гиперонима: видеть, слышать, осязать, обонять (родовое значение выражено расчленено – «воспринимать органами чувств»). 2) Можно смотреть по телевизору оперетту Кальмана «Принцесса цирка» <...> этого мистера (X – E.K.) *писатели и поэты* тех лет даже вставляли в *романы, повести, стихи* <...> засесть бы да и накатать какую-нибудь простую честную *повестушку, роман* из жизни простых честных людей. Нравственных. Какого-нибудь праведника изобразить (Е. Попов. Накануне накануне). 3) Почему именно художников в тот день полюбили? <...> может, в этот день любили **всех**? Может, как бы мы ни назвались в тот день (смерти Брежнева – E.K.) – *писателями, артистами, слесарями, токарями-револьверщиками, аптекарями, буровыми рабочими, кладовщиками, уборщицами, космонавтами* – нас все равно пропустили бы, коли соответствующие документы в порядке? (Е. Попов. Накануне накануне). 4) Сдам бутылки, куплю в дом *хлеба, масла, курицу* (продукты – E.K.) ... (Е.Попов. Накануне накануне). – группа с гиперонимом *продукты*. 5) *Скорбь. Всенародная* <...> *Печаль. Страх. Любопытство* (Е. Попов. Накануне накануне). Здесь в роли контекстуальных синонимов функционируют гипонимы группы с гиперонимом *чувство*. 7) Приглашала на чай, щебетала, невольно *всматриваясь, вслушиваясь и внюхиваясь*, стараясь отыскать признаки измены (Мир новостей, 2004). 6) Виктория Петровна (жена Брежнева – E.K.) не отходила от кухонного стола –

варила, жарила, пекла, солила, делала заготовки на зиму, которые хранились в погребе на даче (АиФ. Суперзвезды. 2004). 7) Ну, ребята, страна большая, дыр в коммунальном комплексе много, кто ж наверняка знает, где именно в России *потечет, лопнет, сломается, взорвется?* (Мир новостей. 2003). 8) Пытка серой скукой, тоской, тревогами, холодом и зноем, бесцельностью существования, *самоубийствами, детоубийствами, отцеубийствами, братоубийствами...* (В. Солоухин. Смех за левым плечом).

Если в таком нейтрализующем контексте употребляется и родовое слово, то оно обычно стоит не в препозиции как слово с обобщающим значением, когда реализуется собственно гипонимическая связь, а в постпозиции ряда гипонимов (при их контактном употреблении) или в постпозиции текстового фрагмента при дистантном употреблении. Ср.: 1) В доме у Орозкула все было готово к трапезе: *наварено, нажарено, наготовлено* (Айтматов Ч. Белый пароход). Значимым здесь является сам факт готовности к трапезе («все было готово к трапезе»), а не способы приготовления пищи, того или иного блюда. 2) И гости развеселились. Снова принялись за *краковяк, цыганочку с выходом, рок-н-ролл, буги-вуги, твист*, поэтому, когда приехавшая «Скорая помощь» обнаружила *танцы*, то она с самого начала настроилась против больного (Е. Попов. Накануне накануне).

в) *Синонимизация паронимов*, чаще паронимов, то есть разнокоренных паронимов. Ср. также ряд речевых синонимов-окказионализмов, объединенных в нейтрализующем контексте семами «одинокость», «отсутствие чего-л. важного, необходимого человеку»: А он, как и был, остается поэтом, / Живым, неприкаянным и недопетым, / Не слышит похвал, не участвует в спорах. / *Бездомен*, как демон, *бездымен*, как порох, / *Бездумен, бездамен* – ни думы, ни дамы. / Ни даты, отбитой былыми годами (П. Антокольский). Сближение слов по синонимическому типу поддерживается также их паронимическим созвучием.

г) *Синонимизация слов с партитивной связью* (отношения «Целое – его части»): 1. А Руся не спала *все утро, весь день, весь вечер и всю ночь* (Е. Попов. Накануне накануне). 2. Она собирается варить *зеленые щи*, мы идем с ней на знаменитый воронежский крытый рынок, где <...> торгуют всем, что есть, по бешеным ценам... *Редиска, укропчик, петрушечка, лучок, капуста...* (Е. Попов. Душа патриота, или различные послания Ферфичкину). 3. А внизу был тщательно вырисован этот *библейский город* с его кривыми и прямыми *улочками*, широкими и узкими *площадями, храмами, лавками, фонтанами, мостами и галереями* (Е. Попов. Накануне накануне).

а) *Антонимизация членов одной тематической или лексико-семантической группы*: 1) Гостеприимный хозяин *не друг* мне, другом его никак назвать нельзя и приятелем тоже. Он мне малознакомый товарищ <...> Мельком виделись в стенах «альма матер» тыщу лет назад <...> И – встретил знакомого (Е. Попов. Билли Бонс). Здесь представлено противопоставление членов одной ЛСГ существительных по степени дружеских отношений.

б) *Антонимизация гипонимов*. Семантико-синтаксический прием противопоставления слов с родо-видовой связью обычно характерен только для слов с видовым значением – гипонимов. Ср.: И не галера там была нарисована, а ладья (Е. Попов. Накануне накануне).

Ср. значения гипонимов: галера – «1. Деревянное гребно-парусное военное судно с острым носом, заканчивающимся надводным тараном» [Петрова, 2013], ладья – «1. Лодка, парусное судно (устар. и обл.)» [СОШ].

в) *Антонимизация паронимов* может быть проиллюстрирована на примере следующего текстового фрагмента: О, гении видят жизнь словно бы сверху, а Решетниковы барахтаются в безобразной житейщине (Ю. Данилов Вечера в Колмове). Противопоставленность слов *жизнь* и *житейщина* поддерживается здесь и условиями развернутой антитезы («гении» – «Решетниковы» = не гении, бездарщины; «словно бы сверху» – «безобразная»).

3. *Неологизмы, в том числе окказионализмы* (семантические или словообразовательные), в силу своей неузуальной природы могут рассматриваться как функциональные синонимы или антонимы. Они выполняют не только типичные функции замещения, уточнения синонимов или антитезы антонимов, но и выступают как яркое экспрессивное средство. В речи такие новообразования часто поясняются с помощью языковой рефлексии, авторского комментария, обосновывающего их выбор.

а) *Синонимы-неологизмы (окказионализмы)*. Ср.: 1) ... засесть бы да и накатать какую-нибудь простую честную повестушку, роман из жизни простых честных людей. Нравственных. Какого-нибудь праведника изобразить. И безо всяких там *инверсий* <...>, *скобок*, *сносок*, *примечаний* и прочих ***шрамов***, ***уродующих чистое личико*** повествования (Е. Попов. Накануне накануне). Здесь предыдущие контекстуальные синонимы ряда позволяют понять смысл семантического окказионализма *шрамы*. Развернутый характер окказиональной метафоры усиливает ее экспрессивность. 2) Да, кошки помогают нам стать самими собой <...> Так что не стесняйтесь ***фоткать***, ***лайкать*** и ***постить*** котиков! (КП. 2015. 16–23 сент.).

б) *Антонимы-неологизмы (окказионализмы)*. Ср. функциональные антонимы, семантические окказионализмы, в двух текстовых фрагментах из повести Ю. Данилова «Вечера в Колмове»: 1) Возвращаясь, заставлял пишущую публику в двух состояниях. Либо в том, которое называлось *по-вчерашнему*, либо в том, которое именовалось *по-сегодняшнему*. Признаком первого был треск в головной коробке, свист в кармане и всеобщая унылость, переходящая в остервенение. Признаки второго были пестрее, многообразнее в смысле телоположения присутствующих, и это означало, что один или двое получили аванс (Ю. Данилов. Вечера в Колмове). Антонимизация пары семантических окказионализмов *по-вчерашнему* / *по-сегодняшнему* в контексте антитезы поддерживается ее словообразовательной связью с системными антонимами (вчера – сегодня). 2) А журнальная критика то упрекала г-на Успенского <...>, то чуть ли не осуждала на смертную казнь за бегство из *садов художественной прозы в каменоломни прозы публицистической* (Ю. Данилов. Вечера в Колмове). 3) Как сказал когда-то один банкир, наш народ делится на *лузеров* и *винеров* – неудачников и победителей. Одни проиграли битву за жизнь, а другие выиграли. Присвоив себе огромные богатства, они отделились от обнищавшей массы и говорят ей: вы ничтожны, ваш удел – катиться дальше вниз. Казалось бы, зачем человеку яхта за 400 млн. долларов? У него уже есть несколько <...> Но такой покупкой человек подчеркивает, что он *винер*, а мы – *лузеры* (А. Проханов АиФ. 2015. 7–13 окт.).

4. *Синонимия слова и сочетания слов (перифразы, фразеологизма)*: глаза – зеркало души, бездонные озера; Соловки – жемчужина Беломорья; Пушкин – солнце (гений) русской поэзии; голубь – птица мира, крылатый почтальон; Петербург – северная Венеция, город на Неве; фашизм – коричневая чума; нефть – черное золото и др. Ср. также примеры синонимии слов и семантических окказионализмов в составе перифраз (развернутых метафор) в повести Н. Гоголя «Мертвые души»: петух – «предвестник переменчивой погоды», морщины – «обличители гневного движения взволнованной желчи».

5. *Межчастеречные синонимы и антонимы* [Миллер, 1981]: Я *спросил* и тут же получил *ответ* (межчастеречные антонимы). Сначала кто-то негромко *хихикнул*, потом всем стало *смешно* – грянул дружный *хохот* (межчастеречные синонимы). В подобное взаимодействие вступают слова разных частей речи, но со сходными или противоположными лексическими значениями. Как правило, это словообразовательно соотнесенные глаголы и отглагольные существительные – *девербативы*: Он *задал вопрос*. Я *ответил*.

II. Функциональная гипонимия: условия и источники сближений слов по линии «род – вид».

Функциональная гипонимия – это расширение границ гипонимических связей в речи в результате функциональных сближений слов одной тематической сферы по линии «род-вид». Такое семантическое сближение слов допускает толкование одного из них как слова с более специализированным, видовым значением, через значение слова с более широким значением. При этом возможно установление гипонимически значимого признака, по которому осуществляется их противопоставление.

В работе не рассматриваются особенности одиночного употребления слова с родовым или с видовым значениями, вне лексико-семантических парадигм. Одиночное употребление гиперонима вместо гипонима в несвойственной, нетипичной, для него роли слова с видовым значением, то есть при употреблении в переносном смысле, проанализировано на материале существительных [Лысякова, 2004]. Ср., например, переносное употребление гиперонимам вместо гипонима: *какая у тебя красивая обувь* (о туфлях); *какой чудесный цветок!* (о лилии).

Анализ фрагментов из текстов разной стилевой принадлежности показывает, что гипонимы могут реализовать гипонимическую связь с той или иной степенью адекватности системно-языковому образцу гипонимической группы в зависимости от следующих условий:

1. Соположение гипонимов, под которым понимается препозиция или постпозиция гиперонима как ведущего, организующего рассматриваемый вид связи, а также контактное или дистантное положение гипонимов в текстовом фрагменте.

2. Характер употребления гипонимов при их совместном употреблении в речи, или направление гипонимической связи. Условия, в которых наблюдается реализация собственно гипонимической связи, отмечаются в том случае, если слово с родовым значением (Р), или гипероним, находится в препозиции, а слово с видовым значением (В), гипоним (или гипонимы), – в постпозиции. Гипероним при этом обычно реализует функцию обобщения, генерализации, а гипонимы – функцию уточнения, конкретизации, выделения дополнительной информации, а также стилистическую функцию переименования [Лысякова, 2004, с. 144]. Семантика родового слова конкретизируется по линии «род-вид». Гипонимы при этом могут находиться как в контактном, так и в дистантном положении. Ср.: 1) *Ведь даже дружественные **кавказские народы** (Р): абхазы, аджарцы, адыгейцы, армяне, балкарцы, греки, грузины, евреи, имеретинцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, лаки, персы, сваны, китайцы* – торгуют дешевле, чем вы, наши братья по крови и вере (Е. Попов Душа

патриота, или различные послания Ферфичкину). 2) <...> сам поеду за город, в лес. Там, говорят, пошли **грибы** (Р) – *чернушки, волнушки, рыжики, опята*. *Краснеет* рябина, *синее* река, *желтеет* поле (Е. Попов. Накануне накануне). 3) Несмотря на то, что страна забита импортной «жратвой», более 80% россиян **делают домашние заготовки** (Р). *Квасят* капусту, *солят* грибы, *закатывают* банки с огурцами и помидорами, *варят* варенье, припасают компоты, *мочат* клюкву и яблоки (АиФ, 2007). 4) Раньше, когда у меня было жуткое настроение, я приходила домой и начинала **готовить** (Р): *резать, жарить, тушить* (АиФ. Суперзвезды, 2004). 5) Чем больше я подрастал <...>, отчетливее *видел* и *осязал* предметы, **чувствовал** (Р) земные запахи (вместо *обонял* – Е.К.), *слышал* земные голоса (Д. Мамин-Сибиряк. Детство). 6) Он хотел, чтобы у него были дом, жена, которая **готовила бы** (Р) обеды и делала все, что должна делать супруга. <...> Она очень любила *печь, варить* (В) (АиФ, 2007).

В следующем фрагменте отсутствует гипероним, «задающий» в препозиции собственно родо-видовые отношения между словами. Однако отсутствие родового слова храм в тексте не изменяет характер связи – гипонимы здесь воспринимаются именно как слова с видовыми значениями, имеющими существенные, качественные отличия. Ср.: По всем *православным церквям* в день смерти ТОГО, КТО БЫЛ, служили за упокой <...> *А в мечетях? Костелах? Кирхах? Синагогах? Разрешенных молельных домах христиан-баптистов?* (Е. Попов. Накануне накануне).

Одним из основных условий возникновения гипонимических связей у слов, не отмечаемых в их значениях, является соположение гипонимов в текстовых фрагментах. В частности, слова, употребляемые в препозиции текстового фрагмента, приобретают функциональные свойства родового слова. Слова, представленные в постпозиции, соответственно, приобретают свойства видового слова, то есть возникает возможность их толкования через слово с более широким значением, стоящее в препозиции фрагмента. Это позволяет рассматривать слова как *функциональные гипонимы*. Анализ сближений слов по линии «род–вид» в речи позволил выявить две разновидности функциональных гипонимов:

а) Говорящий заменяет гипоним на его синоним, более органично соответствующий стилю высказывания, в том числе на синоним из сферы ограниченного употребления, если это мотивировано речевой ситуацией. Ср.: «Язва на правой **конечности** (Р) ... Почему у нас принято писать «конечности»? Есть же простые человеческие слова – *рука, нога* (Ю Крелин). Здесь наблюдается отказ от более официального гиперонима-термина *конечности*. Предпочтение отдается нейтральным и более частотным гипонимам этой группы –

рука, нога – с мотивацией «простые человеческие слова». Такие текстовые гипонимические группировки более близки к системно-языковым гипонимам.

б) Говорящий пытается создать свой гипоним – семантический или словообразовательный окказионализм.

Сознательный отказ автора от какого-либо из узуальных гипонимов группы обусловлен тем, что то или иное слово с видовым значением не соответствуют тематике, стилистической направленности текста или критериям авторского отбора, описываемой ситуации, не полностью отражает авторский замысел.

Иногда поиск точного видового слова осложняется несоответствием имеющегося в языке слова авторскому замыслу или отсутствием в языке такого, точного, с точки зрения автора, слова. В результате писатель пытается создать свое, окказиональное, слово или значение, чтобы вербализовать концепт, еще не «схваченный словом», в том числе и новое видовое понятие. Такая концептуализация часто требует комментариев, языковой рефлексии, поясняющей когнитивный поиск автора или обоснование выбранного узуального слова [Вепрева, 2002; Котцова, 2015]. Ср. попытку В. Катаева подобрать название для нового жанра литературы, к которому можно было бы отнести его книгу «Алмазный мой венец»: Вообще в этом сочинении я не ручаюсь за детали <...> терпеть не могу мемуаров. Повторяю. Это *свободный полет моей фантазии*, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. <...> *Магический кристалл памяти* более подходит для того жанра, который я выбрал, даже – могу сказать – изобрел.

Не роман, не рассказ, не повесть, не поэма, не воспоминания, не мемуары, не лирический дневник ...

Но что же? Не знаю! <...> ручаюсь, что все здесь написанное *чистейшая правда, и в то же самое время чистейшая фантазия* (В. Катаев. Алмазный мой венец).

Как функциональные гипонимы в тексте могут выступать и члены одной или смежных по семантике лексико-семантических и тематических групп. Структурно-семантической основой такого сближения является наличие в значениях функционально сближаемых слов общих сем. Ср. текстовые гипонимы с препозицией слова-темы *блюда*: Ему подавались все разные *блюда: щи со слоеным пирожком, мозги с горошком, сосиски с капустой...* (Н. Гоголь. Мертвые души).

Явление функциональной гипонимии следует отличать от *смежных семантических отношений*, например, от партитивной связи у существительных по линии *целое – его части*. У глаголов

этим отношениям соответствует связь по линии *совокупное действие – его элементы*. Функциональная основа этих отношений создает почву для их смешения с гипонимическими связями. Между тем, с нашей точки зрения, даже в речи их можно рассматривать только как смежные с гипонимами виды семантических отношений слов.

Совокупное действие, как правило, обозначают глаголы с широкой понятийной основой, такие как *делать, жить, существовать, трудиться, работать* и др. [Жукова, 1987, с. 87]. Они способны включать в объем своего понятийного содержания различные действия, сближение которых чаще всего не находит подтверждения в словарных толкованиях.

Смежность рассматриваемого вида отношений с гипонимическими связями может проявляться в том, что при нейтрализации некоторых признаков отношение «совокупное действие – его элементы» может принимать вид функциональной гипонимии. Но при этом следует учитывать, что совокупное действие в отличие от гипонимов представлено, судя по данным анализа, рядом семантических отношений между его элементами (синонимические, антонимические, видо-видовые, отношения последовательности и др.).

Ср. глаголы с широкой понятийной основой (*жить, существовать*) и соотносимые с ними глаголы – элементы совокупного действия, уточняющие семантику совокупного действия: Какое несчастье, какая боль жили в двух метрах от него! И так было изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, а он *спал, просыпался, ездил на работу, болел, обедал и ужинал – существовал* в таком мире, где боли и несчастьям жены не было места (В. Липатов. Иван Саввович).

Использование в качестве обобщающего более «активного» глагола *пожить*, а также наличие в текстовом фрагменте протяженной номинационной цепочки глаголов действия, наоборот, отражают активную жизненную позицию персонажа: <...> *дайте мне донести свою песню, а также дайте мне покушать, попить и погулять. Дайте почитать, пошататься, посмотреть, дайте пожить в Божьем мире* (Е. Попов. Накануне накануне).

Иногда в текстовых фрагментах тема задается не глаголами с широкой понятийной основой *делать, трудиться, работать*, а более точно репрезентируется в первом фрагменте словосочетанием «домашнее хозяйство», а во втором – «женский домашний труд»: Да и **домашнее хозяйство** тоже было на нем – любимец женщин (Г. Юматов – Е.К.) сам *стирал, сам шил, сам готовил* (АиФ. 2006). Он не умел делать ровным счетом никакой мужской работы, гвоздя вбить не мог. Зато он умел *стряпать, стирать, мыть* полы и танцевать вальс (Е. Попов Накануне накануне).

Отношения «совокупное действие – его элемент» могут принимать вид функциональной гипонимии, если глагол, обозначающий совокупное действие, стоит в препозиции фрагмента, а количество глаголов – элементов этого действия – невелико. Ср.: Мы в соседних бригадах *работали*: <...> Шла мода, когда в бригадах специализацию ввели. Одна бригада *бетонит*, другая *столярит* и так далее (А. Приставкин. Городок).

Итак, гипонимические связи слов при определенных текстовых условиях могут являться основой для развития функциональной гипонимии как одного из видов семантических сближений слов в тексте, некоторые источники которого были рассмотрены выше. Разграничение гипонимических и смежных с ними отношений типа «совокупное действие – его элемент» способствует дальнейшей разработке явления внутритекстовой мотивации.

Анализ фрагментов из художественных и публицистических текстов показал, что в нежестких текстах, допускающих более высокую степень авторской свободы в выборе лексических средств, отмечается больше непрототипических, нетипичных, ситуаций, связанных с употреблением синонимов, антонимов и гипонимов. Семантическая отдаленность функционально сближаемых слов не безгранична. В качестве ограничительного условия выступает обязательная их принадлежность к одной или смежным по значению лексико-семантическим или тематическим группам. Функциональные взаимодействия лексических парадигм, в частности взаимопереходы антонимов и синонимов в речи, могут рассматриваться как разновидности текстовых семантических сближений, не находящих прямого отражения в словарных толкованиях, за пределами текста.

Сближения слов в речи на синонимической, антонимической или гипонимической основе способствуют расширению границ этих связей в речи, взаимодействию лексических парадигм, расширению их текстообразующих возможностей.

Своеобразие функциональных сближений слов по синонимическому, антонимическому типу или по линии род–вид, степень близости текстовых парадигм и системно-языковых группировок, закрепленных в словарях парадигматических связей, во многом зависят от особых текстовых условий и от лексической парадигмы-«донора» как языкового источника для того или иного семантического сближения слов в речи.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

2. Актуальные проблемы функциональной лексикологии: сб. статей / под ред. В.Д. Черняк. СПб: Издательство СПбГУЭФ, 1997. 214 с.
3. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
4. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 377 с.
5. Жукова Т.В. К вопросу об определении в парадигматическом аспекте слов с наиболее общими лексическими значениями // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 85–95.
6. Клычков Г.С., Шварц Е.Д. Семантические параметры текстообразования // Семантика слова и смысл текста: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во МГУ, 1986. С. 45–53.
7. Котцова Е.Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте: учеб. пособие. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2002. 203 с.
8. Котцова Е.Е. Языковые рефлексивы говорящего как способ гармонизации коммуникантов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (042). С. 104–110.
9. Лысякова М.В. Синтагматический потенциал русских синонимов и гипонимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2004. № 6. С. 143–150.
10. Миллер Е.Н. Межчастеречная антонимия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1981. № 1. С. 78–82.
11. Петрова М.В. Словарь иностранных слов. М.: РИПОЛ классик, 2013. 256 с.
12. Раков Г.А. К исследованию нейтрализации синонимов в диалектной речи: (На материале имен прилагательных нарымского говора) // Семантика слова и его функционирование: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.И. Шепилова. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1981. С. 52–58.
13. СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
14. Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб.: Наука, САГА, 2006. 272 с.
15. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 396 с.
16. Сулименко Н.Е., Хохлов А. В. Проблемы лексического «учения о слове»: системный и текстовый аспект: монография. СПб.: Наука, 2013. 210 с.
17. Черняк В.Д. Синонимические связи слов как примета идиолекта // Актуальные проблемы функциональной лексикологии: сб. статей / под ред. В.Д. Черняк. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. С. 103–108.
18. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 128 с.

2.2 Системность и асистемность в медийных новообразованиях

Рацибурская Л.В., Нижний Новгород

Синтез экспрессии и стандарта как существенная характеристика медийного текста ярко проявляется в современном медийном словотворчестве. «В условиях газетной специфики крайне трудно находить всякий раз уникальную экспрессию, которая в то же время необходима именно в конструктивных целях» [Костомаров, 1971, с. 153]. Поэтому автор часто вынужден достигать выразительного эффекта исключительно за счет формы изложения. В этом плане симптоматичной является значительная активизация в СМИ деривационных процессов, в ходе которых активизируются как существующие в словообразовательной системе языка словообразовательные типы, модели и способы словообразования, так и представленные только в речевой практике носителей языка окказиональные модели и способы создания новообразований.

В процессах медийного словотворчества журналисты нередко раздвигают привычные границы словообразовательных стандартов и правил, что способствует повышению степени экспрессивности как отдельных новообразований, так и медийных текстов в целом.

Так, активизировавшиеся в последние десятилетия процессы именной префиксации отражают новые тенденции в словообразовании, согласно которым префиксы активно присоединяются не только к глаголам, но и к именам. Причем активность проявляют прежде всего префиксы иноязычного характера.

Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: **анти-**, **контр-**: *антирынок, антивирус, антиглобализм, антидемократизм, антиреклама, «антиофициоз», «антипиар», «антиновация», антигорбачевский, антимонопольный. антиперестроечный, антипутинский, антирыночный, «антинатовские акции», «антипекинский мятеж»; деполитизация, демодернизация, десталинизация, деидеологизация, департизация; контрперестройка, контрреформа, контркультура, контрэлита, контртеррористический: Нежелание американцев пускать на свою территорию кого попало и хранить в банках грязные деньги было названо вмешательством во внутренние дела России<...> И глава внешнеполитического ведомства Лавров стремительно принялся их разрабатывать, договорившись даже до «антисписка»... (Новая газета, 01.08.2011); Общепонятная **антипопулярность**. Лидеров белоленточного протеста теперь узнают, но не любят (Ком-*

мерсантъ, 24.09.2012); *Стебзики – это слуги **антиэлиты**, развивающие inferнальную журналистику* (Литературная газета, 10-16.07.2013); *Такая стена выстроилась между Майданом и **анти-Майданом** (как его уже успели назвать)* (телеканал НТВ, 14.12.2013); *санкции и **антисанкции*** (радио «Бизнес FM», 16.08.2014); ... *состоялся так называемый **антипарад** в центре Донецка* (радио «Бизнес FM», 24.08.2014); *Фильм...снят в другую эпоху, когда шведское кино еще не было брендом, а было **антибрендом*** (Взлетная полоса, 31.10.2014); *В Москве открылось **антикафе*** (радио «Бизнес FM», 13.06.2015); *Изначально вечеринка по поводу дня рождения Анны Семенович планировалась в «**антигламурном** стиле»* (Комсомольская правда, 04-11.03.2010); *Теперь, когда разрыв между Тимошенко и Януковичем увеличился до 3,5%, становится очевидным, что победить он не мог. Причина – в принципе маятника, который логично отшатнулся в «**анти-оранжевую**» сторону* (Комсомольская правда, 04-11.03.2010); *В Вашингтоне подписан очередной «**антиядерный**» документ* (Советская Россия, 18.04.2010); *Но сразу после закрытия моста в городе появились представители инициативной группы некоего «**антипробочного** движения», которые ежедневно выходят на дороги города с плакатами и растяжками, требуя от чиновников пересечь на общественный транспорт* (Новая газета в Нижнем Новгороде, 23.04.2010); *Это **антифранцузский** состав французской оперы* (телеканал «Культура», 22.05.2011); *Ну а лидер этой **антидиетической** компании – картошка фри* (Собеседник, 2011, №34); ...люди, если можно так выразиться, с активной обывательской позицией, плод антиинтеллектуальной и **антиэтической** пропаганды последних десятилетий (Новая газета, 01.08.2011); **антипастернаковская** кампания (телеканал «Культура», 18.10.2011); *Большинство «креативных» задумок направлено против известного блоггера-**анти-коррупционера** Алексея Навального: со всей страны шлют главному комсомольскую вожаку «**антинавальские**» идеи, одна бредовее другой <...>* (Наша версия, 06-12.02.2012); ...о результатах «**антитабачного**» теста, как, впрочем, и обо всех выявленных отклонениях в детском организме, после диспансеризации будут информировать родителей (Российская газета, 21.02.2013); *Росфинмониторинг против пожертвований через терминалы. По мнению ведомства Юрия Чиханчина, такой способ взносов противоречит «**антиотмывочному**» законодательству* (Известия, 04.02.2013); *В Москве также в этом году согласован **антимеховой** марш* (радио «Бизнес FM», 29.11.2013); **антипирамидное** законодательство (радио «Вести FM», 24.11.2014); *Но общество может со временем выдвинуть **контрэлиту*** (Литературная газета, 30.01-

05.02.2008); *немецкие неонацисты начали собираться на **контрдемонстрацию*** (телеканал «Россия», 01.05.2009); *Местная партиячейка «Единой России» сперва объявила, что соберет весьма многочисленный **контрмитинг*** (Известия, 05.02.2011); *Аналогичные противоречия существуют и в **контрэлите**: вот уже шестые 4 февраля идет несколькими колоннами – общегражданской, либеральной, националистической, левой* (Новая газета, 03.02.2012, №11); **Контрэволюция. В России появится орган по борьбе с протестной активностью?** (Наша версия, 16-22.04.2012). Дериваты с данными префиксами опосредованно отражают противостояние социальных сил и оценок в современной России.

В последнее время префиксы **анти-**, **контр-** активно сочетаются с аббревиатурами, что свидетельствует о расширении формальных возможностей сочетаемости данных префиксов: *Они вызвали к жизни теорию формирования «восточного **Анти-НАТО**» – нового военного блока...* (Независимая газета, 22.10.2007); *В Уфе начала действовать специально созданная JSQ-программа – бот «**Анти-ГАИ**». Это своеобразный автоинформатор* (Комсомольская правда, 18.11.2008); *Но в то же время многие европейские СМИ трактуют некоторые российские высказывания **контрПРО** на свой лад* (Независимая газета, 12.04.2007).

Расширение синтагматических возможностей данных префиксов может проявляться в их сочетаемости с одушевленными существительными, с именами собственными, с числительными и междометиями: *В большинстве я сейчас играю не очень хороших людей, **антимилиционеров** и анти-социальных людей* (Комсомольская правда, 25.03.2008); *Как избежать наезда **антирейдеров**?* (Наша Версия, 11–17.08.2008); *80-е годы, глава «Новых технологий» Окаемов пытается вырастить **антихакеров-профессионалов**, способных предотвращать технологические преступления* (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 30.06.2008); *Олег Табаков по возрасту пенсионер, по духу – **антипенсионер*** (1-й канал, 22.08.2010); *Ему, безусловно, подобает не только всякая слава и поклонение, но и Царство – наперекор всем **антиимпериям, анти-Римам** антихристового века сего* (Завтра, 30.01.2008); *Правые планируют организовать этим летом что-то вроде **анти-Селигера**, которым должен стать скаутский лагерь* (Независимая газета, 07.04.2009); *Координационный комитет движения «**Анти-2004**» расположился в самом центре Афин...* (Российская газета, 27.08.2004); *...и потом стали кричать «**анти-гоп**»* (Комсомольская правда, 03.05.2007).

Особая словообразовательная семантика возникает у префиксальных новообразований с **анти-** на базе одушевленных собствен-

ных имен, потому что в норме эти имена не предполагают развития семантики противоположности. В качестве производящих существительных выступают имена политиков, писателей, актеров, литературных и киногероев и т. п. социально значимых фигур: *Путин в 1999 – 2000 годах по всем основным имиджевым и идеологическим параметрам был «антиЕльциным»* (Независимая газета, 23.05.2007); *Вопрос в том, что и анти-Пизмалион может создать анти-Галатею...* (Комсомольская правда, 01.12.2007); *А корпорация «Сфинкс» вживляет главной героине «вирус анти-Вильям», который заставляет ее тело бояться секса с Вильямом* (Независимая газета, 30.11.2007). В качестве производящей базы может выступать сочетание имени и фамилии: *Дмитрий Аравин показывает свой рязанский патриотизм через свою антипатию к Москве. Он, как анти-Никита Михалков, идет, шагает по Москве в толпе москвичей и поет* (Независимая газета, 12.02.2008).

Исследователи отмечают высокую роль оценочных и количественных значений в современном словообразовании, что, в частности, выражается в активизации префиксов **супер-**, **гипер-**, **ультра-** размерно-оценочной семантики, указывающих на интенсивность качества, признака, высокую степень чего-либо.

Префикс **супер-**, как и синонимичные ему префиксы **гипер-**, **ультра-**, указывает на высокую степень качества денотата – предмета или признака: *На вокзал пришел новый скоростной суперпоезд «Аллегро»...* (Комсомольская правда, 27.05.2010); *Это его фирма изобрела суперлекарство тамифлю* (Комсомольская правда, 10.06.2010); *Позже супербабушку, которая одна разобралась с бандой налетчиков, нашли* (телеканал НТВ, 13.02.2011); *И супермудрость нации будет состоять в том, что мы все эти силы будем держать в равновесном состоянии* (Новая газета, 03.02.2012, №11); *развивается супертемплами* (радио «Бизнес FM», 31.08.2014); *Это была суперигра и у нее сегодня был суперитог* (телеканал «Россия 1», 16.05.2015); *Этот супервредитель никогда не оставит их (ученых – Л.Р.) без работы* (Радио России, 23.06.2015); *Сегодня очередная суперпятница* (радио «Бизнес FM», 07.08.2015); *Хотели сделать из Нижегородского Кремля суперреальное пати* (телеканал Волга, 03.05.2008); *Я был воспитан в супероптимистическом духе...* (Литературная газета, 23 – 29.07.2008); *суперкачественная сталь советских танков* (телеканал НТВ, 22.05.2011). Префикс **супер-** может указывать на значительные размеры предмета, особую его значимость и масштабность (*суперсцена, суперкомпания, суперпроект, суперваза* под.), на высокие профессиональные и иные качества лица (*суперпрофессионал, суперпродюсер, суперпрезидент, суперреволюционер*).

Менее активны префиксы **гипер-**, **ультра-**: *Волшебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли гипернакрутку* (телеканал ТНТ, 29.03.2008); ... *сегодня гиперхудоба в стиле Кейт Мосс, о которой лет 100 назад наверняка бы сказали «краше в гроб кладут», – это уже не модно* (АиФ, 17–23.09.2009); *Все-таки актер должен иногда быть расслабленным. Эта гиперответственность чувствуется, что занимает много места в вашей жизни и передается на экран* (Российская газета, 23.09.2010); *Космонавтов видел, слышал. Это не гиперлюди, люди будущего* (Радио России, 12.04.2012); *США по-прежнему считают Россию гиперугрозой* (телеканал «Россия-24», 09.07.2015); *Самохина была гиперсексуальна* (КП в НН, 11 – 18.02.2010); *Сказать, что это интересно, – это значит ничего не сказать. Это гиперинтересно* (1-й канал, 03.09.2011); ...*святилище ультранаучно-технического прогресса* (телеканал НТВ, 23.01.2010).

О расширении синтагматических возможностей префикса **супер-** свидетельствует его сочетаемость с именами числительными, а также с именами собственными, поскольку в норме семантика имени числительного не предполагает большей или меньшей степени проявления признака: *Ориентировочно мы назвали этот турнир «Супер-шесть». Право участвовать в хоккейной Лиге чемпионов получают чемпионы пяти лучших европейских стран согласно рейтингу* (Российская газета, 06.02.2004); *а уж потом все эти Куркино, Сити, суперХимки и прочие гордости градостроительной мысли* (Комсомольская правда, 09.10.2007); *У России был свой суперПиночет – Сталин* (Комсомольская правда, 11.12.2006); *В программе конкурсы, призы, живая музыка, стриптиз, Дед Мороз, суперСнегурочка. Ресторан-клуб «Викинг»* (Комсомольская правда, 21.11.2007). Новообразование может создаваться на базе сочетания личного имени и фамилии: *За этой Супервазой охотится российский Супер-Джеймс Бонд* (Независимая газета, 15.11.2007). Новообразования на базе личных имен появляются и при участии префикса **гипер-**: *Такой вот гипер-Чехов, только у того всегда присутствуют холод и скепсис, а здесь все одобрено острейшей приправой страсти* (Новая газета, 19.11.2007).

В подобных новообразованиях на первый план выступает оценка, часто ироническая, номинируемых реалий. Новообразования с префиксом **ультра-** обычно характеризуются отрицательной оценочностью, иронической коннотацией (*ультрареволюционеры, ультрапатриоты, ультрамины*).

В результате сочетания префиксов **супер-**, **ультра-** с относительными прилагательными у последних развивается качественная семантика: *Но это не просто супермедицинское учреждение в*

Москве (Комсомольская правда, 05.05.2006); **Супертитулованным** чемпионам Евгению Плющенко, Антону Сихарулидзе, Алине Кабаевой, Светлане Хоркиной можно тоже в академики премии «Лауреас» (Российская газета, 21.02.2008); **супердокторская** диссертация (радио «Серебряный дождь», 10.02.2011); ...превратить страну в президентскую, даже **суперпрезидентскую** республику (радио «Бизнес FM», 07.08.2014); Он не тянет **ультралирические** места... (Российская газета, 05.02.2009); **ультрамодернистская** утопия, **ультрамузыкальное** жульничество.

Сочетаются указанные префиксы и с аббревиатурами: *Главной структурой этой операции американского империализма является **супер-НАТО*** (Независимая газета, 18.01.2008).

Новообразования с данными префиксами отражают усиление социальной оценочности в период ремаркации социальных ценностей в России.

Значительно активизировались в последнее время префиксы **псевдо-**, **квази-** с семантикой неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии, что отражает ситуацию размывания в современном российском обществе прежних ценностей, господства ложных приоритетов, распространения фальшивых ценностей и подделок в сфере материального и идеального: *псевдосуверенитет, псевдодемократ, псевдопатриот, псевдодиетологи, псевдонароды, псевдороссияне, псевдоэлитарии, псевдохолостяки, псевдоопекуны; Вариант телефонного мошенничества с участием «псевдородственников» с успехом проворачивается уже не первый год!* (Проспект, 19.01.2010); *Очень хочется спросить всех скептиков и псевдоспециалистов, пророчивших поражение нашей баскетбольной команде...* (телеканал ННТВ, 27.05.2011); *Простить того, что псевдоженщина (транссексуал) будет их невесткой, они не смогли* (телеканал «Волга», 30.03.2012); *Каждый месяц в Греции разоблачают лжеастматиков и псевдосердечников* (1-й телеканал, 22.04.2012); *Сколько водителей могло попасть в число таких псевдонарушителей... Все те, кто заплатил псевдоштрафы, должны требовать возврата этих средств...* (радио «Бизнес FM», 27.02.2012); *Все иные псевдопротоколы* юридической силы иметь не будут (радио «Бизнес FM», 06.03.2012); ...как распространители **псевдомедицинских** приборов могли обмануть ее, фронтовую медсестру! (5-й канал, 13.07.2009); **псевдолесбийская** тема (телеканал «НТВ», 08.10.2011); ...**псевдонаяривающий** на скрипке Александр Рыбак... (Культура, 25-31.05.2012, №18); *К тому же, заметим, у многих заемщиков оформлена «квазиипотека» под залог уже имеющегося жилья* (Российская газета, 21.11.2008); *Я выбираю тех, которые из стадии квазипартий и протопартий эволюцио-*

нируют в сторону, так сказать, партийной полноценности (Московские новости, 30.11–06.12.2007); У нас режим, который я обозначила бы как **квазитоталитаризм** (Собеседник, 2008, №45); Как новый состав **квазиеврокомиссии** скажется на... (радио «Бизнес FM», 01.11.2014); ...чтобы не попасть под влияние России – богатой страны с **квазисоциалистической** полугосударственной экономикой (Московские новости, 22 – 28.06.2007); Нормальный человек, соприкоснувшись с такими **квазимасонскими** организациями... (Завтра, 2007, №48); Белоруссия – последний представитель **квазисоциалистической** экономики в Европе (<http://news.gambler.ru>, 09.06.2011); ...**квазироссийский** режиссер, поскольку он живет в Германии... (1-й телеканал, 29.05.2011);... один скандал вокруг **квазипрезидентской** Одиссеи нашего героя все-таки случился (Новая газета, 20.01.2012 №5). Широко представлены данные префиксы в новообразованиях медийных текстов. При этом новообразования, называющие лиц, могут иметь дополнительные оттенки смысла ‘фальшивый, подложный представитель данной профессии’: Тогда его автомобиль был остановлен **псевдомилицонерами**, а затем обстрелян (Российская газета, 10.10.2008); **Псевдополицейский** оказался старым знакомым (телеканал «Россия», 20.01.2009).

Новообразования с **псевдо-** могут указывать на несоответствие реальным функциям и свойствам, на низкое качество того, что названо мотивирующим словом: Наша задача – создать некую единую систему, упорядочить систему соревнования, выгнать всех **псевдоорганизаторов** (Российская газета, 12.08.2008); По сути Кремль завершил формирование **псевдопартийной** системы: шаткую конструкцию «Единой России» слева подкрепили имитацией социалистов (Справедливая Россия) (Новая газета, 17.11.2008). Новообразования, номинирующие объекты в сфере искусства, могут развивать значение имитации: Смешав на экранной палитре реальную и **псевдохронику** с игровыми сценами, анимацией, он предпринял храброе до безумства путешествие в город (Новая газета, 23.10.2008); ...когда он касается реальных проблем – то оказывается беспомощным, самодеятельным, **псевдотеатральным** (Новая газета, 18.09.2008); **псевдодокументальная** манера (Комсомольская правда, 21-29.01.2010); **Псевдодокументалистика** привлекает, но примелькавшись – отталкивает (Литературная газета, 27.01 – 02.02.2010); А мы едем на «ролевуху» – масштабную **квазитеатральную** постановку, основанную на импровизации участников (Российская газета, 26.05.2006).

В свое время Е.А. Земская обратила внимание на некоторое семантическое и функциональное различие префиксов **псевдо-** и **квази-**: слова с **псевдо-** содержат субъективную оценку лица, тогда

как слова с **квази-** характеризуют состояние именуемого объекта [Земская, 2000, с. 115]. В современных СМИ новообразования с **псевдо-** также могут содержать оценку неодушевленного предмета (конкретного или абстрактного): *...псевдонеудобства, связанные с маленькими детьми, кажутся пугающими* (1-й канал, 20.06.2010); *Под его пером рушатся многочисленные идолы прогрессизма, такие как индивидуализм, демократия, буржуазный псевдонационализм* (Завтра, 2010, №21); *Эдуард надеется, что в реальной жизни не появятся «псевдомечи»* (Телесемь, 08-14.03.2010); *...сочинения лицедеев от филологии перегружены псевдосмыслом* (Литературная газета, 06-12.06.2012, №23-24); *Мы настаиваем на полноценном детском питании, чтобы отсечь псевдопитание* (радио «Коммерсантъ FM», 08.09.2014); *Надо когда-то заканчивать процесс псевдообразования* (радио «Бизнес FM», 30.11.2014); *...на территории образованного год назад псевдохалифата* (телеканал «Россия 1», 28.06.2015); *Не дай Бог никому попасть в такую ситуацию, как тот псевдоматч в Черногории* (радио «Бизнес FM», 14.06.2015); *Все это воспринимается как его (Лукашенко – Л.Р.) псевдооткровения* (радио «Бизнес FM», 06.08.2015).

А новообразования с **квази-** могут характеризовать субъект: *Сколько она (Ксения Собчак – Л.Р.) ни обзывала квазигонимелей «анально ориентированными», ее ушли не потому, что она горячая бунтарка <...>. Вы лучше мысленно хотя бы поддержите мою подругу Леру К., уже записанную в штрейкбрехеры псевдореволюционерами* (Собеседник, 2012, №21).

В роли производящих (мотивирующих) слов нередко выступают имена собственные – названия разного рода реалий и лиц: **псевдо-«Милдронат»** (Российская газета, 07.04.2009) – название поддельного лекарства; **псевдо-«Рефлекс»** (Экспресс газета, 10.10.2007) – название поп-группы, использующей чужой бренд; *Это курс на возрождение не псевдо-России, какой наша Родина была с 17-го по 91-й год в оболочке Советского Союза, а настоящей России...* (Российская газета, 20.01.2008); *В финале фестиваля «НаМОДнение-2008» «зажигал» псевдо-Билан* (Комсомольская правда, 15.04.2008). Производящей базой может быть и сочетание имени и фамилии: *На сцене разрывается псевдо-Верка Сердючка* (Российская газета, 13.05.2004); *ПсевдоКубрик не очень хорошо разобрался в литературном творчестве* (радио «Комсомольская правда», 31.10.2010); *Когда псевдо-александрымакедонские что-то там в Индийском океане мочить собирались...* (Новая газета, 11.09.2008).

О расширении синтагматических возможностей префиксов **псевдо-**, **квази-** свидетельствует и их сочетаемость с аббревиатурами: *Трехмесячный период, на который может быть введено псев-*

до-ЧП, не так уж мал (Новая газета, 04.07.2008); *В независимом Туркменистане, по данным местных наблюдателей, помимо квази-НПО советского типа, занимающихся женской, ветеранской, молодежной проблематикой и охраной природы, почти нет независимых НПО...* (Российская газета, 16.04.2007).

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса **экс-**, что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств. Префикс **экс-** с семей 'бывший', унаследованной из английского языка, употребляется не только со словами, обозначающими звание, должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле – по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению, психо-физиологическим характеристикам: **Экс-мэр Юрий Лебедев семейный бизнес предпочитает эффективному** (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 04–10.11.2009); **Экс-градоначальник Нижнего Новгорода на своем «Лэнд Крузере» столкнулся с легковушкой в центре города на ул. Белинского** (Ленинская смена, 17–23.02.2011); **экс-посол России в СНГ** (телеканал «Россия 1», 18.10.2014); **экс-спикер Госдумы Геннадий Селезнев** (радио «Бизнес FM», 22.07.2015); **экс-замглавы Роспотребнадзора** (радио «Бизнес FM», 02.08.2015); **экс-пилот «Русских витязей»** (Комсомольская правда, 20–27.08.2009); **Экс-милиционер, сбивший беременную женщину, оставлен под арестом** (Независимая газета, 01.07.2009); **Через месяц экс-оперативник получит ответ** (Новая газета, 01.08.2011); **Динамоцы сумели забить гол первыми, гол на счету новобранца команды, экс-нападающего** английского «Ливерпуля» **Андрея Воронина** (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 06.04.2010); **...продолжают выплачивать зарплату экс-главному тренеру** (радио «Бизнес FM», 10.09.2014); **Не всегда гладко происходило объединение аграриев и «единороссов» в одну партию. Не стерлись противоречия между экс-«пенсионерами» и чистыми «единороссами»** (Новая газета в Нижнем Новгороде, 12.03.2010); **Будет увеличена пенсия экс-сотрудникам** (радио «Серебряный дождь», 01.08.2011); **Но не это волнует экс-чиновницу** (радио «Бизнес FM», 10.07.2014); **Новые подробности скандала со сбежавшим экс-командиром... Подозревают двух его экс-подчиненных** (радио «Бизнес FM», 11.10.2014); **Павла Волю по-мужски приветствовал экс-солист «А-студио» Батырхан Шукенов** (Экспресс-газета, 2011, №31); **венчание экс-модели** (радио «Бизнес FM», 13.06.2015); **экс-суперзвезда украинской эстрады** (телеканал НТВ, 15.05.2010); **Несколько часов экс-нижегородец нес его на себе по пустыне** (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 16 – 23.06.2005); **трансфертная стоимость экс-украинца** (радио

«Бизнес FM», 01.04.2014);...**экс-жена** британского принца Эндрю... (1-й канал, 24.05.2010); *На своем участке я сохранил яблони, груши и ягодные кусты, – поделился **экс-супруг** примадонны* (Экспресс-газета, 2011, №31); **экс-неврастеник** российского рок-н-ролла *Петр Мамонов* (Известия, 29.04.2009).

В качестве исходных слов могут выступать не только одушевленные, но и неодушевленные существительные, имена собственные, аббревиатуры, прилагательные, субстантивированные прилагательные и причастия, числительные в функции качественных прилагательных, словосочетания, что свидетельствует о расширении синтагматических возможностей префикса: *Даже президенты с приставкой «экс» от своих **«экс-привычек»** не скоро избавляются* (Комсомольская правда, 06–13.12.2007); *При советской власти первым новоселом в **экс-Сенате** стал Ленин – его рабочий кабинет был на третьем этаже* (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 13–20.03.2008); *Толя, **экс-ваучер**, **экс-рубильник** и нанотехнолог, говорят, недоволен, что ему приписывают фразу «русские бабы еще нарожают»...* (Завтра, 2009, №8); *...на выручку детищу международных банкиров пришло правительство России в лице и. о. **экс-Черномырдина**...* (Завтра, 2004, №72); *Своими глазами видел раздел в одной из букинистических лавок **экс-Свердловска*** (Завтра, 2009, №81); *экс-СССР; экс-полицейский; экс-больной; экс-«Блестящая»; А **экс-коммунистические** депутаты Селезнев, Горячева, Драпеко сделали шаг назад...* (Завтра, 2007, №42); *Во имя торжества верховного курса и спокойствия российских (**экс-русских**) окраин* (Завтра, 2007, №53); *Потребовалось **экс-главному** полететь в разгар сезона на юг* (Завтра, 2006, №52); *Теперь **экс-«правый»** стал координатором «единороссов» Приокского района. Значит, он вряд ли сможет помогать своей партии... Другой вопрос, почему нельзя быть в «правой» партии и работать во власти?* (Новая газета в Нижнем Новгороде, 30.04.2010); ***Экс-первую** леди Франции Сесиль Саркози явно не слишком расстроила женитьба бывшего мужа* (Российская газета, 07.02.2008); *Согласие Платона Еленина (**экс-Борис Березовский**) и Ахмеда Закаева сотрудничать с Генпрокуратурой РФ по «делу Литвиненко» расценивается как серьезный шаг...* (Завтра, 2007, №12); *И в этом рассказе бывшая «газовая принцесса» и **экс-«королева Майдана»** с ее ультрапопулистскими лозунгами на время просто перестала быть актуальной* (Завтра, 2006, №24); *...на похвалы сегодня не купится ни сама **экс-«первая леди Америки»**, ни представители штаба демократической партии* (Завтра, 2006, №24); *...**экс-генеральный секретарь** СРП Александр Вучич...*(Завтра, 2008, №52); *Весь год ведущая программы «Спокойной ночи, малыши!» **экс-***

*«Мисс Вселенная» Оксана Федорова выходила в свет с тенором Николаем Басковым (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 24–31.12.2009); Пустынная экспозиция в экс-Музее Ленина привлекла прозябающий на Манежной площади молодежь (Завтра, 2005, №81). В новообразованиях, характеризующих лицо по степени родства или близости отношений, префикс **экс-** может приобретать негативную оценочность: *В отличие от экс-супруги Диброва, Полина решила, что карьера подождет, а дети – нет* (Собеседник, 2009, №12).*

Яркой креативной чертой современного медийного словотворчества является активное использование журналистами в новообразованиях новых аффиксальных формантов, формирующихся на базе иноязычных корневых морфем.

Новый префиксальный элемент **мега-** размерно-оценочной семантики активен при образовании имен: *мегафабрика, мегаферма, мегамагазин, мегалагерь, мегарайон, мегаспорт, мегаспектакль, мегаолигарх, мегапопулярность, мегасонатор, мегазаботливый; МегаЕвропа и грязные английские средства* (Независимая газета, 17.11.2005); *Мегафорум будет проходить с 20 по 23 мая...* (Радио России, 13.05.2009); *Мегаславяне* (Собеседник, 2009, №26); *Разрушение Советского Союза – то единственное, что Corby и впрямь довел до конца. Понятное дело, такое мегапредательство было суммой, бесконечно превосходящей тридцать иудиных серебряников* (Советская Россия, 27.11.2010); *В России появится новый мегарегулятор* (Известия, 06.12.2010); *мегаизвержение – об извержении вулкана в Исландии* (телеканал НТВ, 03.12.2011); *политическое мегаграффити* (телеканал REN TV, 10.04.2011); *Российские оппозиционеры хотят создать новую мегапартию* (радио «Бизнес FM», 15.02.2012); *Что является на автосалоне суперсенсацией, мегасенсацией?* (радио «Серебряный дождь», 01.03.2011); *Предложения по созданию суперведомств<...>Все мегаведомства...* (радио «Бизнес FM», 02.04.2012); – *Это был период мегасделок? – Да, так и получилось. Второй квартал стал периодом мегасделок* (радио «Бизнес FM», 09.07.2012); *Мегазначение для инвесторов имеет налоговая система* (радио «Бизнес FM», 03.11.2014); *В этой пятиэтажной мегастоловой...* (телеканал «Россия-2», 25.07.2015); *Такое ощущение, что в стране нет ни одного подростка, который бы не смотрел мега-рейтинговый сериал «Ранетки» на телеканале СТС* (КП в НН, 11–18.02.2010); *Она настолько была мегаудесятерена на жизнь* (телеканал НТВ, 02.04.2011); *Она держит его в мегаежовых рукавицах* (радио «Серебряный дождь»; 10.01.2011); *Это не мегаэкзотическое направление* (радио «Серебряный дождь», 12.01.2011).

Сочетаемость с одушевленными и собственными именами существительными свидетельствует о расширении синтагматических возможностей префикса **мега-**.

К новым суффиксальным формантам исследователи относят элемент *-ленд*, использующийся при образовании топонимов: *Сталинленд*, *Моторленд*, *Шаоленд* [Ильясова, Руденко, 2013, с. 105–111]; *Информацию конгресса США о том, что Россия в прошлом году вышла на первое место в мире по поставкам оружия в «развивающиеся страны», призвана усилить негативное отношение к «Путинленду»* (Завтра, 2006, № 44).

Еще одно новое явление в современном русском словообразовании – появление новых аффиксоидов. Примером может служить суффиксоид *-гейт* со значением 'скандал' из английского *gate* – 'ворота': *«Алтайгейт»*, *Ирангейт*, *кавказгейт*, *Моникагейт* (Моника Левински – Л.Р.), *обамагейт*, *«Конюшня-гейт. Элитная конюшня близ Вильнюса получила неслыханную рекламу во всем мире. О ней говорят, как о месте, где некоторое время действовала тайная тюрьма ЦРУ»* (Российская газета, 24.09.2012); *Регионы охватывает «намазгейт»*. *Тема ислама и мечетей вошла в арсенал черных пиарщиков* (Независимая газета – Религия, 21.08.2013); *Израильский бизнесмен Гадамак связан с так называемым делом «Анголагейт»* (Радио «Бизнес FM», 26.11.2013); *Капеллогейт. В финансировании главного тренера сборной России по футболу (Фабио Капелло –Л.Р.) могли принимать участие компании и люди, замешанные в масштабных махинациях по отмыванию преступных средств* (Российская газета, 24.04.2015). По утверждению Е.И. Коряковцевой, элемент *-gate* – англицизм-неоинтернационализм – входит в состав названий скандалов в 16 европейских языках: «Словопроизводство гибридов-компрессатов с помощью изофонов этого структурного элемента со значением 'скандал' (*-гейт-*, *gejt-*) является эффективным манипулятивным приемом, который ныне используют представители не только российских средств массовой информации, но и СМИ всех славянских стран, распространяя негативную информацию, которая мгновенно находит эмоциональный отклик у потребителей продукции постсоциалистических массмедиа» [Коряковцева, 2012, с. 187].

Достижения научно-технического прогресса способствуют активизации такой препозитивной части греческого происхождения, как **нано-**, которая квалифицируется носителями языка то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид. Показательно восприятие части **нано-** некоторыми носителями языка: *Все только и говорят про нано-что-то-там, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существу-*

ют ли нанотехнологии и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в **наноскандалы** и разоблачение **нанодельцов**. Не способен даже гнать **нанопургу** про **нано-будущее**. (Все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета) <...> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой **нановакханалии** – ведь, к счастью для нас, **слово «нано»** давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой **нанореальности** и посвящены мои **наномысли**. Сегодня «нано» - передний край словообразования<...>. Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову – и будет толк (Русский репортер, 22–29.05.2008). В последнее время **нано-** используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где **нано-** указывает на отношение к нанотехнологиям: Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «нано» – значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный. Значение это особо греет душу рекламщикам: <...> тут и **iPodnano**, и сигареты **Kentnano**, и **наноЯндекс**, и какие-то **нанооптимизаторы**, и **наноноски**, и **нанокремы**, и даже **нанотрусы** с биофотонами (Русский репортер, 22–29.05.2008); **Приставка нано-** прочно обосновалась в русском языке <...>**нано-** происходит от греческого «карлик». <...> В планах – производство **нановакцины**<...> Перспективы **наноалмазов** изучила Инна Осипова (телеканал НТВ, 22.04.2009); Да, есть планы по перенастройке экономики в стиле **нано-** (Аргументы и факты, 2009, №21); Если мы будем научные разработки сразу сравнивать с бизнесом, в лучшем случае мы сделаем какие-то «**нанолапти**» или что-то в этом роде... (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 10–16.02.2010).

Указанные особенности свидетельствуют об усилении тенденции к интернационализации в современном русском словообразовании [Земская, 2010]. Кроме того, активизация иноязычных элементов и расширение их синтагматики в деривационных процессах свидетельствует об увеличении структурно-функциональных возможностей словообразовательной системы русского языка.

Наибольшим экспрессивным эффектом обладают нестандартные асистемные новообразования, созданные неузвальными способами, по окказиональным моделям.

«На рубеже XX–XXI вв. особую активность проявляет неузвальное словообразование. Оно связано с раскрепощением языка, ослаблением границ между разными сферами языка. Неузвальное словообразование характерно для всех сфер языка <...>, но наиболее интенсивно оно живет в СМИ...» [Земская, 2010, с. 249]. Среди неуззу-

альных способов деривации наибольшую активность проявляют разные виды гибридизации – контаминированного словообразования. Особенно широко представлено междусловное наложение и графическое словообразование. При междусловном наложении (термин Н.А. Янко-Триницкой) происходит произвольное совмещение формально тождественных частей производящих слов (с возможным усечением морфемных и неморфемных частей). Подобные гибридные новообразования широко представлены в современных СМИ: *Паспортивный интерес. На выборах Президента России украинские спецслужбы выявляли лиц с двойным гражданством* (Наша Версия, 19.03.2012) ← *паспорт + спортивный*; *Много лет назад, когда восторженные менеджеребы вслед за мужем Хиллари восторженно восклицали «Глобализация – это Америка», эта парадигма, возможно, и была прогрессивной* (Завтра, 2012, №44) ← *менеджер + жеребцы*; *«Установлена причина мамнезии. Многие будущие матери жалуются на ухудшение кратковременной памяти»* (Наша Версия, 06.03.2013) ← *мама + амнезия*; *Секстремисток из FEMEN осудят во Франции?* (Наша Версия, 16–22.09.2013, №36) ← *секс + экстремистки*; *Мамутное дело. Совладелец Lenta.ru Александр Мамут уволил главного редактора журнала Галину Тимченко* (Новая газета, 14.03.2014, №27) ← *Мамут + мутное*.

Усечение начальной части второго слова *цинизм* происходит при образовании окказионализма *сыннизм*: *С особым сыннизмом. Политическое поражение президента Украины Виктора Януковича обернется серьезными последствиями не только для него, но и для его сыновей, благополучие которых тесно связано с карьерой отца* (Огонек, 17.02.2014, №6) ← *сын + цинизм*. Усечение неморфемной начальной части второго мотивирующего наблюдается и в окказионализме *киприотизм*: *Киприотизм. России пора-таки встать с колен* (Московский комсомолец, 03 – 10.04.2013) ← *Кипр + патриотизм*. Префиксальные части прилагательного *неоспоримое* усекаются при наложении на него существительного *диаспора*: *Диаспоримое преимущество. Национальные объединения усиливают влияние на государственную власть* (Наша Версия, 05 – 11.08.2013). При междусловном наложении возможно усечение финали первого мотивирующего [Улуханов, 1996, с. 76]: *Войска прапортуют. Треть уволенных прапорщиков и мичманов вернут в армию* (Наша Версия, 22 – 28.04.2013). В окказионализме наблюдается совмещение конца усеченной части первого мотивирующего *прапорщик* (с усечением финали *-щик*) с началом второго мотивирующего *рапортуют*.

При контаминации двух исходных слов возможно формальное видоизменение одного из них: *Крыминал<...>Новые субъекты Рос-*

сийской Федерации – Крым и Севастополь – не только курортная зона с Ласточкиным гнездом, Массандрой и памятником погибшим кораблям, но и криминогенный регион с высоким уровнем коррупции и весьма активным бандитизмом (Новая газета, 24.03.2014) – Крым+ криминал; **Гостьсекретарь США**<...> Как стало известно «Ъ» (газете «Коммерсантъ» – Л.Р.), в Москву для переговоров с главой МИД РФ Сергеем Лавровым 4–5 февраля может приехать госсекретарь США Джон Керри (Коммерсантъ, 29.01.2015) – гость+ госсекретарь.

При графическом словообразовании – графикации, графодеривации (В.П. Изотов, Т.В. Попова) в узуальном слове выделяется графическими средствами (прописными буквами – капитализация (С.В. Ильясова), - цветом, особым шрифтом) часть, соответствующая другому узуальному слову (или его части) с возможным формальным видоизменением: **Летняя ПАРКовка** (Нижегородский рабочий, 04.06.2014); **ПАРКуемся** (Антенна-телесемь, 16–22.06.2014); **КРЕПкое** веселье. В Нижнем отметили французскую Масленицу с карнавалом и крепями (Нижегородский рабочий, 05.03.2014); **ВеликоЛЕПНЫЕ** штучки. Называют их в разных странах по-своему. Готовят по-разному. Подают кто с чем. Но все одинаково обожают, потому что это – домашние пельмешки! <...> Тесто раскатываем, режем колбаской, лепим пельмени (Телесемь, 13–19.01.2014); **Оксана Григорьева оказалась на МЕЛу** (Комсомольская правда, 26.02.2014) – о конфликте российской пианистки с известным голливудским актером Мелом Гибсоном; «**Рамзан Кадыров теперь в ПРИОРитете!** <...> Раньше коней дарили или баранов, а сейчас вот «Приоры!»» (Комсомольская правда, 17.12.2013); **ПЕРЕХОДный** период. Улицу Белинского на участке от площади Лядова до улицы Кулибина закрыли до 9 сентября (Нижегородская правда, 27.06.2013); **ПЕНЯйте** на себя! ФСН напоминает об ответственности за неуплату налогов (Нижегородский рабочий, 11.10.2013); **ЛУЧшая** защита. Как спастись от последствий солнечного и теплового ударов (Вестимо, 15–21.07.2013); **МАКСимум** внимания (1-й телеканал, 25.08.2015) – речь идет о Московском авиационном космическом салоне.

Графически выделенный фрагмент может представлять узуальное слово в усеченном виде. Так, в названии рубрики *отКУШайте* таким фрагментом является начальная часть фамилии ведущего рубрики Отара Кушанашвили (Собеседник, 2014, №10).

В ряде гибридных новообразований часть, соответствующая узуальному мотивирующему слову, выделена цветом или другими графическими средствами: **Культура** отдыха. На какие турфирмы жалуются нижегородцы (Новое дело, 13–19.06.2013); **Удар**

в **БОККЕТТИ**. «Спартак» едва не получил пробоину, оставшись в меньшинстве после травмы Сальватора Боккетти (Новая газета, 19.08.2013).

В графическом словообразовании используются также графические знаки разных хронологических срезов языка и письма («КоммерсантЪ»), – алфавитов разных языков («Не UKRadi!»); небуквенные графические знаки – скобки – парентезис (*изд(ев)ательство*), слеш – слешинг (*пред/постмодернизм*), кавычки – квотация («Зенит»*(ная)* установка // Комсомольская правда. 23.10.2013), дефис – дефисация (*по-кончить с собой*); идеографические знаки (*Ру\$\$кие идут!*); цифры (*Ве4ер отдыха*) [Попова, Рацибурская, Гугунава, 2006; Попова, 2013].

Подобные графические приемы использовались и в терминосистемах разных языков, что опять-таки свидетельствует об активном вовлечении иноязычных структур и моделей в русскую деривационную систему. Таким образом современное русское словообразование приобретает новые функции – способствует включению иноязычных элементов в русский язык [Земская, 2004, с. 518].

Завершая раздел, отметим, что новообразования в медийных текстах являются результатом как реализации деривационной системы языка, так и нарушений системных правил и ограничений. Сочетание в структуре новообразований системности и асистемности способствует экспрессивизации медийного текста.

Библиографический список

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 2000, С. 90–141.
2. Земская Е.А. Язык как деятельность: морфема, слово, речь. М.: Языки славянских культур, 2004. 656 с.
3. Земская Е.А. Литературная норма и неузвальное словообразование// Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. С. 207–253.
4. Ильясова С.В., Руденко О.Ю. Взгляд на иноязычность через призму языковой игры // НОМО COMMUNICANS III: человек в пространстве межкультурной коммуникации. Szczecin: volumina.pl, 2013, С. 105–111.
5. Коряковцева Е.И. О деривационном статусе новых морфем// Человек о языке – язык о человеке. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. С. 181–193.
6. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ, 1971. 268 с.
7. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива – 1. Екатеринбург: Урал.гос. пед. ун-т, 2013, С. 147–175.

8. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2005. 168 с.

9. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1996. 224 с.

2.3. Функционирование категории рода в современной устной речи (социопсихолингвистические и семантико-стилистические аспекты)

Морозова О. Е., Архангельск

Род в русском языке, являясь своеобразной категорией имен существительных, имеет давнюю историю изучения, что нашло свое отражение в грамматиках XVIII, XIX и XX веков. Категория рода изучалась А.Х. Востоковым, Н.И. Гречем, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потемной, К.С. Аксаковым, С.П. Обнорским, О. Есперсеном, А.М. Пешковским, Н.Н. Дурново, Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым, Р.О. Якобсоном, И.П. Мучником, Н.А. Янко-Триницкой, А.В. Бондарко, А.А. Зализняком, А.Т. Аксеновым, Я.М. Гином, Н.Д. Голевым, А.К. Киклевичем, Е.В. Клобуковым, М.А. Кронгаузом, М.В. Ласковой, М.Г. Мамечковым, Б.Ю. Норманом, Г.И. Пановой, А.М. Чепасовой и И.Г. Казачук, А.М. Шахмайкиным и другими учеными. Несмотря на это, до сих пор существует ряд проблем, не имеющих в современной лингвистике однозначного толкования или изученных недостаточно. Среди этих проблем:

- понимание сущности категории рода;
- проблема семантической насыщенности, степени мотивированности этой грамматической категории;
- проблема существительных общего рода (сущность и объем данной категории),
- взаимосвязь категории рода с другими лексико-грамматическими и функционально-семантическими категориями;
- функционирование категории рода в различных типах речи.

В основе традиционной классификации имен существительных по родам лежат два основных принципа: 1) формальный – принадлежность существительного к определенному склонению и особенности согласования с поясняющими словами; 2) семантический – половая принадлежность лица, обозначенного существительным;

Категория рода часто рассматривается только на основании первого, формального, принципа как чисто структурная категория [Русская грамматика, 1980; Милославский, 1981; Мельчук, 1997 и др.]. А.Л. Шарандин рассматривает род как грамматический при-

знак, который принимает участие в распределении существительных по типам склонения [Шарандин, 2001].

По мнению других лингвистов, род существительных является не только формальной, но и семантической категорией [Пешковский, 1956; Виноградов, 1986; Аксенов, 1984 и др.]. Грамматический род символизирует «реальные половые различия», как писал А.М. Пешковский [Пешковский, 1956, с. 112]. «Нет языков с немотивированным родом, род во всех языках является в принципе мотивированным, и различия между родовыми языками заключаются в степени мотивированности родовых классификаций имен существительных. Но это лишь различия в степени одного качества» [Аксенов, 1984, с. 18]. М.В. Ласкова считает категорию рода мотивированной как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных [Ласкова, 2001].

Большинство лингвистов разграничивает категорию рода у одушевленных и неодушевленных существительных: «Принцип членения по родам в рамках неодушевленных существительных является чисто формальным; между словоформами типа «портрет», стена, окно нет различий в грамматической семантике. Что же касается одушевленных существительных, то здесь вступает в силу семантический фактор» [Бондарко, 1976, с. 37].

Эта точка зрения отражена в современной учебной литературе, где отмечается, что категория рода является мотивированной только при обозначении людей и животных, в отличие от неодушевленных существительных, для которых данная категория является немотивированной.

Новый взгляд на категорию рода представлен А.М. Чепасовой и И.Г. Казачук [Чепасова, Казачук, 2007].

Рассматривая грамматическую категорию как единство значения и выражения, ученые делают вывод, что традиционная концепция рода несостоятельна, поскольку у большей части существительных она является бессодержательной, а значение биологического пола (у меньшей части существительных), по сути, не имеет никакого отношения к грамматике и не является грамматическим. Категория, не имеющая значения, не может быть грамматической категорией. Существующее противоречие может быть разрешено, по мнению ученых, в том случае, если считать значением категории рода не соотношенность с полом живых существ, а значение предмета и, шире, предметности. «Участие рода в образовании категориального значения предмета проявляется в отборе и отграничении качества и количества свойств, которые войдут в образуемую совокупность, называемую вещью, телом, лицом, предметом» [Чепасова, Казачук, 2007, с. 84].

Заканчивая краткий обзор разных концепций, следует отметить, что к настоящему времени категория рода наиболее детально изучена в системно-грамматическом аспекте.

Во второй половине XX – начале XXI века в связи с развитием функционального направления, когда в научный обиход было введено понятие функционально-семантической (понятийной) категории, выражаемой средствами разных уровней, категория рода получила новое осмысление.

Первоначально категория рода не рассматривалась в качестве категории, формирующей свое функционально-семантическое поле, поскольку принято считать (за некоторыми исключениями, рассмотренными ранее), что категория рода не имеет полноценного, объединяющего все грамматические формы значения. Тем не менее, еще В.В. Виноградов писал, что «заложенные в форме рода потенциальные смысловые оттенки нередко реализуются и определяют путь метафорического употребления слова» [Виноградов, 1986, с.59]. Вслед за В.В. Виноградовым, С.Г. Мамечков, изучая явление персонификации, доказывает, что «граммемы м. р. и ж. р. неодушевленных существительных типа *топор, река* и т. п. обладают вполне определенным семантическим потенциалом, связанным с категорией рода», в связи с чем, считает ученый, становится возможным выделение в современном русском языке функционально-семантического поля биологического пола [Мамечков, 2009, с. 99].

В работе Н.Д. Голева вводится понятие функционально-семантической категории *гендерность*: «Гендерность существует в языке не как грамматическая, а как понятийная или, по А.В. Бондарко, функционально-семантическая категория, выражаемая средствами разных уровней, в том числе, разумеется, морфологическими средствами, хотя они лишь опосредованно зависят от пола денотата существительного» [Голев, 2013, с.16]. По мнению автора, «Гендер и род в современном русском языке уже давно живут в параллельных мирах – род определяется по согласовательной позиции существительного (при ее утрате теряется и род)» [там же, с. 18]. Можно согласиться с мнением автора о том, что гендер и род – явления разного порядка (грамматическое и функционально-семантическое), но вопрос о точках их пересечения не столь однозначен. Более распространенным является мнение, что «морфологическая категория рода» является грамматическим ядром семантической категории пола [Панова, 2003, с. 82].

Мужское и женское – бинарная оппозиция, одна из основополагающих для человеческой культуры. Русский язык обладает разноуровневыми средствами для ее выражения, при этом происходит образование коррелятивных пар, которые можно определить как

гендерные, поскольку мужское и женское представлены в языке не только как два разных биологических пола, но и как две различные социокультурные сущности.

При наименовании лиц по полу, возрасту, профессии, социальному статусу и национальности образуются коррелятивные гендерные пары, которые соотносятся с родовыми парами, но не дублируют их полностью. Среди этих пар:

- 1) супплетивные пары (*мужчина – женщина*);
- 2) словообразовательные пары (*учитель – учительница*);
- 3) флективные пары – имеющие общую основу и различающиеся окончаниями (*супруг – супруга*);
- 4) аналитико-составные пары *девочка-подросток – мальчик-подросток*.

Кроме того, указание на пол человека возможно синтаксически (директор *сказал* – директор *сказала*) и через контекст: «*Следователь не подходит к телефону, возможно, она уже в пути*».

Разграничение языка и речи, системы и ее функционирования позволяет преодолеть противоречия в понимании категории рода и уточнить ее соотношенность с функционально-семантической категорией, содержанием которой является указание на пол человека.

В первых трех приведенных нами оппозициях значение грамматического рода совмещается со значением пола и выражено на уровне языковой системы. В четвертом примере значение пола референта и грамматического рода могут не совпадать (*девочка-подросток*); значение пола в данном случае становится актуальным только в речевой ситуации и определяется в зависимости от референта, имеющего мужской или женский пол.

Остановимся более подробно на каждой из пар и сравним их функционирование в различных формах существования языка (в литературном языке и в некодифицированных формах речи – просторечии и жаргоне). Для сопоставления рассмотрим словарные дефиниции, данные социолингвистических опросов и ассоциативных экспериментов, проведенных в лаборатории социопсихолингвистики САФУ, а также иллюстрации, извлеченные из Национального корпуса русского языка.

1. *Супплетивные пары*. В супплетивных парах семы «женский пол» и «мужской пол» выражены в самом лексическом значении. В литературном языке основную оппозицию по полу образует пара *мужчина – женщина*. Обратимся к Большому толковому словарю под ред. С.А. Кузнецова, который является одним из наиболее полных современных толковых словарей: МУЖЧИНА: 1. Лицо, противоположное по полу женщине. *Высокий, красивый, молодой м. М. преклонных лет. Беседа мужчин. Находиться среди мужчин.*

Кокетничать с мужчинами. // Лицо мужского пола как воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности и т.п.). *Настоящий м. Будьте мужчиной. Из него не получится м. Вести себя, как м.* 2. Взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика. *Стать мужчиной. Мужчины и юноши поздравляют женщин* [Кузнецов, 2000, с. 562].

Анализ словарной дефиниции показывает, что семема «мужчина», помимо семы *мужской пол*, содержит гендерные семы, характеризующие совокупность мужских качеств (*суровость, твердость, честность*).

ЖЕНЩИНА: 1. Лицо, противоположное по полу мужчине. *Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж.* // Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.). *Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки все-таки угадывается будущая ж.* 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. *Стать женщиной. Она девушка или уже ж.?* [Кузнецов, 2000, с. 303].

Женщина в словарной статье представлена не только как лицо женского пола, но и как воплощение определенных свойств, качеств. *Изящество, нежность, доброта* – гендерные семы, воплощающие социокультурные стереотипы.

В.А. Ефремов, исследовав данные ассоциативных словарей, уточнил круг социокультурных стереотипов, представленных в семантике слов *мужчина* и *женщина* [Ефремов, 2009]. В сознании носителей русского языка мужчина ассоциируется с *силой, мужественностью, средним возрастом, с социальной ролью отца, мужа и воина*; женщина с *женственностью, красотой, слабостью*.

В некодифицированной речи (в просторечии) оппозиция мужское – женское, прежде всего, представлена лексемами *мужик* – *баба*. Во-первых, следует отметить, что в данном случае оппозиция по полу опирается на грамматическую категорию рода, выраженную морфологически, при этом сема «мужской пол» в слове *мужик*, будучи маркирована не только лексическим значением, но и нулевым окончанием, является более сильной, чем в слове «мужчина». Ср.: слабый, неуверенный в себе *мужчина* – слабый неуверенный в себе *мужик* (последний вариант практически не используется, ср. также: *мужчинка*).

Обратимся к словарной дефиниции. **МУЖИК.** 1. *Трад.-нар.* Деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин. *М. пахал поле. Собрались молодые ребята и мужики. Сверстники кого-л. уже мужики.* * *Раз я видел, сюда мужики подошли, Деревенские русские люди* (Некрасов). 2. *Разг.-сниж.* О любом мужчине. *Сильный м. М.*

лет пятидесяти. Собрать всех мужиков. 3. Разг.-сниж. Муж, супруг; сожитель. У нее хороший м. Женщины на причале встречали своих мужиков. Ей мужика надо. 4. Разг.-сниж. О грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине. Как был мужиком, так мужиком и останешься. М. мужиком. М. необразованный [Кузнецов, 2000, с. 562].

Мужик в словарной статье не характеризуется как носитель типично мужских качеств (только в иллюстрация отмечено: *сильный м.*), но данные социалингвистических опросов и ассоциативных экспериментов, проведенных в лаборатории социопсихолингвистики САФУ, свидетельствуют о другом.

К слову *мужик* испытуемые дали следующие определения: *обращение в деревне к лицам мужского пола, здоровый, мужественный, грубый, хамоватый, простой, неотесанный, здоровый, мужчина крепкого телосложения, сильный, русский, человек мужского пола, боров, работяга, смелый, грубый, невоспитанный, крепкий, волевой; взрослый человек лет 40–50.* Как видим, для носителей современного русского языка актуальны два значения слова: 1) Невежественный, невоспитанный; 2) Носитель мужских качеств. Наиболее частотной является сема «сильный пол», реализующаяся в определениях: *мужественный; грубый, хамоватый, крепкого телосложения, сильный, боров, крепкий, волевой.*

По результатам проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента, самой частотной реакцией на слово *мужик* является слово *баба*, что подчеркивает устойчивость данной оппозиции в сознании современного россиянина. Ассоциаты, характеризующие «мужика», можно сгруппировать по тематическому принципу: а) биологические характеристики: *здоровый, сильный, красивый*; б) поведение: *грубый, пьяный, злой, хам*, в) внешность: *большой, огромный, бородатый*. Названные семантические признаки, даже отрицательные, не противоречат семе «*мужской пол*», ассоциируясь с понятием *сила*.

В целом лексема *мужик* имеет больше положительных коннотаций, чем отрицательных, о чем свидетельствуют примеры, извлеченные из современной художественной литературы:

– *Ирина вдруг увидела в нем массу достоинств: немногословный, честный, трудяга, а главное — мужик* [В. Токарева. Своя правда].

– *Алиса Фрейдлих сидит в резном кресле, а Стржельчик стоит, наклонившись над ней, шикарный мужик вне возраста, красоты необыкновенной* [Сати Спивакова. Не все].

– *Приличного вида мужик, вышедший из двери, был директором скупки* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого].

Как видим, слово *мужик* имеет ярко выраженную гендерную семантику, при этом категория рода является мотивированной и получает подтверждение не только на грамматическом уровне, но и на лексическом, и на ассоциативном.

Обратимся далее к анализу лексемы *баба*. В словаре Кузнецова читаем: БАБА: 1. *Трад.-нар.* Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка. *Заголосили девки и бабы. Шабаш, бабы! Кончай работу.* 2. *Разг.-сниж.* О любой женщине. *Молодая, здоровая, цветущая.. Умная, хитрая, властная б. Базарная б.* (о крикливой, грубой женщине). // О неопрятной женщине. 3. *Разг.-сниж.* Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена. *Его б.* 4. В речи детей: бабушка. *Баба Лена.* * *Жили-были дед да баба* (традиционный зачин русских сказок). 5. *Презрит.* О робком, слабохарактерном мужчине, мальчике. *Не будь бабой, прояви твердость!* 6. Фигура из снега, камня и т.п., напоминающая человеческую. *Слепить бабу* (=снеговика). *Каменная б.* (древний истукан) [Кузнецов, 2000, с. 53].

Первое значение является устаревающим. Для нашего анализа наиболее важным является второе значение (*разг.-сниж.*). *баба* – о любой женщине. В этом значении содержится сема «женский пол». Социокультурные семы представлены в иллюстрациях (*крикливая, грубая, неопрятная*).

По результатам проведенного социолингвистического опроса, *баба* – это обращение в деревне к лицам женского пола, необразованная, полная женщина, толстая, грубая, сильная, мощная, глупая, толстая тетка, похожая на мужчину, женщина в сарафане, платке, с коромыслом, неопрятная, деревенская полная женщина, сильнее мужчины, уверенная, самостоятельная, крикливая, ворчливая, взрослая женщина лет 40–50.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента подтверждают данные опроса. Наиболее частотные ассоциаты: *женщина, мужик, русская, толстая, глупая, базарная, ядреная, красивая, крикливая.* *Баба* – это, в первую очередь, – женщина (сема «женский пол»). Положительные коннотации слова обусловлены семантикой биологического пола (*женщина, красивая, ядреная*), отрицательные определяются несоответствием социокультурным представлениям о настоящей женщине (*грубая, толстая, сильная, крикливая и т.д.*). Стереотипные представления о настоящей женщине не соотносительны со словом «баба».

– *Он смотрел на нее с презрением: баба!* [И. Грекова. Фазан].

В паре *мужик-баба* существительное женского рода – маркированный член оппозиции. Во-первых, количество дефиниций больше (шесть против четырех), во-вторых, на базе лексемы «баба»

образуются устойчивые сочетания и переносные значения (*базарная баба*).

Данные социолингвистического опроса, результаты психолингвистического ассоциативного эксперимента и изучение материалов разговорной речи, отраженной в современной литературе (примеры были извлечены из Национального корпуса русского языка), наглядно показывают, что в гендерной паре *мужик – баба* наблюдается семантическая асимметрия (*мужик* – воплощение мужских качеств, *баба* – лишь отчасти воплощает женские качества, являясь носителем признаков противоположного пола (*сильная, грубая, крупная*)).

Понятие пола и стоящих за этим понятием социокультурных стереотипов чрезвычайно значимо для русской языковой картины мира; человек, не соответствующий по социокультурным стереотипам своему полу, получает уничижительные характеристики не только на уровне лексики, но и через грамматическую категорию рода. В молодежном жаргоне грубую некрасивую девушку называют *киборгом* (сущ. м. р.): В просторечии неженственную, грубую женщину сравнивают с *мужиком*: «*Посмотри, что за походка. Мужик настоящий*» (из разговорной речи). *Баба* – презрительное именование мужчины, не соответствующего социокультурным стереотипам о настоящем мужчине: «*Что ты встал тут? Что пялишься на меня, как баба? Лезь в воду живо!* [А. Варламов. Купавна].

Отсутствие видимых признаков своего пола в одежде и поведении человека в диалектной речи маркируется средним родом, что выражает крайнюю степень презрения: *размужичье* (о женщине с мужскими манерами); *распетушье* (о женоподобном мужчине).

Таким образом, в русской языковой картине мира гендерная пара *мужчина – женщина*, являясь ядром семантической категории пол человека, получает свое выражение на грамматическом уровне как противопоставление мужского и женского рода, на уровне лексического значения как оппозиция сем «мужской пол» – «женский пол», на ассоциативном уровне как противопоставление социокультурных стереотипов, заложенных в потенциальных семах лексического значения, реализующихся в контексте. *Мужчина* – воплощение силы, мужественности, твердости, *женщина* – женственности, красоты слабости.

Смысловое содержание оппозиции *мужик – баба*, с одной стороны, дублирует оппозицию *мужчина – женщина*; с другой стороны, имеет особенности, связанные с социокультурными стереотипами, существующими в народно-речевой культуре. *Мужик* – воплощение мужских качеств, *баба* частично не соответствует социокультурным стереотипам о женственности.

II. Словообразовательные пары. Существительные, обозначающие названия лиц по возрасту, профессии, степени родства, национальности, признаковым свойствам, образуют словообразовательные гендерные пары (*летчик–летчица, отец–мать, немец–немка*). Количество словообразовательных гендерных пар в русском литературном языке ограничено по следующим причинам (как экстралингвистическим, так и собственно языковым):

1. Наличие «неженских» и «не мужских» профессий (*танкист, воин, кузнец, лесоруб*; с одной стороны, и *посудомойка, сиделка, прачка, маникюрша*, с другой стороны), свойств личности, признаков (социальных и психологических), актуальных либо для женского, либо для мужского пола. Например, *богатырь, женатик; распустеха, разведенка*.

2. Неблагозвучие, возникающее на стыке производящей основы и словообразовательного суффикса, обозначающего лицо женского пола (*-к, -щиц, -чиц, -ниц, -льщиц*).

3. Образование омонимов. Матрос – *матроска* (блуза), пилот – *пилотка* (головной убор), сторож – *сторожка* (помещение).

4. Стилистическая асимметрия. Суффиксы, обозначающие лиц женского пола – *-их(а), -ух(а), -к(а), -ш(а)*, носят просторечный характер, поэтому соответствующие лексемы (*врачиха, авторша* и т.п.) не используются в литературной речи

В некодифицированной речи, в узуальном употреблении, суффиксальные гендерные пары возникают более свободно. Маркированный член оппозиции (сущ. ж. р.) образуется как от литературного слова, так и от некодифицированного, при этом в лексическом значении существительного женского рода происходят следующие семантические сдвиги:

1) приращение смысла, изменение ассоциативного поля слова. Рассмотрим на примере пары *пацан – пацанка*. В словаре Кузнецова ПАЦАН – мальчишка. *II. лет двенадцати. // Сын-мальчик. Поздравьте, у меня родился п.* [Кузнецов, 2000, с. 788].

Помимо семы «мужской пол», для слова *пацан* актуальна сема «возраст» и потенциальная сема «незрелый», актуализирующаяся в контекстах:

– *А ведешь себя, как пацан – раздражаешься на каждого кома ра.* [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть].

– *С тех пор он стал отчитываться перед нею, как пацан, явившийся домой после дворовой потасовки* [А. Азольский. Глаша].

Данные социолингвистического опроса подтверждают актуальность сем «возраст», «молодой», «незрелый»: *пацан* – это *обращение в компании к лицам мужского пола, юноша, необразованный, мо-*

лодой, гуляет во дворе, реальный парень, мальчуган, подросток, ребенок, парень, молодой, ровесник, четкий парень.

Слово *пацанка* не отмечено в словаре отдельной словарной статьей. По данным социолингвистического опроса, *пацанка* – девочка, которая ведет себя как пацан (85% опрошенных): *девушка с повадками парня, девочка, которая выглядит как парень, девушка, ведущая себя как молодой человек, девушка, которая ведет себя как парень, девушка, копирующая парня, девушка, которая пьет пиво, курит*. Как видим, ассоциативное поле (в сравнении с ассоциативным полем слова *пацан*) изменилось, оно стало негативным, поскольку «пацанка» в сознании носителей современного русского языка не соответствует социокультурным стереотипам о женственности.

Данные экспериментов подтверждаются примерами из художественной литературы:

– *Вот она, мальчиговая Раюша из женского общежития ничтожной фабрики со своей блатной песенкой, отрывная пацанка, к которой он лазал по водосточной трубе на последний этаж, вот и коечка узкая, одна из шести, и свальная случка, и поножовщина, и побег, и привод!* [В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове].

– *Худоцавая, постоянно в штанишках, немного нелюдимая, порой даже грубоватая. Пацанка*. [О. Ведерникова. Девчонки променяли кукол и косметику на футбольный мяч].

2) Полное изменение лексического значения. В учебной и научной литературе обычно приводятся примеры, когда при образовании гендерной пары возникает новое значение – 'жена' (доктор – *докторша*). Большинство подобных примеров, за некоторыми исключениями (губернатор – *губернаторша*, генерал – *генеральша* и т. п.), не актуальны для современной речи, зато по аналогии происходит наименование лиц женского пола, объединенных общим значением вторичности по отношению к мужчине и более низким социальным статусом в сравнении с мужчиной. Например:

Дальнобойщик (водитель) – *дальнобойщица* (проститутка, сопровождающая водителя в пути).

Акушер (врач, специалист по акушерству) – *акушерка* (женщина со средним медицинским образованием, оказывающая помощь при родах).

Панк (представитель молодежной субкультуры панков) – *панкушка*: 1) представительница молодежной субкультуры панков); 2) девушка панка.

Следует отметить, что подобные процессы наиболее типичны для просторечия и наименее для молодежного жаргона. Примеры типа *панк – панкушка* носят единичный характер. Обычно в молодежном жаргоне наименования лиц по принадлежности к субкуль-

турам различаются только семами мужского и женского пола: *гот* – *готка*, *чувак* – *чувиха*, *рэпер* – *рэперка*, *байкер* – *байкерша*.

3) Изменение коннотации. Особенно наглядно это явление прослеживается, когда существует несколько словоформ, маркирующих одно и то же лицо женского пола по роду деятельности. В данном случае новая номинация используется для выражения дополнительных коннотаций и выражения экспрессии. Например: *моряк* – *морячка* (разг.) – *морякуха* (жарг.); *учитель* – *учительница* (лит.) – *учителка* (прост.) – *училка* (разг., презр.).

В устной речи использование подобных форм может характеризовать говорящего как носителя просторечия или жаргона; в художественной литературе оно обусловлено необходимостью подчеркнуть принадлежность персонажа к народно-просторечной культуре: «*Собаки лают со всех сторон, бабки крестятся: «Новая учителка приехала, идет замуж выходить!»* [В. Астафьев. Жестокие романсы].

В молодежной речи использование нестандартных суффиксов обычно связано с шуткой, с языковой игрой: *завуч* – *завчиха*, *химик* – *химоза*

В бытовой разговорной речи и ее имитации в художественной литературе использование слов женского рода с просторечными и разговорными суффиксами может быть обусловлено различными коммуникативными ситуациями:

•СИТУАЦИЯ ОЦЕНКИ (положительной или отрицательной):

– *Попалась нам учителка строгая, обстоятельная.* [В. Астафьев. Веселый солдат].

– *Учителка твоя приходила давеча. Обходительный человек* [Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей].

– *У нас учителка по русскому «отстойная»,* – сказал Боря. [А. Житков. Супермаркет].

•СИТУАЦИЯ НАСМЕШКИ, ПОДДРАЗНИВАНИЯ:

– *Когда она бежала в школу со своими книжками, сельские мальчишки кричали ей вслед и дразнили: «Учителка!»* [И. Архипова. Музыка жизни].

•СИТУАЦИЯ УПРЕКА:

– *Учителка, а своего отпрыска приструнить не может* [Ахмедов. Промельки].

•СИТУАЦИЯ СМЕНЫ РЕГИСТРА (с официального на неофициальный, понижение социального статуса референта):

– *Ольга Ивановна теперь учительница, литературу преподает.*

– *Ольга? Неужели учителка? Никогда бы не подумал* (из разговорной речи).

Лексема *училка*, в отличие от *учителки*, чаще используется в современной речи исключительно для выражения отрицательной оценки и презрения:

– *Нам было слышно, как **училка** орет на детей* [Наши дети: Подростки].

– *Злобная **училка** неопределенного пола, всем на все наплевать вокруг* [Я. Зубцова, К. Серебренников. Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель].

– *А я и не собираюсь быть **училкой** и стать синим чулком* [из разговорной речи].

Отрицательные коннотации лексемы *училка*, как видно из приведенных выше примеров, частично обусловлены несоответствием потенциальных сем (*грубость, неженственность*), заложенных в слове «*училка*», и социокультурных стереотипов о женщине.

Разнообразие суффиксальных средств, указывающих на женский пол в просторечии и разговорной речи, обусловлено двумя причинами: 1) необходимостью заполнения лакун, устранением асимметрии, существующей в литературном языке (*врач–врачиха*); 2) выражением эмоционального отношения к референту (к женщине как носителю профессии), иногда положительного (*геологиня, филологиня*), но чаще отрицательно-пренебрежительного, сформулированного в одном из прецедентных высказываний современной разговорной речи: «*Женщина-врач, это не врач и не женщина*».

Таким образом, при обозначении лиц по профессии и сфере деятельности в некодифицированной речи (просторечии и жаргоне) гендерная асимметрия (как отмечают многие исследователи, и подтверждает наш материал) нейтрализуется; однако в отдельных тематических группах, она, напротив (как показывают наши наблюдения), сохраняется, в отличие от литературного языка. В частности, в литературном языке свободно образуются гендерные пары при наименовании лиц по национальности: *француз–французженка, немец–немка* и т. д. В современном жаргоне существует множество уничижительных наименований лиц по национальности, относящихся к мужскому роду (*азер, хачик, изья, чурка, чучмек, негатив, черный, укроп*), от которых существительные женского рода и, соответственно, наименования лиц женского пола обычно не образуются, поскольку, с одной стороны, препятствует экстралингвистический фактор (вербальная агрессия, заложенная в подобных номинациях, направлена на лиц мужского пола), с другой стороны, законы сочетания звуков в русском языке не всегда позволяют создать парное наименование.

III) Флективные пары имеют общую основу и различаются окончаниями. Этот способ не является продуктивным для имен су-

ществительных (как в литературном языке, так и в некодифицированных формах речи): *супруг – супруга, супружник – супружница, кадр – кадры*. В некодифицированной речи подобные наименования обычно носят шуточный характер.

По данным социолингвистического опроса, *кадр – это человек, который что-то натворил; молодой человек, который попадает в какую-то ситуацию, веселый, забавный, неординарный, юморист, смешной, необычный человек. Кадры – девушка, которая стремится привлечь внимания другого пола любыми способами, девушка, постоянно попадающая в комичные ситуации, смешная*. Как видим, приведенные значения практически дублируют друг друга, за исключением одного: «*девушка, которая стремится привлечь внимание другого пола любыми способами*», подчеркивающим вторичность женщины по отношению к мужчине (см. ранее).

Наиболее частотны флективные гендерные пары, когда название лиц образуется способом субстантивации прилагательных. Флексия такого существительного становится показателем пола. Например, *связной – связная, глухонемой – глухонемая*.

Круг подобных номинаций в просторечии и разговорной речи гораздо шире, чем в литературном языке. Во-первых, для кодифицированного литературного языка при обозначении лиц по роду деятельности типична асимметрия, так как предпочтительны наименования лиц мужского рода (*заведующий*). В разговорной речи в подобных случаях гендерные пары образуются свободно (*заведующий – заведующая*). Во-вторых, в некодифицированной речи круг субстантивов-прилагательных разнообразнее. Так, широко распространены в просторечии являются номинации *мелкий, мелкая*: – *Давай меняться: я тебе свою мелкую дам (заодно и проверишь, пора ли на второй круг тебе идти, а ты мне своего сынулю в компанию к моему. Они, как гиперактивные, друг друга замотают, а я как раз передохну немножко [Форум «Дошколята»]*.

– *Не могу с вами пойти, мне с мелким сидеть надо [Из разговорной речи]*.

IV) *Аналитико-составные пары (девочка-подросток – мальчик-подросток, женщина-хирург, мужчина-хирург)* являются составными наименованиями, состоящими из наименований лиц по возрасту, профессии, занимаемой должности, национальности и слов гендерной семантики, которые обозначают пол референта, о котором идет речь в высказывании; подобные наименования традиционно используются в книжно-письменной речи. Составные наименования не имеют однозначного статуса в лингвистических работах, поскольку находятся на грани лексики и синтаксиса. На наш взгляд, подобные наименования не принадлежат лексике и

словарю, поскольку не могут быть представлены конечным списком; они всегда связаны с конкретным актом коммуникации; более целесообразно рассматривать эти наименования как приложение с определяемым словом. Некоторые из подобных наименований тяготеют к устойчивости, например, *женщина-космонавт*, что связано с экстралингвистическим фактором (космонавтами чаще бывают мужчины).

Кроме перечисленных выше способов, значение пола в современном русском языке может быть обозначено аналитически через контекстную сочетаемость существительного с глаголами и признаковыми словами (*такая обжора* – м.р., такой *обжора* – ж.р.). Традиционно принято считать, что подобные существительные принадлежат к лексико-грамматической группе слов общего рода, и в контексте могут обозначать лиц как мужского, так женского пола, т. е., по сути, являются бигендерными. По мнению Н.Д. Голева, «такие лексемы с точки зрения их номинативного употребления являются не бигендерными, а агендерными», так как не связаны с идеей пола» [Голев, 2013, с.17]. На наш взгляд, агендерные существительные действительно имеются в русском языке, однако круг слов, формирующих эту категорию, очерчен автором, на наш взгляд, чересчур широко.

Существительные общего рода (типа *забияка*), будучи одушевленными существительными, содержат в своем лексическом значении семы лица (он, она) и семы «мужской пол» и «женский пол». Согласно традиционной точке зрения, это бигендерные существительные.

В языковой системе заложены потенциальные возможности языка. Способность к обозначению лиц разного пола заложена в лексемах подобного рода на уровне *потенции*, которая реализуется в речи в виде одного из вариантов. В контексте категория рода становится мотивированной и позволяет обозначать лицо мужского или женского пола (*моя коллега* – *мой коллега*).

На наш взгляд, к *агендерным* существительным бесспорно можно отнести только существительные среднего рода, обозначающие одушевленных лиц. Во-первых, в таких существительных признак пола действительно не важен, например, в силу возраста (*дитя*), небиологичности и нематериальности (*божество*), уничижительной коннотации, когда человек «лишается признака пола» (*ничтожество*) и др. На базе последнего значения в современном городском просторечии образуется множество номинаций: *трепло*, *фуфло*, *барахло*, *дерьмо* и т. п. Во-вторых, агендерность подобных существительных выражается средним родом.

Кроме этого, следует отметить, что в современном русском языке имеется тенденция к *агендерности* при обозначении лиц по

должности, профессии, социальному статусу. В одном из часто цитируемых высказываний В.В. Виноградова говорится, что «...в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие формы *человечица*). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее. Но за пределами категории лица с родовыми классами сочетаются другие оттенки значений, не имеющие ничего общего или имеющие мало общего с идеей пола [Виноградов, 1986, с.57].

В современной литературной речи активно проявляется тенденция называть одним словом в форме мужского рода лиц мужского и женского пола (*доцент, журналист, программист*). Подобные существительные употребляются для называния лиц мужского пола, для называния лиц женского пола и для обобщенного наименования лиц независимо от пола. На базе последнего значения и проявляется тенденция к агендерности. Для этих существительных во многих контекстах семантика пола не важна. Прототипическим в данном случае является слово ЧЕЛОВЕК. Это существительное, по данным ассоциативного эксперимента, не ассоциируется в сознании русского человека конкретно ни с мужчиной, ни женщиной. Стимул *Человек* связан у испытуемых с признаками: *хороший, добрый, умный, гордый* или *плохой, странный*, с прецедентными текстами: *в футляре, Адам, человеку – друг (враг), с понятием личности, Земли, Космоса, Вселенной*. Агендерное значение слова *Человек* подкрепляется обобщающим контекстом:

– *Чтобы мало сведущий в кактусах человек смог представить себе только что открыто чудо, необходимо сказать пару слов и о самих этих ярких (и довольно известных) представителях.* [Д. В. Семенов. Сенсационный кактус].

– *Путем манипулирования молекулами ДНК и РНК современный человек может произвольно и направленно изменять наследственность окружающего его живого мира — бактерий, растений, животных и человека.* [А. Спиринов. Фундаментальная наука и проблемы экологической безопасности].

– *Стиль, как внешняя форма, отрывается от своего внутреннего содержания, а человек получает возможность свободно выбирать стили в соответствии собственными* [Л. Шпаковская. Старые вещи].

При именовании лиц по профессии, должности, социальному статусу семантика пола бывает так же неактуальна, как и в слове *человек*. Агендерность подобных существительных проявляется в названиях праздников: *День медицинского работника, День учителя* и в обобщающих высказываниях: «*Учитель – благородная профессия*».

Помимо нейтрализации гендерных различий, в акте коммуникации возникает противоположная тенденция – дифференциации (указания на пол референта). Грамматическая категория мужского рода может вступать при этом в «конфликт» с обозначением лица по полу, если в акте речи происходит обозначение лица женского пола (врач *сказала*, *хорошая* врач). Не существует ничего в речи, что не было бы заложено в языке; в противном случае происходит расшатывание языковой системы, что и имеет место при нарушении согласования существительных мужского рода с признаковыми словами женского рода.

Формы типа *врач сказала* принято считать нормативными, формы типа *хорошая врач* не относятся к литературной норме и считаются узуальным просторечным употреблением. Последний вариант неприемлем для языка синтетического строя (каковым является русский язык), поскольку прилагательное в русском языке зеркально отражает категории существительного (род, число, падеж). В случае предикативного сочетания (*врач сказала*) связь между подлежащим и сказуемым не носит жестко детерминированного характера, что делает подобные употребления более приемлемыми с точки зрения нормы. Как отмечают многие лингвисты, эти процессы свидетельствуют об аналитических тенденциях в современном русском языке, с одной стороны, и о разрушении категории рода с другой стороны. Это разрушение подкрепляется утратой различий между родами во множественном числе: «Различие между родами как согласовательными классами во множественном числе исчезает, но семантическое различие между словами, входящими в разряды со значением отношения к полу сохраняется» [Бондарко, 1976, с. 195].

Обобщая изложенное, отметим, что в современном русском языке действует ряд противоположных тенденций.

1. Разрушение категории рода, с одной стороны, и формирование функционально-семантической категории, содержанием которой является указание на биологический пол человека и гендерные различия, с другой стороны.

2. Нейтрализации родовых и гендерных различий, с одной стороны, и дифференциации этих различий с другой.

3. В современном русском языке, бесспорно, существует тенденция к аналитизму, с другой стороны, в некодифицированной речи растет количество наименований, в которых категория рода выражена синтетически.

Существующие тенденции объясняются экстралингвистическими и лингвистическими факторами.

В настоящее время в русском социуме наблюдаются два противоположных коммуникативных запроса. Во-первых, в связи с воз-

растанием роли женщины в обществе растет ее значимость как профессионала, общественного деятеля, когда фактор пола становится несущественным, а важным – принадлежность к виду деятельности, в связи с этим растет количество слов типа *врач*, имеющих тенденцию к агендерности. С другой стороны, в акте речи, особенно в устной, разговорной и некодифицированной, возникает потребность обозначить пол лица, являющегося референтом высказывания, что приводит к развитию функционально-семантической категории, указывающей на пол человека.

В то же время язык как система функционирует по своим собственным законам, обусловленным антиномиями его развития (концепция М.В. Панова). Рассмотренный выше языковой материал является яркой иллюстрацией этих антиномий:

Антиномия говорящего и слушающего. В современном литературном языке антиномия разрешается то в пользу говорящего, который стремится к экономии речевых усилий (*врач, программист*), то в пользу слушающего, который стремится к понятности (*женщина-врач, юноша-программист*).

Антиномия системы и нормы. Система «разрешает» все, что не противоречит законам данного языка: *докторица* (ср. ученик-ученица), норма ограничивает «системные возможности языка» и сдерживает разрушение системы. Так, большинство просторечных наименований лиц женского пола находится за пределами нормы, но не противоречит системе русского языка. Узуальное употребление существительных мужского рода с признаковыми словами женского рода (*хорошая врач*) противоречит системе русского языка и не может быть признано нормативным.

Антиномия кода и текста. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст. На примере функционирования категории рода в современном русском языке мы наблюдаем, с одной стороны, увеличение количества языковых единиц, с другой стороны, их уменьшение.

Антиномия регулярности и экспрессивности. Информационная функция языка выражается с помощью стандартных регулярных флексий и суффиксов литературного языка, обозначающих имена лиц, эмотивная функция опирается на экспрессивную окрашенность словообразовательных просторечно-жаргонных языковых средств, обозначающих лиц женского пола.

Антиномии неодинаково действуют в разных формах существования языка, так как названные ранее тенденции в различной степени выражены в литературном языке и в некодифицированных формах речи. В литературной речи получает наибольшее развитие тенденция нейтрализации родовых и гендерных различий, при этом

фактор пола становится несущественным. В некодифицированной речи при обозначении лиц женского пола женский род практически всегда маркирован специальными суффиксами, вносящими разнообразные семантические оттенки значения; при этом традиционная семантическая оппозиция мужское–женское сохраняется, а разрушение социокультурных стереотипов маркируется уничтожительными номинациями.

Библиографический список

1. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 14–25.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
4. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №6. С. 14–28.
5. Ефремов В.А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им А И Герцена, 2009. 184с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 23 с.
8. Мамечков С.Г. К вопросу об особенностях реализации семантического потенциала грамматической категории рода русских существительных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 4. С. 98–102.
9. Милославский И.И. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
10. Мельчук И.А. Курс общей морфологии (теоретической и описательной). Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 416 с.
11. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология. Словарь-справочник. Ч. 1. 2-е изд., испр. и доп. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2003. 264 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
13. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
14. Чепасова А.М., Казачук И.Г. Существительные в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Флинта, 2007. 272 с.
15. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология: учеб. пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. 313 с.

2.4. О номинативном аспекте местоименной лексики

Петрова Н.А., Архангельск

Отличие в характере соотнесенности знаков с единицами окружающего мира представлено в разных способах их отображения – номинативном (пойотетическом) и указательном (дейктическом).

Содержание дейктического знака референциально, задается коммуникативной ситуацией, при этом переменное лексическое значение имеет разную денотативную отнесенность в отличие от содержания номинативного знака, обладающего устойчивостью, жесткой прикрепленностью к классу объектов, характеризующегося постоянством денотата, постоянным лексическим значением. Местоимения рассматриваются как слова, которые указывают на предметы, признаки, количество, но не называют их. Но действительно ли они только указывают, а не обозначают предметы и их признаки, есть ли номинативное начало в семантике прономинативов?

Мысль о «лексичности» местоименных слов восходит к трудам А.А. Потебни, указывавшего на содержательную сторону прономинативов [Потебня, 1958, с. 36], и прослеживается в трудах многих ученых. Местоимения включаются в систему частей речи, у местоимений признается наличие номинативной функции [Сидоренко, 1978, с. 45; Шелякин, 1986, с. 9–10; Селиверстова, 1988 и др.].

По мнению Е.Н. Сидоренко, феномен местоимений образуется на пересечении их категориальных (предметность, признак предмета и др.) и разрядовых значений (вопроса, указания и др.), находящихся в разных плоскостях обобщенной семантики, но у них отсутствует вещественное (лексическое) значение [Сидоренко, 1982, с. 18–19, 26]. Онтологическая связь местоимений с классами номинативных слов проявляется в их соотнесенности с разными частями речи (местоимения обслуживают те же категориальные значения, что и самостоятельные слова), в результате чего местоимения распределяются по классам знаменательных слов [Пешковский, 1956, с. 159; Панов, 2004, с. 164]: формально-грамматическая природа местоименных слов связана с указанием на лица, предметы (местоимения – существительные), признаки (местоимения – прилагательные), действия (местоимения – глаголы *что делать? что сделать?*), состояния (местоимения – предикативы: *каково` , таково`* в безличных конструкциях), на признак признака (местоимения – наречия).

В.В. Виноградов особо выделял класс предметно-личных местоимений, подчеркивая тесную связь прономинативов с предметами [Виноградов, 1972, с. 246, 256, а также Русская грамматика, с. 531]. В трудах Н.Ю. Шведовой местоимения описываются как образую-

щие естественную самостоятельную систему «единообразных слов, обладающих сходством формального и смыслового строения», входящих в группу слов «означающих», противопоставленных всем другим словам и представляющих собой концентрацию абстрактных значений: субъектности – бессубъектности, пространства и времени, бытия – небытия, определенности-неопределенности и т. д. [Шведова, 1998, с. 11]; это своеобразная «суперчасть речи», стоящая над всеми другими частями речи и отражающая последние в своих грамматических и функциональных особенностях» [Шелякин, 1986, с. 10; Шемелева, 1997, с. 5]. При всем разнообразии позиций всеми учеными признается существование референциально-дейктического характера местоименных слов, обладающих приспособительно-меняющимся аппаратом лексической семантики. Однако нет ясности в соотношении величин дейктичности и номинативности в семантике местоимений.

Местоимения обладают спецификой смыслового наполнения: от ядра до периферии смыслового поля. Ядро смыслового поля наполнено инвариантным смыслом «*отношения*» – местоимения определяют предметы, признаки, количество по признакам, характеризующим предметы через их отношение к центру координации – говорящему лицу или наблюдателю в конкретной речевой ситуации. Периферия оказывается исключительно подвижной частью семантики и у разных семантических групп прономинативов наполняется разным содержанием в зависимости от коммуникативной ситуации: условий общения – места, времени, социальных и психофизиологических характеристик участников коммуникации, их мотивов, потребностей, целей общения в данной ситуации. Периферийную зону семантической структуры составляют смысловые модификации, возникающие *в речевом употреблении*, представляющие собой динамическую картину контаминаций разнообразных смыслов.

Ядерная зона смысловой структуры личных местоимений, образующих центр «эго-системь», с одной стороны, содержит релятивный компонент, детерминируемый отношением к субъекту как центру речевой коммуникации. Наиболее точно, на наш взгляд, специфику дейктичности местоимений передал Ю.С. Степанов: «Говорящий, присваивая себе имя словом *я*, тем самым присваивает себе весь язык, накладывает на него координаты того времени, когда он говорит, и того места, где он говорит; говорящий устанавливает отношения с окружающим миром со своей точки зрения» [Степанов, 1985, с. 228–229]. Говорящий всегда именуется словом *я*, выступая от собственного лица, тем самым маркируя свою неповторимую субъективность, уникальность, и в то же время говорящий является и *ты*, но только при смене точки отсчета субъекта речи, то есть для

другого субъекта. С другой стороны, личные местоимения репрезентируют участников коммуникации, каждый из которых выполняет речевую роль как номинацию лица. В ментальном наборе лексем индивидуума личные местоимения находятся в постоянной готовности к конвертируемости, и конкретные характеристики, индивидуальные свойства человека, именуемого словом *я* или *ты*, нерелевантны в акте коммуникации: номинация *я* закреплена за самим говорящим, *ты* – всегда собеседник. Свойство взаимозамены коммуникативных ролей только подтверждает номинативность лексем *я* или *ты*: в каждом акте общения говорящий и слушающий пользуются готовыми единицами языка – номинациями роли. «С «интрасубъектной точки зрения» *я* от индивидуума не отчуждаемо. «Интрасубъектность *я*-знака – уникальное в языке номинативное качество. «*Я*» – знак «чистой самотождественности» индивидуума самому себе» [Евтюхин, 1982, с. 149]. Получается, что *я*-лексема парадоксально совмещают в себе дейктическое и номинативное начала.

Релятивная природа личных местоимений, связанная с отношенностью к говорящему субъекту, формирует периферийную область семантической структуры местоименных слов. Членение инвариантной номинации *я* на подвиды – результат сложной знаковой природы, связанной с отсутствием изоморфизма между внешним выражением знака и его внутренним проявлением. Перенесение слова из плоскости языка в плоскость речи – вторичная интериоризация – обеспечивает возникновение разнообразной смысловой палитры личных местоимений. Так, наличие парадигмы динамических разновидностей исходной лексемы *я* объясняется особой коммуникативной природой местоимений – лексикализацией коммуникативной сущности, а также денотативной соотнесенностью *я* с говорящим – субъектом речи, выполняющим различные коммуникативные роли в речевом общении.

На возникновение персональных смещений влияют и частные причины. С одной стороны, экстралингвистический фактор – способность говорящего идентифицировать себя с другими людьми, с другой – двуслойная структура художественных текстов помогают созданию *парадигматических* смысловых подвижек в семантической структуре местоимения («*Административный восторг? Не знаю, что такое. – То есть... Vous savez...En un mot, поставьте какую-нибудь последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir (чтоб вам показать свою власть (фр.)). «Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...» И это в них до административного восторга доходит...»*

(Ф.М. Достоевский. Бесы) – «возможный мир» образуется благодаря переключению регистров: повествование о 3-м лице переводится в личностную сферу гипотетического говорящего при помощи прямой речи (здесь), косвенной, несобственно-прямой речи). *Ретроспективная* аппликация обуславливается внешними факторами времени и пространства в системе «я – здесь – сейчас» К. Бюлера [Бюлер, 1965, с. 22–37], а также семантико-грамматической связью местоимений как предельно абстрактных слов в языке и глаголов, также тяготеющих к абстрактности. Контаминации местоимений и глаголов переключают регистры локации (яркий пример: стихотворение В.Ф. Ходасевича «Перед зеркалом»: «Я, я, я. Что за дикое слово! Неужели вон тот – это я? Разве мама любила такого, Желто-серого, полуседого И всезнающего, как змея?», где при точке отсчета в настоящем говорящий использует номинацию я для обозначения себя в отдаленном прошлом; содержание лексемы я получает новое наполнение «я – ребенок»). Изменение семантического спектра глаголов (от глаголов движения к глаголам с ментальной семантикой) изменяет степень конкретизации местоимений. Третья периферийная модификация лексемы я носит центростремительный характер, обусловлена способностью говорящего рассматривать себя с разных точек зрения (пример «расслоения личности» на две ипостаси: « – Ну, спросила она... – тебе, наверное, про отца рассказать?...Тебя он устроил в садик...Ты меня слушаешь? Я кивнул. Я слушал. Странно только, что все было как бы про меня, но не про меня... Детдомовский я!.. Из «спеца»... И никаких садиков!.. Не было садика! Но я послушно кивал» (А.И. Приставкин. Кукушата), где я подростка распадается на две единицы я и не-я).

Включенность единицы я как номинации, закрепленной за говорящим, в лексико-грамматическую систему языка позволяет местоименным словам на уровне языка взаимодействовать с другими лексемами, в частности с глаголами (местоимения, контаминируя с глаголами, образуют местоименно-глагольные синтагмы, переключающие регистры голосов в тексте) и с существительными (при парадигматических подвижках смысла – в частности с личными именами). Такое динамическое взаимодействие оказывается возможным благодаря абстрактности семантики местоимений и глаголов. В системе языка местоимения выступают, по сути, в качестве внутривидового дейксиса.

Таким образом, ключевое слово я содержит номинативное начало в своей семантической структуре, которое позволяет ему «вести себя» как слово: иметь морфологические и синтаксические категории, содержать коннотативные компоненты (разнообразные суб-

ститутции личного местоимения ты, основанные на рефлексивности личных местоимений: *ты* и *Вы*, *ты* и *мы* «*А она... присела на топчан... неожиданно сказала, как ребенку: – А теперь мы будем лежать и слушать врача...*» (Ю. Бондарев. Река), авторское *мы*: «*Мы назовем его одним департаментом*» (Н.В. Гоголь), то же наблюдается и у других групп местоимений: *всяк*, *каков*, *таковой*, *ейный*, внутренние межгрупповые местоименные контаминации: *у меня у дочери было так*), подвергаться субстантивации («*Мое я погаснет, точно лампа, у которой прикрутили фитиль*» (А.И. Куприн), «*Беседовать со своим я было для него высшею отрадою*» (И.А. Гончаров) и др.

Номинативный компонент в семантике местоимений позволяет им проявлять себя именем в коммуникативной ситуации, что выражается в грамматических категориях единичности – множественности, одушевленности – неодушевленности, позволяет выражать индивидуальность, выполнять анафорическую или катафорическую функцию в тексте и др.

Благодаря смысловому движению по шкале «абстрактное – конкретное» грамматические категории и значения детерминируют семы номинативного характера (соотнесенность между номинантами (знаменательными частями речи) и прономинативами на грамматическом уровне, приводит к смысловым преобразованиям на глубинном уровне языка), в результате чего морфолого-синтаксическим способом появляются производные образования, актуализирующие семы «*возлюбленный*», «*близкий*», «*враг*» для личных местоимений *он*, *она*: «*Оказалось, что и ее «он» принадлежал тоже к «табуну диких людей*» (А.П. Чехов); в предложении «*А она ничего, хорошенькая*» отрицательное местоимение употреблено в значении прилагательного, наречное местоимение *по-любому* в молодежной среде приобретает номинативное значение «*обязательно*»: «*По-любому встретимся с тобой*». Наличие номинативного компонента в значении местоимений позволяет им выступать в качестве субстантивов.

Соотношение номинативного и дейктического компонентов в семантической структуре разных местоименных групп может быть неодинаково. Яркость номинативных сем утрачивается по мере удаления местоименной лексики от эго-центра я. Например, группа указательных местоименных слов *тот* и *этот* также содержит номинативный компонент «*близкий*» и «*отдаленный*», реализуемый через дейктический механизм отнесенности к говорящему лицу в речевом общении и выраженный грамматической формой числа, рода и падежа. Однако сами прилагательные ориентированы на центр координации – точку отсчета, на говорящего, получают дейк-

тический компонент отнесенности. Ослаблен номинативный компонент в вопросительных словах в силу категории неизвестности, зато в них усилены лексико-грамматические и семантические связи с персональностью, одушевленности/неодушевленности, посессивности с полнозначными словами.

Номинативное и дейктическое в местоимениях сложным образом переплетается, образуя сложные контаминации.

Семантическая структура местоименных слов содержит номинативный компонент, доказательством этому является номинативность ключевого слова эгоцентрической местоименной системы – *я* как названия коммуникативной роли говорящего, затем *ты* – роли собеседника. Номинативность проявляется также в оппозиции «*я* – *не-я*»: *я* как неотчуждаемая номинация говорящего и *не-я* как объекта речи: «Человек, во всем своем совершенстве, ставший внезапно среди природы, еще не оглашенной словом человека... выразил прежде всего сознание, и первое слово было – слово сознания, т. е.: *я*... Вместе с этим первым мгновением сознания высказалось сознание и предмета, – всего сущего мира (*не-я*)» [Аксаков, 1880, с. 30]. Лексема *я* выступает в одном ряду с другими номинативами. С другой стороны, дейксис – явление широкое, пронизывает разные части речи. Опорой субъективности является класс личных местоимений, показателями дейксиса – слова разных частей речи – другие местоименные разряды, прилагательные, наречия, организующие локально-временные отношения относительно говорящего как точки отсчета (ср.: *близкий, сладкий, далеко, горько* – значение демонстративов субъективно определяется говорящим субъектом). Наличие дейктического механизма в семантике этих прилагательных и наречий не мешает признавать их словами, обладающими номинативным значением.

Как известно, развитие человеческого мышления шло от конкретного к абстрактному. Местоимения являются результатом высокой степени абстрактности, представляют собой результат высокой степени обобщенного отражения действительности. В них удивительным образом соединились разные уровни абстракции: от общего способа отображения мира, представляемого как смысловой компонент абстрактного типа, отражающий внеязыковую действительность в плоскости речи к категориальному значению местоимений, идентичному категориальным значениям самостоятельных слов, к обобщенному разрядному значению – лица/предметности, посессивности, указательности, вопроса, неопределенности (определенности), отрицания (утверждения), выделения, обобщения, отделения, квантования, возможно, «исходу» (в терминологии Н.Ю. Шведовой) в плоскости языка.

Номинативность в местоимениях проявляет себя в многообразно: местоимения функционируют в языке как слова-номинативы: имеют категориальные значения, идентичные категориальным значениям самостоятельных слов; имеют грамматическую оформленность и выражают ее в числе, роде и падеже; вступают в синтаксические связи с полнозначными словами. Дейктический механизм местоимений в плоскости текста позволяет им выполнять анафорическую функцию, создавать стереоскопию за счет периферийной зоны местоименной семантики.

В плоскости речи «работает» сам дейктический механизм, связанный с точкой отсчета, и, прежде всего, периферия местоименной семантики, позволяющая привязывать значение местоимения к коммуникативной ситуации, создавая некодифицированные смыслы, например: *«Две подруги зашли в магазин в поисках нужной вещи. Одна успела обежать весь магазин, подходит к подруге, та спрашивает: - Ну, что там? - Да ничего нет»* (из живой речи). В местоимении «ничего» актуализируется сема «отсутствие нужной вещи в этом магазине». Или *«На одной стороне улицы стоит один мальчик, на противоположной стороне – другой. Один кричит товарищу: - Колька, иди сюда? – Что надо? Ничего. – А... ну сейчас, иду»* (из живой речи). Для говорящего оказывается важен смысл: *«Мне интересен ты, я хочу с тобой просто пообщаться»*.

Таким образом, контаминации номинативного и дейктического в семантической структуре местоимений проецируется на две области – плоскости языка и речи. Номинативные семы проявляют себя в языковой плоскости: смысловой компонент абстрактного типа в ядерной части семантической структуры местоименных слов, отражающий внеязыковую действительность, выражает понятие категориального (предметность, признак, количество и т.д.) и разрядного типа (лицо/предмет, указание, вопрос, отрицание и т.д.). Номинативный характер этой концептуальной составляющей местоименной семантики позволяет прономинативам функционировать в качестве лексем в языке. Более того, местоимения, обозначая определенные понятия, закрепляют эти понятия в номинации, в лексеме, и становятся членами определенных семантических парадигм.

Традиционно выделяемая в семантической структуре местоименных слов вторая концептуальная составляющая – актуализатор, связанный с условиями и участниками коммуникации, активизирует дейктический механизм, функционирующий в плоскости речи. Уникальность местоимений заключается в лексикализации самих коммуникативных связей, проявляющих себя в дейксисе.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. Сочинения филологические. Ч. II. Опыт русской грамматики // Полное собрание сочинений. Т. III. М.: Универс. типография, 1880. С. 21–34.
2. Бюлер К. Теория языка: Извлечения // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.2. М.: Просвещение, 1965. С. 22–37.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
4. Евтюхин В.Б. Проблемы интерпретации местоименных слов (о «дейксисе» личных местоимений) // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии: межвуз. сб. статей. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1982. С. 146–151.
5. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 563 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Гл. VIII. Местоименность. М.: Учпедгиз, 1956. С. 153–164.
7. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
8. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
9. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1988. 151 с.
10. Сидоренко Е.Н. Материалы по морфологии современного русского языка. Ч. 1: Именные части речи. Симферополь: СГУ, 1978. 112 с.
11. Сидоренко Е.Н. Семантика местоимений современного русского языка // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь: СГУ, 1982. С. 18–26.
12. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: философия эгоцентрических слов. М.: Наука, 1985. 332 с.
13. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
14. Шелякин М.А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1986. 92 с.
15. Шемелева Т.В. Русское местоимение как часть речи (функционально-семантический и морфемно-словообразовательный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 27 с.

2.4 Лексико-семантическое поле “свет-тьма” в ранних стихотворениях Ольги Фокиной

Петрова Т.В., Архангельск

Стихи северной поэтессы Ольги Фокиной неизменно оставляют у читателя ощущение света. Не являются исключением и ранние стихотворения, написанные в пятидесятые годы двадцатого века, в первое послевоенное десятилетие. К этому же времени относится и полюбившаяся многим читателям «Северная Двина». Вчитаемся в безыскусные строки, словно освещающие душу: «В небе звезд – до головокружения! / Тут тебе и боги, и медведицы... / Смущено мое воображение: / Почему не греют, если светятся? / Хорошо мерцать, но греть – прекрасней! / Мне не надо высоты спасающей, / Звездочка – красиво... но куда с ней? / Стать бы солнцем – греющим, сверкающим!» («Я в стихах, конечно, первоклассница ...», 1955), «Тебе, лучистому, / Солнце вручаю я» («Весеннее», 1957), «Она торопилась вырасти, / Чтоб видеть солнце и радугу» («Про картошку», 1959), «А с рассветом опять парходам гудеть. / Росы вспыхнут и высохнут вскоре, / Только мелкая дрожь пробежит по воде / От истоков до Белого моря. / О разливах, о плесах твоих золотых / Мало песен поется в народе: / То ли люди не видят такой красоты, / То ли слов, чтобы спеть, не находят» («Северная Двина», 1958), «Хорошо, положив подбородок в ладони, / К солнцу майскому пятки босые поднять, / И смотреть, как пасутся у озера кони, / И себе выбирать молодого коня. / Хорошо, ничего не желая на свете, / Без пути и без цели скакать по лугам, / И спугнуть задремавший в черемухах ветер, / И задорную песню послать облакам. / Лейся, песня! Лети, молодой жеребенок! / Счастья искорки, сыпьтесь цветами на луг! / Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!» («Хорошо, положив подбородок в ладони...», 1958).

В настоящей статье описывается лексико-семантическое поле (ЛСП) «свет – тьма» в языковом пространстве ранних стихотворений северной поэтессы Ольги Фокиной, созданных в пятидесятые годы двадцатого века.

В состав ЛСП входят:

- 1) слова разных частей речи, объединенные одной темой (синонимы, антонимы, тематические группы и др.);
- 2) слова, связанные с данной темой ассоциативно;
- 3) этимологически родственные слова (как характеризующиеся синонимической близостью в современном русском языке, так и подвергшиеся деэтимологизации).

В ЛСП «свет–тьма» архисемами являются сами эти понятия,

находящиеся между собой в антонимичных отношениях [Труфанова, 2004, с. 139].

Рассматривая особенности употребления слов, составляющих данное поле, обратимся к словарному толкованию лексем «свет» и «тьма».

«СВЕТ 1: 1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом. 2. Тот или иной источник освещения. 3. Освещенность, состояние, когда светло. 4. В некоторых выражениях: рассвет, восход солнца. 5. Употр. как ласкательное обращение. Перен.: свет очей (моих) – о том, кто дорог, любим (обычно в обращении). СВЕТ 2 – 1. Земля, вселенная, а также люди, ее населяющие. СВЕТЛЫЙ – 1. Излучающий сильный свет. 2. Хорошо освещенный; яркий. 3. Ясный, прозрачный. 4. Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный. 5. Радостный, ничем не омраченный, приятный. 6. Ясный, пронизательный. СВЕТИТЬ – Излучать свет» [Ожегов, 1990, с. 700].

«ТЬМА 1 – 1. Отсутствие света, мрак. 2. перен. Невежество, культурная отсталость. ТЬМА 2 – ...2. То же, что множество. ТЕМНЫЙ – 1. Лишенный света, погруженный во тьму. 2. По цвету близкий к черному, не светлый. 3. Неясный, смутный, непонятный. 4. Печальный, мрачный, безрадостный. 5. Вызывающий подозрение, сомнительный по честности. 6. Невежественный, отсталый» [Ожегов, 1990, с. 791, 816].

Кроме того, будем учитывать текстовые приращения смысла отдельных компонентов ЛСП.

В стихотворениях О. Фокиной ядерная лексика ЛСП «свет–тьма» включает:

а) архисеме «свет»: свет (1); на свете (3);

б) «слова, непосредственно примыкающие к архисеме «свет» и их дериваты: *солнце* (7 употреблений); *луч* (2), *лучистый*; *искорка*; *звезда* (5), *звездочка*, *звездчатость*; *луна*, *месяц*, *радуга*; *лампа*, *(электрические) огни*; *зоревать*, *восход*, *рассвет* (3), *чуть свет*, *утро*, *наутро*, *поутру*, *день* (3);

в) дериваты архисемы: *светить*, *светиться* (2);

г) слова, примыкающие к дериватам (*светить*, *светлеть*, *светлый*) по смыслу: (*полнеба*) *серебря*; *блестящий*; *прозрачный*; *бледная*; *веселить*, *весело* (2), *восторг*, *восхищаться*, *любить* (9), *любимый* (3), *наслажденье*; *полюбить*, *счастливый*, *счастье* (5), *отрада*, *радоваться* (3), *глаза* (7), *быстроглаз(ый)*, *взгляд* (2), *взгляни*, *глядя* (2), *глядевший*, *видеть*, *увидеть*, *смотреть* *досмотреть*;

д) синонимы:

к «свет 1» и его дериватам: отсутствуют;

к «светить»/«осветить» и дериватам: *блестящий, вспыхнуть, мерцать, сверкающий, серебря;*

к «свет 2»: *вселенная (2);*

е) антонимы:

архисема «тьма»: отсутствует;

ее дериваты: *темно;*

непосредственно примыкающие к архисеме «тьма» слова: *ночь (3), ночка, ночной; тень; погаснуть, угаснуть;*

синонимы: *дремучий.*

Единичные лексемы обозначают промежуточное состояние «полусвета»: *туман, замутиться.*

На периферии ЛСП располагаются понятия, связанные с ядерными этимологически или ассоциативно. Периферийная лексика ЛСП «свет–тьма» в ранних стихотворениях О. Фокиной включает:

а) названия предметов, в разной мере отражающих и преломляющих свет (с актуализацией сем «блеск», «игра», «прозрачность»): *вода (7), воздух, дождик, крылья стрекоз, капля (3), ливень, лужа (2), лужица, море (2), озеро, плес, разлив, река (2), речка (2), речной, роса (3), ручей, слеза (2), снег, снежинки (3);*

в т.ч., камней, самоцветных и просто блестящих, и их дериватов: *малахит, самородок (2);*

и металлов с их дериватами: *золото, золотой, серебряный;*

б) цветообозначения (совокупность цветовых полос радуги получается при прохождении светового луча через преломляющую среду): *красный, покраснеть, розовый (3), желтизна, зеленый (3), голубой (2), белый (2), белизна, серый (2), сивый, краски, расписной, цветной;*

в) названия растений, в т.ч. цветущих: *береза, брусничник, василек (2), волнушка, ель (3), елка (2), еловый (2), заросли, земляника, картошка (3), клеверок, колосья, крапива, куст (2), луг (8), лес (10), лесист, лесной (2), лист, листик, листок, листочек (2), лопух (2), лопушок, мох (2), осина, осинник (2), папоротник, поле (2), растение, репа, рожь (3), росток, рыжик, сосна, сосновый, тополь (3), тополиные (2), трава (2), травка-травушка, цветы (2), черемуха; (все лексемы, в основном, употребляются в прямом значении, метафорическое употребление единично: «Солнце, как репа»);*

г) сакральная лексика: *боги, безгрешный, воскресать (2), воскреснуть, душа (4), монастырь, откровение, откровенье;*

д) лексема «жизнь» и дериваты: *жизнь (3), жить (2), живой;*

е) антоним к «жизни» и дериватам: *могила, убивать, а также описательные выражения: «он давно не с нами», «отшумели ему леса», «закрыла навек глаза»;*

ж) слова-ассоциаты к архисеме «тьма»: *грусть* (4), *грустить*, *горе*, *злорадно*, *невеселый*, *печальный*, *страх* (2), *страшно*, *тревога* (2), *тревожиться* (2); *сквозь землю*, *пласт земли* (в контексте «глубь земли»), *в омуте* (2), *на дне* (в контексте «глубь воды»), *из подвальной сырости*.

Из двадцати четырех стихотворений, написанных в 1950-е годы, названия имеет меньше половины; лишь два из них включают периферийные компоненты исследуемого ЛСП.

Концентрация «темной» и «светлой» лексики в отдельных стихотворениях этого периода обусловлена их тематикой. Наиболее высока она в стихотворениях «Про картошку» (22), «Сегодня поутру, едва проснувшись...» (19), «Со мною лишь природы откровенье...» (18), «Северная Двина» (17), «Розовое мыло» (17), «Пой, вселенная! Я воскресаю!» (16); наименее – в стихотворных обращениях «К фотографии» (1), «Мать» (4).

Вполне закономерно, что наиболее насыщена исследуемой лексикой пейзажная лирика. Неожиданно светлыми в изображении поэтессы оказываются обыденные бытовые сцены. Более сдержанно, приглушенно написаны стихи, посвященные близким, любимым людям.

«Светлая» лексика существенно преобладает и обнаруживается во всех двадцати четырех стихотворениях, «темная» лексика встречается в тринадцати. Таким образом, оппозиция «свет – тьма» реализуется чуть более чем в половине ранних стихотворений Ольги Фокиной.

Наибольшая насыщенность лексикой света представлена в стихотворениях «Сегодня поутру, едва проснувшись...» (19), «Со мною лишь природы откровенье...» (17), «Северная Двина» (16), «Про картошку» (16), «Пой, вселенная! Я воскресаю!» (14); лексикой тьмы наиболее насыщены «Мой отец... он давно не с нами...» (6), «Про картошку» (16), «Первая ночевка в Москве» (5).

На парадигматическом уровне анализа выявляется тематическое разнообразие ЛСП «свет–тьма» в стихотворениях О. Фокиной. Лексика света в них (только ядерная) разнообразна, включает следующие тематические группы:

- 1) видимый свет (*луч*, *лучистый*, *искорка*, *светить*, *светиться*, *вспыхнуть*, *мерцать*, *блестящий*, *сверкающий*, *серебря*),
- 2) источник освещения (*солнце*, *звезда*, *звездочка*, *звездчатость*, *луна*, *месяц*, *лампа*, *(электрические) огни*),
- 3) освещенность, состояние, когда светло (*восход*, *рассвет*, *чуть свет*, *утро*, *наутро*, *поутру*, *день*),

4) органы зрения, способность воспринимать мир (*глаза, быстроглазый, взгляд, взгляни, глядевший, глядя, видеть, увидеть, смотреть, досмотреть*),

5) чувства (*веселить, весело, восторг, восхищаться, любить, любимый, наслаждение; полюбить, счастливый, счастье, отрада, радоваться, радость*),

6) стороны света, где восходит и заходит солнце (*восход*) и др.;

а также формо- и словообразовательные гнезда (*утро, наутро, поутру; звезды, звездочка, звездчатость; любить, любимый; радоваться, радость, отрада; свет, светить, светиться; белый, белизна; красный, покраснеть; серебря, серебряный; золото, золотой*) и синонимические ряды (*лучистый, блестящий, сверкающий; светить, вспыхнуть, мерцать*).

Наиболее частотны: *любить* (9), *солнце* (7), *глаза* (7), *звезда* (5); реже встречаются *рассвет* (3), *день* (3), *любимый* (3), *радость* (3), *светиться* (2), *луч* (2).

Лексика тьмы менее разнообразна в семантическом отношении; включает словообразовательные гнезда (*ночь, ночка, ночной*) и синонимические ряды (*свет–огонь (огни); светить–мерцать* [Александрова 1975, с. 479, 480]).

Наиболее частотны употребления: *ночь* (3), *грусть* (4), *страх* (2), *тревога* (2), *тревожиться* (2); прочие единичны.

С морфологической точки зрения лексика исследуемого ЛСП представлена преимущественно существительными (200), в значительно меньшей и приблизительно равной степени – признаковыми словами (прилагательными и причастиями, 43) и глагольными формами (41). Аналогично, лексика света представлена преимущественно существительными (180), в меньшей и приблизительно равной степени – признаковыми словами (прилагательными и причастиями, 39) и глагольными формами (35). Лексика, группирующаяся вокруг архисемы «тьма», распределяется примерно так же: существительные (20), прилагательные (4), глаголы (6). Таким образом, свет пронизывает стихотворения О. Фокиной первого послевоенного десятилетия (и противостоит тьме) прежде всего на уровне существей, а затем уже – признаков и действий.

Рассмотрим отношения исследуемых слов с их лексическим окружением. В непосредственной связи с данными лексемами находятся определяющие их или определяемые ими языковые единицы.

1. Стихотворения ориентированы по вертикали (небо – земля: вода и суша), следовательно, определяемые компонентами ЛСП «свет–тьма» слова в них могут быть разделены на два противопоставленных пласта, включающих как ядерную, так и периферийную лексику (ядерная лексика // периферийная лексика):

Небо

«Светлые 2 определения: светить, светиться, вселенная (2), зоревать, рассвет (3), чуть свет, луч (2), солнце (7), радуга, звезда (5), звездчатость, звездочка, луна, месяц, восход, мерцать, сверкающим, серебря, день (3), утро, наутро, поутру // безгрешный, боги, воскресать (2), воскреснуть, воздух, дождик, ливень, снежинки (3), голубой, белизну, серый (52).

«Темные» определения: погасла, ночь (3), ночка, ночной // – (6).

Земля (вода и суша)

«Светлые» определения: свет, светиться, на свете (3), лучистому, искорка, с лампы, к (электрическим) огням, прозрачный, бледная, блестящего, вспыхнет, глаза (7), быстроглаз, взгляд (2), глядя (2), глядевший, взгляни, веселить, восхищаться, радоваться, весело (2), восторг, наслаждение, счастливый, счастье (5), отрада, радость (3), любить (9), полюбить, любимый (3), видеть (2), увидеть, смотреть, досмотреть // жизнь (3), жить (2), живой, душа (4), монастырь, откровение, откровенье, вода (7), крылья стрекоз, капля (3), лужица, лужа (2), море (2), озеро, плес, разлив, река (2), речка (2), речной, роса (3), ручей, слеза (2), снег, красный, покраснеть, розовое (3), желтизной, зеленых (3), голубой, белый (2), серый, сивый, краски (2), расписной, цветной, золото, золотых, серебряный, малахит, самородок (2), береза, брусничник, василек (2), волнушка, ель (3), елка (2), еловый (2), заросли, земляника, картошка (3), клеверок, колосья, крапива, куст (2), луг (8), лес (10), лесист, лесной (2), лист, листик, листок, листочек (2), лопух (2), лопушок, мох (2), осина, осинник (2), папоротник, поле (2), растение, репа, рожь (3), росток, рыжик, сосна, сосновый, тополь (3), тополиные (2), трава (2), травка-травушка, цветы (2), черемуха (208).

«Темные» определения: темно, угаснет, дремучий, // грусть (4), грустить, горе, злорадно, невеселый, печальный, страх (2), страшно, тенью, тревога (2), тревожиться (2), могилы, убивать, «сквозь землю», «пласт земли (пробуравил)», «из подвальной сырости», «как будто в омуте», «на дне души», «он давно не с нами», «отшумели ему леса», «закрыла навек глаза» (30).

Слова, являющиеся компонентами ЛСП «свет–тьма», употребляются преимущественно в прямом значении: «В небе звезд – до головокружения! / Тут тебе и боги, и медведицы... / Смущено мое воображение: / Почему не греют, если светятся? / Хорошо мерцать, но греть – прекрасней! / Мне не надо высоты спасающей, / Звездочка – красиво... но куда с ней? / Стать бы солнцем – греющим, сверкающим!» («Я в стихах, конечно, первоклассница ...», 1955), «Ночь. Мороз. И звезды, звезды... / И легка у Карька рысь» («В дороге», 1957). Поправка на метафоризацию – «Скоро пристань. / Иди, встречай! /

Тебе, лучистому, / Солнце вручаю я» («Весеннее», 1957), «Луна, полнеба серебря, / Стоит печальная, немая» («Четыре дня до сентября...», 1957), «Пой, вселенная! Я воскресаю! / Воскресаю, вселенная, пой!» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957); «Я в стихах, конечно, первоклассница, / Трудно мне писать самостоятельно: / Вдохновенье вспыхнет – и угаснет, / Прошипев на сырость прилагательных, / Не идут глаголы тонконогие, / В неопределенности наречия, / И боюсь, споткнусь на первом слоге я / По дороге в души человечьи...» («Я в стихах, конечно, первоклассница ...», 1955), «А с рассветом опять пароходам гудеть. / Росы вспыхнут и высохнут вскоре, / Только мелкая дрожь пробежит по воде / От истоков до Белого моря. / О разливах, о плесах твоих золотых / Мало песен поется в народе: / То ли люди не видят такой красоты, / То ли слов, чтобы спеть, не находят» («Северная Двина», 1958); «Лейся, песня! Лети, молодой жеребенок! / Счастья искорки, сыпьтесь цветами на луг! / Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!» («Хорошо, положив подбородок в ладони...», 1958), «Спи, мой бесценный малахит, / Резцом покуда не задетый» («Четыре дня до сентября...», 1957) – несущественна в ядерной лексике света и более значительна в периферийной – в обоих пластах.

В «темной» лексике, как ядерной, так и периферийной, примеры метафорического употребления единичны: «Когда мне трудно немножко / И кажется жизнь дремучею, / Я не плачу, а ем картошку: / Ее ведь тоже окучивали» («Про картошку», 1959), «Четыре дня до сентября... / Мою тревогу понимая, / Луна, полнеба серебря, / Стоит печальная, немая» («Четыре дня до сентября...», 1957). Отметим однако, что слова, являющиеся компонентами ЛСП «свет–тьма», входят в состав метафор гораздо чаще: «В леса, которых краше нет, / В леса, уснувшие невинно, / Роняет звезды в тишине / Небес другая половина» («Четыре дня до сентября...», 1957), «Еще не пели петухи, / Ночные вестники рассвета...» («Четыре дня до сентября...», 1957), «Не снились мне монастыри, / Безгрешных каменные латы... / А ты сказал и повторил, / В глаза мне глядя: «Как чиста ты!»» (« Не снились мне монастыри...», 1959), «Но картошка помнила солнце! / Сквозь землю чувствовала луч его!.. / Наутро проткнула листком оконце И подумала: «Ничего!..»» («Про картошку», 1959).

Исследуемая лексика (всего 296 употреблений) распределяется по двум указанным пластам следующим образом: небо – 59 употреблений, земля – 237.

«Светлая» лексика (260) в целом по обоим пластам значительно преобладает над темной (36). В каждой из двух групп «светлая» лексика также преобладает над темной, как в изображении земных картин, так и небесных (более чем в 7 раз). В количественном отно-

шении из двух пластов больше всего «светлой» лексики, впрочем, как и «темной», обнаруживается в описаниях земли. Земное основание на лексическом уровне одновременно и светлее, и темнее небесного.

В изображениях неба существенно преобладает ядерная лексика – как света, так и тьмы; причем периферийная «темная» лексика отсутствует. Для земных пейзажей характерно преобладание периферийной лексики – как «светлой», так и «темной». В целом же, «пространство света» в ранних стихотворениях О. Фокиной создается как ядерной, так и периферийной лексикой исследуемого ЛСП.

В ранних стихотворениях Ольги Фокиной лексика, представляющая теплую часть спектра, разнообразнее, преобладает количественно (одиннадцать слов) и связана только с землей; холодная часть спектра представлена лексемой «голубой», которая употребляется в изображении как земли, так и неба. Таким образом, «земной» свет оставляет ощущение более теплого, а «небесный» свет – холодный. Лексика со значением белого и серого цветов обнаруживается в обеих группах. Слова со значением многоцветности, «радужности» связаны только с изображением земли.

В рамках микроконтекста (определяемое слово с определяющим, управляющее с управляемым, однородные признаки и действия) частотно сочетание двух «светлых» лексических единиц, своеобразное «умножение света»: «Но нет, уединение – / Не друг нам, вовсе нет! Одно лишь откровение – / Из глаз любимых свет» («Прости-прощай, Корнилово!...», 1956), «А с рассветом опять пароходам гудеть. / Росы вспыхнут и высохнут вскоре, / Только мелкая дрожь пробежит по воде / От истоков до Белого моря» («Северная Двина», 1958), «Лейся, песня! Лети, молодой жеребенок! / Счастья искорки, сыпьтесь цветами на луг! / Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!» («Хорошо, положив подбородок в ладони...», 1958), «Я материнских глаз не позабыла, / Они светились, радовались так, / Как будто дали ей не кубик мыла, / А самородок золота в кулак...» («Розовое мыло», 1959), «Немой упрек! Его не слышать мне ли? / Ведь я – одна, и за моей спиной / Уже заперешептывались ели / И вскинулся осинник расписной» («Со мною лишь природы откровенье...», 1956), «И через два мгновенья / На месте зеленых листочков / Встала с собственной тенью / Серая рыхлая кочка» («Про картошку», 1959), «В неизменной фуфайке сосновых лесов, / Холодна, а порой диковата, / Ты не рядишься в крылышки парусов, / Лишь плоты на тебе, как заплаты» («Северная Двина», 1958), «О разливах, о плесах твоих золотых / Мало песен поется в народе: / То ли люди не видят такой красоты, / То ли слов, чтобы спеть, не находят» («Северная Двина», 1958).

Значительно более редки

а) оксюмороны, сочетающие «светлую» и «темную» лексические единицы: «Еще не пели петухи, / Ночные вестники рассвета» («Четыре дня до сентября...», 1957), «Когда мне трудно немножко / И кажется жизнь дремучею, / Я не плачу, а ем картошку: / Ее ведь тоже окучивали» («Про картошку», 1959),

б) удвоение «темной» лексики: «Пень почтительно скинет папаху, / Поприветствует молча сосна... / Только тут без тревоги и страха / Твоего начитаюсь письма» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957).

Анализ более развернутого контекста, включающего лексическое окружение существительных-компонентов ЛСП «свет–тьма», также демонстрирует преобладание следующих компонентов.

1. Контексты, в которых за счет сочетания двух и более «светлых» лексических единиц усиливается интенсивность света: «Скоро пристань. / Иди, встречай! / Тебе, лучистому, / Солнце вручаю я» («Весеннее», 1957), «Лейся, песня! Лети, молодой жеребенок! / Счастья искорки, сыпьтесь цветами на луг! / Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!» («Хорошо, положив подбородок в ладони...», 1958), «О, как я жизнь люблю! / Мне утро рассказало / Губами облаков и голосами птиц, / Что радость так близка, и счастья так немало, / И столько для пера нетронутых страниц!» («О, как я жизнь люблю!..», 1959), «У крыльца – лужица, / В ней – узор опилок, / Вертится, кружится... / Думаю о миллом. Сиж у лужи, В лужу гляжу... / Милый, слушай, / Что я скажу» («Весеннее», 1957), «Река широка! / Большое небо! / У меня в руках / Солнце, как репа: / Хочу – откушу, / Хочу – утоплю... / Приеду – скажу, / Что тебя люблю» («Весеннее», 1957), «Пой, вселенная! Я воскресаю! / Воскресаю, вселенная, пой!» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957), «Семья волнушек в зарослях густых / К воде спустилась. Рыжиков упрямых / Меж пней еловых войско собралось: / Крепки, красны! Сказать хотят: не зря мы / Растем оравой и не любим – врозь» («Сомною лишь природы откровенье...», 1956), «Лес да лес... А за лесом что? / Море ли? Горы ли?» («Лес да лес... А за лесом что?..», 1956), «А с рассветом опять пароходам гудеть. / Росы вспыхнут и высохнут вскоре, / Только мелкая дрожь пробежит по воде / От истоков до Белого моря» («Северная Двина», 1958), «Земля ли им, холодным, показалась / Еще не окончательно продрогшей, / Чтобы начать ее от стужи кутать, / Ледок ли – не достаточно окрепшим, / Чтоб удержать и сохранить всю свежесть, / И белизну, и звездчатость, и хрупкость / Снежинок первых?», «В твоих глазах, подобно этой капле, / Стояли и не выливались слезы, / И ты, ко мне протягивая руки, / Родные руки в ссадинах и шрамах, / Ты мне сказал единственное слово: / «Вернись!» – И, позабыв про все на свете, / Я весело соскакиваю на пол, /

И прыгаю, как мяч, и кувыркаюсь, / И грохотом бужу свою подругу... / Да, я вернусь, вернусь к тебе, любимый!» («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958), «Да, мечты... словно крылья стрекоз, / Вы легки и прозрачны... Что ж проку?... / Над лугами звенит сенокос, / Тихой песней звенит по дорогам», «Сколько красок в природе – взгляни!» («Да, мечты... словно крылья стрекоз...», 1958), «Дядя пьет речную воду / Из блестящего ведра...», «Первый росток, как бивень, / Пласт земли пробуравил, / И первый июньский ливень / Ей первый листочек расправил» («Про картошку», 1959).

2. Лексика света в контекстах, объединяющих свет и тьму: «Любишь, любишь! В восторге беспечном / Как я счастье боюсь рассорить! / Любишь, любишь! Надолго, навечно! / Как назвать тебя? Чем отдарить?» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957), «Лес да лес... А за лесом что? / Море ли? Горы ли? / Грусть да грусть... А за грустью что? / Радость ли? Горе ли? / Верно, радость – ведь ты придешь, / Пусть мы с тобой и спорили. / Дум беспокойных уймешь галдеж... Скоро ли? Скоро ли?» («Лес да лес... А за лесом что?..», 1956), «Но не спеши, осинник, растрезвонить, / Не торопитесь, ели, осуждать! / Я не грущу, я счастлива сегодня, / Но вам такого счастья не понять» («Со мною лишь природы откровенье...», 1956), «Четыре дня до сентября... / Мою тревогу понимая, / Луна, полнеба серебря, / Стоит печальная, немая» («Четыре дня до сентября...», 1957), «И через два мгновенья / На месте зеленых листочков / Встала с собственной тенью / Серая рыхлая кочка» («Про картошку», 1959), «Но картошка помнила солнце! / Сквозь землю чувствовала луч его!.. / Наутро проткнула листком оконце / И подумала: «Ничего!..»» («Про картошку», 1959).

Более половины стихотворений этого периода одухотворено присутствием человека. Среди них и люди, составляющие близкое окружение автора, и друзья, и знакомые, односельчане. Внутри этой группы стихотворений выявляются свои закономерности. Матери посвящено три из них: «И думала: с мамой на пару / Над рожью наклонится дочь. / А вышло, что думала даром, / И некому старой помочь» («Под ветром – полей колыханье...», 1957), «...А мать чуть свет ей сани припасла, / У бригадира выпросив Гнедого» («Мать», 1958), «От холодного ветра тихонько дрожа, / Мать мне руку дает, говорит: «Поезжай!..»» («Уезжая учиться», 1959); отцу – два: «Мой отец... он давно не с нами, / Но, когда поют петухи, / Под босыми его ногами / Тихо-тихо вздыхают мхи. И, бледнея, смолкают березы, / И осины дрожмя дрожат, И брусничник роняет росы, / Невесомой ногой прижат» («Мой отец... он давно не с нами...», 1959); в одном мать и отец упоминаются вместе: «Я материнских глаз не позабыла, / Они светились, радовались так, / Как будто дали ей не кубик мыла, / А само-

родок золота в кулак <...> Тогда, впервые за четыре года, / Мне снова пахло теплым молоком, / И свежим хлебом, и тягучим медом, / И васильками, и – живым отцом...» («Розовое мыло», 1959). В двух стихотворениях упоминаются брат: «Под ветром – полей колыханье... / Меня не ищи – не найдешь. / Мне шепчет свое «До свиданья!» / Еще не дозревшая рожь. / Мой брат ее осенью сеял, / А я боронила весной. / И мамин платок покраснеет / Над спелой ее желтизной» («Под ветром – полей колыханье...», 1957), «Брат мой! Спину скорей разогни! / Брось горячую косу-горбушу! / Сколько красок в природе – взгляни! / Сколько песен повсюду – послушай!» («Да, мечты... словно крылья стрекоз...», 1958); друзья и подруги (хоть их и заслоняет образ любимого): «От друзей, от подруг и знакомых / В глушь лесную на лыжах лечу: / Только тут я действительно дома, / Только тут я душой не молчу» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957), «Ты мне сказал единственное слово: / «Вернись!» – И, позабыв про все на свете, / Я весело соскакиваю на пол, / И прыгаю, как мяч, и кувыркаюсь, / И грохотом бужу свою подругу...» («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958); соседи, односельчане: «Дай-ка серп. Эх, травка-травушка, / Незабытые кусты! Здравствуй, прежняя забавушка! / Что ж, соседка, встань и ты!» <...> Колыхалось в небе марево, / Овод жалил, солнце жгло. / Через час моя Марь Вановна / Согласилась: «Тяжело / Мне с тобой тягаться, милая, / Тяжело – не те года! А была бы с прежней силою – / Не сдалась бы никогда!» («Вишь ведь, как тебя изнежили», 1958); «Под угором строят баню. / Беззаботен, быстроглаз, / «Марш» насвистывает Ваня, / Мох укладывая в паз» («Истина», 1959), «Дядя пьет речную воду / Из блестящего ведра, / Хвалит славную погоду, / Что наладилась с утра...» («Истина», 1959); в одном – бабушка-попутчица – «Ночь. Мороз. И звезды, звезды... / И легка у Карька рысь. / С клюшкой, маленького роста, – / Кто там? Бабушка? Садись! <...> На дорогу светит месяц, / Бесконечен зимний лес. / Бабка спит. И нет на свете, / Как ни жалко, нет чудес («В дороге» 1957).

Больше всего стихотворений – девять, почти половина, – посвящается любимому человеку: «Милый, кого я в тебе найду? / Друга ли? Вора ли? / Встречи с тобою, как счастья, жду – / Скоро ли? Скоро ли?» («Лес да лес... А за лесом что?..», 1956), «Но нет, уединение – / Не друг нам, вовсе нет! / Одно лишь откровение – / Из глаз любимых свет» («Прости-прощай, Корнилово!...», 1956), «Ничего бы я не скрыла – / Кто он, что он, как зовут – / Самый лучший, самый милый / Владелец хитрых пут. / Как для Карька эти вожжи, / Для меня – его глаза... / Только чем ты мне поможешь, / Что сумеешь подсказать?» («В дороге», 1957), «Река широка! / Большое небо! / У меня в руках / Солнце, как репа: / Хочу – откушу, / Хочу – утоплю... / Приеду – скажу, / Что тебя люблю. <...> Скоро пристань. / Иди, встречай!

/ Тебе, лучистому, / Солнце вручаю я» («Весеннее», 1957), «Любишь, любишь! В восторге беспечном / Как я счастье боюсь рассорить! / Любишь, любишь! Надолго, навечно! / Как назвать тебя? Чем отдарить?» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957), «Да, я вернусь. Ты жди меня, любимый!» («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958), «Но хочется мне через город / В далекий поселок шагнуть / И этот распахнутый ворот / Своею рукой застегнуть» («К фотографии», 1958).

Интересны результаты наблюдений над концентрацией и функционированием компонентов ЛСП «свет–тьма» в стихотворениях. Так, наибольшая концентрация лексики ЛСП «свет–тьма» предсказуемо отмечается в стихотворениях, посвященных любимому человеку («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958, «Со мною лишь природы откровенье...», 1956, «Весеннее», 1957), в воспоминаниях об отце («Мой отец... он давно не с нами...», 1959) и о детстве («Розовое мыло», 1959). Тональность стихотворений о матери и брате более сдержанная, «осенняя», не случайно мать изображается в осеннем и зимнем пейзажах, брат – летом и осенью, причем постоянно – в работе: «Мой брат ее осенью сеял, / А я боронила весной. / И мамин платок закраснеет / Над спелой ее желтизной» («Под ветром – полей колыханье...», 1957.) «Снисходительно-ласковый взгляд / По цветам проскользнул утомленно: «Эх, сестренка, ладони болят! / Но уж сено!.. Убрать бы зеленым!»» («Да, мечты... словно крылья стрекоз...», 1958), «Немало дел, не переделывать дел, / Да пусть, управлюсь как-нибудь с делами!» («Мать», 1958). Эти стихи пронизаны теплом и заботой, и любовью-жалостью, берущим за душу пронзительным чувством. Лексика света существенно преобладает над лексикой тьмы, кроме стихотворения «Мой отец... он давно не с нами...» (1959), однако и в нем употребление описательных выражений смягчает впечатление: «Мой отец... он давно не с нами» <...> «И его ли вина, что рано Отшумели ему леса, Что война причинила раны И закрыла навек глаза – Не успевшему надышаться, Не успевшему досмотреть, Не уставшему восхищаться, Не охрипшему песни петь?» («Мой отец... он давно не с нами...», 1959).

Эмоциональный фон ощутимо светлеет и в других воспоминаниях («Розовое мыло», 1959) – концентрация ядерной лексики света здесь повышена, а периферийная повторяется и окольцовывает стихотворение: «Чуть уловимый запах земляники, / Едва заметный – ржи и васильков, / И аромат лесных тропинок диких, / И душный мед некошенных лугов <...> Тогда, впервые за четыре года, / Мне снова пахло теплым молоком, / И свежим хлебом, и тягучим медом, / И васильками, и – живым отцом...». Периферийная лексика света в этих стихах преобладает над ядерной.

Преобладание периферийной лексики сохраняется и в стихах о любимом человеке, однако в них оно менее существенно. Присутствие «темной» лексики связано здесь с колебаниями и сомнениями, «светлой» – с надеждой, заботой, любовью-восхищением, любовью-восторгом: «Скоро пристань. / Иди, встречай! / Тебе, лучистому, / Солнце вручаю я» («Весеннее» 1957), «Пой, вселенная! Я воскресаю! / Воскресаю, вселенная, пой! <...> Любишь, любишь! В восторге беспечном / Как я счастье боюсь рассорить!» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957).

К функциям компонентов ЛСП «свет–тьма» в поэзии О. Фокиной можно отнести следующие.

1. *Создание контраста* («И хотя день и ночь сарафан голубой / Катерами прилежно утужишь, / Все равно недосуг любоваться собой: / Приближаются долгие стужи» («Северная Двина», 1958), «Я в стихах, конечно, первоклассница, / Трудно мне писать самостоятельно: / Вдохновенье вспыхнет – и угаснет, / Прошипев на сырость прилагательных») («Я в стихах, конечно, первоклассница ...», 1955),

2. *Подчеркивание сути вещей*. Так, голубыми оказываются река и звезды, серыми – небо и кочка, белыми – снежинки и руки; серебряными – плуг и ночное небо: «И хотя день и ночь сарафан голубой / Катерами прилежно утужишь, / Все равно недосуг любоваться собой: / Приближаются долгие стужи» («Северная Двина», 1958); «А когда по ночам на твоих берегах / Запоют о красавице Волге, / Соберешь ты и спрячешь поспешно в рукав / Частых звезд голубые осколки» («Северная Двина», 1958); «Сегодня поутру, едва проснувшись, / Я распахнула форточку и встала / Коленями на узкий подоконник, / И долго в небо серое смотрела, / Дыша холодным воздухом рассвета / И необычный сон припоминая...» («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958); «И через два мгновенья / На месте зеленых листочков / Встала с собственной тенью / Серая рыхлая кочка» («Про картошку», 1959); «Четыре дня до сентября... / Мою тревогу понимая, / Луна, полнеба серебра, / Стоит печальная, немая» («Четыре дня до сентября...», 1957); «Эту юную, только из зимних пеленок, / Поцелуй мою землю, серебряный плуг!» («Хорошо, положив подбородок в ладони...», 1958).

«Темные» и «светлые» лексемы, сочетаясь в одном микроконтексте, создают одновременно контрастную и гармоническую картину: «Ночь. Мороз. И звезды, звезды...» («В дороге», 1957), «Зашипела злобно крапива / Сжатая, брошенная на межу: / «Погибнешь, барыня прихотливая, / Раньше нас или с нами же!» («Про картошку», 1959), «Когда из подвальной сырости / Ее посадили в грядку, / Она торопилась вырасти, / Чтоб видеть солнце и радугу» («Про картошку», 1959).

Анализ показывает, что лексика света в стихотворениях

О. Фокиной концентрируется в следующих сферах:

1) изображение северных пейзажей: «Четыре дня до сентября... / Мою тревогу понимая, / Луна, полнеба серебра, / Стоит печальная, немая. / В леса, которых краше нет, / В леса, уснувшие невинно, / Роняет звезды в тишине / Небес другая половина. / Еще не пели петухи, / Ночные вестники рассвета... / Спи, мой бесценный малахит, / Резцом покуда не задетый. / Мне снова в дальние края. / Свиданья час – как он короток! / Спи, чудо-родина моя, / Открытый мною самородок!» («Четыре дня до сентября...», 1957), «А когда по ночам на твоих берегах / Запоют о красавице Волге, / Соберешь ты и спрячешь поспешно в рукав / Частых звезд голубые осколки. <...> О разливах, о плесах твоих золотых / Мало песен поется в народе: / То ли люди не видят такой красоты, / То ли слов, чтобы спеть, не находят» («Северная Двина», 1958);

2) бытовые сцены обыденной жизни: «Я материнских глаз не позабыла, / Они светились, радовались так, / Как будто дали ей не кубик мыла, / А самородок золота в кулак» («Розовое мыло», 1959);

3) эмоциональная сфера: «Одно лишь откровение – / Из глаз любимых свет» («Прости-прощай, Корнилово!...», 1956), «Любишь, любишь! В восторге беспечном / Как я счастье боюсь рассорить! / Любишь, любишь! Надолго, навечно! / Как назвать тебя? Чем отдарить?» («Пой, вселенная! Я воскресаю!», 1957);

4) воспоминания детства: «В цветной бумажке розовое мыло, / Ты пахнешь чем-то очень дорогим, / Ты пахнешь чем-то несказанно милым. / Но чем же? Память, память, помоги! / Чуть уловимый запах земляники, / Едва заметный – ржи и васильков, / И аромат лесных тропинок диких, / И душный мед некошенных лугов, / И – вместе все... Когда такое было? / Но память вновь меня не подвела: / Ты пахнешь Детством, розовое мыло, / Как позабыть об этом я смогла?» («Розовое мыло», 1959).

Свет в поэзии Ольги Фокиной не только белый, а радужный; он распадается почти на все цвета радуги преимущественно теплой части спектра, преломляясь как в поэтическом видении, так и в реальности. Глубокий смысл приобретает употребление лексем «расписной», «цветной», «краски», «радуга». Эта лексика пронизывает мир природы и быта: («Немой упрек! Его не слышать мне ли? / Ведь я – одна, и за моей спиной / Уже заперешептывались ели / И вскинулся осинник расписной» («Со мною лишь природы откровенье...», 1956), «Брат мой! Спину скорей разогни! / Брось горячую косу-горбушу! / Сколько красок в природе – взгляни! / Сколько песен повсюду – послушай!» («Да, мечты... словно крылья стрекоз...», 1958), «Когда из подвальной сырости / Ее посадили в грядку, Она торопилась вырасти, / Чтоб видеть солнце и радугу») («Про картошку», 1959); («Но все

его подробности и краски / Из памяти упорно ускользали, / Как первые и редкие снежинки, / Дразня своей завидной новизною, / Увиливали от моих ладоней...» («Сегодня поутру, едва проснувшись...», 1958), «В цветной бумажке розовое мыло, / Ты пахнешь чем-то очень дорогим, / Ты пахнешь чем-то несказанно милым. / Но чем же? Память, память, помоги!» («Розовое мыло», 1959). Рассматриваемая лексика коррелирует с многоцветьем, с радужностью, а радуга во все времена воспринималась как добрый знак, говорящий о надежде.

ЛСП «свет–тьма» с преобладающей в нем лексикой света занимает значительное место в языковом пространстве ранних стихотворений Ольги Фокиной, сопрягается с духовным ростом, преображением и устремленностью к свету, определяя существенные черты мироощущения поэтессы.

Библиографический список

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1975. 574 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. 750 с.
3. Труфанова С.Л. Лексико-семантическое поле «свет – тьма» в поэтическом тексте // Язык, литература, культура: диалог поколений: сб. науч. статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 138–140.

Список источников практического материала

1. Фокина О.А. Островок: стихи. М.: Сов. Россия, 1969. 63 с.
2. Фокина О.А. Избранная лирика. М.: Мол. гвардия, 1971. 32 с.
3. Фокина О.А. Камешник: стихи. М.: Сов. Писатель, 1973. 78 с.
4. Фокина О.А. Маков день: стихи. Архангельск, 1974. 79 с.
5. Фокина О.А. От имени серпа: книга стихов. М.: Современник, 1978. 143 с.
6. Фокина О.А. Полудница: стихотворения и поэмы. Архангельск, 1978. 143 с.
7. Фокина О.А. Буду стеблем: стихотворения и поэмы. М.: Мол. гвардия, 1979. 206 с.
8. Фокина О.А. Речка Содонга: стихи. Архангельск, 1980. 111 с.
9. Фокина О.А. Три огонька: стихи. М.: Сов. писатель, 1983. 112 с.
10. Фокина О.А. Памятка: стихи и поэмы. Архангельск; Вологда, 1987. 224с.
11. Фокина О.А. Избранное: стихотворения и поэмы. М.: Худож лит., 1985. 512 с.
12. Фокина О.А. Матица: стихи и поэмы. Архангельск; Вологда, 1987. 224с.
13. Фокина О.А. Разнобережье: стихи. Архангельск, 1998. 288 с.
14. Фокина О.А. Летят заснеженные гуси // Двина, 2001. № 1–2. С. 8–10.
15. Фокина О.А. Мама. Братья. Отчий дом // Двина, 2010. № 2. С. 41–42.

2.6. Лексика охоты в русских старожильческих говорах Якутии

Павлова И.П., Якутск

Современная лингвистика проявляет интерес к изучению различных тематических групп лексики, а также отмечает необходимость отбора, систематизации и описания диалектного материала, репрезентирующего диалектную языковую картину мира.

Обращение к данной лексике актуально потому, что в настоящее время значительное количество диалектных лексем исследуемой денотативной сферы уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, употребляется в их речи ретроспективно, в ситуациях, связанных с описанием охотничьего промысла, уходит на периферию лексической системы, а отдельные наименования уходят или уже ушли на отдаленную периферию системы — все это в силу ряда причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Материалом для исследования послужила лексика (521 ед.), отобранная методом сплошной выборки из «Словаря русских старожильческих говоров на территории Якутии» М. Ф. Дружининой (1997–2007 гг.) в 4-х томах [Дружинина, 1997; 2002; 2007а, 2007б].

Русские говоры Сибири – говоры территории позднего заселения. История их сложения исчисляется разными временами: начало сложения одних относится к XVI–XVII вв., других – к XVIII–XIX вв., третьих – к XX вв. К началу XX столетия мест в Ленском крае, где русские сохранили самобытность и язык и, более того, передали свой язык и культуру окружающим им аборигенам, оказалось три – это на реке Индигирке в районе села Русское Устье, в нижнем течении реки Колымы в районе Нижнеколымска, села Походск, а также в верхней Лене (в районе г. Киренга) и по ее притоку Киренге. Своеобразие условий формирования в какой-то степени породило и своеобразие самих говоров.

С 1958 года проводился планомерный сбор уникального материала, который был обработан и представлен М. Ф. Дружининой, но в научный оборот диалектная база вводится постепенно. В 2013 году из печати вышли «Материалы для фразеологического словаря русских говоров», также собранные и обработанные М. Ф. Дружининой [Дружинина, 2013].

В настоящей работе представлена систематизация материала в одной области деятельности человека, в основе классификации лежит объединение единиц в лексико-грамматические группы (ЛСГ). Выявленный в ходе исследования фрагмент языковой картины мира (ЯКМ) русских старожилков на территории Якутии представляет

собой систему. Лексика охоты отличается неоднородностью по своему происхождению. В ней представлен большой ряд лексико-семантических групп, а также подгрупп. Отмечено заметное влияние на рассматриваемые лексические единицы языка коренных народов Якутии, прежде всего, якутского языка. Если языковую картину мира представить как целое, состоящее из определенных элементов, то в общей ЯКМ русских старожилов Якутии несомненно можно выделить в качестве составляющего пласт заимствованной якутской лексики.

Охотничья лексика старожильческих говоров Якутии представлена 10 лексико-семантическими группами. В каждой ЛСГ возможно выделение подгрупп на разной основе.

1. ЛСГ «Номинации промысловых зверей и птиц» представлена двумя подгруппами (ПГ):

а) ПГ «Названия зверей»: *горнок* «горностай», *зверь* «лось», *кредстовок* «начинающий белеть к зиме песец», *гагара* «взрослый песец, линяющий к весне», *тушкан* «заяц; то же, что ушкан», *тирюк* «бирюк, волк» и другие.

○ По полу: *бык* «самец оленя, медведя», *матуха* «медведица; самка лося» и другие.

▪ Самец: *мужичок*, *кобель* «самец животного».

▪ Самка: *женка* «самка животного или птицы», *матка* «самка животного».

○ По цвету: *огневка* «лисица огненно-красного цвета», *черный зверь* «бурый медведь» и другие.

○ По возрасту: *чаешник* «молодой песец 2,5 -3 мес.», *рослопесец* «достигший зрелого возраста песец» и другие.

▪ Названия детенышей: *ребенок* «детеныш животного», *цыпленок* «детеныш зверя; детеныш нерпы» и другие.

○ По поведению: *бродящий* «медведь-шатун», *мышечник* «песец, питающийся мышами» и другие.

В области фауны обязательно гендерное различие. По внешнему виду отмечается разнообразие по цвету, размерам животных. Немаловажную роль имеют возрастные особенности. Поведение и повадки животных также получают отражение в номинациях зверей.

б) ПГ «Названия птиц»: *вутка* «утка», *плавунец* «водоплавающая дичь; утка, гусь-самец», *савок* «то же, что савка», *немок* «один из видов дикой утки», *луток* «вид уток», *крахаль* «утка крохаль», *плисечка*, *тетерька* и другие.

○ Водоплавающая дичь: *гагалья* «гагара», *маклак* «род дикой утки», *савок* «то же, что савка», *немок* «один из видов дикой утки», *луток* «вид уток» и другие.

○ Боровая дичь: *какушка* «птица кукушка», *пальник* «тетерев, косач», *плиска* «мелкая северная птица, птица-мухолов; то же, что матрышка», *сокольник* «птица сокол», *тетеря* «тетерев», *ребяк* «рябчик» и другие.

В названиях птиц преобладают первичные номинации, различие в группе связано с местоположением дичи.

2. ЛСГ «Номинации добычи» представлена двумя подгруппами:

а) ПГ «Названия шкуры»: *подголовка* «о шкуре пушного зверя», *головка* «высший сорт шкурки пушного зверя», *пушынка* «пушнина», *чемодан* «шкура нерпья», *тугут* «оленок и его шкура», *зубрина* «шкура зубра», *пушнина* «пушнина», *кожурина* «кожа, шкура пушного зверя», *лахтак* «шкура моржа, снятая вместе с жиром», *волкоторжина* «задранный волками олень; шкура, снятая с такого оленя» и другие.

○ По меху: *мягкая рухлядь* «мех, пушнина», *пушнина* «пушнина» и другие.

○ По виду: *ушканина* «зайчатина; заячья шкура», *зубрина* «шкура зубра» и другие.

б) ПГ «Названия туши»: *курашка* «туша зверька, птицы после снятия шкурки или перьев», *куренга* «тушка песца», *пропастина* «туша околевшего животного; мертвечина, падаль», *падла* «падаль, дохлятина, труп животного или птицы» и другие.

○ Анатомические термины: *моняло* «желудок», *печенка* «печень», *жолость* «желчь», *мучилек* «птичий желудок», *могун* «живот (человека, животного)», *мугун* «то же, что могун», *печанка* «печень», *руда* «кровь; оленья брюшина, наполненная кровью», *чимер* «зад (человека, животного)», *куяк* «панцирь», *шкелет* «скелет», *хлупка* «скелет птицы», *лен* «затылочная часть шеи; мышцы шеи», *папоротка* «второй сустав крыла у птицы» и другие.

Номинации добычи отражают ценные качества результата охоты, различают добытое по виду меха, по принадлежности.

3. ЛСГ «Номинации средств и способов охоты»:

а) ПГ «Названия активных способов охоты» - «Оружейная охота»: *разломка* «вид огнестрельного ружья», *серебрянка* «ружье старинной конструкции, выложенное серебром по ложе», *турка* «вид винтовки», *бердан* «однзарядная винтовка берданка», *двоестволка* «двуствольное охотничье ружье», *дуяк* «вид огнестрельного оружия; то же, что дуляк», *дуляк* «вид огнестрельного оружия» и другие.

○ Названия составных частей ружья: *руковетка* «рукоять, рукоятка», *руковятка* «то же, что руковетка», *хвостовка* «хвостовик, верхняя утолщенная часть ружья», *резка* «резьба; мушка у

ружья», *обсечка* «осечка», *накладка* «железная пластинка на прикладе ружья», *стволина* «ствол ружья» и другие.

В названиях составных частей оружия отмечается повторяемость суффикса –К, характерного для словообразования в области разговорной речи.

б) ПГ «Названия пассивных способов охоты» - «Самоловные»: *пленка* «волосяной силок для ловли птиц и мелких зверей», *пасть* «западня, ловушка на зверя», *петля* «ловушка на зайца, силок», *плашка* «то же, что плаха», *кулема* «большая западня из плах, ловушка на медведя», *плах* «западня, ловушка; то же, что плаха», *кулемник* «то же, что кулема», *чиркан* «ловушка на горносталя» и другие.

◦ Названия составных частей отдельных видов ловушек: *знеток* «падающая, давящая часть ловушки», *язычок* «одна из составных частей пасти-ловушки», *щеток* «палочка которой закрывают пади капкана, пасти», *пади* «составная часть капкана», *целлак* «насторожка ловушки на пушного зверя, насторожка западни», *губа пастная* «одна из составных частей пасти (ловушки)», *ломовая пасть* «ловушка для ловли пушного зверя», *сторожельная палочка* «одна из составных частей пасти (ловушки) на пушного зверя» и другие.

◦ Названия приманок: *подсов* «приманка, нажива, насадка на зверя, птиц», *юхала* «вяленая рыба как приманка песка», *едук* «приманка для пушного зверя», *юхла* «то же, что юхала» и другие.

с) ПГ «Названия различных средств и орудий при активной охоте»:

◦ Названия ножей: *батас* «большой охотничий нож», *пальма* «большой нож с деревянным черенком; копье», *переченник* «перочинный ножик; то же, что перочинка», *переченной ножик* «то же, что переченник», *двоевострильной* «двухфасный нож», *урох* «затупившийся нож» и другие.

◦ Названия лука и стрел: *рогатка* «стрела особой формы с раздвоенным острием», *тамар* «стрела для лука», *томар* «то же, что тамар», *конечник* «наконечник охотничьей стрелы», *верхонка* «часть стрелы лука, соединяющая наконечник с опереньем», *ергиш* «вид охотничьей стрелы», *двойнуха* «устар. Вид охотничьей стрелы», *площадь* «вид охотничьей стрелы с железным наконечником», *костянка* «стрела с костяным наконечником» и другие.

◦ Названия различных деревянных приспособлений: *ратовище* «древко копья, пальмы», *ратовье* «деревянная часть копья», *ботог* «палка, посох», *рожон* «заостренный кол, шест; то же, что рожень», *пошатица* «палка, посох», *биток* «длинная палка,

жердь, которой отмечают место расположения пасти, капкана», *шомпа* «палка, посох охотника» и другие.

Многочисленная группа номинаций средств и способов охоты позволяет отметить факт их наиболее активного использования охотниками. Достигается наивысшая дифференциация названий, позволяющая свидетельствовать об особой важности именованных для человека, занимающегося как активным промыслом, так и пассивным.

4. ЛСГ «Номинации действий, которыми сопровождается охота»:

а) ПГ «Названия действий животного»: *прикаснуть* «появиться, показаться (о нерпе)», *шарить* «чутья, определить что-либо чутьем (о животных)», *стадиться* «собираться в стадо», *таскать* «рожать детенышей (о животных)», *царкнуть* «укусить, ужалить (о змее)», *авкать* «о рывканье медведя», *крачить* «жаркать (о вороне)», *зарячать* «зарычать (о медведе)», *кикать* и *кыкать* «издавать звуки (о лебеде)», *дрестать* «экспр. Убегать, укрываться (о животных)», *грызть* «лизать (о животных)» и другие.

б) ПГ «Названия действий человека»: *гонять* «охотиться на кого-либо (об охоте), *юнуть* «выстрелить из ружья», *охотать* «промышлять, заниматься охотой», *распускаться* «пугаться, теряться, трусить», *стрелить* «стрелять, выстрелить», *пулиться* «быстро бежать», *промушлять* «промышлять кого», *маякать* «подавать условный знак, предупреждающий о чем-либо», *краулить* «караулить, сторожить» и другие.

о по виду добываемого зверя: *соболить* «охотиться на соболя», *песцевать* «промышлять на песца», *побелочить* «промышлять на белку», *олeneвать* «промышлять оленей», *лебедовать* «бить, ловить лeнных лебедей», *белочничать* «то же, что белковать, белочить», *гусевать* «охотиться на гуся», *уточить* «охотиться на утку» и другие.

5. ЛСГ «Номинации одежды охотника»: *лопоть* «общее название одежды», *куфайка* и *кухайка* «стеганая куртка, фуфайка», *камлейка* «верхняя дорожная рубаша, дорожный балахон», *щетки* «дорожные меховые ботинки, подошвы которых сделаны из оленьих щеток» и другие.

а) ПГ «Названия верхней одежды»: *очкур* «ремень, шнурок для затягивания пояса промысловых шаровар», *дундук* «меховая глухая рубаша из оленьих шкур» и другие.

б) ПГ «Названия обуви»: *бродни* «самоделные сапоги для ходьбы по воде; болотные рыбацкие сапоги», *болотники* «резиновые сапоги с длинными голенищами для передвижения по болоту», *бутылы* «меховая обувь, одеваемая поверх торбазов», *анчурь* «меховая

обертка на ногу в виде чулок», *камас* и *камус* «обувь из оленьих лап», *убуды* «вид меховой обуви; то же, что *обуды*» и другие.

6. ЛСГ «Номинации средств передвижения охотников»:

а) ПГ «Названия средств передвижения по снегу»: *голицы* «широкие охотничьи лыжи», *турка* «легкая оленья нарта чукотского образца (эвенк.)», *подъемные лыжи* «широкие промысловые лыжи», *аргис* и *аргыс* «санный поезд, запряженный оленями» и другие.

б) ПГ «Названия средств передвижения по воде»: *ангарочка* «легкая лодка из тонких досок», *берестянка* «берестяной челнок; сосуд из бересты», *восьмерик* «лодка из восьми досок» и другие.

○ По размеру и грузоподъемности: *барок* «деревянное плоскодонное речное судно без палубы для перевозки грузов», *ветка*, *веточка* «легкая одноместная лодка» и другие.

○ По методу изготовления: *долблянка*, *долбленка* «лодка выдолбленный из дерева», *струг* «выдолбленная из цельного дерева лодка» и другие.

○ По составу изготовления: *девятерик* «лодка из девяти досок», *восьмерик* «лодка из восьми досок», *семерик* «лодка из семи досок» и другие.

7. ЛСГ «Номинации мест обитания и добычи животных»:

а) ПГ «На дереве»: *гайно* «гнездо птицы или пушного зверя», *дупля* «дупло, нора» и другие.

б) ПГ «На земле» *чигаши* «отверстие, вход в берлогу; берлога медведя», *капище* «песцовая нора», *отнорок* «разветвления норы, боковой вход под землей», *садбище* «место, где садятся утки», *ямарина* «глубокая яма», *берлог* «берлога», *дуван* «деляна, урочище, место добычи» и другие.

в) ПГ «На воде»: *ердань* «большая четырехугольная прорубь (для ловли нерпы)», *продух* «отверстие на льду, сделанное морским зверем; лунка нерпы» и другие.

8. ЛСГ «Номинации лиц, занимающихся охотой»: *белочник* «охотник, промысляющий на белок», *собачник* «охотник на пушного зверя, имеющий хорошую собачью упряжку», *браконер* и *бракондер* «браконьер», *скот* «охотник, пастух-оленовод», *бродовщик* «лицо, прокладывающее дорогу, тропу по снегу в лесу» и другие.

а) ПГ «По виду добываемого зверя»: *белочник* «охотник, промысляющий на белок».

б) ПГ «По дифференциации охотничьего промысла»: *промышленник* «охотник-промысловик», *подсобник* «сезонный охотник» и другие.

9. ЛСГ «Номинации жилья охотников»: *юрта* «деревянное жилище под крышей (рубленный дом, изба)», *избушка* «временное промысловое жилище, охотничий шалаш», *шатенка* «примитивное жи-

лице, балаган», *зимовье* «охотничья избушка; рыболовный участок; то же, что *заимка*», *дым* «юрта, жилище», *тордох* «палатка, очаг, примитивное жилище пастухов-оленоводов в тундре» и другие.

а) ПГ «Названия временных жилищ»

○ Рыбака: *балок* «приспособленный под жилье вагончик на *заимке* рыбака; *заимка* «временное, в основном летнее жительство у рыболовной тони; *улово*, рыболовный участок, *угодие*; *урочище*» и другие.

○ Охотника: *поварник* «временное охотничье жилье; шалаш», *избушка* «временное промысловое жилище, охотничий шалаш» и другие.

○ Летнее: *летник* «летнее жилище; то где живут, рыбачат летом», *летна* «то же, что *летник*; то где живут летом и другие.

○ Зимнее: *зимовейка* «то же, что *зимовье*», *зимны* «зимнее жилище», *ураса*, *уруса* «промысловая избушка пирамидальной формы» и другие.

б) ПГ «Названия хозяйственных построек: *лабаз* «надстройка на столбах для хранения продуктов и вещей; навес, сарай для хранения чего-либо», *сайва* «небольшое деревянное сооружение на высоких сваях, в которых охотники в тайге хранят продукты» и другие.

10. ЛСГ «Номинации мифологических персонажей»: *Баянай* «устар. и суев. Дух, покровительствующий охотникам», *Сендушной* «суев. Покровитель тундры», *Горной* «суев. Хозяин суши, отдаленной от моря местности», *Водяника* «суев. Хозяйка моря, реки».

Лексика охоты в русских старожильческих говорах Якутии представляет собой систему, включающую в себя перечисленные выше лексико-грамматические группы. И как в любой другой системе рассматриваемый материал вступает в различные типы отношений. На примере двух ЛСГ представим анализ системных отношений.

В ЛСГ «Номинации промысловых зверей и птиц» отмечается наличие разных отношений: гиперо-гипонимических (родовидовых), вариативности, дублетности, синонимии, антонимии.

В подгруппе «Названия зверей» родовым выступает слово *зверь*, компоненты значения которого вычленяются во всех остальных словах данной подгруппы: *горносталь*, *сохач*, *медведь*, *соболь*, *тушкан*, *олень*, *крестовка*, *огневка*, *гуран*, *бабр*, *хомьяк* и другие. При дальнейшем делении на первый план выступают другие компоненты значения: по полу, по возрасту, по цвету, по поведению, и слова этих подгрупп являются видовыми по отношению к словам основной подгруппы «Названия зверей».

В этой подгруппе представлены синонимы: *ушкан* – заяц; *зверь-сохач* – лось; *тирюк-бирюк* – волк; *горносталь-горнок* – горностай; *кыланок* – хорек; *бык* – самец оленя; *мышеловка-мышечник-чаешник-рослопесец-крестовок-гагара* – песец; *бродящий-шатайший-шатащий-шатущий-шатун-зверь-черный зверь* – медведь; *крестовка-огневка-сиводушка-шеведушка* – лиса; *порос-медведь* – самец нерпы; *бык-пестун* – самец медведя; *женка-матка-мати* – самка животного; *мужичок-кобель* – самец животного; *медвежица-медведица-матуха* – самка медведя; *синяк-крестоватик-копанец-недопесок-норник-кормленок-покорменок* – детеныш песца; *ребенок-детенок-дитеночек-детеночек-дитя-цыпленок* – детеныш животного.

Характерны дублиеты: *хомьяк-хомяк*; *горносталь-горностай*; *ушкан-тушкан*; *колнок-кыланок-колонок*; *барандук-брундук-бурундук*; *медведенок-медвежонок*; *бик-бык-самец оленя*; *шатайший-шатащий-шатущий*; *матка-мати*; *медвежица-медведица*; *дитеночек-детеночек*.

«Колноки – это хорьки, у их шкура ценна» /Лен. Хам. Пел. Ст. Мухт./ [Дружинина, 2007а, с.24].

«Два ушкана бегают в лесу, а он к нима бегот (из сказки) /РУ. Стан. Яр./ Я ушкана хотел добыть /Вит. Хам./ Я ушкана тебе принесу, ты мольча да /Н.-Кол. Пох. Чер./ Ушкан – это заяц. Верховские говорят заяц, а мы – ушкан /Кузьм. Як. Ж. Стан./» [Дружинина, 2007б, с. 109].

В подгруппе «Названия птиц» тоже отмечается наличие родовых отношений. Во-первых, надо отметить, что слова «дичь и птица» являются родовыми по отношению ко всем названиям птиц. В первой подподгруппе «Водоплавающая дичь» родовыми являются названия птиц: *гусь, утка*, а все другие называют их виды (разновидности) – *гусь-бубейник, гусь-губейник, гусь-гуменник, крахаль «утка крохаль», вострохвост «утка-шилохвост», плавунец «водоплавающая дичь; утка, гусь-самец», немок «один из видов дикой утки», луток «вид утки»* и так далее.

Дублиеты: *пловинец-плаунец-плавунец*; *каркаль-кархаль-крахаль-клохарь*; *савка-савок*; *гусь-бубейник – гусь-губейник – гусь-гуменник; гагалья-гагара*.

Антонимия: по размеру – *савка, савок* (маленькая утка), *каркаль, кархаль* – (большая утка); по голосу – *немок* (безголосая птица), *говорушечка* (северная птица, поющая), *трескунок* (птица, которая трещит).

«Небольшую утку, она маленькая, мы называем савка /Аллаих.РУ./ Савка – водоплавающая она, это маленькая уточка /РУ. Лаб./ [Дружинина, 2007б, с. 27]. Каркаль он больше всех уток.

Большая утка – каркаль /Кол. Пох. Пант. Ерм./» [Дружинина, 2007а, с.11].

Во второй подподгруппе «Боровая дичь» (*зимушка, какушка, кинарейка, плиска, пальник, плунчик, рябок, сокольник, тетеря, кукиша, зук, туляк, курупатка* и другие.) родовым будет слово *дичь*, остальные слова, входящие в данную подподгруппу являются видовыми названиями.

Синонимы: *плисечка–мартышка–птица–мухолов–плиска; тетеря–пальник; куропашка–курупатка–петух–куропатка.*

Дублиеты: *какушка–какушечка–кукушка; кинарейчка–кинарейка; рябок–ребяк–рябка–рябчик тулляк–туляк–тулик; тетеря–тетерев; курупатка–крупатка.*

«Рябка али рябок – это все рамно, однако /Олек. Мач./ Рябка она птица больша /Лен. Мухт./ [Дружинина, 2007б, с. 26]. Птиц много, петухи али курупатки в сендухе живут, уих бувае ошейничек /Чок. Осен./ [Дружинина, 2007а, с. 42]. Птица эта, какушка, гнездо себе не строит и своего птенца не кормит /Лен.Пел.Кир./ [Дружинина, 2007а, с. 5].

При интерпретации предметов, явлений внешнего мира через внутреннюю форму слова сознание человека не только дублирует с помощью знакомых средств отражаемую реальность, но и выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальной обобщенной модели действительности [Вендина, 1998, с. 15–18].

В номинациях добычи отметим словообразовательные средства языка, активизируемые в процессе наименования: однокоренные слова отражают и номинативные особенности (*пушынка, пышнина*), встречается частое повторение суффикса -ИН (*пышнина, зубрина, кожурина, пропастина, ушканина*). Также производный характер номинации позволяет различать высший сорт меха и обычный (головка, подголовка). Словообразовательный анализ позволяет понять, «какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему именно они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его жизненной и социальной актуальности в языковом сознании народа» [Вендина, 1998, с. 9].

В ЛСГ «Номинации промысловых зверей и птиц» наиболее многочисленными являются суффиксальные образования.

1. –ник-: *мышечник, сокольник, проводник, детник;*
2. –ушк-: *зимушка, говорушка;*
3. –ечк- и –ичк-: *какушечка, кинарейчка, плисечка, лебедятечка, говорушечка и другие;*

4. –ец-: *плавунец, копанец*;
5. –як-: *летняк*;
6. –иц-: *медведица, медвежица, детница*;
7. –ок-: *мужичок*;
8. –чик: *тушканчик, ушканчик*;
9. –енок-: *селезенок, кормленок, покормленок* и другие.

Также для лексики промысловых зверей и птиц характерно частое использование такого способа, как сложение: *рослопесец, мышеловка, вострохвост, белонос, белебок* и другие.

Рассмотрим системные отношения в ЛСГ «Номинации средств и способов охоты», в которой также отмечается наличие разных отношений: родо-видовых, вариативности, дублетности, синонимии, антонимии.

Во всех подгруппах находим родо-видовые отношения. В первой и во второй подгруппах родовым словом будет – *способ*, а видовые – различные виды способов. В первой подгруппе «Оружейные способы охоты» родовым будет слово – *ружьё*, а видовым – все названия ружей. Во второй подгруппе «Самоловные способы охоты» также можно выделить родовое слово – *ловушка*, а видовые – все названия ловушек.

Синонимические отношения связывают слова: *ловушка – западня – пасть – плах – чиркан – кулема; петля – силок – пленка; пальма – ратовище – древко копья; рожень – шест – кол; палка – пошатица – посох – ботог – битог – шомпа; приманка-подсов-юхала-едук; нож – батас – пальма – урох – переченник.*

Антонимы: *пасть – большая ловушка, петля – маленькая ловушка, пальма – большой нож, переченник – перочинный ножик*

Дублеты: *плашка – плаха – плах; дуляк – дуяк; руковетка-руковятка; хвостовик – хвостовка; обсечка – осечка; стволина – ствол; ратовище – ратовье; битог – ботог; рожон – рожень; томар-тамар; тамарик – тамарчик; юхала-юхла.*

В данной ЛСГ «Номинации средств и способов охоты» наблюдаются и партитивные отношения (части и целого). Так, например, к холониму «*ружьё*» относится большой ряд партитивов: *руковетка* «рукоять, рукоятка», *хвостовка* «хвостовик, верхняя утолщенная часть ружья», *резка* «резьба; мушка у ружья», *накладка* «железная пластинка на прикладе ружья», *стволина* «ствол ружья».

Гиперо-гипонимические отношения выделяются с холопартитивными отношениями и с вариативностью единиц. Например:

Ружье – дробовик
 ↓

руковетка
 хвостовка

резка
накладка
стволина

«Из дробовика мы убили черного зверя. Для медведя надо дробовик, а мелкокалиберка нет, не идет» /Лен. Хам./ [Дружинина, 2002, с. 38].

«Переченной ножик он маленькой, в кармане носят, его можно сложить, складной он» /РУ. Як. Ж./ [Дружинина, 2007б, с. 148].

«У пасти биток ставим и по битку узнаем свои места. Это мы, охотники, так» /Чок. Осен. Лаб./ [Дружинина, 2007б, с.136].

Словообразование: В ЛСГ «Номинации средств и способов охоты» наиболее многочисленными являются суффиксальные образования, например:

1. –к-: *разломка, серебрянка, хвостовка, накладка, плашка;*
2. –ян-: *серебрянка, костянка;*
3. –ин-: *стволина, пошатица;*
4. –ищ-: *ратовище;*
5. –ик-: *тамарик;*
6. –ник-: *конечник, кулемник;*
7. –ок-: *язычок* и другие.

Отдельно рассматривался нами вопрос заимствований в русских старожильческих говорах Якутии из языков коренных народов северо-востока России. Наибольшее количество заимствований из якутского языка в старожильческих говорах относится к области охоты и рыболовства. Речь идет о традиционных и наиболее древних занятиях народа – охота и рыболовство и другая производственная деятельность. Все виды занятий народа находили соответствующее отражение в лексике, которая формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневные) слов, то есть имело место семантическое терминообразование. Семантические термины – типичные языковые образования в сфере номинативно – производственной лексики. Поскольку действовал принцип «слово – вещь», именно слово становится свидетелем существования реалии в прошлом.

Народная терминология охоты в якутском языке характеризуется исключительным богатством. Самодостаточность охотничьего промысла обусловила хорошую сохранность терминологических данных. Кроме того, словарь эвфемизмов, включающий 556 единиц, является самостоятельной подсистемой, непосредственно связанной с проблемой языкового табу.

«Русские учились у сибиряков приемам охоты, добычи и обработки пушнины, узнавали много полезного о животном и растительном мире огромного края» [Самсонов, Самсонова, 2007, с.171].

С охотой связано много традиций, поверий и обычаев. Вајанај - , по Э. К. Пекарскому, «общее название духов, покровительствующих охотникам (звероловам) и рыболовам» [Пекарский, 1958–1959, стлб.341]. В русских говорах *Баянай* – это «дух, покровительствующий охотникам: Пусть Баянай поможет охотникам, не обделит их. Баянай – это дух, он помогает охотникам, рыбакам, однако, тоже».

Слово *тусах* старожилы используют в значении «нитка для привязывания грузил или поплавков к сети», в то время как в якутском языке данное слово имеет значение «петля, волосяная петля на зайцев; птицеловная петля; силки» [Пекарский, 1958–1959, стлб 2859]. При помощи данного приспособления охотники добывали зайцев, птиц, другую дичь, используя петли из конских хвостовых волос.

Из терминов охоты заимствуется из якутского языка прежде всего название орудий: *кустук* – вид стрелы с железным наконечником – использовался охотниками Русского Устья. *Кустук ох* «стрела с костяным или железным лопатообразным наконечником» применяли якутские охотники при добыче зверя.

В старожильческом говоре зафиксирована номинация *туктуй* в значении «топор-колун»: «Хорошо колоть туктуем толсты дрова. Туктуй – это колун» (Аллаиховский улус) [Дружинина, 2007б, с.92]. Заимствованным словом в данном случае является эвфемизм, употребляемый в охотничьей речи якутов и замещающий табуированное слово *сугэ* «топор». В форме эвфемизма удачно обыгрывается звучание предмета при действии (тук-тук) – элемент звукоподражания.

Среди номинаций объектов охоты в говорах встречается *тугут* в значении «оленок и его шкура». В якутском языке *тугут* – это «оленок до года» [Якутско-русский словарь, 1972, с.398]. Особенностью якутского языка является большое разнообразие в возрастных номинациях животных, в русских говорах происходит объединение нескольких сем в значении. *Тугут* обозначает «маленького олененка, оленого ребенка». От данного слова в говорах образуется прилагательное *тугутовой* с использованием русского суффикса –ОВ в значении «относящийся к тугуту». К реалиям таежной жизни относится обитатель леса *брундук* в значении «бурундук», происходит фонетическое стяжение слова – пропущен гласный звук в первом слоге.

Охота на севере предполагает обязательное использование собак для передвижений. В речи местных жителей употребляются характерные междометия: *тах-тах*, *тас-тас* и другие. Это команды для собак. Команда *тах-тах* означает «направо»: «Команда «тах-тах» считается русскоустынской, а кулумская другая». *Алык* – это «собачья шлея; то же, что алак, алака». Якутское слово *аалык* имеет

значение «оленья и собачья (из моржевины) шлейка; тяжелой ремень, заменяющий дышло» [Пекарский, 1958–1959, стлб. 85]. В Русском Устье данный предмет использовался постоянно, материал был из кожи, алыки имели еще украшения.

Описание и анализ собранного материала позволяет сделать вывод о том, что заимствованные из якутского языка слова, включаясь в систему разговорного языка русских старожильческих говоров, подвергаются активному освоению, приспособляясь к фонетическим и морфологическим нормам русского языка. Происходит процесс семантического, фонетического и морфологического освоения иноязычных слов. И этот процесс адаптации якутских слов носит строго закономерный характер.

В процессе семантического освоения определенная часть заимствованных слов сохранила лексическое значение без изменения, например, такие слова как *улус*, *бадаран*, *Баянай* и другие. В некоторых случаях происходит частичное изменение смысла слова (*тусах*, *алык*). В значении одного слова может произойти объединение нескольких сем (*тугут*). В процессе фонетического освоения заимствованных слов наблюдаются различные изменения в произношении слова. Так, отсутствие долгих гласных в русских старожильческих говорах приводит к сокращению гласных звуков в якутских словах (*алык*). Якутский придыхательный звук *h* трансформируется в русской диалектной речи в щелевой глухой звук *с*. Инородный отсутствующий звук заменяется своим, происходит субституция (*тусах*). В процессе морфологического освоения заимствованных слов грамматическая структура слова претерпевает значительные изменения. Попадая в русскую разговорную речь, якутское слово в обязательном порядке приобретает категорию рода, что не свойственно тюркским языкам. Характерной особенностью заимствований имен прилагательных является приобретение ими русских аффиксов (*тугутовой*).

Таким образом, в речи русских старожилков можно отметить заметное влияние языка коренных народов Якутии, прежде всего, якутского языка. Взаимовлияние языков отражается в области лексики, где наблюдается активное заимствование слов. Кроме того, в русских старожильческих говорах Якутии имеется ряд черт, свойственных якутскому языку и в области фонетики и грамматики. Но чисто в плане статистическом отметим относительную немногочисленность заимствований из якутского языка. Необходимо подчеркнуть тот факт, что старожилы сумели сохранить язык и самобытность своей культуры, несмотря на иноязычное окружение.

Выявленный в ходе нашего исследования фрагмент языковой картины мира русских старожилков на территории Якутии пред-

ставляет собой систему. Лексика охоты и рыболовства отличается неоднородностью по своему происхождению. В ней представлен большой ряд лексико-семантических групп, а также подгрупп. Большинство наименований реалий в лексике охоты и рыболовства старожильческих говоров на территории Якутии являются производными единицами, обладающими словообразовательной структурой. Во всех семантических сферах продуктивным является морфологический способ словообразования, особенно суффиксация. Например: *кожурина*=основа существительного *кож* + суффикс *ур* + суффикс *ин*+ окончание *а*. Наблюдается также в лексике охоты - универбация, представленная одним типом с суффиксом *-к-*: *двоестволка* – двуствольное ружье. В лексике охоты и рыболовства старожильческих говоров Якутии отмечается наличие разных отношений: гиперо-гипонимических, согипонимических, вариативности, дублетности, синонимии.

В составе лексико-семантических групп и подгрупп реализуются, прежде всего, гиперо-гипонимические (родо-видовые) связи единиц. При этом гиперонимом является, как правило, общерусское однословное наименование, а в качестве гипонимов, обозначений видовых понятий, выступают и однословные, и составные наименования. Ряды согипонимов являются, как правило, объемными.

Во всех выделенных парадигмах гиперонимы являются активными. Лексемы, обозначающие видовые понятия, в лексике охоты и рыболовства в основном входят в активный запас диалектного словаря. Так, например, слово *ловушка* возглавляет парадигму слов со значением «орудие лова», в которую входят согипонимы: *морда, бердо, перевязок, ез, заезка*, то есть наименования различных видов ловушек.

Преобладают же смешанные ряды согипонимов: *сеть-тридцатка, вентерь, восьмерик, волосянка, редик, русанка, ряж, якутская сеть, невод, паек; удочка-уда, выкидушка, спиннинг; поплавок - кирбен, логда, хотогос, веска, цевка, наплав; червь – клевки, шур, черва; жердь – спица, норило, ослядь* и так далее.

Наиболее насыщенными в лексике охоты являются отношения синонимии и дублетности. Наиболее они характерны в лексико-семантических группах номинаций промысловой фауны, орудий и средств охоты. Например, синонимия: *пошати́на – палка – посох – ботог - битог – шомпа; приманка - подсов – юхала – едук; тетеря – пальник; куро́пашка – петух – куро́патка; уда – выкидушка - спиннинг; зверь – сохач – лось; щекур – сиг, кусташка; гольян - мандера* и другие. Дублеты: *обсечка – осечка; стволина – ствол; ратовище – ратовье; колнок-кыланок-колонок; барандук–брундук–бурундук;*

красуля – красюля; канбула–камбала; илеу–елеу; галлян–гольян; селятка–сельдятка и другие.

Также в данной лексике отмечены примеры антонимии, например: *пасть – большая ловушка, петля – маленькая ловушка. Пальма – большой нож, переченник – перочинный ножик.*

Охотничья лексика старожильческих говоров Якутии характеризуется также вариантностью. В старожильческих говорах отмечены акцентные, фонематические, структурно-словообразовательные варианты.

Акцентные варианты слов: *пе'ляг – пеля'г.*

Фонематические варианты слов: *руковетка–руковятка, битог – ботог; рожон – рожень; томар–тамар; тамарик – тамарчик; юхала–юхла.*

Структурно-словообразовательные варианты слов: *двуствольное ружье – двоестволка, пушнар – пушнарня.*

Соотношение языка и культуры, языка и народного менталитета как предмета этнолингвистики особенно важно проанализировать на примере говоров, поскольку языковые явления говора нельзя рассматривать вне аспекта территории [Толстой, 1983, с. 180-182].

Проделанный анализ позволяет сделать выводы, что лексика охоты и рыболовства старожильческих говоров на территории Якутии представляет собой сложную, многофункциональную систему. Многие промысловые термины связаны с общеупотребительной лексикой говора, о чем свидетельствуют многочисленные примеры синонимии, антонимии, слов-дублетов. Парадигматические отношения ступенчатые. В лексике охоты употребляются и диалектные и литературные слова, что свидетельствует о взаимосвязи литературного языка и диалекта.

Библиографический список

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
2. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. А-В: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997. 137 с.
3. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Г-И: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. 118 с.
4. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. К-П: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 245 с.
5. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Р-Я: Учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 190 с.

6. Дружинина М.Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 280 с.

7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. 1958-1959. 1 т. 1-1280 стлб.; 2 т. 1281-2508 стлб.; 3 т. 2509-3858 стлб.

8. Самсонов Н.Г., Самсонова Л.Н. Русские говоры в Ленском крае // Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Р-Я: учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. С. 171–186.

9. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука, 1983. 254 с.

10. Якутско-русский словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. 606 с.

Глава 3

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

3.1. Широкозначность слова как когнитивный феномен (на материале русских и немецких глаголов)¹

Куликова Г.В., Плотникова А.М., Екатеринбург

Понятие «широкозначность» (или его аналог «эврисемия») появилось в 1960-е годы в работах, посвященных проблемам лексикологии германских и романских языков (Н.Н. Амосова, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева, В.Н. Ярцева). Под широким значением слова Н.Н. Амосова понимает «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в изоляции слова языка, получающее известную конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова, 1972, с. 114]. Н.Н. Амосова выделяет пять признаков, присущих широкозначным словам: синкретизм, полиденотатизм (денотатом такого лексического знака могут быть самые разные предметы и явления; к какому объекту относится слово широкой семантики, становится ясно только из контекста), синсемантизм, десемантизация, полифункциональность [там же].

Понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность» не являются синонимичными, поскольку в первом подчеркивается количественный аспект явления (наличие более семи значений), а во втором — семантический (обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями).

М.В. Никитин понимает широкозначность как «особое запредельное семантическое состояние некоторых слов», когда «при определенных условиях слово получает возможность запредельно расширить диапазон семантического варьирования и выходить за нор-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006) и при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

мативные пределы моделированной деривации значений, поддерживающие целостность семантической структуры. В таком максимально «размягченном», текучем состоянии реальное значение слова в словосочетании определяется, как сказано, не столько изнутри слова, сколько индуцируется извне, из словосочетания и контекста» [Никитин, 2007, с. 103].

Изучение феномена широкозначности характеризуется разносторонностью подходов. Широкозначные слова рассматриваются в синхронии и диахронии (Е.Д. Маринова, И.В. Шапошникова, Н.В. Козлова), при этом исследуются слова разных частей речи: существительные (И.А. Семина, А.А. Авдеев, Л.В. Барсук), глаголы (В.И. Кудинова, Н.В. Друзина, Т.М. Дуцяк, А.М. Плотникова, Е.Л. Соболева), прилагательные (Т.П. Желонкина), фразеологические единицы (В.Н. Попова).

Однако в понимании критериев широкозначности и, следовательно, в создании списка широкозначных слов исследовательские позиции расходятся. В.И. Кудинова относит к широкозначным 9 глаголов немецкого языка: *haben, sein, machen, bringen, kommen, nehmen, geben, führen, gehen*. Она делит эти глаголы на три семантические группы бытие (*sein, machen*), обладание (*haben, geben, nehmen*) и передвижение (*kommen, gehen, bringen, führen*). Самым широкозначным глаголом является глагол *sein* [Кудинова, 1994, с. 5].

И.К. Архипов относит к широкозначным только три английских глагола (*be, have, do*), поскольку, как указывает исследователь, они оказываются минимально необходимыми для покрытия всего ономаσιологического пространства английской глагольной семантики [Архипов, 2012].

Н. В. Козлова провела историко-типологический сравнительно-сопоставительный анализ глаголов со значением «посессивное состояние» на материале английского и немецкого языков. Исследовательница отмечает, что «в отличие от других глаголов у носителей эврисемии исходное конкретное значение продолжает устойчиво сохраняться в течение всего периода их существования в языке. Это позволяет сохранить целостность семантической структуры (широкозначных) глаголов, а также служит основой для их дальнейшего развития в качестве микросистемы носителей эврисемии» [Козлова, 2010, с. 14].

Когнитивный аспект широкозначности затрагивается в работе Н.В. Ушковой, которая указывает, что глаголы типа *haben, geben* и *nehmen* при этом трансформируются так, что соответствующая им когнитивная структура преобразуется в лексико-грамматический концепт» [Ушкова, 2006, с. 25].

Если существование широкозначности в аналитических языках признается большинством исследований, то в русистике наличие данного явления подвергается сомнению. К широкозначным иногда относят абстрактные существительные с предельно обобщенным значением (*вещь, предмет, явление, событие* и др.) либо сверхмногозначные глаголы (*стоять, брать, бить* и др.). По мнению А.И. Ольховской, понятие «широкозначность» в отношении слов русского языка дублирует содержание понятий «абстрактное значение» и «многозначность», а потому имеет неочевидную научную и практическую ценность [Ольховская, 2013, с. 111].

П.С. Федюк, напротив, подчеркивает выделение двух типов широкозначности: «Сопоставление семантической структуры широкозначных глаголов и широкозначных существительных обнаруживает наличие двух типов широкозначности: первый, предполагающий обязательное наличие грамматической семантики, свойственен широкозначным глаголам, второй, опирающийся только на широту лексического значения, характерен для имен существительных. Семантический потенциал языковых единиц широкой семантики как в их лексическом, так и грамматическом проявлениях свидетельствует о степени их широкозначности» [Федюк, 2011, с. 5].

На наш взгляд, чрезвычайно развития полисемия некоторых глаголов неизбежно ставит перед исследователем вопрос единства семантической структуры слова, поэтому, каким бы термином ни называлось данное явление, трудно отрицать факт существования сверхмногозначных глаголов, семантические связи между значениями которых не эксплицированы в словаре и могут быть восстановлены только при помощи семантической декомпозиции.

При сочетаемости сверхмногозначных глаголов с разными типами референтов происходят существенные модификации значения: *мальчик бьет по мячу, ветер бьет в лицо, свет бьет в глаза, кучер бьет лошадь кнутом, армия бьет противника, охотник бьет лосей из ружья, револьвер бьет на сто шагов, хулиган бьет лампочки в подъезде, дежурный бьет тревогу, часы бьют полночь, его бьет дрожь* и т. д.

Далекие семантические расстояния между соседними значениями слова, сложность в установлении семантических «мостиков», принадлежность значений глагола не только к разным семантическим классам, но и к разным семантическим категориям (действие, состояние, отношение), сочетаемость с актантами разных тематических групп – все это делает важной в теоретическом плане и актуальной для лексикографической практики проблему интерпретации семантики таких единиц.

В.И. Кудинова, исследовавшая широкозначные глаголы немец-

кого языка, указывает на такое важное свойство этих слов, как единство и целостность семантики: «Широкозначное слово семантически едино, а его значение можно представить в виде сферы, где наглядно видна связь между любыми ее точками» [Кудинова, 1994, с. 4]. Наш опыт анализа широкозначных единиц показывает, что представить наглядно связь между единицами широкозначного слова довольно трудно. Например, словарная статья русского глагола *взять* в БАС занимает более шести страниц текста и включает 16 значений с оттенками [БАС]. Проблема заключается не столько в объеме материала и количестве значений, сколько в трудностях сведения этих значений к каким-то группам и объяснения механизмов развития многозначности.

Известно, что во многих языках глаголы положения в пространстве, движения и передачи объекта обладают разветвленной сетью значений. Из большого словаря немецкого языка Дуден [Duden] нами были выделены немецкие глаголы с наибольшим количеством значений: *fahren* (14) / ехать, *fallen* (13) / падать, *fliegen* (15) / летать, *geben* (18) / давать, *gehen* (15) / идти, *haben* (14) / иметь, *halten* (21) / держать, *kommen* (21) / приходить, *laufen* (16) / бежать, *leben* (14) / жить, *machen* (19) / делать, *nehmen* (25) / брать, *schlagen* (17) / бить, *schneiden* (22) / резать, *sehen* (13) / видеть, *spielen* (14) / играть, *stechen* (24) / колоть, *stehen* (25) / стоять, *stellen* (16) / ставить, *stoßen* (15) / толкать, *treiben* (14) / заниматься, *ziehen* (27) / тянуть.

Данные глаголы относятся к различным лексико-семантическим группам (далее – ЛСГ): движения (*fahren, fliegen, gehen, kommen, laufen*), физического воздействия на объект (*schlagen, stechen, stoßen, schneiden, stechen*), перемещения объекта (*ziehen*), нахождения объекта в определенном положении (*stehen*), изменения местоположения объекта (*fallen, stellen*), получения в свое распоряжение (*nehmen, halten, geben, haben*), бытия (*leben*), восприятия (*sehen*), деятельности (*machen, spielen, treiben*). Не все указанные сверхмногозначные глаголы являются широкозначными. Основным критерием широкозначности является вхождение лексико-семантических вариантов в классы действия, состояния и отношения, а также сочетаемость с актантами разных тематических групп.

По данным МАС, широко развитой многозначностью в русском языке обладают глаголы, входящие в те же лексико-семантические группы: бежать (10); бить (11); брать (11); бросить (10); быть (12); вести (10); делать (8); держать (12); держаться (10); идти (30); крутить (9); лежать (9); лезть (11); оставить (12); падать (11); поднять (16); подняться (16); покрыть (11); положить (9); принять (19); пройти (16); пропустить (13); пустить (10); свести (16); сесть (13); сидеть (8); снять (13); стоять (23); тянуть (25); тянуться (19); ударить (20); ходить (17) [МАС].

Несомненны когнитивные причины данного факта, связанные с механизмами категоризации мира: обозначая приоритетные с функциональной точки зрения действия, процессы и состояния, воспринимаемые зрительно, эти глаголы оказываются способными к проекциям относительно других ненаблюдаемых явлений. В результате эти глаголы обычно обладают множеством метафорических значений.

Соглашаясь с референциальным подходом к многозначности, представленным в работах А.Д. Кошелева (см., например [Кошелев, 2015]), мы принимаем его идею, согласно которой основное значение слова обладает перцептивной характеристикой (визуальным прототипом) и каузальной, или функциональной характеристикой, объясняющей причины, функции и цели референтов и действий с ними. Глаголы, склонные к развитию широкозначности, обладают признаком наблюдаемости действия, а также набором каузальных признаков, являющихся когнитивными по своей сути и связанных с мотивами, потребностями человека, возможностями вовлечения предметов в ту или иную ситуацию.

Для осмысления особенностей организации семантической структуры слова обратимся к исследованию русского глагола *брать* и немецкого *nehmen*.

По данным БТС, глагол имеет 11 самостоятельных значений и 5 оттенков значений. Глагол «брать» в разных значениях способен входить в устойчивые глагольно-именные обороты, например, *брать шефство*, *брать ответственность на себя*, *брать аккорды*. Словообразовательное гнездо с вершиной *брать* включает 423 производных, из них 113 глаголов. Глагол *брать* в основном значении является базовым идентификатором лексико-семантической группы приобщения объекта. Важную особенность базовых глаголов отмечает Э.В. Кузнецова: «...для большинства ЛСГ типично наличие базовых слов, которые олицетворяют семантическое единство группы и обладают в качестве таковых определенными свойствами. Как правило, они являются наиболее употребительными; так, глагол *брать* (взять), являющийся базовым для ЛСГ глаголов приобщения объекта, зафиксирован в 4 227 фразах из 20 тысяч фраз, в которых передана ситуация приобщения объекта. Это значительно превышает употребительность остальных глаголов данной группы» [Кузнецова, 1989, с. 76–77].

При анализе конкретных лексико-семантических вариантов русского и немецкого глагола мы исходим из положения о существовании когнитивного сценария глагола [см.: Плотникова, 2006]. Когнитивный сценарий включает три событийные пропозиции, связанные логическими отношениями цели: 1) субъект перемещается

по направлению к объекту (протягивает к нему руку) с целью контакта; 2) субъект перемещает какой-либо физический объект (предмет, человека, людей) из какой-л. точки пространства к себе с целью 3) удерживать объект и распоряжаться им по своему усмотрению.

Аналогичным образом представлено значение глагола *взять* в работе Р.И. Розиной, которая придерживается идеи существования концепта ситуации для исходного значения: «Остальные значения *взять* могут быть систематизированы с точки зрения того, как в концептах описываемых ими ситуаций используются и аранжируются компоненты концепта исходной ситуации» [Розина, 2005, с. 170].

В производных значениях глагола *брать* актуализируются компоненты этого когнитивного сценария. В основном значении *брать* – ‘захватывать, схватывать рукой, руками или каким-л. инструментом, орудием, находящимся в руках; принимать в руки’ (здесь и далее словарные дефиниции приводятся по БТС) выделяется следующий состав участников: субъект – человек; объект – небольшой (такой, который человек в состоянии удерживать в руках) физический объект; инструмент – рука или орудие, находящееся в руках; цель – удерживать. В большинстве производных значений этого глагола трансформируется компонент со значением цели: если в исходном значении целью является удержание объекта, то в производных актуализируется идея приобщения объекта и получения его в свое распоряжение. Производные значения этого глагола входят в различные ЛСГ: приобщения объекта, получения объекта, достижения цели, создания объекта в результате физического труда, определения, функционального состояния объекта, т. е. распределяются по разным классам: глаголы действия (создания объекта в результате физического труда, определения, выбора, достижения цели), глаголы состояния (функционального состояния объекта) и глаголы отношения (приобщения объекта, получения объекта).

В значении *брать* – ‘принимать с какой-л. целью, обязательством, на каких-л. условиях’ происходит редукция признака физического владения объектом и актуализация признака приобщения объекта, включения его в состав других объектов. В значении *брать* – ‘получать в свою собственность, пользование, распоряжение’ значение глагола претерпевает существенные изменения: физический план действия приобщения объекта становится периферийным признаком, а компонент цели (брать объект, чтобы владеть и распоряжаться им) – ядром лексического значения. Поэтому, как справедливо отмечает Р.И. Розина, в русском языке *взять такси* значит ‘нанять’, а *взять поезд* и *взять автобус* означает ‘захватить силой’ в отличие от английского *to take*, употребление которого не зависит

от того, является транспортное средство личным или общественным [Розина, 2005, с. 168].

Значение получения в свое распоряжение, определяющее развитие целого круга лексико-семантических вариантов, само по себе является предельно широким, потому что получить в свое распоряжение можно предмет (*брать книги в библиотеке*), помещение (*брать землю*), транспортное средство (*брать такси*), человека (*брать домработницу*). К этому же значению толковые словари русского языка относят коллокации *брать слово*, *брать пример*, *брать от жизни*. Анализ контекстов позволяет отнести сюда и сочетания с абстрактными существительными, например: «*В свое время Борис Ельцин провозгласил тезис о том, что субъекты могут брать столько суверенитета, сколько смогут*» (С. Попов). Правда, в этом случае стоит обратить внимание на родительный падеж с семантикой количества.

Значение получения объекта в свое распоряжение порождает комплекс производных, основанных на специализации способа действия и цели: ‘приобретать за деньги, покупать’; ‘делать предмет своего рассмотрения, изучения, изображения; оценивать каким-л. образом’; ‘добывать, доставать, разыскивать, черпать’; ‘получать в производственных или лабораторно-исследовательских целях’. При наличии в словарях значения ‘взимать, взыскивать плату, просить цену’, допускающего безобъектное употребление в силу инкорпорированного характера актанта «деньги» (*брать за работу, сколько берут с человека*), словарь не фиксирует современное безобъектное использование этого глагола в значении ‘получать взятки’. Например: *Берет тот, кто имеет власть. На таможене все спокойно, все берут. Коррупция неискоренима: берут все; Чем выше, тем в лапу берут круче.*

Другой блок значений объединен общностью способа действия. Субъект должен приложить усилия для получения объекта, в результате чего он добивается цели, а передача объекта приобретает социальный смысл. Так появляются следующие значения глагола: ‘овладевать, захватывать; побеждать, выигрывать (во время войны, политической борьбы, спортивного состязания, охоты и т. п.)’; ‘добиваться своей цели, применяя что-л., обладать всеми необходимыми качествами для достижения чего-л.’; ‘преодолевать, одолевать’. Идея преодоления препятствия, возникшая в значении глагола, метафорически проецируется в конкретную сферу, и глагол *брать* оказывается способным обозначать функциональное свойство объекта: *брать* – ‘действовать (об инструменте, оружии)’. *Ножовка эту сталь берет*. Значение возникло в результате метафорического переноса,

основанного на образной схеме «преодоление препятствия» (ср.: *брать высоту, брать приз и брать сталь, брать щетину*).

В развитии производных значений русского глагола *брать* ведущую роль приобретают признаки обладания объектом и контроля над ним. При этом идея обладания касается не только сферы конкретных перемещений объекта, но и перемещения объекта во внутренний, душевный мир, заполнение этого мира (*тоска берет*). В этом случае человек воспринимается как вместительница чувств и эмоций. При этом стоит отметить, что не любое эмоциональное состояние способно полностью охватить человека: *тоска, скука, страх, досада берет*, но не **счастье, *радость, *удивление*.

Сложнее объяснить появление следующего значения глагола – ‘отнимать, требовать (определенного количества времени)’. *Подготовка берет много времени*. В семантической структуре предложения позицию субъекта занимает предикатный актанта, обозначающий какие-либо действия субъекта (например, подготовку) и представляющий собой включенную пропозицию (человек готовится, и эти действия занимают много времени, энергии, сил). Можно предположить, что в основе значения лежит метафорическое уподобление усилий, затрачиваемых человеком, физическому действию передачи объекта.

Рассмотрение пропозициональной структуры каждого из значений глагола *брать* позволяет говорить о наличии единого сценария передачи и приобщения объекта. Как видно из анализа пропозициональных структур всех значений глагола *брать*, они содержат общие компоненты «присвоение объекта», «включение его в сферу субъекта — говорящего», «приближение объекта к субъекту». Данные признаки, во-первых, составляет основу сценария и, во-вторых, как следствие, объединяют все значения в единую семантическую структуру.

Глагол *nehmen* в толковом словаре Г. Варига [Wahrig] имеет 7 основных значений, в словаре Дуден [Duden] – 25 основных значений и согласно словарю валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля [Helbig, Schenkel, 1982] он имеет десять вариантов дистрибуции.

По справедливому утверждению В.Я. Мыркина, вид для немецкого языка «не является грамматической и, следовательно, обязательной категорией», соответственно, глаголу *nehmen* соответствуют два русских глагола *брать* и *взять* [Мыркин, 1986, с. 12].

Глагол *nehmen* обладает высокой словообразовательной активностью (*Nehmer, abnehmen, annehmbar, benehmen, entnehmen, Mitnehmer, vernehmlich*) и в разных значениях способен входить в устойчивые глагольно-именные обороты: *einen Abschied nehmen; etw.*

in Arbeit nehmen; in Gebrauch nehmen; die Verantwortung, alle Schuld auf sich nehmen; einen steilen Aufschwung nehmen; auf jmdn., etw. Einfluss nehmen; jmdn. ins Verhör nehmen.

В основном значении глагол *nehmen* – ‘mit der Hand greifen, erfassen u. festhalten’ входит в ЛСГ приобщения объекта и имеет тот же состав участников, что и русский глагол *брать*. Производные значения этого глагола входят в различные ЛСГ: приобщения объекта, использование объекта, отчуждение объекта, выбора объекта, восприятия, интеллектуальной деятельности, победы.

В основе развития значений немецкого глагола также лежит идея обладания объектом, ‘an sich, in seinen Besitz bringen’, например, *den Läufer, den Bauern nehmen*.

Глагол *nehmen* сочетается с широким кругом актантов (с более разнообразными участниками ситуации, чем русский глагол *брать*). В качестве субъекта могут выступать человек, животное (*Junge, das Tier nimmt das Medikament*), абстрактное понятие, случай (*Die Epidemie nimmt ein Ende, nehmen wir den Fall*), действие (отглагольное существительное) (*Das Schwimmen nimmt ein Ende*), группа людей (*die Regierung nimmt einen Kredit*).

Разнообразные тематические классы объектов: предмет (*ein Buch nehmen*), животное (*eine Katze zu sich nach Hause nehmen*), человек, например, в значении ‘heiraten’; абстрактное понятие, деньги (*Sie nimmt kein Trinkgeld*), чувства (страх, стеснение, благодарность – *nehmen Sie meinen herzlichsten Dank*), услуга (*Unterricht, Nachhilfe in Latein nehmen*), время (*einen Tag nehmen*), квартира (*eine Wohnung nehmen*), должность (*die angebotene Stelle nehmen*).

Для отдельных значений глагола *nehmen*, таких как ‘bei sich unterbringen, aufnehmen’, ‘in eine Richtung befördern’, ‘anfassen’, важную роль играет локатив. Цель таких значений переместить объект, сменить его место положения. Местоположение объекта до того, как он был взят, может быть разным: предмет мебели / шкаф, стол (*Geschirr aus dem Schrank/ vom Tisch nehmen*), бумажник (*Geld aus der Briefftasche nehmen*), часть тела человека, например голова (*den Hut vom Kopf nehmen*). Место расположения объекта после того, как он был взят, – части тела, а именно плечи (*den Rucksack auf die Schultern nehmen*), колени (*das Kind auf den Schoß nehmen*), подмышки (*die Tasche unter den Arm nehmen*), рука (*Er nimmt das Kind an die Hand*), а также предмет мебели (*Er nimmt die Akten in seinen Schreibtisch*) и помещение (*Eine Waise ins Haus nehmen*).

Особый интерес представляет блок значений, входящий в ЛСГ лишения и отчуждения объекта, он имеет следующий состав участников: субъект, объект и пациент. Субъектом в этой группе значений (‘jmdn. um etw. bringen; entziehen’; ‘wegnehmen’; ‘befreien,

entledigen') может быть одушевленное существо (человек, животное) (*Der Junge, der Fuchs nahm die Küken*); физический предмет – лампа (*die Lampe nimmt dem Kind die Furcht*), абстрактное понятие – война (*Der Krieg nahm ihm den Vater*), Бог (*Gott hat ihn zu sich genommen*) (в данных контекстах подразумевается прекращение существования, смерть объекта), разговор, спорт (*das Gespräch, das Turnen nimmt dem Kind die Furcht*). Объектом – одушевленное существо (человек, животное) (*Er nahm dem Kind die Mutter, die Katze*), физический предмет, имущество (*Er nahm dem Kind das Spielzeug; die Einbrecher nahmen alles, was ihnen wertvoll erschien*), абстрактные понятия – право, чувство (надежда, страх, стеснение), иллюзии (*das Recht, die Hoffnung, die Befangenheit, alle Illusionen, die Angst nehmen*). В последней группе примеров глагол сочетается с различными типами слов-эмотивов (*die Angst nehmen; die Freunde nehmen*).

В производных значениях глагола *nehmen*, входящих в ЛСГ использование объекта и выбора объекта ('benutzen, verwenden'), актуализируется компонент цели. Объектом в данной ситуации может быть любой транспорт (*einen Zug, ein Taxi nehmen*), дорога, путь (*einen anderen Weg nehmen*), еда (*ich nehme Schnitzel mit Reis*). В отличие от русского глагола *взять* глагол *nehmen* сочетается и с личными и с общественными транспортными средствами (*das Flugzeug, den Bus, das Schiff, die Straßenbahn, den Wagen nehmen* в значении 'benutzen'; *ein Taxi* в значении 'mieten').

Производное значение 'aufnehmen' выводит на первый план цель – сохранить объект (*ein Konzert auf Band nehmen*). Объектом в данном значении могут выступать концерт, музыка, обязательно наличие инструмента – специальной аппаратуры.

Немецкий глагол *nehmen* в значении 'einnehmen' сочетается с такими объектами, как еда, напитки, лекарства (*einen Kaffee, ein Dessert, eine Pille nehmen*).

Значения этого глагола ('erobern, einnehmen') метафорически проецируются в сферу социальных отношений, например, сферу военной, спортивной деятельности: *eine Stadt nehmen, der Boxer ist hart im Nehmen*. Для производных значений 'sich (über etw.) hinwegbewegen, (ein Hindernis) überwinden' важно, что субъект прикладывает усилия для преодоления объекта – природного препятствия: поворота, высоты, рва (*das Pferd nimmt die Kurve / den Graben; der Sportler nimmt die Spitze*).

Значения глагола интегрированы и в сферу ментальной деятельности человека. Производное значение, 'als etw. ansehen, auffassen, verstehen', входит в ЛСГ восприятия, понимания и имеет своей целью оценивание объекта (*der Lehrer nimmt das Kind ernst; er nimmt die Idee wichtig*).

Несмотря на столь существенный разброс значений, при использовании широкозначного глагола в контексте присущая ему диффузность снимается, это согласуется с хорошо известной в семасиологии закономерностью, сформулированной Г.В. Колшанским: «Чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [Колшанский, 1980, с. 130]. Возможно, понимание реализованного в высказывании значения становится возможным благодаря тому, что В.Г. Гак сформулировал следующим образом: «Попадая в высказывание, слово утрачивает свои контуры, оно превращается в часть фразы, трансформируется в новую единицу, с помощью которой высказывание описывает ситуацию» [Гак, 1972, с. 355].

Несколько иначе определяет данное явление В.Я. Мыркин, рассматривая дискурс как промежуточную форму между языком и речью: «В дискурсе, то есть в сочетании слов, в предложении слово моносемантизируется, ср.: *человек идет, фильм идет, платье ей идет* и т.п. [Мыркин, 1994, с. 45].

Размышляя о функциональном диапазоне языковых единиц, А.Л. Шарандин выделяет две функции слова: 1) собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую ученый называет когнитивно-семиотической и 2) собственно языковую (речемыслительную) – когнитивно-коммуникативную функцию, которая реализуется в виде того или иного когнитивно-дискурсивного образования, т.е. в виде слова как грамматически оформленного языкового знака [Шарандин, 2013, с. 78].

Безусловно соглашаясь с высказанными идеями о зависимости слова от контекста, отметим, что широкозначные глаголы тяготеют к употреблению, которые следует считать парасемическими. Парасемией (семантическим синкретизмом, наложением смыслов, совмещением значений) называют одновременную реализацию нескольких значений слова или фразеологизма в высказывании. Семантический синтез двух самостоятельных семантически близких значений, которые объединяются в рамках одного синтагматического окружения можно проиллюстрировать, например, высказыванием, в котором широкозначный глагол *стоять* употреблен одновременно в двух значениях: «*В конце коридора... стояла лужа, а в ней с тряпкой в руке – незнакомая девушка*» (Л. Улицкая). Явление парасемии обнаруживает когнитивно-коммуникативную функцию знака, когда под влиянием условий контекста осуществляется процесс поликатегоризации, то есть одновременной реализации в значении слова признаков разных категорий. Данное явление, безусловно, требует системного изучения, в том числе и в связи с широкозначностью.

Еще одним признаком широкозначных глаголов можно считать их семантический потенциал в плане порождения новых словоупо-

треблений. Отметим, например, частотность конструкции *брать ипотеку* в современном русском языке, значение которой в разговорной речи оказывается несколько шире, чем *брать ссуду в банке* и предполагает получение крупной суммы денег на приобретение недвижимости либо иные нужды.

Следует отметить и тот факт, что анализ контекстов позволяет установить довольно значительное количество коллокатов (так называемых устойчивых сочетаний, близких к фразеологическим), например: *брать интервью*, *брать аккорды*, *брать отпуск* и т.д. Часть из них фиксируется в словаре в зоне фразеологии, часть распределяется (иногда довольно условно) по имеющим в словаре значениям. Отметим, что если, к примеру, выражение *брать аккорды* в МАС помещено в зону фразеологии, то в БТС оно рассматривается как иллюстрация основного значения глагола.

Словарное представление широкозначных глаголов зависит от типа и назначения словаря, а также от лексикографических традиций. Последовательность значений широкозначных глаголов также не совпадает, что объясняется трудностями в экспликации связей между ними. Например, в Толковом словаре русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2006] к основному значению отнесены 'принимать в руки' и 'избирать для рассмотрения', в то время как эти же значения в БТС представлены как первое и четвертое соответственно [БТС].

Идеографический словарь, в котором лексико-семантические варианты глагола *брать*, отнесены к различным классам, дает возможность составления словарных дефиниций с опорой на типовую семантику группы и базовый идентификатор. Например, в составе ЛСГ выбора дается следующее толкование переносного значения глагола, раскрывающее основание переноса: *брать* – 'выбирать из ряда фактов, материалов, обычно письменных, необходимые для рассмотрения разработки, останавливаясь мысленно на чем-либо, словно схватывая что-либо нужное руками' [ТИСРГ]. Следовательно, в отличие от дефиниций традиционного толкового словаря, в идеографическом словаре семантизация значений осуществляется через базовый идентификатор, непосредственно указывающий на лексико-семантическую группу, а связи между прямыми и переносными значениями эксплицируются в толкованиях.

Для немецких словарей свойственно такое дробление значений, которое не всегда позволяет отличить словоупотребление от значения. Различным способом решается в словарях и проблема представления оттенков значений. Ни один другой словарь немецкого языка не фиксирует такое количество значений, как словарь Дуден [Duden], что дает прекрасную возможность для глубокого анализа

многозначных слов, слов с широкой семантикой и широкозначных слов. Однако В.Д. Девкин отмечает, что данный словарь «не проявил нужной изобретательности при подаче мультисемичных слов». Мы согласны с его мнением о том, что многозначные слова «достаточно полно зафиксированы», но «в изобилии фактов трудно ориентироваться» [Девкин, 2005, с. 39]. К каждому значению авторы этого словаря приводят большое количество примеров из художественной литературы, публицистики: *Und wenn sie sich einen anderen nimmt (sie einen anderen heiratet; Bieler, Bonifaz 143)*. Данный факт также становится предметом критики в теории лексикографии: «незавершенность синтаксических конструкций цитат и их часто практикуемое слишком насильственное сокращение не способствуют раскрытию семантической структуры слова» [там же, с. 40].

В результате проведенного анализа устанавливается совокупности критериев, которые позволяют обозначить порог перехода многозначности в широкозначность. Семантический критерий определяет объем значений и их зависимость от контекста. Лексикографический критерий позволяет увидеть размытость значения и неэксплицитно выраженные связи между значением. Когнитивный критерий связан с особой ролью глаголов в процессах концептуализации и категоризации. Широкозначные глаголы репрезентируют базовые действия (такие как движение, положение в пространстве, помещение, физическое воздействие на объект) и выполняют функцию базовых идентификаторов в структуре ЛСГ. Обозначая в основном значения наблюдаемые действия, эти единицы обладают набором признаков, которые влияют на развитие множества значений и формирование того феномена, который, по образному выражению М.В. Никитина, получил название «полисемия на пределе».

Библиографический список

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1972. 208 с.
2. Архипов И.К. Лексические прототипы и явление полисемии // Прототипические и непрототипические единицы в языке: колл. монография / отв. ред. Л.М. Ковалева. Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 101–124.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышова. В 17 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
4. БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. С. 349–372.
6. Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка:

в 3 т. М.: АСТ: Астрель, 2006.

8. Козлова Н.В. Становление глагольных носителей эврисемии в древневерхненемецком и древнеанглийском языках (на материале глагола 'иметь') // Вестник Новосибирского государственного университета, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8, № 2. С. 13–23.

9. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с.

10. Кошелев А.Д. О референциальном подходе к лексической полисемии // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 287–359.

11. Кудинова В.И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1994. 16 с.

12. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.

13. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1985.

14. Мыркин В.Я. Аспектуальная и темпоральная характеристика глагола (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 1996. 29 с.

15. Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1994. 97 с.

16. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2007. 819 с.

17. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: дис. ...канд. филол. наук. М., 2013. 200 с.

18. Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. 226 с.

19. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005. 302 с.

20. ТИСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: Изд-во «Аст-пресс», 1999. 694 с.

21. Ушкова Н.В. Аналитическая репрезентация концепта в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006. 41 с.

22. Федюк П.С. Глаголы размещения предметов в пространстве в языках различных групп: семантический, функциональный и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 19 с.

23. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики, 2013. № 1. С. 75–81.

24. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3., neu bearb. und erw. Aufl. / hrsg. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich: Dudenverl., 1999. 4800 S.

25. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 458 S.

26. Wahrig. Deutsches Wörterbuch / hrsg. und bearb. unter Leitung von R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh/München: Bertelsmann Lexikon Institut, 2006. 1728 S.

3.2. Сопоставительное изучение денотативно связанных фразеологических единиц (на материале английского и французского языков)

Нифанова Т.С., Северодвинск

Фразеология представляет собой языковую универсалию: нет языка, в котором не было бы фразеологических единиц. Фразеологические словари, становясь объектом сопоставительных исследований, выявляют фрагменты действительности, к которым остается равнодушным «глаз» другого народа.

В западной лингвистической традиции изучение фразеологических единиц в сопоставительном плане никогда не было актуальным. В отечественной науке аспекты сопоставительной фразеологии получают освещение в публикациях В.Г. Гака, Я.И. Рецкера, Э.М. Солодухо и других исследователей [Гак, Рецкер, 1963; Солодухо, 1977; Гак, 2000 и др.]. В рамках традиционной лингвистики наиболее глубоко исследованы особенности структурной организации фразеологизмов разных языков, включающих в свой состав определенный компонент [Свешникова, 1969; Назаров, 1980 и др.]. Проводится сопоставительный анализ фразеологизмов, объединенных по определенному семантическому признаку [Арсентьева, 1983; Мрикардия, 1999 и др.]. Имеются работы, посвященные сопоставительно-типологическому рассмотрению фразеологических систем близко- и неблизкородственных языков [Бездек, Коут, 1965; Демьянович, 1980; Глухов, 1987 и др.]. Некоторые исследования касаются вопросов использования результатов сопоставительно-фразеологических изысканий в лексикографической практике [Орловская, 1968; Аксамитов, 1975 и др.] и сопоставительного изучения заимствованной фразеологии [Солодухо, 1977; Шихова, 1990 и др.].

В когнитивной семантике фразеологизмы рассматриваются как хранилище стереотипных мыслей, набор типизированных ситуаций. Когнитивная модель фразеологизма состоит из двух уровней: когнитивного уровня значений и внутренней формы, образующих двойной фрейм. В когнитивной модели хранятся два вида знаний: картинно-образное, соотнесенной с уровнем внутренней формы, и рациональ-

но-обработанное, связанное, прежде всего, с уровнем значения, но иногда и с уровнем внутренней формы. На уровне значений фразеологизмов отражается знание стереотипов поведения индивида в обществе, типичных житейских ситуаций и истин. На уровне внутренней формы закрепляется знание о конкретных ситуациях проявления этих общежитейских истин.

Механизмы когниции во многом носят универсальный характер. Схожесть когнитивного потенциала фразеологических единиц разных языков обусловлена общими знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой, в том числе и природой оценки фактов действительности по принципу «плюс – минус». Однако социально-исторические условия накладывают определенный отпечаток на процессы познания и отражения знаний в разных языках, поэтому общий опыт реализуется в плане содержания фразеологических единиц набором разных схем [Бабушкин, 1999, с. 31–32], привнося характер инвариантности в национальную языковую картину мира. Фразеологизмы могут содержать межъязыковые отличия не только на уровне «семантического» этажа, то есть на уровне отражаемых ими реалий, но и на уровне своего второго этажа, отсылающего к морали – представлениям говорящих об этических, деонтических и прочих нормах, иллюстрируемым определенными житейскими ситуациями [Воркачов, 1997, с. 11].

Когнитивный подход предполагает новые направления сопоставительно-фразеологических исследований. В частности, предпринимаются попытки определить роль национальных реалий во фразеологических системах разных языков [Гак, Рецкер, 1963, с. 12]. Безусловный интерес представляет межъязыковой анализ фразеологических единиц в плане обнаружения общего и различного в представлениях о мире носителей разных лингвокультур [Иванова, 2002, с. 26].

Задаче сопоставительно-семасиологического изучения фразеологических единиц в аспекте когнитивистики в полной мере отвечает денотативный подход к исследовательскому материалу. Он позволяет установить, какие фрагменты семантического пространства рассматриваемых языков в наибольшей степени организованы посредством денотативно связанных фразеологических единиц, какие семантические области формируются фразеологическими единицами в каждом из языков, как оцениваются носителями разных языков те или иные явления. Рассмотрению этих вопросов на материале денотативно связанной фразеологии английского и французского языков и посвящена настоящая глава. При этом под денотативно связанной фразеологией понимается совокупность фразеологических единиц, которые в своей семантике содержат признак, указы-

вающий на один и тот же объект внешнего мира, и в соответствии с этим являются ориентированными на него и конкретизирующими какое-то из его свойств, состояний или отношений [Симашко, 1998, с. 98].

Корпус анализируемых единиц включает две группы языковых знаков: собственно фразеологические единицы и составные наименования. Границы между этими двумя лексическими группировками чрезвычайно зыбки.

В современной лингвистике понятие фразеологизма неоднозначно [Виноградов, 1947; Ожегов, 1957; Амосова, 1963; Фразеологический словарь..., 1995; Жуков, 1996 и др.]. В узком понимании фразеологические единицы включают только идиомы. В расширенном понимании к фразеологизмам относятся фразеологические сочетания, поговорки и крылатые выражения в форме в форме словосочетаний. В одну группу они объединяются на основе лексического (фразеологического значения), компонентного состава, лексико-грамматической соотнесенности с частями речи, способности выступать в роли одного члена предложения. К фразеологизмам в самом широком понимании этого слова, кроме перечисленных разрядов, относятся пословицы, речевые стандарты, лозунги, призывы и слоганы, крылатизмы в форме предложений и составные наименования с образным стержнем.

В настоящей работе под собственно фразеологизмами понимаются устойчивые сочетания слов с полностью или частично пересмысленным значением [Кунин, 1976, с. 19].

По нашим наблюдениям, английскому языку в большей мере, чем французскому языку, свойственна организация семантического пространства посредством фразеологизмов. Наибольшее количество фразеологических единиц в обоих языках содержит денотативный класс <воды> за счет фразеологизмов, генетически связанных с морем. Например: *It is like the Dutchman's anchor, he has got it at home* – ‘it is said to ridicule persons who boast of having something which they cannot use or come at’ [Oxford Advanced, 2000, p. 209], *to work double tide* – ‘to perform two days' labour in one’ [там же, с. 916], *the best fish smell when they are three days old* – не следует злоупотреблять гостеприимством’ [Глумов, 1986, с. 16], *vogue la galère!* – *advienne ce qui pourra!* [Robert, 1978, p. 119], *venir aux quatre bateaux* – ‘pour dire qu'une personne arrivait avec une pompe ridicule ou se donnait une importance exagérée’ [там же, p. 150], *Avocat! Passons au déluge!* – ‘on emploie cette expression toutes les fois que l'on veut prier familièrement quelqu'un d'abréger le récit d'une affaire, qu'on le voit disposé à conter avec d'inutiles détails, au lieu d'arriver promptement au fait don't il s'agit’ [там же, p. 51] и др.

При анализе фразеологизмов денотативного класса <воды> английского и французского языков установлены как факты семантической асимметрии рассматриваемых языков, так и проявления семантического параллелизма.

Семантическое своеобразие английского языка манифестируется в том, что только в английских фразеологических единицах денотативного класса <воды> свежая рыба ассоциируется с гостеприимством. Например: *'fresh fish and poor friends become soon ill savoured'* [Oxford Dictionary, 1984, p. 287] и др.

Прототипом некоторых английских фразеологизмов являются ситуации, которые рассматриваются как бессмысленные и абсурдные. Во фразеологических единицах проводится мысль о невозможности осуществления какой-либо деятельности, напрасной трате времени в попытках доказать очевидное. Например: *try to sweep the Atlantic with a broom* – 'шутл. Попытаться вымести метлой Атлантический океан, попытаться сделать невозможное' [Бабушкин, 1999, с. 52], *it is in vain to cast your net where there is no fish* [Oxford Dictionary, 1984, p. 107], *to seek water in the sea* [там же, p. 870] и др.

Внутренняя форма целого ряда английских фразеологизмов рассматриваемого денотативного класса основывается на описании родственных связей между человеком и объектом, а значение фразеологических единиц фиксирует название профессии, связанной с деятельностью на море. Например: *a son of Neptune* – 'сын Нептуна, моряк' [Бабушкин, 1999, с. 702], *ship's husband* – 'мор. уполномоченный, распоряжающийся судном по доверенности' [там же, с. 406] и др.

Представления о родстве людей и объектов, которые закрепились в материальной базе большой группы фразеологизмов, возможно, являются отголоском эпохи варварства, когда «...зависимость людей от природы ощущалась настолько сильно, что создаваемый ими образ мира включал многие черты, свидетельствовавшие о неспособности человека четко отделить себя от природного окружения» [Тресиддер, 2001, с. 23]. В те древние времена воды являлись универсальным символом плодородия, источником самой жизни и ассоциировались с образом Великой Матери. Во всех известных легендах о происхождении мира жизнь возникла из первородных вод – женского символа потенции [там же, с. 43, 228].

В денотативный класс <воды> английского языка входят многочисленные фразеологизмы, во внутренней форме которых закрепились такие свойства, приписываемые рыбе, как немота, скользкая поверхность, прохладная чешуя, способность много пить, а во фразеологическом значении дается нелюбимая характеристика человека. В словарном описании фразеологизмов человек предстает

странным, чудаковатым, беспутным, никчемным, бесчувственным пьяницей. Например: *an odd (querer, strange) fish* – ‘a person who is slightly strange or crazy’ [Oxford Advanced, 2000, p. 503], *a loose fish* – ‘разг. беспутный человек’ [Бабушкин, 1999, с. 5], *drink like a fish* – ‘to drink a lot of alcohol regularly’ [там же, с. 405], *a cold fish* – ‘a person who seems unfriendly and without strong emotions’ [Бабушкин, 1999, с. 244], *a poor fish* – ‘разг.-фам. горемыка, простофиля, никчемный человек’ [там же, с. 281] и др. Интересно отметить, что первоначально для индоевропейцев рыба являлась символом спасения, сверхъестественной силы и мудрости [Маковский, 1996, с. 285].

Английские фразеологизмы репрезентированы группой единиц, во внутренней форме которых содержатся разнообразные характеристики моряков, а во фразеологическом значении фиксируются отрицательные свойства человека. Например: *He is one of St. Paul's mariners* – ‘Navigation is much improved ... since Saint Paul's time; insomuch that, when a man goes bunglingly about any work in a ship, I have heard our Englishmen say it’ [Oxford Dictionary, 1984, p. 695], ‘sailors get money like horses, and spend it like asses’ [там же, с. 692], ‘sailors have a port in every storm’ [там же, с. 693] и др.

Среди денотативно связанных фразеологизмов английского языка имеются единицы, которые различаются внутренней формой, но сходны по смыслу с русским фразеологизмом *без труда не выловишь и рыбку из пруда*. Например: *he that will catch eels, must disturb the flood* [Oxford Dictionary, 1970, с. 217], *he who would catch fish must not mind getting wet* [Гварджаладзе и др., 1980, с. 40] и др. Интересно, что в таких единицах название водоема *пруд* на английский язык передается самыми разными способами, кроме использования для этой цели английского названия какого-либо водоема.

В то же время в денотативный класс <воды> французского языка входят фразеологизмы, значение которых близко значению русской фразеологической единицы *в тихом омуте черти водятся*. Например: *il n'est pire eau que l'eau qui dort* [Бабушкин, 1998, с. 31], *défiez-vous de l'eau qui dort* [Robert, 1978, p. 34], *les eaux calmes sont les plus profondes* [там же, с. 80] и др.

Как следует из примеров, в этих и некоторых других французских и русских фразеологизмах соотносятся единицы одноименного денотативного класса <воды> *eau* и *омут*, толкования которых во французском языке включают более широкий, а в русском языке – менее широкий набор признаков.

Завершая наблюдения над фразеологизмами денотативного класса <воды>, отметим, что в отличие от английского языка, в денотативный класс <воды> французского языка входят единицы, в значении которых содержится порой очень резкое осуждение по-

пыткок плыть против течения. Например: *il est difficile de nager contre le courant* [Robert, 1978, p. 31], *qui veut nager contre le flot, est bien enragé, fol ou sot* [там же, с. 127] и др.

В денотативном классе <облака> английского языка имеется группа фразеологических единиц, в материальной базе которых содержатся рекомендации не ассоциировать облака исключительно с дождем, поскольку на смену дождю приходит ясная погода. Все эти фразеологизмы объединены общим значением 'и в плохом можно найти хорошее': *every cloud has a silver lining* – 'every sad or difficult situation has a positive side' [Oxford Advanced, 2000, p. 237], 'every cloud has a silver lining used for saying that something good usually comes out of a bad situation' [Major, 1981, p. 58], *if there were no clouds, we should not enjoy the sun* – 'если бы не было туч, мы бы не ценили солнца' [Бабушкин, 1999, с. 155].

Только денотативный класс <облака> английского языка включает фразеологические единицы, внутренняя форма которых свидетельствует о том, что появление даже одного облака воспринимается как неприятность и дурное предзнаменование, которые могут помешать осуществлению какой-либо деятельности, омрачить счастье, испортить настроение человеку. Например: *a cloud on the horizon* – 'something that is likely to spoil a situation' [Major, 1981, p. 198], *a cloud in one's sky (a cloud on one's happiness)* – 'облачко, омрачающее чье-либо счастье' [Бабушкин, 1999, с. 155], *a cloud on (upon) one's brow* – 'насмурный, мрачный, хмурый вид' [там же] и др.

Наряду с этим в исследовательской картотеке имеются примеры семантического параллелизма сопоставляемых языков. В денотативном классе <облака> английского языка имеется ряд фразеологизмов, прототипом которых является ситуация 'расположение относительно облака', а их толкования содержат описания различных психологических состояний, переживаемых человеком или проявляемых по отношению к человеку: блаженство, позор, мечтательность, недоверие, подозрительность и т.п. Например: *on cloud nine* – 'informal, old-fashioned. Extremely happy' [Major, 1981, p. 25], *under a cloud* – 'under suspicion, in disgrace' [Хорнби, 1983 с. 106], *porter, mettre aux nues* – 'admirer, louer avec enthousiasme' [Robert, 1978, p. 1287], *tomber des nues* – 'être extrêmement surpris, décontenancé par un événement inopiné' [там же, p. 1288] и др.

Символы верха и низа, неба и земли совпадают во многих культурах. Вверху, на небе, расположен рай, там сияет свет и звучит прекрасная музыка. Внизу, под землей, находится ад, там тьма, дым, смрад и мучения. Небеса представлялись в виде нескольких слоев или сфер (отсюда – седьмое небо, десятое небо). Праведные души воспаряли в абстрактному блаженству – созерцанию боже-

ственного сияния, а уделом грешников был ад [Тресиддер, 2001, с. 38].

В денотативном классе <дождь> общей для английского и французского языков является зафиксированная во внутренней форме фразеологических единиц ситуация 'преходящий характер явления природы', которая в значении английских и французских фразеологизмов актуализируется по-разному. В английском языке она интерпретируется таким образом, что нечто обязательно произойдет несмотря на плохую погоду или сложную ситуацию, то есть, во что бы то ни стало. Например: *(come) rain or shine* – 'used for saying that something always happens or someone always does something despite bad weather or difficult conditions' [Major, 1981, p. 116] или '(a) whatever the weather is like. (b) (fig.) wheather conditions are favourable or not' [Шихова, 1990, с. 252], *rain or shine* – 'при всех условиях, что бы ни было' [Бабушкин, 1999, с. 61] и др.

Во французских фразеологизмах противопоставляются психологические состояния радости и печали. Например: *après la pluie, le beau temps* – *après la tristesse, vient la joie* [Robert, 1978, p. 1462] и др.

Любопытно, что во внутренней форме анализируемых фразеологических единиц английского языка противопоставляются такие явления природы, как дождь и сияние солнца, тогда как во французском языке – дождь и ветер. Например: *qu'il pleuve, qu'il vente* – 'во что бы то ни стало' [ФРФС, 1963, с. 870].

Лишь в денотативном классе <дождь> английского языка в материальной базе фразеологизмов подчеркивается необходимость заранее готовиться к трудным временам, которые могут наступить в будущем. С этой целью рекомендуется откладывать или экономить деньги и не предпринимать действий, направленных на ухудшение своего положения в том случае, если «черные дни» наступили. Например: *for a rainy day* – 'if you save something or put something away for a rainy day, you save it for a time in the future when you may need it' [Major, 1981, p. 116], *save / put away / keep sth for a rainy day* – 'save money for a time when one may need it' [Шихова, 1990, с. 252], *never offer your hen for sale on a rainy day* [Английски пословици, 1967, с. 85], *against a rainy day* – 'на черный день' [Глумов, 1986, с. 12] и др. Подчеркнем, что единице *rainy* денотативного класса <дождь>, которая наличествует во внутренней форме рассматриваемых фразеологических единиц английского языка, в русском языке соответствует единица *черный*, которая характеризуется совершенно другой денотативной направленностью.

Прототипом многочисленных английских фразеологических единиц служит ситуация 'предзнаменование дождя'. Например: *the hoarse crow croaks before the rain* [Oxford Dictionary, 1984, p. 156], *if*

two rainbows appear at one time, they presage rain to come [там же, р. 663] и др. Данная ситуация рождает ассоциации с плохой погодой или сложными жизненными ситуациями, которые можно было предвидеть, но которые, тем не менее, не остановят течение жизни.

В отличие от английского языка, во фразеологических единицах французского языка подчеркивается свойство дождя навевать скуку: *ennuyeux comme la pluie – ‘très ennuyeux’* [Robert, 1978, р. 1462], *l’hôte et la pluie, après trois jours ennuient* [там же, с. 84] и др.

Семантическое сходство между английским и французским языками состоит в том, что денотативный класс <ветер> обоих языков включает фразеологические единицы, в которых закреплено представление о возможности фиксировать направление ветра, а то или иное направление ветра связывается с жизненными обстоятельствами. Например: *a straw shows which way the wind blows – ‘и соломинка показывает, куда ветер дует; и мелочь порой имеет большое значение’* [Бабушкин, 1999, с. 729], *trim one's (the) sails to the wind – to arrange the sails of a boat to suit the wind so that the boat moves faster; to reduce your costs’* [Parish, 1957, р. 144], *how (whence, where) the wind blows – ‘откуда и куда дует ветер, как обстоят дела’* [Oxford Advanced, 2000, р. 823], *tourner à tout vent – ‘держат нос по ветру’*, *regarder de quel côté vient le vent – ‘держат нос по ветру’* [Бабушкин, 1999, с. 87] и др. Связь направления движения ветра с определенными жизненными ситуациями, вероятно, обусловлена тем, что ветры рассматриваются как космическое дыхание, как божественные посланники, чье воздействие можно увидеть и услышать, но которые сами остаются невидимыми [Тресиддер, 2001, с. 39].

Общим для обоих изучаемых языков является фиксация во внутренней форме фразеологизмов такого свойства ветра, как его бесконтрольность. Например: *the wind cannot be caught in a net* [Гварджаладзе и др., 1960, с. 65], *free as the wind* [Oxford Dictionary, 1984, р. 286], *on ne peut pas empêcher le vent de venter* [Robert, 1978, р. 101], *ce n'est pas le navire qui fait marcher le vent* [там же, с. 26].

Большую группу фразеологизмов английского и французского языков составляют единицы, отражающие изменчивость ветра. Например: *a woman's mind and a winter wind change often* [Бабушкин, 1999, с. 142], *women are as wavering (changeable) as the wind* [Oxford Advanced, 2000, р. 911], *the wind keeps not always in one quarter* [Oxford Dictionary, 1984, р. 893], *as wavering as the wind* [там же, с. 871]; *c'est un homme qui s'est frotté à tous les vents – ‘он бывалый человек’* [Аксамитов, 1975, с. 87], *à navire brisé tous les vents sont contraires* [Robert, 1978, р. 13] и др.

Дальнейший межъязыковой анализ фразеологизмов денотативного класса <ветер> вскрывает проявления семантической изби-

рательности каждого из изучаемых языков. Так, во фразеологических единицах английского языка не рекомендуется совершать какие-либо действия в направлении против ветра и иногда объясняется, почему. Например: *throw straw against the wind* – ‘безуспешно пытаться воспрепятствовать чему-либо’ [БАРС, 1987, с. 72], *who spits against heaven (the wind), it falls in his face* [Oxford Advanced, 2000, p. 766], *puff not against the wind* [Oxford Dictionary, 1984, p. 653] и др.

Лишь в английском языке имеются фразеологические единицы, в основе которых лежит описание различных приемов работы с парусом. Например: *set sail* – ‘отправляться в плавание’ [БАРС, 1987, с. 653], *shorten (take in) sail* – ‘замедлить ход [этим. морс. – убавить парусов или убрать паруса]’ [там же, с. 654], *hoist (your) sail while (when) the wind is fair* – ‘поднимай паруса, пока дует попутный ветер; куй железо, пока горячо’ [там же, с. 653].

В английском языке определенное направление ветра часто рассматривается как благоприятное / неблагоприятное для того или иного вида деятельности. Например: *When the wind is in the north, the skilful fisher goes not forth* [Oxford Advanced, 2000, p. 893], *do business with men when the wind is in the north-west* [там же, с. 893] и др.

Переходя к сопоставительному анализу другой группы денотативно связанных единиц английского и французского языков – составных наименований, следует отметить, что лингвистический статус этих языковых знаков остается невыясненным и мало отражен в специальной литературе. К межъязыковому анализу составных наименований, как правило, обращаются терминологи [Динес, 1986; Максимов, 2003 и др.], поскольку образование терминологических словосочетаний синтаксическим способом является одним из наиболее продуктивных способов терминообразования во многих языках.

Зарубежные исследователи обходят вниманием эту проблему. В отечественной науке о языке существуют две противоположные точки зрения по вопросу соотношения составных наименований и фразеологических единиц. Доминирует та из них, которая доказывает правомерность включения составных наименований в класс фразеологических единиц [Толикина, 1964; Динес, 1986; Панаева, Куклина, 2004 и др.]. Так, В.В. Виноградов считает, что «отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, то есть выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова» [Виноградов, 1947, с. 22].

С.И. Ожегов выступает сторонником ограниченного допуска словосочетаний в область фразеологии, полагая, что основная их масса представляет собой «свободные словосочетания, отражающие реальную действительность в том виде, в каком эта действительность представляется определенной системе знаний. С точки зрения языка, такие словосочетания сохраняют все признаки отношений определения и определяемого, отношений рода и вида» [Ожегов, 1957, с. 51–52].

С.Д. Береснев утверждает, что собственно термином может быть только слово, а словосочетание – это уже фразеологическая единица в системе терминологии, а не термин. Но поскольку такие сочетания, как *болезнь Боткина* и *спонтанная гангрена* выполняют все-таки функцию терминов, их следует относить к терминологической фразеологии и по функциональному признаку отграничивать от общей, нетерминологической, фразеологии [Береснев, 1960, с. 46].

Придерживаясь противоположной точки зрения, Б.А. Ларин пишет, что «новые научные сложные термины вовсе не относятся к фразеологическим словосочетаниям» [Ларин, 1956, с. 218].

Эту же позицию разделяет Е.Н. Толикина: «Терминологическое сочетание и фразеологическая единица в языковой системе занимают разные положения в соответствии с различием их природы, их онтологического содержания. Они являются языковыми элементами разного качества, и их системные отношения ... можно охарактеризовать как соотношение лингвистических единиц разных уровней лексической системы» [Толикина, 1964, с. 171].

В.И. Максимов, как и Б.А. Ларин, убежден в том, что составные наименования следует рассматривать в составе лексики, а не фразеологии [Максимов, 2003, с. 4].

На необходимости дифференциации составных терминов и фразеологических единиц настаивают Е.В. Панаева и И.Н. Куклина [Панаева, Куклина, 2004, с. 274]. С одной стороны, они признают, что составные термины и фразеологические единицы имеют много общего: раздельнооформленность, устойчивость, воспроизводимость, известную слитность компонентов, могут генетически восходить к свободному словосочетанию. С другой стороны, составные термины и фразеологизмы различаются характером номинации. Терминам более свойственна номинативная функция; в отличие от фразеологических единиц, эстетическая, модальная и экспрессивная окраска у терминов почти отсутствует. Термины и фразеологизмы являются единицами разно функционирующих языковых систем. Прежде, чем включиться в процесс фразеологизации, составной термин должен пройти длинный путь от языковой единицы узкоспециального употребления до элемента системы общего языка. Фразеологические

единицы становятся специфическими лингвистическими единицами как следствие внутриязыкового процесса фразеологизации на основе трансформации смысла и структуры словесных комплексов, которые существуют в языке.

В научной литературе традиционно составные наименования рассматриваются с точки зрения: а) количества, частеречной отнесенности, морфологической структуры их компонентов, б) структурных моделей, лежащих в основе образования терминов, в) типов синтаксической связи между компонентами словосочетания, г) терминологичности / нетерминологичности компонентов словосочетания, д) способности компонентов словосочетания образовывать новые словосочетания, е) степени устойчивости словосочетаний [Глухов, 1987; Иванова, 2002 и др.]. Вопросы семантики при этом отходят на второй план.

Насколько нам известно, специальных сопоставительно-семасиологических работ, выполненных на материале именно составных наименований, нет.

Разработанная нами с учетом понятия денотативного класса методика межъязыкового сравнения семантических структур позволяет проводить сопоставительно-семасиологические исследования и в этом направлении. Становится возможным установить, какие фрагменты семантического континуума рассматриваемых языков в наибольшей степени упорядочены посредством составных наименований того или иного денотативного класса, какие семантические области формируются посредством данных единиц в каждом из языков.

Так, в английском и французском языках доля составных наименований примерно одинакова. При общей характеристике денотативно связанных составных наименований в обоих сопоставляемых языках обращает на себя внимание преобладание среди них во всех денотативных классах атрибутивных именных словосочетаний, основанных на синтаксической связи примыкания, что является характерной особенностью всех аналитических языков. Например: *sea ooze* – ‘ил’ [ФРФС, 1963, с. 396], *flood irrigation* – ‘лиманное опошение’ [там же, с. 616], *thunder pillars* – ‘the piles of cumulus clouds seen in the thundery weather’ [Oxford Dictionary, 1984, p. 140], *bassin à flot* – ‘fermé par une écluse qui maintient constante la hauteur de l’eau’ [Esnauet, 1925, с. 16], *ligne de fond* – ‘ligne sans flotteur qui repose au fond de l’eau’ [там же, с. 1095], *culs de retameurs* – ‘des nuages noirs’ [там же, с. 8] и др.

Во французском языке во всех изучаемых денотативных классах имеются единицы, основанные на синтаксической связи согласования. Например: *calme plat* – ‘calme absolu de la mer’ [там же, с. 23],

école navale – ‘*école supérieure qui forme les officiers de la marine militaire*’ [там же, с. 125], *étang, lac poissonneux, rivière poissonneuse* – ‘*qui contient de nombreux poissons*’ [там же, с. 147].

Согласование во французском языке многие романисты рассматривают как пережиток синтетизма, не несущий никакой информативной и функциональной нагрузки. Однако имеется и другая точка зрения, в соответствии с которой «согласование в роде в атрибутивной группе удерживает довольно сильные позиции (до 45% всех случаев, не считая детерминативов), так как имеется много употребительных прилагательных и причастий с разными формами рода» [ФРФС, 1963, с. 519]. Исследуемые французские единицы представляют собой именно атрибутивную группу. Наряду с этим, с утратой склонения прилагательных из английского языка полностью ушли конструкции с согласованием определений с существительными [Свешникова, 1969, с. 370].

Специфика большой группы составных наименований литературного происхождения во французском языке заключается в их более сложном, по сравнению с английским языком, трехкомпонентном строении. Например: *rafale de vent* [Esnauet, 1925, с. 2073], *poissons d'eau douce (de rivière, de mer)* [там же, с. 147], *nuage en flocons* [там же, с. 128] и др. Составные наименования литературного происхождения более свойственны письменным формам речи, особенностью которых во французском языке являются ярко выраженные аналитические черты [ФРФС, 1963, с. 82]. Одной из манифестаций аналитизма и является, в частности, появление во французском языке трехкомпонентных предложных составных наименований.

Исследуемые единицы английского и французского языков включают в свой состав собственно термины и местные термины.

Собственно термины – это единицы, несущие фактологическую информацию об изучаемой семантической сфере, лишенную субъективной оценочности [Гак, 2000, с. 48]. При этом прослеживается определенная закономерность в организации семантического пространства посредством собственно терминов в сопоставляемых языках.

Семантическая общность английского и французского языков проявляется в том, что в денотативном классе <воды> обоих сопоставляемых языков имеется большое количество составных морских терминов. Например: *right of search* – ‘*Mar. The right of a nation at war to stop the ships of neutral nations on the high seas and search them for contraband*’ [Robert, 1978, с. 1254], *sea trials* – ‘*мор. Ходовые испытания*’ [ФРФС, 1963, с. 397], *by the wind* – ‘*мор. (идущий) в бейдевинд*’ [там же, с. 841], *boucle de pont* – ‘*Mar. anneau fixé au pont d'un navire et qui reçoit les cordages, les amarres*’ [Robert, 1978, с. 203],

lit de mare, lit du courant – ‘*Mar. endroit où la marée, le courant ont le plus de vitesse*’ [там же, с. 1102] и др.

В денотативный класс <воды> английского и французского языков входят многочисленные составные юридические термины. Например: *common fishery* – ‘Юр. Равное для всех право на рыбную ловлю в общественных водах’ [Глухов, 1987, с. 60], *territorial waters* – ‘Юр. Территориальные воды’ [БАРС, 1987, с. 807], *droit de visite* – ‘*Dr. intern. Reconnu par un accord international aux vaisseaux de guerre, de visiter les navires marchands*’ [Robert, 1978, p. 1102], *droit de navigation* – ‘*Dr. taxes accessoires des douanes, perçues sur le corps des navires*’ [там же, с. 580] и др.

Наряду с этим лишь денотативный класс <воды> английского языка включает представительную группу военных терминов. Например: *river barrier* – ‘воен. водная преграда; водный рубеж’ [БАРС, 1987, с. 336], *river crossing* – ‘воен. форсирование реки’ [там же, с. 336], *sea-coast fortifications* – ‘воен. береговые укрепления’ [там же, с. 395].

В отличие от английского языка, в денотативном классе <воды> французского языка много составных географических терминов, которые описывают особенности водных потоков. Например: *bras principal, bras secondaire* – ‘*Géogr. Division d’un cours d’eau que partage des îles*’ [Robert, 1978, p. 214], *bras mort* – ‘*Géogr. où l’eau ne circule plus*’ [там же, с. 214], *fleuve côtier* – ‘*Géogr. tout cours d’eau (même petit) aboutissant à la mer*’ [там же, с. 794].

Значительная группа французских составных географических терминов входит в денотативный класс <дождь>. Например: *régime pluviale* – ‘*Géogr. dépendant des pluies (et non de la fonte des neiges, etc.)*’ [Robert, 1978, p. 1465], *torrent impétueux, rapide* – ‘*Géogr. Cours d’eau à forte déclivité qui coule sur des pentes assez fortes pour entraîner toutes les eaux de pluie*’ [там же, с. 1981], *eau pluviale* – ‘*Géogr. Eau de pluie*’ [там же, с. 1465] и др.

В английском языке в денотативный класс <ветер> чаще входят ботанические и сельскохозяйственные термины. Например: *wind pollination* – ‘бот. ветроопыление’ [БАРС, 1987, с. 841], *wind board* – ‘с/х. ветровой щит (у вейлки)’ [там же, с. 841] и др.

Вместе с тем во французском языке денотативный класс <ветер> включает больше геологических терминов. Например: *dépôts éoliens* – ‘*Géol. qui provient de l’action du vent*’ [Robert, 1987, p. 666], *érosion éolienne* – ‘*Géol. qui provient de l’action du vent*’ [там же] и др.

Очень редки составные термины в денотативном классе <облака> английского и французского языков. Безусловно, единицы типа *кучевые облака, перистые облака*, которые в русском языке относят-

ся к составным терминам, есть и в английском, и во французском языках, но они не сопровождаются терминологическими пометами.

При анализе денотативно связанных устойчивых словосочетаний русского языка была выделена группа наименований ветров, которые по способу образования и функционированию очень близки к терминам [Симашко, 1998, с. 111]. Входящие в эту группу единицы отличаются от терминов литературного языка лишь тем, что в их состав входят местные названия ветров, они территориально ограничены, не всегда являются единственными наименованиями того или иного явления. Названные словосочетания получили наименование местных терминов [там же].

Исследование нашей картотеки показало, что местные термины имеются и в английском, и во французском языках. В английском языке местные термины входят в состав только денотативного класса <ветер>. тогда как во французском языке местные термины встречаются в денотативных классах <ветер>, <облака> и <дождь>.

Английские местные термины называют очень холодные пронизывающие ветры, направление которых указывается редко. Например: *bleat wind* – ‘*wealden corruption of bleak wind, a very cold, piercing wind*’ [Martin, 1925, p. 10], *lazy wind* – ‘*a north-east wind that blows ferociously in winter was sometimes described as a lazy wind, because instead of blowing round you it tried to blow through you*’ [там же, с. 62], *piercing wind* – ‘*a very bitter cold wind that chills the face and hands and seems to find its way through the thickest clothes and makes the person shiver and feel cold inwardly*’ [там же, с. 78] и др.

Во французском языке имеется группа местных терминов, в которых зафиксирована информация о тех сторонах света, откуда приходят воздушные массы. Например: *vent de Lorraine* – ‘*qui souffle du nord-ouest*’ [Esnaudet, 1925, p. 5], *vent de Reppe* – ‘*vent du sud*’ [там же], *vent de sève* – ‘*vent du sud*’ [Dondaine, 1972, p. 16] и др.

В этом же денотативном классе французского языка много местных терминов, в которых указывается, из каких стран движутся ветры. Например: *vent d’Egypte* – ‘*chaud vent*’, *bise de Russie* – ‘*bise*’, *vent de Prusse* – ‘*vent de sur les bois*’, *vent d’Ecosse* – ‘*vent d’écorceveau, vent d’écorce*’ [Gorunescu, 1975, p. 33] и др.

Вместе с тем исследовательская картотека дает примеры семантического своеобразия французского языка. Так, лишь французские местные термины – названия ветров по направлению одновременно ассоциируются с другими природными явлениями или жизненными циклами животных или растений. Например: *vent de Baume-les-Dames* – ‘*vent du nord, signe de beau temps*’ [Esnaudet, 1925, p. 5], *vent de corbeau* – ‘*vent qui souffle de l’est en automne pendant 15 jours sans pluie. Pendant ce temps, les corbeaux émigrent vers l’ouest*

et le sud-ouest [там же, с. 50], *vent de la poussée* – ‘ветер роста; весенний юго-восточный ветер, который сопровождается теплой погодой для роста листвы’ [Дерягин, 1967, с. 11].

В отличие от английских, денотативно связанные французские местные термины называют также облака, предвещающие другие природные феномены или появляющиеся после определенных явлений природы. Например: *pan de neige* – ‘*grands nuages blancs qui annoncent la neige*’ [Gorunescu, 1975, p. 103], *queue du dragon* – ‘*un nuage qui s’agite à l’ouest après la pluie*’ [Esnauet, 1925, p. 7], *queue du chat* – ‘*cirrus effilé, allongé en coup de balai. Il est en forme de fouet et, précurseur d’une dépression barométrique, il présage du vent*’ [Haust, 1955, p. 177] и др.

О семантической избирательности французского языка свидетельствует тот факт, что лишь в денотативном классе <дождь> французского языка группа местных терминов представлена названиями дождей, которые проливаются после или в сопровождении других природных явлений. Например: *pluie de crapaud* – ‘*pluie sous un rayon de soleil*’ [Esnauet, 1925, p. 26], *pluie d’escargo* – ‘*la première pluie douce qui tombe après les gélées*’ [там же], *pluie de feuille-bois* – ‘*quand il pleut après les haies de mars*’ [там же, с. 5] и др.

Межъязыковой сопоставительный анализ также показал, что французские местные термины гораздо чаще, чем аналогичные единицы английского языка, содержат яркий экспрессивно-оценочный компонент, который ощущается в их внутренней форме. Например: *Lorraine beau bonnet* – ‘*ramène le temps au beau*’ [там же], *Lomont vilain chapeau* – ‘*ramène le temps au beau*’ [там же], *tas de foin* – ‘*de gros nuages qui semblent rouler comme des boules*’ [там же, с. 6] и др.

Таким образом, сходство в организации семантического пространства английского и французского языков посредством фразеологических единиц заключается в следующем: а) данные единицы имеются во всех изучаемых денотативных классах сопоставляемых языков; б) семантический континуум обоих анализируемых языков, структурированный посредством составных наименований, организован преимущественно за счет единиц денотативных классов <воды> и <ветер>; в) схождения между собственно фразеологизмами манифестируются во всех денотативных классах; г) все природные явления, упоминаемые во фразеологизмах, наделяются могущественными силами, противодействие которым опасно, неразумно или нецелесообразно; д) свойства явлений природы, отраженные во фразеологических единицах, используются преимущественно при описании отрицательных характеристик человека; е) облака связываются с психическими и психологическими состояниями человека.

В английском и французском языках семантическое пространство <воды> упорядочивается посредством морской и юридической терминологии.

Составные термины обоих языков не участвуют в формировании семантической области <облака>.

Семантическая оригинальность сопоставляемых языков проявляется в том, что лишь во французском языке в образовании семантического пространства посредством местных терминов кроме лексики денотативного класса <ветер> участвуют также единицы денотативных классов <облака> и <дождь>. Ветер ассоциируется не только с направлением движения, но и с другими феноменами. Водные просторы описываются посредством морских, юридических и географических составных терминов. Географические и метеорологические термины образуют семантическое пространство <дождь>. Семантическая область <ветер> структурируется посредством геологических терминов. Эта же семантическая область, организуемая посредством местных терминов, отражает направление движения ветра. Многие французские местные термины содержат экспрессивно-оценочный компонент, который ощущается в их внутренней форме.

Только в английском языке местные термины денотативного класса <ветер> характеризуют объект не по направлению движения, а по неприятному ощущению холода, которое ветры вызывают у субъекта. В английском языке объект <воды> описывается не только посредством морской и юридической терминологий, как во французском языке, но и посредством военной терминологии.

В сопоставляемых языках денотативные классы насыщены фразеологическими единицами не в равной мере, хотя тот факт, в обоих языках наиболее многочисленными являются денотативные классы <воды> и <ветер>, свидетельствует, конечно, о семантических схождениях между сопоставляемыми языками.

В языковом сознании носителей разных лингвокультур изучаемые природные явления интерпретируются неодинаково. Объект <вода> в английском языке ассоциируется, с одной стороны, с гостеприимством и близким родством, а с другой стороны, он связывается с тяжелым трудом, отрицательными чертами характера человека. Во французской лингвокультуре водные пространства вызывают представления об опасности. В английском языковом сознании дождь предвещает ожидаемые трудности, к которым можно подготовиться заранее или, напротив, усугубить своими неправильными действиями, а во французском языке он связывается со скукой. Для носителей английского языка появление даже одного облачка считается дурным предзнаменованием, а во французском языке это яв-

ление природы не вызывает никаких специфических ассоциаций. В английской лингвокультуре подчеркивается невозможность действовать против ветра. Французское языковое сознание равнодушно к ветру. В английском языке при описании качеств человека используются свойства объекта <вода>.

Семантическая аналогия между английским и французским языками экстралингвистически обусловлена некоторыми общими представлениями предков современных англичан и французов об устройстве мира. Она связана также с тем обстоятельством, что искони большая часть населения Великобритании и Франции была занята в сходных видах деятельности, таких, как сельскохозяйственное производство, рыболовство и мореплавание. На протяжении веков на основе языка повседневного обихода развивались сходные терминологии. Проявления семантической симметрии английского и французского языков обуславливаются также сходными процессами в развитии научного знания в разных странах, включая Великобританию и Францию, что приводит к унификации рационалистически устроенных терминологических подъязыков, где результаты сознательного воздействия общества на язык наиболее ощутимы. Внутрязыковым фактором, обусловившим семантический параллелизм английского и французского языков, мы считаем принадлежность обоих языков к языкам аналитическим.

Асимметрия семантической организации сопоставляемых языков связана с различной степенью проявления аналитических черт в английском и французском языках и неодинаковыми условиями бытования англичан и французов.

Библиографический список

1. Аксамитов А.С. Идеографический словарь и сопоставительная фразеология (на материале белорусского и русского языков) // Русский язык в национальной школе. 1975. № 4. С. 73–76.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 125 с.
3. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках. Казань: Слово, 1983. 126 с.
4. Бабушкин А.П. Когнитивный потенциал в плане содержания фразеологизмов разных языков // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе: материалы 3-ей Всероссийской школы молодых лингвистов (Пенза, 23–27 марта 1999 г.). М., Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г. Белинского: Пензенский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1999. С. 31–33.
5. Бездек Я., Коут И. Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе: тезисы докладов межвуз. конф. 30 мая – 2

июня 1965 года. Череповец – Вологда: Череповецкий государственный педагогический институт, 1965. С. 21–39.

6. Береснев С.Д. Терминологическая фразеология // Вопросы лингвистики. Вып. 27. Труды кафедры иностранных языков Свердловского государственного медицинского института. Свердловск: Изд-во гос. мед. ин-та, 1960. С. 45–57.

7. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 150 с.

8. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115–125.

9. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.

10. Гак В.Г., Рецкер Я.И. О французской фразеологии и французо-русском фразеологическом словаре: [Вступ. ст.] // Французско-русский фразеологический словарь / Гак В.Г. Кунина И.А. и др.; под ред. Я.И. Рецкера. М. Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 4–14.

11. Глумов В.И. Структурно-семантическая организация составных терминов русского и английского языков (на материале текстов по вычислительной технике и программированию): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 17 с.

12. Глухов В.М. К методике аспектуально-сопоставительного исследования славянских фразеологических систем // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1987. № 3. С. 45–53.

13. Демьянович Н.И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 18 с.

14. Дерягин В.Я. Откуда дует ветер? // Русская речь. 1967. № 2. С. 85–86.

15. Динес Л.А. Специфика составного термина в частноотраслевой терминосистеме (на материале кардиологической терминологии русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 17 с.

16. Жуков А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород: Мир, 1996. 170 с.

17. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2002. 50 с.

18. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 128. С. 200–224.

19. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.

20. Максимов В.И. Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции // Русская речь. 2003. № 4. С. 3–38.

21. Мрикардия Дж. Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 16 с.

22. Назаров К. Сопоставительное исследование фразеологических единиц с ономастическим компонентом немецкого, английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1980. 15 с.

23. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. № 2. М.: АН СССР, 1957. С. 31–53.

24. Орловская Л.Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц латышского и английского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 25 с.

25. Панаева Е.В., Куклина И.Н. К вопросу о разграничении составных терминов и фразеологизмов // XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц»: сб. науч. докладов. Ялта, 4–8 октября 2004 г. Симферополь: СГУ, 2004. С. 274–276.

26. Свешникова Г.С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет (на материале немецкого, английского и шведского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 20 с.

27. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1998. 337 с.

28. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань: Казанский университет, 1977. 159 с.

29. Толикина Е.Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Волгоград: Волгоградск. гос. пед. ин-т, 1964. С. 165–180.

30. Шихова Т.М. Пути формирования и функционирование интернациональных фразеологических единиц русского языка: дис. ...канд. филол. наук. Кривой Рог, 1990. 304 с.

Список использованных словарей

1. Английски пословици. София: Наука и искусство, 1967. 92 р.

2. БАРС – Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / авт. Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Р.С. Гинзбург и др. 4-е изд., испр., с дополнением. М.: Русский язык, 1987.

3. Гварджаладзе И.С., Гильбертсон А.Л., Кочинашвили Т.Г. 500 английских пословиц и поговорок. 5-е изд. М. Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. 103 с.

4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1976. 942 с.

5. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 444 с.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т. / сост. А.И. Федоров. М.: Просвещение, 1995. 498 с.

7. Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка: Спец. издание для СССР / А.С. Хорнби при участии Кристины Руз. М.: Просвещение, 1983. 769 с.
8. ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / Гак В.Г. Кунина И.А. и др.; под ред. Я.И. Рецкера. М Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 1111 с.
9. Dondaine C. Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté. Vol. 1. Paris: Moorland Publishing Company, 1972. 298 p.
10. Esnauet G. Métaphores occidentales. Paris: Edition du Progrès, 1925. 95 p.
11. Haust J. Atlas linguistique de la Wallonie. Vol. 3. Les phénomènes atmosphériques et les divisions du temps. Liège: Edition Gallimare, 1955. 325 p.
12. Gorunescu E. Dictionar de proverb francez-român. București, 1975. 92 p.
13. Major A. A New Dictionary of Kent Dialect. Meresborough: Pan Books Ltd, 1981. 204 p.
14. Martin E. Deux cents locutions et proverbes. Paris: Edition Gallimare, 1925. 199 p.
15. Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 1970. 362 p.
16. Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 1984. 389 p.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6-th edition. Oxford: Oxford University Press, 2000. 1602 p.
18. Parish W.D. A Dictionary of the Sussex Dialect and Collection of Provincialisms in Use in the County of Sussex. Chichester: Doubleday & Company, 1957. 219 p.
19. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. P.: Société du Nouveau Littre, 1978. 2173 p.

3.3. Особенности ассимиляции испанских заимствований в английском языке

Беляева Е.П., Храпонова М.С., Архангельск

Заимствования являются важнейшей составляющей любого языка, одним из основных источников пополнения его словарного состава, неотъемлемой частью процесса его функционирования и исторического изменения. Английский язык принял значительное количество лексических единиц из испанского языка. Наряду с заимствованиями из других языков они отражают разнообразные связи между народами на протяжении истории.

Цель исследования, представленного в данном параграфе, заключается в установлении и описании изменений, которые произошли с лексическими единицами, заимствованными в английский язык из испанского, с точки зрения их фонетической, графической, лексической и грамматической ассимиляции. Для выявления признаков иноязычности и степени ассимиляции нами было проанализировано и классифицировано 180 лексических единиц. Заимствованные лексические единицы были отобраны с использованием интернет-ресурсов [Merriam; Online Etymology Dictionary; Oxford Dictionary].

Заимствованные слова входят в принимающий язык со своим первоначальным написанием, произношением и значением. Затем каждый звук заимствованного слова подвергается ассимиляции. В некоторых случаях меняется написание. Структура слова также может быть подвержена изменениям. Место ударения чаще всего зависит от фонетической системы языка-реципиента. Парадигма и значение слова также могут измениться [Dazdarević].

Фонетическая ассимиляция представляет собой полное или частичное уподобление слова фонетическим стандартам языка-реципиента. Для каждого языка характерна своя специфическая дистрибуция фонем и соответствующих им графем. Степень ассимиляции заимствованного слова на том или ином уровне зависит от частоты его использования в языке-реципиенте [Holden, 1976, с. 131–132]. Нами был проведен анализ испанских заимствований на фонетико-графическом уровне и выделено 2 группы лексических единиц: полностью ассимилировавшиеся и частично ассимилировавшиеся.

В качестве примера, относящегося к первой группе, рассмотрим слово *jennet* – 'низкорослая испанская лошадь', которое по своей фонемной дистрибуции и орфографическому облику не отличается от исконных слов языка-реципиента. В этом можно убедиться, сравнив заимствованное слово с однотипными исконно-английскими словами, восходящими к среднему и древнеанглийскому периодам:

jennet – испанская низкорослая лошадь (исп. *jinete*);

dragnet – а) невод; б) облава (др.-а. *drægnet*);

rennet – сычужная закваска, сычужный фермент (др.-а. **rynet*).

Многие другие испанские заимствования также полностью ассимилировались как фонетически, так и графически. Сравним фонемную дистрибуцию испанского заимствования *shack* и исконно-английских слов *smack*, *sack* и *lack*:

shack – хижина, лачуга (мекс. исп. *jacal* – 'хижина');

smack – пробовать (др.-а. *smæc*);

sack – мешок (др.-а. *sacc*);

lack – отсутствие (др.-а. **lac*, ср.-а. *lackless*).

Аналогичными примерами являются такие слова, как *key* – «*low island*» (от исп. *caño*), *cork* (от исп. *alcorque*). Указанные лексические единицы воспринимаются как исконно-английские и могут быть распознаны как заимствованные лишь путем этимологического анализа.

Ко второй группе нами были отнесены:

а) испанские заимствования, которые частично ассимилировались на фонетическом уровне, но графической ассимиляции не произошло. Примером может послужить испанское заимствование *frijol* [frɪ'həʊl] (мн.ч. *frijoles*) – 'фасоль, бобы'. Что касается графической ассимиляции, в слове *frijol* она не произошла, на что указывает нехарактерное для английского сочетание букв "jo". Слово *jota* (исп. *jota*) – 'хота (испанский народный танец)' – наряду с множеством других слов испанского происхождения содержит в своем фонетическом составе звук [h], обозначенный графемой "j", что несвойственно для английского языка. Кроме того, слово заканчивается на "a". Конечные "a" и "o" являются еще одним маркером иноязычности, например, в слове *hidalgo* (исп. *hidalgo*), которое содержит в своем графическом составе графему "h", которая не читается в начале слова, что нетипично для фонетики английского языка, и несвойственную английскому графему "o" в конце слова. См. также:

flotilla (исп. *flotilla*) – 'флотилия (обыкн. мелких судов)';

tornado (исп. *tronada*) – 'торнадо, смерч';

cilantro (исп. *cilantro/culantro*) – 'кинза'.

В слове "*flotilla*" можно видеть еще один показатель иноязычности – графему "ll", которая характерна для испанского языка и обычно читается как [ʎ] или [j] (встречается также в таких заимствованиях, как *tortilla*, *mantilla*, *llama*). К данной группе слов мы также отнесли слова, оканчивающиеся "-ada"/ "-uda":

empanada (исп. *empanada*) – 'эмпанада (блинчик с маслом)';

barracuda (исп. *barracuda*) – 'морская щука, хищная рыба'.

Следует также отметить использование графемы "z" в интервокальной позиции, что нехарактерно для английского языка:

plaza (исп. *plaza*) – 'площадь';

bozo (исп. *bozal*) – 'тупица'.

б) испанские заимствования, которые ассимилировались графически, но не ассимилировались фонетически:

cañon (исп. *cañon*) – 'каньон';

senorita (исп. *señorita*) – 'сеньорита (обращение к незамужней даме)';

senor(a) (исп. *señor(a)*) – 'сеньора(а)';

pinata (исп. *piñata*) – 'пиньята'.

В последних трех примерах основным фонетическим показателем иноязычности является мягкий звук [nʲ], несмотря на прошедшую графическую ассимиляцию. Хотя в написании не используется нехарактерный для английского символ тильда, мягкий [nʲ] сохраняется.

Рассмотрев испанские заимствования с различной степенью фонетической и графической ассимиляции, можно заключить, что среди них есть лексические единицы, которые по своей фонемно-графемной дистрибуции полностью соответствуют исконным словам языка-реципиента. Однако наиболее многочисленными являются заимствования, в составе которых встречаются иноязычные фонетические или графические элементы.

Исследуя лексико-семантическую ассимиляцию испанских заимствований, мы разделили их на 3 группы. В первую группу вошли слова, которые не изменили своего первоначального значения. Эта группа явилась самой многочисленной. Во вторую группу мы включили слова, которые сохранили свое первоначальное значение, а также развили новые под воздействием тех или иных факторов. В третью группу мы объединили слова, у которых можно наблюдать изменение значения.

Вот несколько примеров неассимилировавшихся лексически испанских заимствований первой группы:

adios – 'до свидания';

senora – 'сеньора (обращение к замужней женщине)';

escudo – 'эскудо (денежная единица)'.

Они не изменили своего значения и не приобрели нового, поэтому, как правило, употребляются в соответствующих исторических или этнографических контекстах и достаточно редко в контекстах иного характера.

К второй группе мы отнесли те лексические единицы, которые, сохранив прежнее значение, развили новые. К ним мы относим такие слова, как: *salsa* – слово, заимствованное из испанского в значении «*вид соуса*», которое позднее стало использоваться также в значении «*танцевальная музыка*»; *barbecue*, первым значением которого было 'решетка / рама для жарки мяса, рыбы и др.', позднее слово приобрело значения 'прием на открытом воздухе, во время которого гостей угощают мясом, жаренным на вертеле' и 'мясо для приготовления на открытом огне'. Примером этой группы также может служить слово *barracuda* со значением 'морская щука (хищная рыба)', которое позднее оно начинает использоваться метафорически для обозначения человека, который прибегает к агрессивным, неэтичным методам для достижения своих целей, особенно в бизнесе.

К третьей группе мы отнесли заимствования, в которых произошло изменение значения. Этот процесс можно наблюдать в слове *marina*, которое вошло в английский язык со значением 'морская прогулка', но со временем стало использоваться в значении 'пристань для яхт'. Аналогичным примером является слово *rodeo*, первоначальным значением которого было 'загон для скота на ярмарке', затем – 'состязание ковбоев'.

Одним из важных показателей лексической ассимиляции заимствований является их способность сочетаться со словами принимающего языка, образуя фразеологические сочетания. В результате анализа заимствованных слов было обнаружено множество примеров:

banana oil – 'чушь, вздор';

tobacco road – 'бедный сельскохозяйственный район';

tortilla curtain – шутливое название для границы между Мексикой и США;

ranch tooth – 'любитель сэндвичей «ranch chicken»' (по аналогии со *sweet tooth* – 'любитель сладостей');

macho man – 'настоящий мужчина';

macho culture – 'культура мужчин, мужской шовинизм'.

Далее нами были рассмотрены механизмы протекания грамматической ассимиляции в отобранном языковом материале. В целом, показателем грамматической ассимиляции заимствованных слов является способность глаголов вступать в систему стандартных английских глаголов, существительных – образовывать стандартные формы множественного числа, качественных прилагательных – образовывать степени сравнения. Важным показателем грамматической ассимиляции является способность заимствований образовывать производные или сложные слова. Кроме того, ассимилируясь в английском языке, некоторые заимствования конвертируются в другую часть речи. Грамматическая и семантическая ассимиляции связаны друг с другом. Когда заимствованное слово подстраивается под нормы языка-реципиента и развивает грамматические формы, оно начинает более активно использоваться и за счет этого приобретает новые значения и образует дериваты.

В нашем исследовании мы разделили лексические единицы на 3 группы с учетом их грамматической ассимиляции. В первую группу вошли лексические единицы, которые сохранили свою прежнюю частеречную принадлежность и не конвертировались. Эта группа является самой многочисленной. Во вторую группу вошли заимствования, которые участвуют в конверсии. Что касается третьей группы, то в нее вошли заимствования, которые конвертировались в дру-

гую часть речи, и именно в этом качестве получили большее распространение.

Первая группа включает 4 подгруппы:

– слова, не участвующие в формообразовании и словообразовании: *incomunicado* – 'находящийся в камере одиночного заключения, лишенный общения с людьми';

– слова, участвующие в формообразовании: *machete* – 'мачете (длинный и широкий нож)', мн.ч. *machetes*;

– слова, не участвующие в формообразовании, но участвующие в словообразовании: *falange* – 'фаланга (испанская фашистская организация)'; формы множественного числа не зафиксировано, но лексическая единица имеет производные: *falangist* – 'фалангист (член испанской фашистской организации)';

– слова, участвующие в формообразовании и словообразовании: *tacho*, мн.ч. *tachos*, производные: *machismo* – 'маскулинность', *tacho burger* – 'разновидность бургеров' и т.д. (см. примеры выше).

Вторую группу составили заимствования, участвующие в конверсии. Среди изученных нами лексических единиц мы можем выделить следующие:

lariat – 'аркан, лассо', мн. ч. *lariats*, участвует в конверсии: глагол *to lariat* – 'заарканить'.

shack – 'хижина', мн. ч. *shacks*, участвует в конверсии: глагол *to shack* – 'сожительствовать'.

ranch – 'скотоводческая ферма', мн.ч. *ranchos*, служит базой для словообразования: *rancher*, участвует в конверсии: глагол *to ranch* – 'заниматься скотоводством'.

В третью группу вошли заимствования, которые конвертировались в другую часть речи и в этом качестве получили большее распространение: *lasso* – 'аркан, лассо'. Из испанского языка заимствован глагол *lasso* – 'арканить', позднее от него было образовано существительное, которое стало в английском языке более частотным, чем глагол.

В ходе работы с заимствованиями из испанского языка был проведен комплексный анализ данных лексических единиц, который позволил систематизировать и классифицировать их по степени ассимиляции.

Библиографический список

1. Dazdarević S. The Emerging Standard in Pronunciation and Spelling of Borrowings. URL: https://www.academia.edu/9689448/THE_EMERGING_STANDARD_IN_PRONUNCIATION_AND_SPELLING_OF_BORROWINGS (дата обращения: 24.10.15).

2. Holden K. Assimilation Rates of Borrowings and Phonological Productivity // Language. 1976. Vol. 52. No.1. P. 131–147.

Список лексикографических источников

1. Merriam – Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 18.10.2015).

2. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 18.10.2015).

3. Oxford Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 18.10.2015).

Глава 4

ПРОЦЕССЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА В ЯЗЫКЕ

4.1. Деривационные средства как способ концептуализации мира в художественном тексте (на материале произведений Л.Петрушевской)

Сидорова Т.А., Архангельск

Общепринятым считается, что концептуализация фрагментов мира осуществляется значением языкового знака. Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой морфема тоже является знаком языка. Отстаиваем также позицию, согласно которой продуцирование производных детерминируется закреплением опыта носителя языка. Поэтому в словообразовательных единицах отражается результат осмысления мира как познавательного процесса. В художественном тексте наблюдается вторичная концептуализация действительности, и здесь реализуются текстовые модели концептуализации. Автор, например, может использовать языковой знак для обозначения новой ситуации, не свойственной данному знаку. При этом между языковой и текстовой моделями концептуализации возникает общая смысловая зона.

Текст является средой, в которой функционируют различные языковые средства, в том числе и словообразовательные. Наши исследования единиц деривационной системы в художественном тексте показали, что они передают глубинные авторские смыслы, требующие раскодирования. При этом само словопроизводство становится способом объективации интенциональных концептуальных структур. При восприятии текста деривационные смыслы подвергаются категоризации, поскольку формируют определенные ментальные образы, направляющие читателя и указывающие на тот или иной авторский замысел. В слове, попавшем в дискурсивную среду, морфема воскрешает и становится знаком с референтной соотнесенностью. Морфема наполняется новым знанием, возникают новые текстовые смыслы, которые можно классифицировать как внутрисловные деривационные смыслы, модальные, оценочные, пара-

дигматические, синтагматические, мотивационные, образные и т.п. [Сидорова, 2007, с. 271, 297, 306]. Как заметил А.А. Потебня, «всякое новое применение слова... есть созидание слова» [Потебня, 1999, с. 223].

В художественном тексте мотивационная структура производного слова создается заново. Системная мотивационная структура под влиянием контекста апеллирует к культурному, духовному, эмоциональному и другим видам ментальных структур, которые, в свою очередь, уже были мотивационными структурами других слов или включались в них своими культурными, образными, модальными, оценочными компонентами. Поэтому формирование мотивационных структур в тексте – это процесс дешифровки смыслов уже известных и создание на их основе новых. Деривационные смыслы воплощают в себе индивидуально-авторское видение мира, заложенное в структурах знания, стоящих за деривационными средствами. При этом восстановленные смыслы либо сохраняются, либо становятся базой для переоценки, создания новых смыслов, либо разрушаются вовсе, так как читатель в процессе восприятия текста переходит с авторского кода на индивидуальный.

В тексте слово-знак становится рефлектирующим при актуализации внутренней формы слова, то есть вызывает у читателя рефлексю. При этом план выражения (морфемная синтагма) становится планом содержания. Морфема в тексте является многоплановым и полифункциональным знаком. В речи, языке морфемная структура слова стремится к фразеологизации. В художественном тексте в процессе воссоздания смысла наблюдается дефразеологизация морфемной структуры [Сидорова, 2012, с. 319–320]. В художественном тексте деривационные единицы (производные, морфемы, деривационные ряды, парадигмы, модели) являются актуализированными и поэтому кодируют лишь актуальные для автора национально-культурные ценностные ориентиры.

Автор моделирует не столько словообразовательные значения, сколько имплицитные смыслы (культурные, социальные, психологические, индивидуально-авторские и другие), которые расширяют мотивационную структуру слова за счет эстетически значимого компонента. Текстовые деривационные смыслы объективируют определенные представления, понятия, чувственные образы, которые становятся основой внутренней формы слова.

В процессе исследования художественных текстов нами используется интерпретационная методика анализа, которая предполагает интерпретацию деривационных единиц (морфем, производных слов, мотивационных и словообразовательных структур, моделей, деривационных текстовых парадигм), так или иначе актуали-

зирующих эстетические функции, передающих различные авторские смыслы.

Деривационные смыслы участвуют в формировании когнитивного пространства художественного текста наряду с другими. В основе когнитивного пространства рассказов Л.Петрушевской лежит концепт ЧЕЛОВЕК, который является базовым. Он взаимодействует с такими концептами, как СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ, МАТЕРИНСТВО, ОДИНОЧЕСТВО и др. Деривационные смыслы актуализируют ценностные установки, лежащие в основе выделенных концептов и составляющие их ценностный уровень. В словообразовательных единицах автор тоже фиксирует когнитивный итог осмысления мира.

Рассмотрим механизмы формирования деривационных смыслов в рассказах Л. Петрушевской [Петрушевская, 1993]. Ограничимся отдельными текстовыми фрагментами.

Ср.: «...*Не знал тогда тесть, кого надо было **подкупать**, истопницу-пропитушку, она была бы рада за пол-литра и самой не делать грязное дело, за которое ей даже не доплачивали...*» («Новый район»).

Производное слово рассматривается нами как особый тип структурирования знаний, как пропозициональная структура.

Подкупать – 'склонить на свою сторону деньгами, подарками' [Ожегов, Шведова, 2006]. Концептуальная структура слова содержит модальную пропозицию 'нарушить моральные принципы, возможно, и правовые нормы'. Слово *пропитушка* содержит оценочный смысл: уничижительная оценка лица передается суффиксом «-ушк». Кроме того, передается модальная пропозиция посредством префикса «про-»: 'полностью утратить привлекательность в результате пьянства' [там же].

Модальные деривационные смыслы объективируются преимущественно префиксами и актуализируют те или иные модальные пропозиции.

Ср.: «...*И я забыла все на свете – даже забыла про Сашу, а помнила только одно, что они хотят его усыновить. И от этого он уже как будто был для меня **испоганенный**, как будто не я его родила, не я кормила...*» («Такая девочка»).

Выделенное слово выражает негативную оценку производящей основой («вызывающий омерзение»), за ним также стоит модальная пропозиция, детерминируемая префиксом «ис-»: 'до конца, полностью'.

Ср.: «...*А то энцефалитные ходили и к малышам, в самую веселую палату, где бегали, кружась, дети с потерянными движениями рук, а за ними **припрыгивали дети-инвалидики**, волоча ножку...*» («Смысл жизни»).

Слово *припрыгивали* актуализирует модальную пропозицию 'подпрыгивали слегка, чуть-чуть'. Слово *дети-инвалидики* передает оценочный смысл. Средством объективации этого смысла является неузвальное использование суффикс «-ик», маркирующего сему уменьшительности, актуализирует дискурсивную сему 'сострадание'.

Ср.: «...*Никто из детей пусть не спит, и все пусть смотрят на потасканного отца, который свеженький вылез из чьей-то постели с румянцем на щеках, который только что своим поганым ртищем, этой воронкой, целовал бог знает кого, а теперь лезет к чистым девочкам...*» («Отец и мать»).

Выделенные слова содержат оценочные деривационные смыслы, объективированные суффиксами и лексическим окружением.

Ср.: «...*Все идет как надо и если все так и в дальнейшем пойдет, то наша студенточка поправится и выйдет еще немного погулять...*» («Скрипка»).

Слово передает внутрисловный оценочный смысл: актуализируются вторичные семы нежности и сострадания.

Ср.: «...*И сам Коля стоял в страшном волнении за дверь и слушал, как мать кисло отвечает переводчику, стараясь оттеснить обоих подальше в коридор, куда не доходили тяжелые запахи Колиной берложки...*» («Козел Ваня»).

В слове *берложка* актуализируются семы 'одиночество', 'замкнутость' (корневым морфом) и сема 'небольшое пространство' (суффиксом «-к-»). Глагол *оттеснить* ('тесня, заставить уйти, отодвинуться') приобретает в тексте дополнительный смысл под влиянием контекста: мать не хочет, чтобы посторонние уловили неприятные запахи, ей стыдно показать сына-инвалида, и она вынуждена соблюдать этикет. Это модальные пресуппозиции, характеризующие героиню.

Ср.: «...*Но она уцепилась за мои ноги как собака... А я тогда подумала в том плане, что ты-то что лезешь, что у тебя за печаль, - и даже оскорбилась как-то за себя. У меня, можно сказать, жизнь обвалилась, меня бросил муж, бросил с ребенком и ребенка этого хочет отнять – а ты-то что?...*» («Такая девочка»).

Метафорический глагол реализует модальные пресуппозиции: жизнь рухнула, пошла крахом, героиня испытывает тяжелый психологический кризис.

Ср.: «...*И вдруг мать стала приплакивать не из-за того, что дочь ее в ответ на поношения по поводу плохой учебы и учительницы могла пинать ногой в самое больное место, в голень...*» («Дочь Ксении»).

За глаголом стоит модальная пропозиция: 'плакать иногда, немного'. Такая пропозиция формирует представление о психологическом состоянии героини.

Ср.: «...брюзжал и был недоволен своей ситуацией на службе, хотя иногда самоуверенно восклицал, что будет, как ты думаешь, **завлабом**. Как ты думаешь, буду я **завлабом**?...» («Темная судьба»).

Сложносокращенное слово *завлаб* вызывает неприятные ассоциации в силу неузуральности образования. Повторение производного усиливает негативный оттенок, за которым актуализируется авторская модальная пресуппозиция: 'подлинное в герое – это достичь положения, сделать карьеру, отношение же к героине является ложным, так как даже во время любовного свидания он думает и говорит лишь о будущей должности'.

Ср.: «...Бывают же такие женщины, думал, разметавшись на постели, одинокий муж, а за стенкой **приплакивали и вскрикивали** во сне его дети, мальчик и девочка, и **храпела** его жена – сердечница, все более старая и все более любящая...» («Я люблю тебя»).

Модальные пропозиции, стоящие за глаголами, создают модус слухового восприятия звуков, что в целом актуализирует жизнь близких персонажу людей. Он эту жизнь лишь подслушивает ночью, а живет какой-то иллюзорной жизнью, встречаясь с любовницей. Модальная пресуппозиция: 'детей что-то беспокоит во сне, жена страдает из-за болезни сердца'.

Ср.: «...Тем более смешно выставлять причиной грипп... Здесь можно даже говорить не о конкретной болезни, а о каком-то всеобщем предрасположении к болезни, к разным болезням, о всеобщей **ослабленности**...» («Грипп»).

Слово *ослабленность* в контексте становится синонимом слову «предрасположенность». Деривационный текстовый смысл: 'свойство ослабленных людей, выражающееся в предрасположенности к разным болезням'.

Ср.: «...а тетя Сима беспокоилась, чтобы он как следует слез оттуда, и одновременно говорила, что придется звать монтера и давать ему на бутылку. А то сарай **спалится**...» («Дядя Гриша»).

Глагол в языке не имеет возвратной формы, так как спалиться сам по себе сарай не может. Глагол «спалить» является переходным и имеет субъектную и объектную валентность. Постфикс «-ся» переводит глагол в другую грамматическую категорию (перекатегоризация). Возникает текстовый смысл: 'сарай спалит тот, кто засел на его крыше' (предположение-прогноз героини). Модальная пресуппозиция: 'тетя Сима не доверяет дяде Грише'. Неправильная форма актуализирует фатическую речь.

Ср.: «...С припуском плюс два-один день отец Веры узнавал, например, цепенея, что Вера уже **отстукала** на машинке кому-то письмо и с ликующим видом отнесла его в экспедицию...» («Приключения Веры»).

Глагол реализует модальную пропозицию: 'завершить что-либо', 'сбросить некий груз, обязанности'. Кроме того, глагол употребляет отец Веры, поэтому реализуется и модальная пресуппозиция: 'он не хочет, чтобы Вера писала это письмо, поэтому ему кажется, что она слишком быстро его написала (отстукала)'.

Ср.: «...Это он резко меняет тему, хочет рассказать о себе, раз его так нежат и балуют вниманием. Почувствовал **доверительность...**» («Слабые кости»).

Слово неправильной модели, синонимично словам «доверие» и «доверчивость». Возникает психологический контекст: ассоциация с выражением «доверительные отношения». Текстовый смысл, стоящий за производным словом, – 'желание выразить доверительные отношения'.

Ср.: «...Но все-таки он бросил Надю каким-то чудовищным способом, каким-то пошлым способом, который ему, очевидно, доставил наибольшее чувство **разбомбления** жизни...» (там же).

Концептуальная структура слова содержит модальные пропозиции: 'до конца', 'до самого основания, полностью', 'до мелких частиц, которые невозможно соединить', 'сразу, резко, одним махом'. Такие пропозиции актуализируют пресуппозицию 'представление о полном крахе жизни героя'.

Следует отметить, что окказиональные слова наиболее ярко представляют авторские деривационные смыслы, маркирующие мотивы, идеи и концепты текста.

Ср.: «...Это было большое открытие для Али-Бабы, узнать, что Виктор, во-первых, не женат, а во-вторых, живет без мамы. То есть у него есть давно **вымечтанная хата...**» («Али-Баба»).

В окказиональном слове *вымечтанная* актуализируется смысл 'осуществить мечту' (хата, о которой долго мечтали и, наконец, приобрели). Реализуется модальная пресуппозиция, характеризующая героиню: 'она давно мечтает о хате, Виктор – способ осуществления мечты (расчет)'.

Ср.: «...она как будто извинялась всем своим видом за это положение, извинялась за всю прошлую жизнь, что не могла создать своему божеству ничего и в конце **вляпалась** в эту историю с параличом и **втянула** его...» («Я люблю тебя»).

Концептуальная структура глагола *вляпаться* включает модальную пропозицию 'нечаянно, по оплошности', а также бытийную пропозицию 'попасть в неприятное положение'. Концептуальная

структура второго глагола содержит модальную пропозицию 'вопреки чьей-то воле, ненароком'. Между лексемами возникают причинно-следственные отношения. Формируется представление о сожалении и даже ненависти к себе героини из-за того, что она заболела, она чувствует вину перед своим мужем.

Ср.: «...*Стоя на кухне, она (жена) завалилась на глазах у всех вечером, завалилась, захрипела и хрипела трое суток, увезенная в больницу...*» («Я люблю тебя»).

Изоструктурная парадигма реализует общий смысл: 'одновременное начало действий'. Корреляционная парадигма «захрипеть – хрипеть» реализует отношения длительности. Формируется представление о чувствах мужа: 'ему неприятно, что так произошло, он словно осуждает жену за это'.

Ср.: «...*Она сделала выкройки на все размеры, наняла швею, сняла квартиру, у заказчиц спрашивала только размер...*» («Еврейка Верочка»).

Градационный ряд реализует представление о последовательных действиях героини, занявшейся зарабатыванием денег. Актуализируется когнитивная схема «не только..., но и...»: не только сделала выкройки на все размеры, но и наняла швею, и не только наняла швею, но и сняла квартир. Реализуется и идея выживания героини.

Ср.: «...*и единственное, что у нее осталось,- это любовь к побрякушкам, которые действительно качались на ней и брякали повсюду – в ушах, вокруг шеи, вокруг костлявых запястий...*» («Дама с собаками»).

Корреляционная парадигма становится средством актуализации слухового модуса. Экземплифицируется звяканье.

Ср.: «...*Поставили чайник, откупорили вино, нарезали торт, съели часть, выпили вино...*» («Темная судьба»).

Первые три глагола находятся в синонимических деривационных отношениях (префиксы актуализируют активность подготовки к еде). Парадигма «съесть – выпить» актуализирует общую синонимическую сему завершения (уничтожение еды и питья). Детализация действий маркирует представление о быте. При этом реализуется идея бездуховности героев.

Ср.: «...*Наконец грянул гром, и тот муж блондинки, наш муж, как его звала между собой незаконная парочка, совсем разошелся, разбушевался, погнался за блондинкой с топором...*» («Я люблю тебя»).

Градационная парадигма реализует усиление признака (эвокация): не просто разошелся, а разбушевался, и не просто разбушевал-

ся, а погнался с топором. Актуализируется психологическое состояние (фрустрации) мужа, ставшее причиной агрессивного поведения.

Ср.: «...*Даже не подумав..., что он **проиграл, прошляпил,** ничего ему тут больше не выгорит...*» («Темная судьба»).

Проиграть – 'потерпеть неудачу в игре, лишиться чего-нибудь'; *прошляпнуть* – 'сделать оплошность, пропустить, прозевать' [Ожегов, Шведова, 2006]. Глаголы составляют не просто градационный ряд. За глаголом *прошляпнуть* стоит модальная пропозиция 'из-за собственной небрежности'. Концептуализируется эмоция сожаления.

Ср.: «...*Через витрину стали **впрыгивать и выпрыгивать** люди, кто-то подрался с женщиной, отобрал у нее чемодан с хлебом...*» («Гигиена»).

Корреляционная парадигма с антонимическими отношениями реализует представление о возникшем хаосе.

Таким образом, в художественном тексте реализуются языковые и когнитивные механизмы актуализации деривационных смыслов. Одним из ведущих приемов актуализации деривационных смыслов является нарушение сочетаемости лексем в тексте.

Ср.: «...*но Раиса лезла и лезла коленкой в открытое окно, хотя кидаться с нашего третьего этажа **в глубокий** снег без петли на шее – это смешно...*» («Такая девочка»).

Нарушение сочетаемости «кидаться в глубокий снег без петли на шее» актуализирует текстовой деривационный смысл корневой морфемы слова «глубокий». Это уже не просто пространственный параметр как концептуальный признак снега – его глубина. Этот заданный смысл вызывает в сознании новые признаки снега: 'его много, он мягкий, безопасный (падение в него с небольшой высоты не может причинить вреда)'. Возникает идея бессмысленности действия, что актуализирует мотив абсурдности.

Актуализатором текстового деривационного смысла может стать префикс с приращенным значением.

Ср.: «...*он начинал оставаться вечерами дома, **приглядывался** ко мне, как я летаю из кухни в комнату, помогал мне с Сашей – даже брал его из детского сада и укладывал спать...*» («Такая девочка»).

Глагол «приглядываться» актуализирует ситуацию, состоящую из следующих пропозиций: 1) субъект 1 смотрит на субъект 2, наблюдает за ним (событийная пропозиция), 2) субъект 1 внимательно смотрит на субъект 2 (обстоятельная пропозиция), 3) субъект 1 хочет изучить субъект 2 (модальная пропозиция), 4) субъект 1 хочет привыкнуть к субъекту 2 (вторая модальная пропозиция). В целом эта ситуация актуализирует текстовую денотативную ситуацию «узнавания одного персонажа другим». Именно префикс

«при-» актуализирует модальные пропозиции, маркирующие денотативную ситуацию в тексте. Это внутрисловный деривационный смысл. Между предикатами в высказывании возникают причинно-следственные отношения: начинал оставаться (следствие) – чтобы приглядеться (причина) – помогал с Сашей (следствие «узнавания»).

Актуализатором могут быть синтагматические связи в тексте (например, изоструктурный ряд производных).

Ср.: «...у меня есть знакомый, у него сын **повесился**, двенадцати лет. **Позвонил** ребятам: приходите, я вешаюсь, - а они не пришли. Он и повис...» («Медея»).

В высказывании используются глаголы совершенного и несовершенного вида. Между действиями глаголов *повесился*, *позвонил* актуализируются отношения последовательности: сначала позвонил, а затем повесился. Ситуация абсурдная, так как наш жизненный опыт подсказывает, что суицид совершают без обнародования намерений. Однако имплицитно актуализируется авторский модальный смысл: 'равнодушие ребят и есть причина суицида'. Подсознательно повесившемуся хотелось привлечь внимание, он надеялся, что его остановят ребята. Синтагматические связи одноструктурных слов (вернее, их нарушение) актуализируют текстовой деривационный смысл.

Ср.: «...когда ее привезли домой, она уже была маленькой **старушкой**, шевелила только правой рукой немного, говорила что-то невнятное, и **часто-частенько** ее глаза источали слезы» («Я люблю тебя»).

Слово *старушка* может выражать различные модификационные смыслы, в том числе и пренебрежительный. Но сочетание со словом «маленькая» актуализирует именно авторскую эмоцию – сочувствие, сострадание. Это подчеркивается и повтором «часто-частенько». Избрана разговорная форма, которая сочетается со словом высокого стиля («источали»), что в целом усиливает авторскую эмоцию.

Ср.: «...по всем сведениям, зэк должен был показаться не скоро, но **засаду засадили** на тропе заранее, за три дня, мало ли каким транспортом мог воспользоваться беглец...» («Материнский привет»).

В сочетании *засады засады* актуализируется внутренняя форма слов, связанная с ситуацией: 1) кого-то заставили сидеть на тропе (событийная пропозиция), 2) заставили сидеть безвыходно, скрыто (модальная пропозиция), 3) заставили сидеть с целью поимки беглеца (вторая модальная пропозиция). Словообразовательный (корреляционный) повтор экземплифицирует денотативную ситуацию «поимки» беглеца.

Повторение лексемы *картинка* в рассказе «Я тебя люблю» актуализирует эстетически значимую оппозицию *семейные фотографии* – *журнальная картинка*. В мотивационной структуре слова возникает эстетический компонент – суффикс актуализирует символический текстовый смысл иллюзорности, ненастоящего. Актуализатором деривационных смыслов становится не только повтор лексемы, но и модификационный суффикс.

Ср.: «...*Ее все жалели, конечно, но жалели опять-таки не той приличной, пристойной, но не глубокой, не вдающейся в смысл вещей жалостью, - ее жалели по-настоящему... Никакая любовь не мешает этому жалению, это чистая жалость, от которой перехватывает дух. Она на меня и с самого начала нашего знакомства произвела какое-то жальщее впечатление, как новорожденное животное, не маленькое, а именно новорожденное, которое не умиляет своей хорошенькостью, а прямо жалит в самое сердце...*» («Такая девочка»).

Корреляционный повтор с корнем «-жаль-» актуализирует сему сочувствия, сострадания к героине со стороны окружающих. В контексте используется прием паронимической аттракции – сближение по созвучию лексем «жалость» и «жалить». Поэтому словоформа «жальщее» (впечатление) реализует два смысла: 'которое вызывает жалость' и 'которое жалит, вызывает боль'. Таким образом, лексема «жалить» мотивируется в тексте двумя производящими – «жаль» и «жало». Эстетический смысл лексемы «жалить» – 'вызывать сострадание (жалость) до боли в сердце'.

Ср.: «...*Веру ...можно считать как бы не жившей в этом мире, как бы монастыркой или выпущенной из девичьей колонии со всеми вытекающими отсюда последствиями...*» («Приключения Веры»).

В данном примере просторечное слово *монастырка* заменяет узуальное «монахиня, монашка». Корневая морфема маркирована культурной коннотацией и вызывает ассоциации: *монах, монашка, отшельничество, изолированность, аскетизм* и др. На базе этих смыслов концептуализируются вторичные, текстовые: *замкнутость, одиночество, незнание жизни, незащитность, неумение хитрить* и т.п. Так автор концептуализирует и собственное отношение к героине. Именно словообразовательные смыслы создают многослойность эстетической информации, заставляя читателя рефлексировать.

Характерным для творчества Л. Петрушевской является и прием метафоризации (когнитивный механизм – модель отождествления объектов, признаков, ситуаций и т.п.).

Разновидностью метафоры является прием опредмечивания человека (свойства неодушевленных предметов переносятся на человека).

Ср.: «...он этого не понял, **ссыпался** вниз на лифте вместе со своей мелочью, трешками и носовым платком...» («Темная судьба»).

Глагол употребляется в ситуации, связанной не с сыпучим веществом, а с человеком. Меняются и характеристики глагола: тематический класс (обозначает психологическое состояние), таксономический класс (инактивная субстанция меняется на активный субъект). Между моделями концептуализации мира возникает смысловая общность – «отсутствие целостности». Перенос происходит не в системе языка, а в сознании автора, который отождествляет две разные объективные ситуации и фиксирует этот перенос в новом смысле производного глагола.

Лексема *ссыпался* актуализирует представление о мелком, ничтожном человеке, не способном на чувства. Ссыпать можно только что-нибудь, состоящее из мелких частиц, не сцепленных между собой, рыхлых. Употребление глагола по отношению к человеку актуализирует новый мотивационный признак в его (глагола) мотивационной структуре. Это прием парадоксальности (видение человека в необычном ракурсе). Представляется, что герой состоит из мелких частиц, в нем нет целостности: концептуализируются вторичные признаки 'бездуховный' и 'мелочный'. Он к тому же рыхлый, как сыпучие вещества, то есть 'беспринципный, бесхребетный'. Именно эти вторичные признаки и становятся в тексте эстетически значимыми. Поддерживают эти признаки лексемы «мелочь», «трешки», «носовой платок», составляющие однородный текстовый ряд. Синтагматическая связь с этим рядом актуализирует представление о персонаже как части этой разной мелочи: он такой же никчемный, неважный, незначительный, как и мелкие монеты, трешки и носовой платок (прием зевгмы).

Ср.: «...почему я думала на Раису, когда реальная опасность - вот она, **вспухла** у меня под боком...» («Такая девочка»).

Пухнуть – «становиться округлым, болезненно вздутым» [Ожегов, Шведова, 2006]. Вспухнуть может десна, щека, рука и т.д. При этом опухший орган увеличивается в размерах. Как подсказывает опыт, опухоль часто появляется мгновенно в результате ушиба, воспаления и проч. В тексте глагол актуализирует другую денотативную ситуацию: быстрое и неожиданное возникновение опасности. Именно восприятие этой опасности персонажем маркируется глаголом **вспухнуть**, концептуальная структура которого включает следующие пропозиции: 1) возникла опасность (событийная пропози-

ция), 2) опасность возникла незаметно (модальная пропозиция 1), 3) возникла неожиданно и быстро (модальная пропозиция 2), 4) возникла как некое досаждающее, неприятное явление (оценочная пропозиция), 5) возникла, как некая опухоль (образная оценочная пропозиция). Именно модальные и оценочные пропозиции становятся эстетически значимыми мотивационными признаками. Они формируют представление о психологическом состоянии персонажа.

Ср.: «...но *наутро я уже **просохла** от слез...*» («Такая девочка»).

Глагол *просохнуть* означает «стать сухим, потеряв влагу» [Ожегов, Шведова, 2006]. Префикс актуализирует сему 'окончательно, совсем'. Само сочетание «просохнуть от слез» вызывает связь с устойчивым выражением «мокрый от слез». Обычно это выражение относится к глазам или лицу в целом. В данном контексте используется метонимический перенос. Деривационный смысл глагола базируется на устойчивом выражении, которое и является мотивационным признаком, а также на значении префикса.

Часто автор использует прием эвокации – непосредственного изображения действительности на основе ассоциаций с целью актуализации наиболее значимых сем.

Ср.: «...*ученый был уже **разоблачен, свергнут, забыт** и упоминался только в юмористическом и разоблачительном плане...*» («По дороге бога Эроса»).

В градационном ряду «разоблачен, свергнут, забыт» используются непроизводные лексемы. Лексема *разоблачить* означает в контексте «раскрыть, обнаружить чьи-либо тайные замыслы, враждебные тайны». Актуализируется сема разрушения (объективируется префиксом «раз-»). Глагол *свергнуть* означает в тексте 'уничтожить, лишить власти'. Префикс «с-» актуализирует сему 'вниз'. Глагол *забыть* означает 'исчезнуть из памяти' (нечленимый). Эвоцируется схема выражения модального компонента «не только..., но и...». Автор словно усиливает смыслы: его не только разоблачили (разрушили его психическое равновесие), но и лишили власти, уничтожили, будто сбросили вниз, и не только сбросили вниз, но и вообще перестали о нем помнить.

Ср.: «...*превратилась в какого-то полководца, знающего силу **отступления, ухода в тень, силу молчания***» (там же).

Градационный ряд «отступление, уход, молчание» представляет собой отглагольные производные, актуализирующие последовательные действия, выражающие стратегию персонажа. Здесь также эвоцируется модальность автора: не только знает силу отступления, но и ухода в тень (может стать незаметным, никак не проявлять себя), и не только не проявлять себя, но и вообще молчать.

Ср.: «...у Петрова моего это по три-четыре раза в год бывает, такая любовь **вечная, бесконечная**. Это я теперь уже знаю...» («Такая девочка»).

Здесь автором использованы два близких по смыслу прилагательных: *вечная* по отношению ко времени и *бесконечная* по отношению к пространству (паронимическая аттракция). Несоответствие лексем *три-четыре раза в год* и *вечная, бесконечная* выводят на смысл иллюзорности, притворства чувств. Синтагматические связи актуализируют переосмысление производного *бесконечная* – в тексте такая любовь быстро заканчивается. Префикс «бес-» нейтрализует свое значение. Эстетически значимым становится мотивационный признак конечности любви. Так автор реализует собственную иронию.

Ср.: «...она **уговорила, умолила** свою мать уехать на ночь...» («Темная судьба»).

Эвокативная изобразительность проявляется в градации – повторении одноструктурных лексем *уговорила, умолила*, что усиливает смысл высказывания 'с большим трудом'. В концептуальную структуру лексемы *уговорить* входят следующие пропозиции: 1) субъект 1 убеждает в чем-то субъект 2 (событийная пропозиция), 2) субъект 1 хочет склонить к чему-либо субъект 2 (модальная пропозиция). За лексемой *умолить* стоят следующие пропозиции: 1) субъект 1 просит о чем-то субъект 2 (событийная пропозиция), 2) субъект 1 хочет склонить к чему-то субъект 2 (модальная пропозиция), 3) субъект 1 страстно просит субъект 2 (оценочная пропозиция). Именно оценочная пропозиция формирует эстетически значимый деривационный смысл в тексте. Пресуппозиция: 'убедить мать уехать на ночь было очень трудно'.

Для актуализации деривационных смыслов автор использует и языковую игру. При этом реализуется ассоциативный потенциал языкового знака и такое его свойство, как асимметрия.

Ср.: «...все кровати пустовали – у новой **пришелицы** с температурой еще никто не родился...» («Бедное сердце Пани»).

В данном случае *пришелица* – пациентка, новая соседка по палате, недавно пришедшая (поступившая) в больницу. Актуализируется буквальный смысл, а не общеизвестный – «та, которая пришла из космоса». В результате появляется эстетически значимый мотивационный компонент 'чужой'.

Ср.: «...что происходило с ним и с **побеждаемыми** им людьми – женщинами, старухами, стариками,...почему они все столь охотно шли на то, чтобы их **победили**, почему не сопротивлялись и отдавались каждый раз с видимым чувством полной сдачи, **поражения**...» («Смотровая площадка»).

Однокоренные слова *побеждаемые* и *победить* составляют с близким по смыслу словом *поражение* единый ассоциативно-смысловой ряд, актуализирующий мотив борьбы, которого на самом деле в описываемой ситуации нет. Думается, что автор с помощью данного ряда актуализирует дух эпохи: именно в этот советский период широко были распространены слова военной тематики (сражаться за урожай, битва в кулуарах власти, борьба с внешними врагами, эшелоны власти и т.д.).

Ср.: «...и женственности особой нет, какая там женственность, когда **коротковатая и полноватая, простоволосая почти, не грубятина**, а стоит себе, ничем не выделяясь, в толпе, продвигается среди остальных женщин, таких же, как она...» («Дочь Ксени»).

В словах *коротковатая* и *полноватая* актуализируется повторяющийся мотивационный признак 'небольшое отклонение от нормы'. Слово *грубятина* имеет узуальный смысл 'отрицательная оценка, нечто грубое' [Ожегов, Шведова, 2006]. В контексте оценочное понятие относится к женщине, происходит контекстное переосмысление, и слово обозначает оценочный признак героини, противоположный женственности как эталонному признаку женщины.

Ср.: «...жена **по-бабьи** восприняла слова о том, что у Эрика там другая семья, в скобках новая жена, и звонила с этим сообщением, нашла куда, Алле Георгиевне, начальнице Эрика по работе, как раз попала пальцем в небо, поскольку Эрик если и хотел какую новую семью, то только Аллу Георгиевну...» («Сирота»).

Наречие *по-бабьи* актуализирует различные пресуппозиции, связанные с концептом БАБА: 'живет не умом, а сердцем (чувствами)', 'импульсивна', 'держится за мужика', 'жалуется на мужика' и т.д. Формируется известная бытовая ситуация любовного треугольника.

Ср.: «...Он-то по реальному положению вещей был тварью дрожащей, мелким **студентиком** в те времена, когда картинно читал стихи с шампанским или своим высоким голосом толковал о десяти тысячах за сценарий, не обращая внимание на скопление народа вокруг...» («Смерть поэта»).

Лексема *студентик* актуализирует пренебрежительное отношение автора к персонажу, что усиливается синтагматическими связями с сочетаниями «тварь дрожащая» (реминисценция), «читал стихи с шампанским», «не обращал внимания...», «высоким голосом... о десяти тысячах за сценарий», «мелкий» (ассоциация с «Мелким бесом» Ф. Сологуба). Формируется образ человека бездуховного, для которого материальные ценности дороже духовных. Реализуется авторская идея приоритетности духовного.

Таким образом, деривационные смыслы в произведениях Л. Петрушевской актуализируют внеязыковые знания, которые можно представить в виде пресуппозиций (персонажных, авторских, читательских), пропозиций (модальных, событийных, логических, оценочных), ситуаций (денотативных, затекстовых и текстовых). Такие смыслы выполняют понятийную функцию. Как показывает анализ, для концептуализации той или иной ситуации, события, объекта мира, состояния автор выбирает конкретное словообразовательное средство, за которым в языке закреплено значение. Поэтому не случайно Л. Петрушевская предпочитает глаголам общебытийного состояния, глаголы, обозначающие чувственно-воспринимаемые и наблюдаемые.

Особое место занимают деривационные смыслы, формирующие определенные образы и выполняющие образную функцию. Такие смыслы актуализируются приемами метафоризации, окказионализации, метонимизации, зевгмой, экземплификацией, эвокацией. Среди деривационных смыслов выделяются семиотические. Они формируются ключевыми образами, актуализированными в производных. Например, слово «баба» и его производные символизируют деградацию женщины в условиях советского государства. «Рожка» становится символом маски, «монастырь» – символ изолированности, одиночества. Слово «ядовитый» символизирует ложность межличностных отношений, как и лексема «бессильные» (слезы) и т.п.

Единицы словообразовательной системы в процессе функционирования в художественном тексте, подчиняясь эстетическим задачам, формируют новые текстовые смыслы и создают собственный мир выразительности. Представляется, что словообразовательные средства являются организующим центром актуализации когнитивного и прагматического аспектов художественного повествования. Сами же способы выражения деривационных смыслов порождаются конкретной средой художественного текста. Деривационные смыслы направлены на создание авторской модальности, оценки, психологического состояния персонажа, символизации эмоции и др., формируя тем самым когнитивное текстовое пространство, в рамках которого реализуются мотивы, идеи, оценки, образы, концепты, ценностные установки автора. Следовательно, наряду с другими языковыми средствами автор использует и деривационные для концептуализации действительности и создания индивидуальной картины мира. Именно словообразовательные средства воплощают концептуальные доминанты абсурдности, противоречивости и несовершенности мира в произведениях Л. Петрушевской.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 945 с.
2. Петрушевская Л. По дороге Бога Эроса. М.: Олимп, ППП, 1993. 284 с.
3. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
4. Сидорова Т.А. Мотивированность слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты): монография. Архангельск: Поморский университет, 2007. 368 с.
5. Сидорова Т.А. Когнитивный аспект традиционных проблем словообразования и морфемики: монография. Архангельск: СОЛТИ, 2012. 480 с.

4.2. Ценностные приоритеты в аллюзивных афоризмах

Карасик В.И., Волгоград

Афоризмы – краткие авторские изречения с глубоким смыслом – постоянно привлекают к себе внимание исследователей [Манякина, 1981; Федоренко, Сокольская, 1990; Дмитриева, 1997; Мартемьянов, 1999; Землянская, 2004; Кулишкина, 2004; Сазбандян, 2008; Дядык, 2011; Полчанинова, 2012; Карлик, 2013]. Во-первых, в этих речениях содержится концентрированный опыт столкновения с жизненными проблемами, во-вторых, такие высказывания лишены прямолинейной назидательности, как правило, присущей пословицам, в-третьих, они обычно бывают оригинальными и интересными. Достаточно хорошо изучена структура этих текстов, показана их роль в аргументации, освещены их разновидности и сходные с ними коммуникативные образования. Вместе с тем в ряду афоризмов выделяются особые тексты вторичной природы, включающие прямую или косвенную отсылку на некий предшествующий текст. Как правило, такие аллюзивные афоризмы представляют собой переосмысление такого текста в юмористическом или серьезном ключе. Выявление типов такого переосмысления позволяет установить актуальные для коммуникантов ценности, образующие фундамент их мироощущения.

Для определения разновидностей аллюзивных афоризмов охарактеризуем содержательные типы афористики в целом. По своей основной функции мудрые изречения сводятся к определениям и предписаниям. Таковы высказывания Пифагора: *Что самое труд-*

ное? – *Познать самого себя. Что самое легкое? – Жить по привычке.* Эти изречения следовало воспринимать как аксиомы бытия, т. е. без доказательств. В античной древности пифагорейцы установили различие между акустическим и математическим обучением в исходном смысле этих слов, в первом случае предполагалось символическое осмысление высказываний, предназначенных для слушания и размышления, во втором случае – постижение универсального порядка в гармонии чисел, планет и музыкальных звуков. В базовых акустах – основах мировоззрения – сформулированы важнейшие ориентиры поведения, которые можно было разъяснять на примерах, показывая, что самопознание и познание мира составляет суть смысла жизни, а бездумная жизнь по привычке, какой бы приятной она ни была, унижает достоинство человека.

Афористические рассуждения могут иметь несколько степеней глубины, т. е. могут быть простыми и сложными для понимания. К числу простых, но весьма глубоких речений относятся следующие: *Чем больше человек любит самого себя, тем больше он зависит от чужого мнения* (Марк Аврелий); *Свободен лишь тот, кто живет по руководству разума* (Б. Спиноза); *Смысл молитвы — в готовности получить отказ* (Дж. Сантаяна); *Выигравший никогда не скажет: «Это всего лишь игра»* (Г. Коупленд). Любовь к себе предполагает созвучное этой любви восхищение со стороны окружающих, и поэтому эгоист оказывается от них зависим; разум освобождает от страстей и поэтому делает человека истинно свободным; молитва основана на надежде, что просьба будет исполнена, а надежда не тождественна уверенности; выигравший, в отличие от проигравшего, считает, что удачный результат – это плод его умений и усилий, а не стечение обстоятельств. Приведенные интерпретации не требуют дальнейшей расшифровки, хотя в них можно увидеть спорные установки (допустимы возражения: можно любить себя, не обращая внимания на окружающих; освобождение от страстей – это душевная смерть; допуская отказ при обращении к Всевышнему, мы сомневаемся в Его исходной милости; удача – это любовь богов, а не результат личных усилий).

Более сложные для понимания речения требуют нескольких интерпретативных ходов: *Достигнув цели, замечаешь, что ты — средство* (Г. Малкин); *Ни одно доброе дело не остается безнаказанным* (Т. Брукс); *Страх перед смертью есть результат неосуществившейся жизни* (Ф. Кафка). В рассуждении о соотношении цели и средств мы принимаем во внимание, что средство – это способ достижения цели, что достижение цели требует усилий и часто жертв, и поэтому абсолютизация цели оправдывает применение недостойных средств. Обычно девиз иезуитов «*Цель оправдывает средства*»

приводят как аргумент для осуждения недостойных средств. В приведенном афоризме акцент сделан не столько на осуждении сделки с совестью, сколько на понимании того, что ценности, к которым мы стремимся, часто бывают сомнительными и не стоящими тех жертв, которые мы приносим для их достижения. Возникают ассоциации с темой кукловода и кукол. Грустное высказывание о напрасности доброго дела резко контрастирует с повторяющимся во многих половицах и афоризмах тезисом о важности и благотворности добра. Ошибается тот, кто за каждое свое доброе дело ждет вознаграждения. Такое вознаграждение – в самом творении добра. Возможным результатом такого поступка является неблагодарность. Известно, что люди злы и худших всегда большинство, но считать доброе дело преступлением значит отрицать мораль как таковую. Допустимой трактовкой приведенного речения является, по-видимому, его ироническая (и немного циничная) интерпретация: *Не делай людям добра, и ты не получишь зла.*

Сложные для понимания речения требуют изменения ценностных координат в картине мира. Это касается и тезиса о страхе перед смертью. Жизнь есть благо, и смерть неизбежна, страх перед смертью присущ всем. Не боится умереть тот, кто не ценит жизнь по глупости, или она причиняет невероятные страдания, или есть высокая цель, оправдывающая сознательный уход из жизни. Ф. Кафка противоречит Экклезиасту, призывающему ценить жизнь, «...ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?». Возможно, в цитируемом афоризме речь идет об особом страхе – умереть, так и не проявив себя. Такая позиция отражает ощущение горечи от несбывшегося. Приведенные мною интерпретации, разумеется, могут быть дополнены и оспорены. Но важно подчеркнуть, что афоризмы могут быть противопоставлены по признаку однозначности / неоднозначности толкования как простые и сложные. Из этого не вытекает, что банальности относятся к простым афоризмам, а бредовые либо бессмысленные фразы – к сложным.

Все афоризмы делятся на серьезные и шуточные, но следует заметить, что в наши дни количество вторых резко возросло по сравнению с количеством первых. Сравним: *Льстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет* (М. Ломоносов) и *Если не знаете, как польстить человеку, скажите ему, что он не из тех, кого можно обмануть лестью* (NN). В первом речении прямо осуждается льстец, во втором приведен пример того, как можно успешно польстить кому-либо, и это производит комический эффект. В итоге мы приходим к выводу о том, что всегда можно найти способ манипуляции человеком.

Как правило, пословицы характеризуются запоминающейся образностью, в то время как афоризмам она не свойственна, сравним: *Осла фиалками не накормишь* (арм.) и *Привычка – вторая натура* (Аристотель). Вместе с тем встречаются и образные афористические речения: *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку* (Гераклит); *Школа — это место, где шлифуют бульжники и губят алмазы* (Р. Ингерсолл); *У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия* (И. Бабель). Древнегреческий философ говорит об уникальности момента, наш современник критически оценивает основное назначение школы – социализацию, состоящую в том, чтобы сделать всех одинаковыми, в высказывании И. Бабеля акцентируется мужество мудреца, который смеется, сталкиваясь с абсурдом. Некоторые образы в афоризмах приобретают символическую значимость: *Каждая сожженная книга освещает мир* (Р. Эмерсон). Обычно костры из книг возникают в самые темные эпохи, когда власть принадлежит мракобесам. Горящие книги символизируют гибель культуры и призывают к пробуждению совести у человечества. Горящая книга в этом контексте сравнивается со свечой, о которой хорошо сказано в пословице: *Вся тьма вселенной не может погасить одну маленькую свечку*. Сожженная книга – это вечный упрек тем, кто эту книгу не спас, это голос совести.

К редким разновидностям афоризмов относятся текстовые инсценировки, выражающие важные аксиогенные ситуации: *Однажды Зенон порол раба за кражу. «Мне суждено было украсть!» — сказал ему раб. «И суждено было быть битым», — ответил Зенон* (Диоген Лаэртский). *«Слава — дым!» — сказал Герострат* (В. Колечицкий). Раб пытается оправдаться и снять с себя вину за преступление, сославшись на предопределенность судьбы, однако его хитрость разгадана. Вывод: не следует переоценивать свою хитрость. В речении о Герострате, который поджег один из прекрасных храмов, чтобы прославиться, юмористически обыгрывается частотное сравнение славы с дымом, метафорически обозначающим нечто эфемерное и исчезающее, но в данном контексте имеет место ремотивация метафоры (дым как индикатор огня).

Аллюзивные афоризмы можно разбить на несколько классов по следующим признакам: тип аллюзии, оценочный вектор и степень парадоксальности. По типу аллюзии выделяются прямые и опосредованные отсылки к исходным речениям в афоризмах, по оценочному вектору – уточняющие и опровергающие трансформации в анализируемых речениях, по степени парадоксальности – парадоксальные и непарадоксальные высказывания, содержащие аллюзии.

Прямые отсылки к исходному тексту характерны для высказываний, в которых переосмысливаются авторитетные прецедентные тексты.

Это касается Библии: *Первое правило бизнеса — поступай с другим так, как он хотел бы поступить с тобой* (Ч. Диккенс); *Недостаточно пролезть в игольное ушко, после этого надо еще доказать, что ты не верблюд* (Г. Аронов); *Имеющий уши да заткнет их!* (В. Шендерович); *И познаете истину, и истина сведет вас с ума* (О. Хаксли). Речение Ч. Диккенса соотносится с известной фразой, которую называют золотым правилом этики: *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Евангелие от Луки); *Чего не желаешь себе, не делай и ближнему своему* (Гиллель).

В отличие от библейского предписания Ч. Диккенс вкладывает радикально иной смысл в совет паритетно реагировать на действие партнера: в Библии подчеркивается идеал поведения (мы хотим, что к нам относились хорошо), а в бизнесе ведут себя иначе в соответствии с законами конкурентной борьбы за существование. Аллюзивный афоризм фактически перечеркивает исходную норму поведения. Фраза, в которой фигурирует образ игольного ушка, соотносится с евангельским речением *«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное»* (Евангелие от Матфея). Суть этой исходной фразы – наглядная демонстрация невозможности действия. И исходный образ сводится либо к переводческой ошибке (в арамейском слово «верблюд» метонимически означало и канат из верблюжьей шерсти), либо к обозначению узенького проема в городской стене, куда мог втиснуться лишь худощавый человек, а не корабль пустыни. В современном шутливом афоризме обыгрывается также русское разговорное речение *«Докажи, что ты не верблюд»*, означающее попытку объяснить очевидное тем, кто все прекрасно понимает, но делает вид, что не может понять. Обычно это относится к вышестоящим либо контролирующим инстанциям.

Исходная евангельская фраза *«Имеющий уши да услышит»* (Евангелие от Матфея) проинтерпретирована саркастически в речении современного афориста. Смысл его сентенции состоит в том, что невозможно спокойно воспринимать определенную информацию, от нее нужно спасаться, затыкая уши. Евангельский текст об истине гласит: *И познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Евангелие от Иоанна). В противовес этому жизнеутверждающему пророчеству английский сатирик рисует весьма мрачные перспективы: истина сведет вас с ума, т. е. спасение в неведении. Все приведенные тексты современных аллюзивных афоризмов, отталкиваю-

щихся от библейских речений, опровергают эти речения иронически, саркастически или юмористически.

Аналогичным образом переосмысливаются изречения великих людей: *Дайте мне точку опоры — и вы у меня повертитесь!* (И. Иванюк). Мы видим здесь аллюзию к высказыванию Архимеда: *Дайте мне точку опоры — и я переверну Землю!* (Архимед). Пафос изречения великого ученого состоял в обосновании законов природы, в современном афоризме акцентируется угроза: многие пытаются вскарабкаться вверх по карьерной лестнице для того, чтобы заставить всех демонстрировать свое подчинение и унижение. Иронически интерпретируется исходное высказывание и в следующем тексте: *Краткость — сестра таланта, но мачеха гонорара* (А. Свободин). Исходная фраза А.П. Чехова, составляющая первую часть сентенции, требует от авторов умения кратко и точно излагать свои мысли. Современный афорист делает добавление, резко меняющее оценочный знак трансформированной фразы: за небольшой по объему текст автор получит и небольшой гонорар. Контраст состоит в противопоставлении матери и мачехи, первая всегда любит детей, вторая относится к приемным детям обычно значительно хуже, чем к своим.

К этому же типу переосмыслений относятся фразы из песен, сентенций или лозунгов: *Поделись улыбкою своей, и ее тебе не раз еще припомнят...* (М. Жванецкий). Исходный текст из песенки для детей из известного мультфильма *Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется* учит юных зрителей по-доброму относиться к людям, радовать их. В трансформированном высказывании говорится об обратном: люди не ответят добром на добро. Впрочем, возможно, дело — в улыбке, если это издевательская или ироническая улыбка, то и реакция окружающих будет соответствующей. Интересен пример с аллюзией к римской сентенции: *О власти или хорошо, или правду* (Г. Малкин). Исходный текст: *De mortuis aut bene, aut nihil* — *О мертвых или хорошо, или ничего*. О мертвых не следует говорить плохо по моральным соображениям, поскольку они не могут ничем ответить. О власти не рекомендуется говорить плохо, поскольку это может быть опасным для говорящего. Моральное предписание превращается в утилитарное. Такое заземление имеет юмористическую основу. Прямая параллель с известным речением прослеживается в следующем афоризме: *Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно* (Г. Химмельфарб). Имеется в виду сентенция: *Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно* (Дж. Актон). Тезис о власти как искушении, которое увеличивает в человеке все худшее, направлен на ограничение власти и закрепление демократических процедур ее

регулярной сменяемости. Трансформация этой сентенции имеет целью доказать тезис о необходимости дозированной свободы для населения. Это очень импонирует тем, кто любит говорить о вседозволенности.

Весьма распространены в современной афористике опосредованные отсылки к нормам поведения в виде аллюзий к некоторым действиям, персонажам и понятиям.

Заслуживают внимания определенные нормы поведения, например, нельзя бить лежачего, нельзя поднимать руку на женщину, нельзя предаваться унынию, не следует обижаться на правду, нельзя обижать слабых. Эти нормы карнавально переворачиваются в аллюзивных афоризмах: *Я никогда не ударю лежачего, разве что он попытается встать* (В. Брудзинский); *Джентльмен никогда не ударит женщину, не сняв шляпу* (Ф. Аллен); *Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи* (Г. Малкин); *Не стоит обижаться на правду. Лучше ответить тем же* (Д. Рудый); *Не обижай слабого, если он сильнее тебя* (М. Генин). Лежачий, который пытается встать, остается удобной мишенью для битья, и говорящий открыто признается, что следует упреждать угрозу получения сдачи от поверженного противника. То, что при этом нарушается норма рыцарского поведения, в расчет не принимается. Абсурдный характер приобретает трансформация запрета поднимать руку на женщину, тем более что речь идет о джентльмене, т.е. представителе мужчин, которые выступают образцом поведения. Джентльмены в Викторианской Англии и позже приветствовали друг друга и знакомых дам, приподнимая шляпу. Этот этикетный жест в сочетании с нарушением элементарных норм поведения превращает текст в смешной абсурд. Уныние, согласно религиозным предписаниям, относится к числу смертных грехов, поскольку предполагает отсутствие веры в Бога и надежды на спасение. Но в контексте приведенной фразы выстраивается иное прочтение отношения к грехам в целом: перед нами шутовское пожелание получать от жизни все удовольствия, даже если они считаются запретными. Речь идет о плотских грехах – сладострастии, пьянстве и обжорстве. Известная прескрипция об отношении к правде, на которую не обижаются, сколь бы неприятной она ни была, выражена во многих пословицах, например, *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*. В цитируемом афоризме акцентируется другой выводимый смысл: если тебе сказали обидную правду, ответь тем же. Речь идет не о правде, а о достойном ответе. Аналогичным образом трансформируется и ценностная установка в отношении слабых. Их следует защищать, но в приведенном афоризме имеет место парадоксальное сочетание смыслов: слабый, который сильнее тебя. Значит, этот человек только выглядит слабым,

либо имеет сильных сторонников и покровителей, и поэтому общий вывод состоит в совете тщательнее присматриваться к противнику, который может быть сильнее, чем кажется.

Опосредованные отсылки к действиям, имеющим символическую ценность, по-новому осмыслены в трансформированных речениях: *Никому не поставит нас на колени! Мы лежали и будем лежать!* (М. Жванецкий); *Англичане обладают волшебным даром превращать вино в воду* (О. Уайльд); *Люди когда-нибудь станут братьями и снова начнут с Каина и Авеля* (С.Е. Лец). Исходные действия обозначают подвиги, чудеса, достижение идеалов, переосмысление этих действий критически раскрывает природу человека, который ленив, портит все, к чему прикасается, обречен совершать те же самые ошибки и преступления. Трансформированные афоризмы резко меняют тональность исходных речений, устраняя патетику. Доминирующим отношением к реальности оказывается ирония.

Распространенной формой афоризмов бывают парадоксальные дефиниции. Например, *Демократия – это право делать неправильный выбор* (Дж. Патрик); *Труд — проклятие пьющего класса* (О. Уайльд); *Дипломат: человек, который дважды подумает, прежде чем ничего не сказать* (А. Дрейер); *Последняя иллюзия — вера в то, что ты уже потерял все иллюзии* (М. Шаплен). В основе подобных определений лежат некоторые канонические понятия, выступающие в качестве пресуппозиций в нашей картине мира: Демократия предполагает право выбирать власть; Среди рабочих распространено пьянство; Дипломаты умеют взвешивать свои слова; Если нечто является последним, то за ним уже ничего нет. Афористы переворачивают эти пресуппозиции, добавляя к ним существенные элементы: выбор оказывается неправильным, и суть демократии ставится под вопрос; тяжелый труд оказывается причиной алкоголизма у рабочих; тщательно взвешенное слово в устах дипломата превращается в молчание; иллюзии не теряются никогда. В этих выводах содержатся определенные ценностные установки, суть которых сводится к призыву не поддаваться давлению стереотипных представлений и норм.

Заслуживают внимания аллюзивные афоризмы, в содержании которых на первый план выступает кажущийся алогизм: *Все животные равны, но некоторые животные равнее других* (Дж. Оруэлл); *Человеку надо верить, даже когда он говорит правду* (Б. Крутиер); *Когда тебя все любят, то многим это не нравится* (А. Рас); *Если правительство недоволио своим народом, оно должно распустить его и выбрать себе новый* (Б. Брехт). Идея равенства не допускает градации, именно в этом и состоит пафос тезиса о ра-

венстве, ставшего девизом Великой французской революции (*Свобода, равенство, братство*) и зафиксированном в Декларации независимости США (*Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными...*). Если же равенство допускает градацию, то переосмысливается его суть, речь идет о чем-то ином, перед нами превращение смысла в тотальный абсурд. Общий вывод: равенства нет и не будет. Тезис о том, что людям следует верить, хотя есть вероятность, что тебя обманут, относится к базовым установкам рационального поведения. Вторая часть приведенного речения (*даже когда он говорит правду*) карнавально переворачивает все высказывание: оказывается, нужно допускать, что обычно люди лгут, и когда мы их слушаем, мы лишь делаем вид, что верим им. И если человек говорит правду, то он делает это только для того, чтобы нас окончательно запутать. В высказывании о несовпадении любви и одобрения мы сталкиваемся со странным расщеплением субъекта: все любят, но многим это не нравится. Исходная синонимичность предикатов «любить» и «нравиться» не трансформируется, но получается, что местоимение «все» допускает исключение кого-то из этой категории (не все, а некоторые). Из этой фразы следует, что не бывает любви со стороны всех, т.е. перед нами демонстрация любви, которой нет, либо здесь акцентируется идея зависти со стороны тех, кого любят не все. Можно выбрать новое правительство, но нельзя выбрать новое население, хотя у правительства возникают иногда иллюзии относительно возможности такого действия, метафорически это выражено в риторическом вопросе: *Хвост виляет собакой или собака хвостом?* Алогизм подобных высказываний заставляет читателя задуматься над системой ценностей в целом.

Механизмом создания парадоксальных аллюзивных афоризмов часто выступает внутреннее отрицание: *Золотое правило гласит, что нет золотых правил* (Дж. Б. Шоу); *Здоровые люди — это больные, которые еще не знают об этом* (Ж. Ромен); *Уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории* (О. Хаксли); *Мифология — совокупность первоначальных верований народа о его происхождении, древнейшей истории, героях, богах и пр., в отличие от достоверных сведений, выдуманных впоследствии* (А. Бирс); *Критиковать — значит доказывать автору, что он не сделал этого так, как сделал бы я, если б умел* (К. Чапек). Внутреннее отрицание радикально меняет модус таких высказываний, ставя под сомнение их истинность: не следует считать, что существует то, о чем говорится. Такое отрицание может быть выражено явно либо скрыто, т.е. через слова «нет, не», через антонимы (здоровые и больные, урок — то, что усвоено — и отсутствие усвоения, досто-

верное и выдуманное), грамматические формы слова («сделал» – «сделал бы»).

К числу способов неожиданного акцентирования смысла в аллюзивных афоризмах относится сопоставление предметов речи: *Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не вполне уверен* (А. Эйнштейн); *Святое Писание велит нам прощать врагов, но о друзьях там ничего такого не сказано* (Ф. Бэкон); *Какие могут быть поклонники, когда кругом сплошь таланты!* (В. Чижев). Оказывается, что типичный пример проявления качества (бесконечность Вселенной) нуждается в замене (нет пределов глупости), что простить друга бывает сложнее, чем простить врага (это понятно, поскольку от врага мы ждем всяческих козней, а предательство друга всегда застаёт нас врасплох), что в ситуации, когда все вокруг высокого мнения о себе, смещаются нормы оценки.

Предельным типом парадоксальных аллюзивных афоризмов являются фразы, которые граничат с нонсенсом: *Никогда не верь первому встречному, например, самому себе* (Я. Васильковский); *Если тебя ударили по лицу, подставь другое!* (Г. Малкин); *В жизни всякое бывает, но с годами все реже* (Б. Крутиер); *Нам никто не мешает перевыполнить наши законы* (В. Черномырдин). Достаточно банальный призыв не доверять первому встречному превращается в запоминающийся парадокс, если этим встречным оказываешься ты сам. И тогда такой призыв развенчивается и разворачивается на 180 градусов: людям следует верить. Фраза о том, как себя следует вести, когда тебе нанесли пощечину, соотносится с известным евангельским предписанием подставить другую щеку, не отвечая на зло насилием. Однако вместо щеки мы сталкиваемся здесь с лицом, это значит, что у человека несколько лиц, т.е. он лицемер, и лицемерие позволяет спастись от неприятностей. Вряд ли афорист серьезно говорит о такой ситуации, это – пример иронического обличения лицемеров. Распространенная тривиальная фраза о том, что всякое случается в жизни, получает новое прочтение в уточняющем добавлении – «но с годами все реже». Мы понимаем, что под «всяким» подразумеваются моменты неожиданного счастья от встречи с симпатичным человеком. Изречение бывшего российского премьер-министра построено на типичном для него сочетании несочетаемых слов: можно перевыполнить план, но нельзя перевыполнить закон. Любое высказывание мы воспринимаем как осмысленное, а подобные фразы интерпретируем как афоризмы. Это изречение можно понять как типичное для наших современников отношение к законам – их пишут для проформы, редко соблюдают и часто переделывают.

Оценочный вектор в аллюзивном афоризме показывает новое осмысление известного тезиса: *Из двух зол обычно выбирают то, которое легче причинить* (Д. Рудый); *В жизни всегда есть место подвигу, но не всегда есть место герою* (К. Кушнер); *Весь мир – театр, но труппа никуда не годится* (О. Уайльд); *Иногда корабль перестает тонуть, как только его покидают крысы* (Л. Кумор); *Если бы змей был запретным, Адам и его бы съел* (М. Твен); *Все не так плохо: нас не продавали – нас выдали даром* (К. Чапек). Выбор из двух зол обычно предполагает возможность получения наименьшего ущерба, но в приведенном предложении показан неожиданный вариант прочтения этой ситуации – причинение вреда; подвиги заслуживают восхищения, но бывает так, что герои остаются в тени; шекспировская фраза «*Весь мир – театр, и люди в нем актеры*» существенно переосмыслена: большей частью это – неважные актеры; пословица *Крысы бегут с тонущего корабля* получает новую интерпретацию: корабль тонет из-за того, что на нем завелись крысы, т. е. те, для кого плавание (символическое обозначение любого дела) – это всего лишь способ пожить; людей привлекает все запретное, и сюжет о запретном плоде в райском саду приобретает новое забавное осмысление. Предательство за вознаграждение вызывает осуждение, но измена без подобного вознаграждения не менее отвратительна, и фраза *Все не так плохо* в этом контексте звучит издевательски.

Интересным типом аллюзии является парадоксальная экземплификация, предполагающая знакомство читателя с известным значением слова или смыслом ситуации: *Трагедия — это когда я порезал себе палец. Комедия — когда вы провалились в открытый канализационный люк и сломали себе шею* (М. Брукс); *Квалификация — то, что требуется от низших служащих. От высших служащих требуется отсутствие квалификаций* (К. Бартошевич); *Консерватор — государственный деятель, влюбленный в существующие непорядки, в отличие от либерала, стремящегося заменить их непорядками иного рода* (А. Бирс); *Лентяй: человек, который не делает вид, что работает* (А. Алле). Мы знаем, что такое трагедия и комедия, но в новом ключе осмысливаем эти понятия применительно к эгоизму; приходится констатировать, что руководство весьма часто не понимает того, с чем оно сталкивается, по причине своей низкой квалификации; идеализм либералов на практике приводит к более опасным последствиям, чем прагматизм консерваторов; всем свойственно по возможности отлынивать от выполнения своих обязанностей, но лентяи делают это открыто. Отметим иронию как доминирующий стилистический прием выражения смысла в аллюзивных афоризмах.

Существуют определенные темы, притягивающие к себе внимание афористов. Такова тема ошибок. Латинская сентенция *Errare humanum est* – Человеку свойственно ошибаться – относится к числу таких излюбленных областей переосмысления: *Ошибаться – свойство человека, прощать – свойство богов* (А. Поп); *Опыт позволяет нам ошибаться гораздо увереннее* (Д. Финчер); *Человеку свойственно ошибаться, но для нечеловеческих ляпов нужен компьютер* (П. Эрлих); *Человеку свойственно ошибаться, но еще более свойственно сваливать вину на других* (NN). Развитие этой темы в аллюзивных речениях показывает, что люди часто зацикливаются на своих и чужих ошибках и не способны прощать тех, кто ошибся, что опыт не гарантирует от ошибок, что не стоит обольщаться по поводу внедрения компьютеров в нашу обиходную жизнь, что нам присуще стремление выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле. Доминирующим оценочным мотивом применительно к этой теме является самокритичность.

Несовпадение внешнего вида и внутреннего содержания явлений - типичная тема для афористических речений: *Нет задачи более достойной истинного либерала, как с доверием ожидать дальнейших разъяснений* (М. Салтыков-Щедрин); *Молчание – золото, но бывает, что и сребреник* (З. Земецкий); *Изгнание из рая часто совершается через триумфальную арку* (В. Брудзинский); *Его понесли на руках – на Голгофу* (У. Зыбура); *Дом мужчины – его крепость, но только снаружи. Внутри это чаще всего детская комната* (К. Люс). Либералы обычно критикуют правительство, но некоторые из них с готовностью начинают служить тем, кого они только что критиковали, и отсюда следует, что вся их критичность была лишь способом привлечь к себе внимание; известная пословица *Слово серебро, а молчание - золото*, призывающая думать, прежде чем говоришь, по-новому осмысливается применительно к ситуации, когда нужно вступить за кого-либо, а мы воздерживаемся от этого, фактически совершая предательство (аллюзия к тридцати сребреникам); наказание может выглядеть как награда: изгнание из рая – первое из наказаний человечества, а прохождение через триумфальную арку – ритуальное действие победителей в древнем Риме; аналогичным образом несут на руках тех, кто добился исключительных успехов, но завершением этого может быть мучение: Голгофа – место распятия Христа; известная фраза *Мой дом – моя крепость*, характеризующая независимость и силу характера англичан, переосмысливается с позиций женщин в новом ключе: в поведении мужчин есть много детского.

Подведем основные итоги.

Аллюзивные афоризмы представляют собой переосмысления аксиологически маркированных и обозначенных в языке ситуаций. Такие переосмысления, как правило, являются ироническими и распадаются на прямые и косвенные аллюзивные образования, опровергающие либо уточняющие смысл исходных фраз, более или менее парадоксальные. Выделяются аллюзивные афоризмы, допускающие однозначную интерпретацию и открытые для множества толкований. В качестве механизмов построения таких единиц обычно используются парадоксальные определения, внутренние отрицания, сопоставление предметов речи, кажущийся алогизм, парадоксальная экземплификация. Существуют определенные темы, часто используемые в аллюзивной афористике (совершение ошибок, несовпадение внешности и внутреннего содержания и др.).

Библиографический список

1. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.
2. Дядык Н.Г. Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы: автореф. дис. ...канд. фил. наук. Челябинск, 2011. 20 с.
3. Землянская Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2004. 18 с.
4. Карлик Н.А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 28 с.
5. Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 41 с.
6. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.
7. Мартемьянов Ю.С. Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С.115–123.
8. Полчанинова Е.О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
9. Сазбандян Т.В. Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 28 с.
10. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.

4.3. Ассоциативный словарь как инструмент антропоцентрически ориентированных лингвистических исследований²

Черняк В.Д., Санкт-Петербург

Ассоциативные словари, несмотря на свой молодой возраст, в последние два десятилетия стали чрезвычайно значимым инструментом лингвистических исследований. Возникнув в русле психолингвистики, они расширили свои интерпретационные возможности в связи с возросшим вниманием к человеческому фактору в языке.

Особой вехой в лексикографии явился «Русский ассоциативный словарь», созданный ведущими отечественными психолингвистами [РАС, 2002]. Словарь моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка и дает богатейший материал для разноаспектных лингвистических исследований. Он открывается очень точными словами «От редакции»: «Русский ассоциативный словарь приоткрывает завесу над тем, как устроена языковая способность человека – думающего, говорящего и понимающего. Она позволяет проникнуть в социально-историческую память носителя русского языка и получить ответ на вопрос: Как мыслят русские в современной России» [РАС, 2002, с. 5]. В этих «напутственных» для потенциального пользователя словах намечается чрезвычайно значимый антропоцентрический вектор возможных исследований.

П.Н. Денисов в рецензии на словарь еще в 1995 году отмечал, что он «уже теперь представляет большую ценность как историко-культурный памятник. В нем увековечен синхронный срез культурно-лингвистической компетентности молодого поколения последних лет исторической жизни Советского Союза» [Денисов, 1995, с. 143]. В этом качестве словарь дает чрезвычайно богатый материал для исследования того, как в сознании языковой личности воплотились разновекторные аксиологические ориентации переходной эпохи конца 1980-х – 1990-х гг. (ср., например, ассоциативные поля *армия*, *колхоз* и мн. др.). Словарь позволяет исследователю постичь своеобразие ассоциативно-вербальной сети носителя языка, как в целом, так и на отдельных ее участках, способы концептуализации и вербализации отдельных фрагментов действительности.

Состав ассоциативных полей как в прямом, так и в обратном словаре, позволяет выявить основные составляющие языкового со-

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 ("Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей").

знания русских, его доминантные характеристики, определить наиболее значимые направления ассоциирования. «Эксплуатация» РАС лингвистами, философами, социологами и психологами позволяет по-новому взглянуть на процессы владения и овладения языком (языками), речевого воздействия, мотивации и поведения, на характер ценностных ориентаций в мире. Совокупность ассоциаций, как наиболее частотных, так и единичных, формирующих значительную часть ассоциативных полей, отражает стереотипизированные представления русских о тех или иных фрагментах действительности и позволяет реконструировать образ мира, сформированный (или формирующийся) у носителей языка.

Связи, устанавливаемые между элементами ассоциативно-вербальной сети, объективированной в РАС, отражают отношения элементов, принадлежащих разным текстам (при широком понимании последних), воссоздают связи между «следами фиксации мысли» в тексте. В ассоциативно-вербальной сети «отдельные записи (“микротексты”) подвержены максимальной компрессии, сжаты до предельных знаков, символов многочисленных текстов» [Караулов, 1999, с. 49–50].

Концепция русского ассоциативного словаря реализована и в нескольких параллельных русско-иноязычных и иноязычно-русских ассоциативных словарях [Ассоциативные нормы ..., 2001; Славянский ассоциативный словарь, 2004; Ассоциативные нормы ..., 2004 и др.]. Параллельные словари построены на наборе «одноименных» для двух языков стимулов и имеют стандартную структуру. Эти словари дают чрезвычайно ценный материал для выявления общего и различного в тезаурусе носителей разных языков, позволяют выявить своеобразие национальной языковой картины мира.

Большой интерес представляют ассоциативные словари, фиксирующие особенности становления лексикона ребенка [Словарь детских ассоциаций..., 1995]. Материалы ассоциативных словарей убеждают в существовании ассоциативных норм, обеспечивающих предсказуемость речи, облегчающих ее развертывание и восприятие [Гольдин, 2006, с. 128–130]. В ассоциативных полях выявляется «очевидная зависимость совершаемых человеком актов номинации от множества факторов, начиная от личностных до исторических, социальных, культурологических» [Кубрякова, 2012, с. 24]. Это позволяет использовать материалы ассоциативных экспериментов, в удобной для пользователя форме представленные в ассоциативных словарях, для постижения организации лексикона языковой личности, ее тезауруса. В этой связи нельзя не упомянуть созданный саратовскими лингвистами «Русский ассоциативный словарь» школьников Саратова и Саратовской области, открывающий бога-

тые возможности для исследования языковой личности в ее развитии на протяжении 11 лет школьного обучения [РАСШ, 2011].

Перед исследователем, обращающимся к ассоциативному словарю, открываются широкие возможности изучения (в зависимости от поставленных целей) лексикона и тезауруса как индивидуальной языковой личности, так и типизированной. В частности, актуальным представляется «зеркало ассоциативного словаря» в исследовании отдельных фрагментов действительности [Черняк, 2007а], агнонимии и лакунарности [Черняк 2007б], влияния круга чтения на языковую способность, взаимосвязи ассоциативных и текстовых полей [Ильина, Черняк, 2011].

В данной работе мы остановимся на исследовании с помощью ассоциативных словарей этнических стереотипов, под которыми понимаются «устойчивые комплексы наивных представлений о каком-либо народе, нации, отражающие особенности народной ксенопсихологии» [Березович, 2009, с. 23]. Этническая характеристика является одной из наиболее актуальных при межкультурном взаимодействии, при этом важную роль играют коннотации этнонимов, вводящие собеседника в круг культурно-исторических, территориальных, этнографических и прочих сведений о человеке, подразумеваемых при одном упоминании его национальности [Суперанская, 1973, с. 209]. Этнические стереотипы выступают как «когнитивные пре-суппозиции, реализующиеся в виде установок, включающих три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий» [Вепрева, 2005, с. 95].

Как уже отмечалось, предложенный Ю. Н. Карауловым подход к классификации ассоциаций «от текста» позволяет рассматривать все реакции как следы текстов, которые проходили в разное время или проходят в данный момент через ассоциативно-вербальную сеть испытуемого. Состав ассоциативных полей помогает выявить доминантные характеристики в языковом сознании русских. Так, диссертации Н.П. Поповой [Попова, 2008] убедительно показано, как знания, вербализованные в РАС (ассоциативные поля *немец*, *ариец*, *Германия*), отражают стереотипизированные представления русских о немцах и позволяют реконструировать фрагмент образа мира. Языковые коннотации оказываются неразрывно связанными с социально-культурными ассоциациями, закономерно возникающими у носителей языка. Так, при обращении к РАС становится очевидным, что важное место в лексической репрезентации концептов *немец* / *Германия* занимают ассоциативные пары, вербализующие знания о Великой Отечественной войне (примечательно, что, несмотря на возраст информантов – 17–25 лет – сохраняется глубинная, генетическая память, аккумулирующая дискурсы о войне,

институциональные, художественные, повседневно-бытовые). Наиболее частотной реакцией на стимул *немец* является реакция *фашист 17*, кроме этого выделяются соотносимые реакции *враг 2, националист, ариец 2, солдат, Гитлер 2, война 5, фашизм*. На стимул *Германия* также появляются тематически однородные реакции – *Гитлер 2, фашисты 4, война 3, войска, враг, фашизм 2, фашистская; ср. немецкий → солдат, фашист, фашизм* (цифры указывают на частотность реакции).

Представленные в РАС ассоциативные связи лексем *немец, Германия* свидетельствуют о том, что эти лексемы, в свою очередь, выступают элементами ассоциативных полей *фашизм, нацизм, национализм, война*. Ассоциативные поля соответствующих идеологем позволяют выявить динамику закрепленных за ними смыслов. С одной стороны, названные ассоциативные поля демонстрируют связь с рассматриваемыми концептами *немец* и *Германия*, с другой – реакции на стимул *национализм, нацизм* вскрывают перераспределение признаков концепта, появление ассоциативных смыслов, уже не связанных с Великой Отечественной войной, изменение этнической привязанности концепта: *национализм → негр, негры, русский, российский, Баркашев, В.В. Жириновский, Жириновский; нацизм → Жириновский, хачики*. Таким образом, ассоциативный словарь фиксирует динамические процессы в лексиконе и тезаурусе языковой личности [Попова, Черняк, 2009].

Взаимовлияние языка и культуры с наибольшей наглядностью обнаруживают прецедентные феномены как один из способов концептуализации мира и хранения информации. Источником прецедентных текстов о немцах и Германии могут выступать художественная литература, кинематограф, современный фольклор. Названия произведений немецкой словесности входят в общий ассоциативный фонд среднего носителя русского языка: *страдание → Вертера, Ремарк → о товарище, Ремарк → товарищах, доктор → Фаустус*. Примечательно, что в список слов-стимулов РАС («ассоциативного тезауруса») составители включили антропонимы, которые могут выступать как своеобразное олицетворение немецкой истории и культуры в русском обыденном сознании – *Гете, Шиллер, Фаустус, Бисмарк*. В качестве реакций на стимулы *немец, Германия* выделяются антропонимы: *Гегель, Ремарк; Шумахер; композитор → Бах, орган → Бах, музыка → Бах, Баха, мелодия → Баха, композитор → Ван Бетховен, философ → Гегель*.

Представляет интерес включение в число слов-стимулов и антропонима *Штирлиц*. В ассоциативном поле на слово-стимул *Штирлиц* выявляются различные линии ассоциирования, прежде

всего связанные с (кино) нарративом и через него с представлениями о разведчике, войне и Германии.

Исследование спектра ассоциаций, формирующих семантическое пространство *немец / немцы / Германия*, убеждает в неразрывной связи трех типов полевых структур – лексико-семантического поля, ассоциативного поля и поля текстового, раскрывающего все потенции лексических единиц [Попова, Черняк, 2009].

О богатом семантическом потенциале этнонимов, формирующих своеобразный аналог ментальной карты мира, специфичной у разных народов, свидетельствуют лингвистические и психолингвистические исследования. Значительное место в семантике многих этнонимов занимают коннотативные семы, на формирование которых оказывает влияние исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст. Материалы РАС, создающие достоверный лексический портрет современной языковой личности, выразительно демонстрируют и представления о «других» в национальном сознании. Ассоциативные поля, формируемые словами, обозначающими народы, племена и национальности, по-разному отражают элементы этнических стереотипов. В качестве слов-стимулов представлены лексемы: *грузин, еврей, индеец, негр, славянка, ариец, немец*. Одноименные ассоциативные поля отражают принципиально различающиеся когнитивные пресуппозиции. Так, в ассоциативном поле *индеец* преобладают «следы культуры в языке» [Бурвикова, Костомаров, 2006, с. 11], представленные прецедентными феноменами разного типа:

Индеец: Джо 17; краснокожий 11; красный 4; перья 3; абориген, Америка, вождь, команчи, национальность, перо, чернокожий, Чингачгук, американец, апачи, Африка, Василий Иванович, в Индии, в перьях, в резервации, Гойко Митич, голубой, Джон, джунгли, дикий, из Америки, иностранец, ирокез, китаец, ковбой, коричневый, ловкий, лук, людоед, мальчишки, метис, мужик в перьях, мужик с копьем, на лошади, настоящий, нация, не очень талантливый, нож, острие бревна, перья на голове, приехал, раненый, раскрашенный, резервация, рыжий, свобода, скаल्प, с перьями, стрела, США, тропа, труп, умер, умный, человек, черный человек 1.

Совершенно очевидно, что наивные представления об индейцах носят главным образом книжный и/или кинематографический характер (ср.: *Гойко Митич*, сербский актер, известный исполнитель роли индейцев). Лингвокультурный типаж индейца, его внешний облик (*красный, перья, перо, краснокожий, чернокожий, в перьях, ирокез, коричневый, на лошади, перья на голове, раскрашенный, рыжий, с перьями, черный человек*) сформированы на основе текстов Ф. Купера, Т. Майн Рида и других авторов, многочисленных экра-

низаций, представляющих традиционный образ индейца, хронологически связанный прежде всего с XIX веком. Реакции вскрывают как положительные (*ловкий, настоящий, умный*), так и отрицательные (*дикий, не очень талантливый, людоед*) коннотации слова-стимула. Топонимы *Америка, из Америки, США* указывают на закрепленное в тезаурусе представление носителей языка о среде обитания индейцев, ассоциация же в *Индии* отражает метаязыковую рефлексию информанта (ложная этимология: индейцы – жители Индии).

Иные векторы вербализации культурного стереотипа актуализируются в ассоциативном поле *негр*:

Негр: черный 32; Африка 7; расизм 4; белый, тоже человек, человек 3; африканский, баскетбол, высокий, грязный, раб 2; американский, африканец, банан, Буми (имя), в автобусе, в Африке, волючий, в фиолетовом манто, губошлеп, жаркие страны, загорелый, зимой, из Африки, из Зимбабве, китаец, класс, кокосы, кудрявый, куклукс-клан, лиловый, Мартин Лютер Кинг, наш, нигер, обезьяна; очень темная кожа, кудряв., черн. волосы, пальма, папуас, проклятый, раса, русское золото, рыжий, Сникерс, сунареф, тепло, Тижани из 24 группы, ты китаец, уголь, фильм, черное, чернокожий, черный человек, шоколад, я 1.

Здесь представлены главным образом типичные ассоциации парадигматического и синтагматического типа (*раса, человек, африканец, папуас, американский, африканский, чернокожий*), в том числе отражающие стереотипные представления о внешности (*очень темная кожа, черное, чернокожий, черный человек, кудрявые, черные волосы*), о типичных занятиях (*баскетбол*), стандартные географические представления (*в Африке, из Африки, из Зимбабве, жаркие страны, банан, кокосы, пальма*). Как и в ассоциативном поле *индеец*, часть реакций отсылает к историческим и культурным представлениям (*раб, Куклукс-клан, Мартин Лютер Кинг*), прослеживается и связь реакций *лиловый, в фиолетовом манто* с песней А. Вертинского «Лиловый негр». В то же время бросаются в глаза и иные компоненты поля. Если в ассоциативном поле *индеец* реакции, связанные с оппозицией «свой / чужой», носят единичный характер и фиксируют далекие от обыденных представлений носителя русского языка реалии (*резервация, джунгли, людоед*), то поле *негр* представляет принципиально иные составляющие ментального лексикона носителя русского языка. Грубая оценочная лексика (*волючий, грязный, нигер, проклятый, губошлеп*), оскорбительный метафорический перенос (*обезьяна*), пренебрежительное *тоже человек* свидетельствуют об укоренении стереотипов, связанных с национальной нетерпимостью.

Эта печальная составляющая национального сознания молодого россиянина отчетливо выявляется и при обращении к ассоциативному полю *грузин*, отражающему значительно более близкие и актуальные для обыденного сознания связи:

Грузин: черный 10; чурка 8; нос 7; армянин, национальность, хачик 4; богатый, рынок 3; акцент, армян, нацмен, человек 2; арбуз, арбузы, большой нос, в Грузии, веселый, в жопе резин, виноград, в кепке, в Москве, волосатый, вонючий, высокий, гад, горный человек, грек, грузинка, груша, живет в горах Кавказа, жизнерадостный, знакомый, из Грузии, Кавказ, кепка, кормить, красивый, Ливан, лимузин, лицо кавказской национальности, мужик на базаре, мурка, наглый, нация, небритый, нерусский, он и есть грузин, плохой, продавец, розы, с большим носом, с Кавказа, СССР, с юга, танцует, торговец, усатый, хачапури, цыган; черноволосый человек, а нос с горбинкой; чеченец, чукча, Шеварнадзе, шельма 1.

Несмотря на давние культурные взаимосвязи и издавна формировавшийся в русской культуре привлекательный образ грузин (*веселый, жизнерадостный, красивый, танцует*), в ассоциативном поле (напомним: оно сформировано по результатам эксперимента, проводившегося в конце 1980-х – начале 1990-х гг., до острых политических и межнациональных конфликтов) явно преобладает негативная эмоционально-оценочная характеристика представителей этноса. При вербализации визуального образа грузин выделяется одна из доминант – *нос (нос, большой нос, нос с горбинкой)*. Дополняется образ грузина как нейтральными стереотипными реакциями – *усатый, высокий, в кепке*, так и оценочными ассоциатами: *небритый, вонючий, наглый*, значительная часть которых относится к грубой разговорно-просторечной и жаргонной лексике: *гад, шельма, чукча, чурка, хачик, черный*. Как отмечает И.Т. Вепрева, «в современной России выдвигается антикавказский синдром, появившийся по нескольким причинам: основной из них являются античеченские настроения, реакция на войну в Чечне. Кроме того, еще в советское время сложился отрицательный стереотип людей с Кавказа, работающих на рынке и торгующих фруктами и цветами» [это подтверждается реакциями *арбуз, груша, виноград, хачапури, мужик на базаре, продавец, торговец*. – В.Ч.]. Массовая неприязнь была ответом «на энергичное вторжение культурно чужих в те сферы, которые подлежали особым ограничениям и запретам со стороны властей, — базарная торговля, посредничество, цеховой бизнес» [Вепрева, 2005, с. 296]. Слова *нерусский* и *нацмен* («национальное меньшинство») актуализируют противопоставление «свой – чужой» (*нерусский*). Неоднократно обсуждавшееся и в публицистике, и в лингвистической литературе выражение *лицо кавказской национальности* при

внешней официально-деловой нейтральности высокомерно обезличивает национальную принадлежность «чужого».

Для фиксации тревожных тенденций в языковом сознании современного россиянина показательно ассоциативное поле *чурка*:

Чурка: дурак 9; полено 8; дерево, деревянная, чукча 5; бревно, черный 4; грузин 3; армянин, глупый, деревяшка, дрова, лицо кавказской национальности, нерусский, пень, человек, черномазый 2; банка, бездарность, береза, бестолковый, бочка; грузин, армянин; делегат, дубовая, дятел, едет, заморский, Заур, иногородний, кавказец, кличка, колоть, машина, мурка, на палке; ненец, нерусь; необтесанная, неприятный, нерусская, не я, опустившийся, пенек, рынок, с глазками, солдат, тайга, топор, торгующий, тупой, узбек, узкоглазый, хачик, чарка, человек из Ср. Азии, черножопая, я 1.

Хотя часть реакций (*полено, дерево, деревяшка, пенек*) связана с прямым значением слова-стимула ('короткий обрубок, кусок дерева или металла'), а также с метафорическим значением 'глупый, недалекий человек' (*дурак, глупый, бездарность, чукча, бестолковый, опустившийся, тупой*), наибольшее количество ассоциатов свидетельствует об использовании слова как дисфемизма (*клички*) для различных этнонимов: *грузин, армянин, кавказец, лицо кавказской национальности, ненец, нерусский, узбек, человек из Ср. Азии*. Ярко выраженные негативные реакции, вербализованные жаргонной и просторечной лексикой (*черномазый, нерусь, узкоглазый, хачик, черножопая*), свидетельствуют об изменении культурного и политического контекста, актуализируют новые ассоциации, отличающиеся высокой степенью коннотативной отмеченности, отражающие повышенный градус агрессивности в обществе.

Актуальность отмеченного явления обнаруживается и в ассоциативном поле, заданном содержательно более сложным культурным концептом *национализм*, в структуре которого значительное место принадлежит этнонимам:

Национализм: фашизм 13; шовинизм 4; движение, расизм 3; вреден, Гитлер, капитализм, коммунизм, махровый, нация, плохо, понятие, русский, страна 2; Баркашев, бюрократ, В.В.Жириновский, везде, в порядке вещей, в прошлом, в стране, вырожден, Гитлера, глупость, государства, Дима, дискриминация, еврей, жестокий, Жириновский, жуткий, знамя, идиотство, интернационализм, критический, кровь, нацист, негр, негры, немецкий, не нужен, неоанархизм, односторонность, онанизм, опасен, партия, патриотизм, пессимизм, политика, политология, полный, проблема, пропал, революция, российский, садизм, социализм, страшная черта человечества, существует, тоталитаризм, флаг, хайль Гитлер, хачика, хорошо, чувство 1.

Элементы поля, с одной стороны, подтверждают устойчивость базовых семантических составляющих (*нация, шовинизм, расизм, дискриминация, политика, патриотизм* и др.), а с другой – со всей очевидностью демонстрируют прагматическую наполненность этой структуры и ее настораживающую амбивалентность (ср.: *немецкий – российский; плохо – хорошо; опасен – в порядке вещей; в прошлом – существует; страшная черта человечества – хайль Гитлер*).

Поле отражает результаты ассоциативного эксперимента, проведенного более 20 лет назад. Для выявления динамики фрагмента лексикона в 2015 г. нами был проведен ассоциативный эксперимент в студенческой аудитории. В нем приняли участие 149 человек. Результаты эксперимента обобщены в следующем ассоциативном поле:

Национализм: ксенофобия (8); Гитлер; шовинизм; Бандера (7); Тесак (6); Вторая мировая война; жестокость (4); угнетение (3); скинхеды; национал-социализм (2); 4 ноября; *Mein Kampf*; антисемитизм и чуркофобия; Бандера наш герой; беда; безнаказанность; беспорядки в Бирюлево; беспредел в Бирюлево; бесчеловечность; борьба восточной и западной Украины; верность своей нации; видеозапись избиения кавказцев; война; вражда наций; вспышка национализма; гордыня; гуманный – это с человеческим лицом; движения в Татарстане; еврейство; евромайдан; Егоры; единство; за национальный подъем страны; запутался что это; зига; злость; идеализм; идеология ставила тезис о ценности нации; идеология; имперка; индивидуальность; казнь таджика и дагестанца; К чему вражда наций? интеграция этносов способствует обогащению культуры; Кондопога; лучшая раса; любовь к народу; Манежная площадь; манежка; межэтнические конфликты; миграция с Кавказа; мировое значение; митинги; Моя борьба Гитлера – хорошая вещь; мрак; Марцинкевич; мы русские, мы дома; наглость; направление политики; националисты-блоггеры; националисты и Евромайдан; националисты прикрываются патриотическими целями, а на самом деле, провоцируют национальную ненависть; национальное высокомерие; не до конца понимаю; не знаю; ненависть; ненависть людей; неравенство наций; не помню; превосходство одной над другой; неуважение; ни у кого нет права считать свою нацию лучшей; овощная база; отбор; патриот; перфекционизм; политика; превосходство одной расы над другой; притеснение; против оккупантов; рабство; раса превыше всех; резкий; Россия для русских; русофобия; русский значит трезвый; русский марш; Русских становится меньше в республиках РФ; сепаратизм – это плохо, а национально-освободительные движения – это хорошо; сталинская эпоха; толерантность; торговый центр в Бирюлево; убийство; убийство личностей за националистическую идею; угнетение русских; ужесточить миграционное законодательство;

Украина; унижение; упрямство; урок истории; усы; фашизм; флаги; хватит кормить Кавказ; чеченская война за отделение от России; чеченцы и татары хотят стать независимыми государствами; Щербаков; этнические меньшинства пытаются отделиться от России; этнический; это неправильно делить нации.

Очевидно, что смена временных рамок, изменение культурного и политического контекста актуализировали новые ассоциации, свойственные для современного социокультурного пространства, расширили круг вербализаторов поля, характеризующихся высокой степенью коннотативной отмеченности, отражающей повышенную агрессивность. Материалы газетного подкорпуса НКРЯ подтверждают чрезвычайную актуальность для современной языковой личности рассматриваемого концепта, перемещение его из сферы культурно-исторической в сферу актуальных и активно дискутируемых понятий.

Обратимся к другой части ассоциативных полей, задаваемых стимулами-этнонимами, связанными со славянским миром или производными от них. В центре обыденных представлений о славянском мире, отраженных в «Русском ассоциативном словаре», лежат этнонимы *славянин (славянский), русский, украинец (украинский), белорус (белорусский), болгарин (болгарский)*. Именно эти слова являются номинантами наиболее разветвленных ассоциативных полей. Номинанты концептов *поляк (польский), чех (чешский)*, связаны с незначительным количеством ассоциаций, носящих бытовой характер (ср.: *чехословацкий – хрусталь, польская – мода*). Слова *серб* и *хорват* и в прямом, и в обратном томах РАС вообще отсутствуют (представлены лишь ассоциативные пары *югославская – мебель, Югославия – здраво, югославский – бразильский*).

Состав ассоциативных полей как в прямом, так и в обратном словарях, позволяет выявить основные составляющие концептуального пространства «славянский мир» в языковом сознании русских, его доминантные характеристики, наиболее значимые направления ассоциирования по состоянию на конец XX века [Черняк, 2011]. Совокупность ассоциаций, как наиболее частотных, так и единичных, формирующих значительную часть ассоциативных полей, отражает стереотипизированные представления русских о славянах (как и в рассмотренных выше случаях, за последние 10 лет эти представления претерпели существенные изменения).

Приведем для сравнения три ассоциативных поля со стимулами *русский, украинский* и *болгарский*:

Русский: язык 29; человек 16; мужик 6; еврей 4; Иван 3; Ваня, дурак, дух, характер, эмигрант 2; бизнес, большой, Ванька, вера, ветер, друг, ужас, квас, композитор, конь, красивый, красная рубашка, лень, лес, мало, мешочник, Москва, народ, национальность, немец,

нерусский, образ мыслей, орел, остров, паспорт, поэт, птица-тройка, ресторан, розовый, свой, сильный, советский, совок, стиль, театр, турецкий, уважение, узкий, умный, французский, шовинизм 1.

Украинский: язык 42; борщ 14; хлеб 5; казак 4; белорусский, сало, хохол 3; акцент веселенький, гимн, двор, горилка, Дом Селенга, колорит, Крым, купон, национальность, обычай, орден, пельмени, посол, рус, русский, стиль, Тарас Бульба, товар, узорчатый, украинский соус, флаг, фронт, хор, хохлы, хохляцкий, шаровары, чуб, ящик 1.

Болгарский: язык 33; перец 32, кетчуп 3; вино, писатель, слюварь, сыр, чай 2; Болгария, босоножки, Глобус, город, Дунай, Киркоров, коньяк, кризис, курорт, мальчик, народность, огурец, огурцы и помидоры, помидор, румынский, смутьян, сок, соус, страна, томат, фрукт, фрукты, человек 1.

Ассоциативные поля строятся по фреймовому принципу. Обращает на себя внимание то, что в каждом из них безусловно доминантное положение занимает ассоциация *язык*, являющаяся определяющей для идентификации соответствующего фрагмента концептуального пространства. Отметим также значимость «лингвистической составляющей» в совокупном концептуальном пространстве «славянский мир»: *речь, слово, акцент, говор, словарь, алфавит, азбука, букварь, глагол, мат*.

Интересно, что если в ассоциативных полях *украинский, болгарский* значительное место занимает конкретно-предметная лексика (в ассоциативном поле *болгарский* она доминирует), то при разработке концепта «русский» в РАС ведущее место занимают аксиологические характеристики, национально-культурные стереотипы и символы (*дух, характер, вера, образ мыслей, уважение, красивый, друг, лень, орел, красная рубаха*). Отметим, что традиционные составляющие поля «русский» особенно выразительно представлены в обратном словаре. Слова *русский, русская, русские, Русь* являются реакцией на стимулы *держава, отчизна, патриотизм, старина, икона, тройка, деревня, природа, фольклор, пейзаж, красавица, богатырь, великан, воин, песня, балет, сарафан, береза, баня, сани, печь*.

Значительной частью концептуального пространства «славянский мир» являются обобщенные представления о традициях, обычаях, элементах национальной одежды и облике славянина (*пляски, хор, песня, романс, баян, марш, гопак, кадрили, полька, хоровод; сарафан, шаровары, кепка, рубаха, рушник, коса, чуб*). Существенными координатами в ассоциативном пространстве «славянский мир», естественно, являются координаты географические, определяющие и положение славянских стран, и географические объекты, являющиеся национальными символами; эти координаты представлены и словами, указывающими на природные особенности: *Москва* (рус-

ский), *тайга, поле, равнина, возвышенность, зима, метелица* (русская), *Великий Новгород, Новгород* (Русь), *курорт* (болгарский), *Минск* (Беларусь), *болото* (Белоруссия), *Крым* (украинский), *Одесса* (хохол), *Днепр, чернозем* (Украина, украинский), *степь* (украинская), *Прага* (чех, чехи). Значительной в совокупном представлении славянского мира является «гастрономическая составляющая». Здесь и названия традиционных блюд и напитков, ставшие символами того или иного народа (*квас, водка, блины, щи, горчица, салат* в ассоциативном поле *русский; сало, борщ, горилка* – в поле *украинский; бульбаши* – в поле *белорусский*), и основные предметы международной торговли (*перец, кетчуп, коньяк, помидоры, огурцы, соус, сок, фрукты* – в поле *болгарский; пиво* – *чешское*).

Нельзя не отметить в описываемом фрагменте ассоциативного тезауруса «следы культуры в языке» [Бурвикова, Костомаров, 2006], представленные разного типа прецедентными феноменами или, в терминологии Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомарова, логоэпистемами. Логоэпистемы – это «разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, строчки из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампы, являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы)», требующие осмысления на уровне языка и на уровне культуры [Бурвикова, Костомаров 2006: 8]. Ср. ассоциативные связи: *славянка* – *молдованка*; *хохол* – *А. Находко (Мать), Суворов*; *украинский* – *Тарас Бульба*; *русский* – *птица-тройка*; *русская* – *правда*; *русский* – *Гоголь, Достоевский, гений, Мономах, золотые руки, характер, лес; белорусский* – *вокзал; Беларусь* – *Песняры* и т.п.

Ассоциативный словарь фиксирует изменения, происходящие в концептуальной картине мира как каждого индивида, так и всего лингвокультурного сообщества. Массовый ассоциативный эксперимент, на основе которого создан РАС, проводился в период бурных социальных перемен, которые пережили все славянские народы. Эти перемены отразились в ассоциативном тезаурусе. Так, наряду с устойчивыми историческими ассоциациями (*Великая отечественная война, фронт, партизан, казак, шашка*), достаточно частотной стала связь слов *украинский, Украина* и *голод*, что, безусловно, стало результатом активного обсуждения в перестроечной прессе ранее замалчиваемой темы.

Для отражения динамических процессов в исследуемом концептуальном пространстве показательно ассоциативное поле с заголовочным словом-стимулом *Беларусь*:

Беларусь: республика 22; трактор 15; страна, Украина 9; загра-

ница 6; государство 3; Русь, СНГ 2; беднота, белая, Бендеры, бульбаши, вино, вокзал, география, государства, далеко, завод, МАЗ, зайчик, зубр, карта, край. красивая, магнитофон, Малая земля, Минск, моя, не по-русски, нравится, отделилась, Песняры, пляски, река, страна народов, суверенная, трикотаж, фартук, фильм, хохлы, чья-то родина 1.

Появление нового славянского государства и соответствующей номинации *Беларусь* на карте Европы стимулировало новые реакции (*страна, государство, отделилась, суверенная, СНГ, заграница, не по-русски*). Слово же *Белоруссия* явилось традиционной реакцией на стимулы *болото, война, гопак, дерево, партизан, ровно* (см. обратный словарь РАС). Примечательно, что стимул *Беларусь* вызывал не этнокультурные, а, прежде всего, социально-политические и «производственные» реакции (*Минск, завод, МАЗ, трактор, магнитофон, трикотаж*). Известно, что название денежной единицы является достаточно распространенным ассоциатом на название государства. В этом отношении ассоциация *зайчик* (название денежной единицы Беларуси) является хронологически отмеченной и понятной лишь в определенном социокультурном контексте.

Как уже отмечалось, в семантике этнонимов существенное место принадлежит оценочным компонентам. Для того чтобы максимально полно выявить оценочную составляющую некоторых концептов, в отдельных случаях в РАС в качестве слов-стимулов предложены коннотативно отмеченные лексические единицы, которые должны вызвать соответствующие экспрессивные реакции. В рассматриваемом фрагменте ассоциативного тезауруса представляет интерес ассоциативное поле со стимулом *хохол*, который, наряду с нейтральными (*украинец, Украина, национальность, человек*), вызвал большое число оценочных реакций (*хитрый, крутой, неотесанный, противный, деловой, дурак, жадность, лжет, любит сало, любящий сало, новый хохол* и др.). В целом же, «славянский мир» (*славяне – братья, славянское – братство*) в ассоциативных полях основных номинантов противопоставляется чужому, представленному словами *нерусский, немец, немецкий, голландский, татарин, еврей, японский, американский, французский, турецкий*.

Н.Н. Болдырев, характеризуя процессы понимания, справедливо отмечает: «Преодоление индивидуальных различий и достижение понимания в процессе общения достигается не только за счет базовых концептов и категорий, в равной мере известных собеседникам, но и за счет различных концептов и категорий переходных зон. <...> Индивидуальность знания означает индивидуальность его конфигурации в плане объема, содержания и интерпретации» [Болдырев, 2006, с. 37–38].

Своеобразное соотношение индивидуального и типичного ярко проявляется в ассоциативном поле со словом-стимулом *славянка*:

Славянка: девушка 12, песня 8; женщина, русская 7; молдаванка 6; прощание 4; прощается 3; белокурая, вино, гостиница, девчонка, красивая, марш, национальность, стройная 2; американка, бар, белизна, белый, вальс, варшавянка, водка, выручалка, гимн, дворянка, девочка, духовой оркестр, звучит, землячка, истина, красавица, мурманчанка, наряд, нация, поезд, поет, полячка, радио Министерства обороны, река, родич, русская девушка, русский, Русь, славянин, смуглянка, спорт чего-то, танец, Украина, хуторянка, это я, яблоко 1.

Наряду с типичными ассоциациями, репрезентирующими «славянский мир» (*девушка, женщина, русская, национальность, нация, русский, русская девушка, Русь, славянин, полячка, Украина*), в этом поле представлено много ассоциаций, связанных с логоэпистемой «Прощание славянки» (*прощание, прощается, варшавянка, звучит, духовой оркестр, марш, вальс* и т.п.), а также сугубо индивидуальных ассоциаций (*поезд, яблоко, бар, мурманчанка, хуторянка, гостиница* и др.).

В заключение еще раз подчеркнем, что материалы «Русского ассоциативного словаря», как и других ассоциативных словарей, дают богатейший материал для разноаспектных лингвистических исследований, ориентированных на постижение картины мира носителя языка, на установление традиционных, стабильных и динамичных ее составляющих.

Библиографический список

- 1) Ассоциативные нормы испанского и русского языков / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз.; Мадрид. гос. ун-т Комплуенсе ; М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. М.; Мадрид: Азбуковник, 2001. 496 с.
- 2) Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. М.; Воронеж: Истоки, 2004. 130 с.
- 3) Березович Е.Л. Этнические стереотипы в разных культурных кодах // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / под ред. Л.Л. Федорова. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 22–31.
- 4) Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006. 68 с.
- 5) Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 34–39.
- 6) Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 384 с.

7) Гольдин В.Е. Нормативный аспект лексических ассоциаций // Русский язык сегодня. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. М.: ИРЯ РАН, 2006. С.128–137.

8) Денисов П.Н. [Рец.] Русский ассоциативный словарь // Русистика сегодня. 1995. № 3. С. 135–143.

9) Ильина О.С., Черняк В.Д. Принцип поля в исследовании фрагмента действительности // Проблемы интерпретационной лингвистики: поле как объект и инструмент исследования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. С.16–27.

10) Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

11) Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Е.С. Кубрякова. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 13–35.

12) Попова Н.П. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 20 с.

13) Попова Н.П., Черняк В.Д. Социолингвистический эксперимент как инструмент объективации языкового сознания // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Вып. 7. Ставрополь: Ставропольский университет, 2009. С. 98–105.

14) РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов ; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. М.: АСТ : Астрель, 2002. Т. 1–2.

15) РАСШ – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. Т. 1–2.

16) Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: Изд-во Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 2004. 792 с.

17) Словарь детских ассоциаций: ассоциации детей от шести до десяти лет / сост. Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1995. 255 с.

18) Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

19) Черняк В.Д. Профессор vs. студент в зеркале ассоциативного словаря // Русское слово и русский текст: история и современность: сб. науч. статей, посв. чл.-корр. РАО, проф. В.А. Козыреву. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2007а. С. 9–16.

20) Черняк В.Д. Ассоциативные связи и «память слова» (к вопросу о динамике лексикона современной языковой личности) // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. Л.В. Савельевой. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007б. С. 108–111.

21) Черняк В.Д. Славянский мир в ассоциативном тезаурусе русских // Studia Slavica Savariensia 1–2. Viktor Moiseenko Septuagenario. Szombathely: Szerk. Gadányi Károly, 2011. S. 87–92.

4.4. Лингвоконцепт в координатах миромоделирования: конструирование рекламной реальности

Кушнерук С.Л., Челябинск

Многоаспектная реальность человеческого сознания, воплощенная языковыми средствами, все больше привлекает современных исследователей. Принятие «субъективно-эпистемического» императива в познавательных отношениях человека с действительным миром, понимание того, что человеческое сознание не сводится к его зеркальному отражению, порождая ментальные миры разной степени сложности, формирует потребность в изучении взаимосвязанных когнитивных конструкторов в их соотношении с социально-значимой деятельностью людей, фокусируя внимание на дискурсе как лингвосоциальном феномене.

Социокогнитивный аспект языка и проблемы его описания обуславливают интерес к рекламе, которая на технотронном витке развития цивилизации выступает регулятором социально-значимой сферы взаимодействия людей, ищет эффективные пути к установлению контроля за познанием и пониманием потребителя. Обращение к коммерческой рекламе с позиций миромоделирования, интегрирующего когнитивный, коммуникативный и дискурсивный подходы [Кушнерук, 2013], – позволяет изучать проективные свойства дискурса, которые проявляются в трансляции смыслов посредством языковых механизмов, направляющих процессы конструирования многомерных ментальных образований. В этом кругу центральными являются понятия *лингвоконцепта* и *дискурсивного мира*.

В широком смысле соотношение между концептом как дискретной единицей сознания и ментальным миром устанавливает М.В. Никитин: «действительный мир, проецируясь в сознание, формирует концепты и их структуру, а концепты в свою очередь своими связями и зависимостями формируют структуру ментальных миров» [Никитин, 2007, с. 635]. Принимая данную точку зрения, полагаем, что дискурсивный мир является «средой обитания» лингвоконцептов, имеющих регулярные формы языковой объективации. Онтологический статус дискурсивного мира может быть охарактеризован как проективная реальность: «Воспринимаемые нами образы вещей существуют лишь в качестве проективной реальности, а не реальности самой по себе. Иначе говоря, мир наших непосредственно воспринимаемых образов, понимаемый нами в качестве объективной реальности, есть не более чем наше субъективное представление об этой реальности, которой мы стремимся придать статус чего-то абсолютно достоверного» [Минина, 2007].

Представление о том, что система лингвоконцептов, структурирующих дискурсивный мир, отражает взаимодействие коммуникантов в избранном типе социальной активности и обладает этнокультурной спецификой, ложится в основу сопоставительного анализа, который проводится на материале 2000 объявлений британской и российской коммерческой рекламы продуктов питания. Это дает возможность установить, какие концептуальные структуры профилируются в пределах сопоставляемых когнитивных областей, насколько полноценно содержание лингвоконцептов как единиц ментальности раскрывается в данном типе дискурсивной практики, как эволюционирует признаковый состав концептов-коррелятов в условиях рекламно-коммерческой деятельности в двух странах, и каким актуальным модификациям подвержен их содержательный объем. Ниже представлена методика и результаты обобщающего сопоставительного анализа лингвоконцептов в аспекте миромоделирующего потенциала. Каждый из них детально исследовался ранее, что обязывает нас сделать ссылку на свои предшествующие работы во избежание дублирования материалов [Кушнерук, 2014; Кушнерук, 2015].

Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные публикации, арсенал которых поистине необозрим, поэтому отметим лишь несколько обзорных работ [Карасик, 2004; Слышкин, 2004; Горюнова, 2005; Воркачев и др., 2007; Карасик, 2010; Орлова, 2010; Дзюба, 2011; Пименова, Кондратьева, 2011 и др.]. В целом в современной лингвистике различим ряд направлений в изучении концептуальных структур, ведущими из которых являются два принципиально важных подхода – лингвокогнитивный (концепт как оперативная содержательная единица концептуальной системы, отраженной в человеческом сознании) и лингвокультурологический (концепт как семантический транслятор языка культуры).

Лингвокультурный концепт (лингвоконцепт) рассматривается как «квант переживаемого знания, в составе которого выделяются понятийные, образные и ценностные характеристики» [Карасик, 2010, с. 6], как «вербализованный культурный смысл», ведущим отличительным признаком которого является «лингвокультурная отмеченность» [Воркачев и др., 2007]. Статус лингвоконцепта закрепляется за ментальными сущностями разной степени общности, которые обладают этнокультурной спецификой и получают регулярное языковое воплощение (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин). Лингвокультурные концепты концентрируют большой объем смысловозначимой информации, релевантной в условиях рекламного взаимодействия. Вслед за Р. Келлером, полагаем, что объективизиру-

емая в дискурсе система концептов – это «не зеркало мира, а зеркало того, как мы с ним взаимодействуем» [Кубрякова, 2004, с. 18].

По наблюдениям О.В. Орловой, культурные концепты в когнитивистике и лингвокультурологии традиционно анализируются в системно-структурном статическом аспекте. При этом моделируется концепт как «результат обобщения наддискурсивных признаков», а его дискурсивные признаки имеют статус дополнительных. В итоге концепт трактуется как «обобщенный конструктор коллективного языкового сознания, способный к дискурсивному варьированию» [Орлова, 2010, с. 78]. В целом принимая данную точку зрения, считаем, что вариативные характеристики лингвокультурного концепта имеют особую значимость в конкретном типе дискурса. Синтезирование дискурсивных смыслов происходит в ответ на целеполагание – в рекламе актуализируются те лингвоментальные сущности, которые имеют прагматическую детерминированность, то есть входят в сферу интересов рекламистов отдельной лингвокультуры и отражают социокультурные приоритеты потребления. Рекламный дискурс проецирует дискурсивный мир, участки которого фрагментарно выделены, что обусловлено профилированием/выдвижением вариативно-дискурсивных характеристик концептов, формируемых принадлежностью к данной «области бытования» – сфере общественного сознания, совпадающей в общих чертах с типом дискурса, где он обретает специальные дополнительные семантические признаки» [Воркачев и др., 2007, с. 7–8].

В связи с этим лингвокультурные концепты, объективируемые в концептуальном пространстве дискурсивных миров, должны рассматриваться в *динамическом аспекте*, то есть в плане коммуникативно-дискурсивного функционирования в условиях отражения и формирования социально-значимых смыслов и ценностных установок. Динамическая модель исследования лингвокультурных концептов предполагает установление векторов ассоциативно-смыслового развертывания в условиях дискурсивной актуализации лингвоментальных единиц. В настоящее время понятие вектора используется для обозначения направления смысловой интерпретации концепта, «характеризующееся единством стимулируемых медиарайтерами ассоциативных корреляций и аксиологических установок» [Орлова, 2010, с. 80]. В условиях проводимого исследования будем отталкиваться от рассуждения, что в результате многократной дискурсивной объективации лингвоконцепта в его структуре может появиться новая устойчивая ассоциативная корреляция. Лингвоконцепт перманентно эволюционирует, модифицируется, наращивая или утрачивая часть своего информационно-понятийного содержания под влиянием принципов ведения рекламной деятельности.

Поскольку концепт имеет интегральную природу, в теории описания концептуальных структур существуют разные подходы к его исследованию. Необходимость алгоритмизации исследовательской методики, ориентированной на детальное представление полученных результатов, предопределяет разные аспекты фокусировки. Одно из возможных разграничений – *содержание* и *структура* концепта. Акцент на содержании концепта предполагает рассмотрение совокупности признаков, отражающих отдельные стороны концептуализируемого предмета или явления. Этот подход в полной мере оправдывает себя при изучении статической стороны концепта (что может выражаться, например, в построении номинативного поля концепта, выявлении его лексикографического значения), поскольку содержание концепта внутренне упорядочено по полевому признаку и может ранжироваться – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. В таком случае описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере снижения «яркости» признака [Попова, Стернин, 2007, с. 115]. Обозначаются три элемента концепта – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле, подчеркивается, что концепт можно описывать как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из его структурообразующих компонентов [там же]. Думается, что динамический аспект исследования должен быть сосредоточен на значимых изменениях концепта в структурно-содержательной целостности, формируемой компонентами разной когнитивной природы. Поэтому названные подходы рассматриваются нами как взаимодополняющие в условиях обращения к лингвоконцепту как многомерной ментальной единице когнитивно-обобщающей направленности.

Идея об изменчивости структуры лингвокультурного концепта ранее высказывалась Г.Г. Слышкиным, сравнившим этот процесс «с катящимся комом снега, который постепенно обволакивается новыми слоями» [Слышкин, 2004, с. 43]. Убедительными представляются рассуждения ученого о насыщении концепта новыми концептуальными характеристиками. Принимая идею об эволюции концептуальных представлений, полагаем, что в коммерческой рекламе лингвокультурный концепт одновременно может наращивать и утрачивать значимые характеристики, что обусловлено стремительными изменениями концептуализируемых феноменов в целом, а также прагматическими факторами, предопределяющими профилирование тех концептуальных структур, которые наилучшим образом воплощают коммерчески-ориентированные рекламные технологии.

Эвристическую ценность в рамках проводимого исследования имеет положение о лингвистическом воплощении лингвоконцепта, восходящее к трехуровневой классификации репрезентаций естественного языка Ю.Н. Караулова и получившее развитие у Г.Г. Слышкина [Слышкин, 2004]. Центральным звеном концепции являются выводы о том, что лингвоконцепт может быть рассмотрен в аспекте *системного потенциала* (как совокупность средств апелляции к концепту, зафиксированная лексикографией); *субъектного потенциала* (как лингвистическое достояние, хранящееся в сознании индивида) и *текстового потенциала* (как текстовые реализации, апелляции к концепту в определенных коммуникативных условиях). Поскольку концепты, объективируемые в дискурсивных мирах, рассматриваются нами как особые лингвоментальные комплексы, детерминированные рекламной деятельностью и являющиеся средствами формирования и трансформации мнений и поведения потенциальных потребителей, считаем, что они могут быть рассмотрены в аспекте *миромоделирующего потенциала*, то есть способности конструирования рекламной реальности посредством передачи социально-значимых смыслов и ценностных установок в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в конкретных текстовых образцах. Предлагаемая нами методика сопоставительного анализа миромоделирующего потенциала лингвоконцептов имеет следующие этапы:

– **Определение знаковых «тел» лингвоконцептов.** На основе корпуса рекламных произведений британской и российской коммерческой рекламы устанавливаются актуализированные лексические единицы, которые можно рассматривать как имена концептов по дифференциальному признаку «ключевое слово» [Попова, Стернин, 2007, с. 177; Шмелева, 2009]. Поскольку концепт, обладая свойством полиапеллируемости, принципиально не сводим к значению отдельной языковой единицы, «входами» в лингвоконцепт являются лексемы и речевые обороты, которые наиболее полно его номинируют. Важно подчеркнуть, что в условиях дискурсивной актуализации лингвоконцепт может объективироваться при помощи лексических единиц, семантически не связанных с денотатом, но приобретающих связь лишь в условиях данного дискурса. Знаковые «тела» лингвоконцептов устанавливаются нами по трем критериям: частотность использования номинанта, лексические параметры слова (особенности сочетаемости, расширение сочетаемости, формирование новых синонимических и антонимических связей), грамматические параметры слова (деривационный потенциал слова, появление производных, расширение сферы употребления).

Анализ языковых знаков, являющихся средствами доступа к единицам ментальности, дает представление об особенностях кластеризации лингвоконцептов в дискурсивных мирах британской и российской коммерческой рекламы: когнитивные области формируются концептами HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TASTE / ВКУС, TRADITION / ТРАДИЦИЯ, PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, CHARITY, ORGANIC FOOD. Разделяя принцип неслучайности именования (по Ю. С. Степанову), представим данные относительно частотности употребления номинантов в расчете на 1000 текстов британской и 1000 текстов российской рекламы (см. таблицу).

Частотность употребления лексем, обозначающих значимые концепты русской и британской рекламы

Лексемы-репрезентанты	Британская реклама	Лексемы-репрезентанты	Российская реклама
health	266	здоровье	52
taste	410	вкус	446
organic	280	органический	–
tradition	100	традиция	68
quality	211	качество	172
charity	29	благотворительность	–

– **Анализ системного потенциала лингвоконцептов.** Обращение к лексикографическим источникам и анализ словарных иллюстраций позволяет установить дефиниционную составляющую номинанта, выявить статический перечень потенциальных признаков лингвоконцептов-коррелятов на основе ключевых слов и понятий, сопоставить их информационно-понятийное содержание (ядро) в двух языках.

– **Анализ миромоделирующего потенциала лингвоконцептов.** Обнаружение значимых корреляций между содержательными характеристиками, формирующими системный потенциал концепта, и их востребованностью в дискурсивных реализациях, а также выявление новых признаков (не имеющих фиксации на уровне информационно-понятийного содержания) осуществляется через обращение к текстовым репрезентациям, созданным представителями лингвокультуры в данном типе дискурса. Текстовые реализации отражают особенности дискурсивной актуализации лингвоконцепта в конкретных коммуникативных условиях и дают возможность построить его интерпретационное поле. Многомерность лингвоконцепта предопределяет комплексный сопоставительный анализ по параметрам семиотической плотности, особенностей линейной реализации, образно-оценочных и ценностных репрезента-

ций, а также объективируемых представлений, связанных с концептом.

Лексемное наполнение дает возможность сделать вывод о номинативной *семиотической / номинативной плотности* лингвоконцепта, предполагающей детализацию значимого для рекламы фрагмента, вариативность его обозначения в дискурсе, специфику актуализируемых смысловых оттенков. Номинативная плотность в общем понимается как «представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании» [Воркачев и др., 2007, с. 12]. Различия в номинативной плотности представляют возможность сопоставления дискурсивных миров в плане приоритетности феноменов, концептуализируемых в прагматических целях отечественными и зарубежными специалистами.

Привлечение данных словарей дает возможность изучения парадигматических связей имен концепта и моделировать его статическую структуру. Динамический аспект исследования лингвоконцептов, как представляется, должен в большей степени основываться на анализе контекстуального окружения концептов и особенностях их линейного развертывания в конкретных текстовых примерах. «Горизонтальный срез» выводит на первый план синтагматические отношения номинантов лингвоконцептов. *Анализ синтагматических связей имен лингвоконцепта* производится с позиции сочетаемости особенностей лексем, объективирующих концепт в дискурсе, а также свободных словосочетаний, фразеологизмов, предложений с учетом того, что апелляция к концепту часто имеет дисперсивный характер. Это дает возможность выявить связи, в которые вовлечен данный концепт как элемент дискурсивного мира коммерческой рекламы, например, *TRADITION* → *продукт, рецепт, способ, семейный бизнес, фирма, производитель, общекультурные традиции*.

Анализ контекстуального окружения позволяет специфицировать *образно-оценочные и ценностные характеристики* лингвоконцептов с учетом их внутренней формы (*благотворительность* – «творить благо») и дискурсивной актуализации в текстовых образцах. Так, в британской рекламе *благотворительность* есть положительно оцениваемое действие по оказанию материальной помощи людям через благотворительные организации. Подобный акт стано-

вится предметом гордости компании-производителя: «*Ginsters is proud to support charities which help enrich the lives of our local and wider communities*».

Представления, связанные с концептом, понимаются как фактуальная информация, выраженная совокупностью пропозиций, включающих элементы научного, повседневного и стереотипного знания [Слышкин, 2004, с. 32], полученного представителями лингвокультуры на базе опыта, обучения, взаимодействия с другими людьми. **Научные знания** – знания о законах природы, мышления, общества, человека: «*Ингредиенты с буквенным кодом «Е» являются безопасными пищевыми добавками, разрешенными к применению Министерством Здравоохранения РФ и Европейским Сообществом*». Прототипичным примером в британской рекламе продуктов питания является актуализация представлений о содержании калорий, сахара, жиров, соли и дневном рационе в расчете на одну порцию: «*A serving contains the following of your guideline daily amount...calories, sugar, fat, saturates, salt*». **Стереотипные знания** – культурно-детерминированные знания, фиксирующие существующие в обществах ценности: «*Англичане любят пить чай*», «*Суши – традиционная японская еда*». **Повседневные знания** – знания, основанные на здравом смысле, рутинным образом используемые в каждодневных ситуациях: «*Васаби – острая приправа, которую подают к суши и сашими*»; аналог рекламы васаби в британской рекламе подчеркивает возможность альтернативного использования приправы: «*It can be used as a dipping sauce not only with Sashimi, but also with all kinds of meat*».

Типологии лингвоконцептов, представленные в современной науке, имеют самые разные основания. Очевидный факт того, что общество людей состоит из отдельных личностей, которые объединяются в социальные группы, имеющие собственные концептосферы, ложится в основу деления лингвоконцептов на *этнокультурные* (актуальные для культуры в целом), *социокультурные* (для группы в рамках лингвокультуры, по типу социальной активности) и *индивидуально-культурные* (объективируемые в рамках конкретной культуры) [Карасик, 2004, с. 118]. Соотношение с национальными культурами дает основания для выделения *локальных* (соотносимых с одной национальной культурой – *валенки, окрошка*), *универсальных* (общих для большинства языков и культур – *счастье, благополучие*), *интернациональных* (вышедших за пределы отдельной культуры – *йога, цигун*), *глобальных* (цивилизационных – имена культовых фигур) концептов [Руженцева, Антонова, 2013].

Возможным вектором типологии является деление лингвоконцептов на «свои» и «чужие», которое, с одной стороны, предопределе-

но особенностями бессознательной стратегии человека мыслить оппозициями, противопоставляя вещи друг другу, с другой, – спецификой коммерческой рекламы, которую довольно часто связывают с паразитарностью (*parasite discourse*). Подобная квалификация подчеркивает способность рекламы жить за счет окружения: «Во многих отношениях реклама паразитирует на собственном окружении и других жанрах... В данной характеристике, в сущности, нет ничего негативного. Многие жанры являются паразитарными. Литературная критика паразитирует на литературе, спортивный комментарий – на спорте. Паразитарные дискурсы так же, как биологические организмы, могут быть полезными, если не необходимыми, своим «хозяевам» [Cook, 2001, с. 33–34]. Схожая идея ассиметричного симбиоза, выражающаяся в том, что реклама пользуется лучшими и наиболее привлекательными достижениями, которые ассоциируются с другими дискурсами, отмечается в целом ряде работ зарубежных специалистов [Goldman, 1992; Wernik, 1992; Goldman, Papson, 1994; Brown, 1995; O'Donohoe, 1997; Cook, 2001].

Мы намеренно отказываемся от определения «паразитарный», несущего пейоративную окраску, считая его неуместным по отношению к рекламе, которая, хотя и использует другие дискурсы в качестве опоры, но не наносит им вред, и в этом смысле должна сравниваться не с паразитом, а с эпифитом. Рекламный дискурс, имеющий «места закрепления», которые наилучшим образом обеспечивают его жизнеспособность, считаем *эпифитарным*, что проявляется в сознательном и / или бессознательном использовании в коммерческих целях семиотических кодов других дискурсов и дает основание предложить разграничение лингвоконцептов на интрадискурсивные и импортируемые.

Миромоделирующий потенциал интрадискурсивных лингвоконцептов в дискурсивных мирах британской и российской коммерческой рекламы. В нашей выборке группу составляют лингвоконцепты TASTE / ВКУС, PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, а также лингвоконцепт ORGANIC FOOD, воспроизводимый в британской коммерческой рекламе и лакунарный для российской. Интрадискурсивные лингвоконцепты (от лат. *intra-* 'внутри') формируются и регулярно объективируются в пределах рекламного дискурса и находят отражение в дискурсивных мирах, создаваемых совокупностью вербально-знаковых ресурсов английского и русского языков. Данные лингвоконцепты фиксируют *потребительские ценности* рекламируемых продуктов, под которыми принято понимать совокупность свойств, связанных с самим товаром и сопутствующими услугами, определяющих намерение покупателя приобрести данный товар. К категории потребительских

ценностей относится качество продукта, которое, в традиционном для маркетинга смысле, представляет степень удовлетворения потребностей клиента, решения его проблем. Одной из составляющих качеств продукта является его эстетичность, или внешний вид, что может отражаться в дизайне, облике, цвете и вкусе.

Общество в лице экономического института демонстрирует свою заинтересованность в широком привлечении внимания к «новому» продукту. Речь может идти о революционно новых продуктах, не имеющих аналогов (первый компьютер, ксерокс и пр.), о продуктах, новых для конкретного производителя, а также о продуктах следующего поколения, об улучшенных продуктах, потребительские ценности которых создаются как конкурентные преимущества, выгодно отличающие продукт от предшественников. Интрадискурсивность указанных лингвоконцептов является относительной, поскольку они оказываются отчасти совпадающими сразу в нескольких дискурсах (TASTE / ВКУС, ORGANIC FOOD – в гастрономическом дискурсе, PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА – в некоторых разновидностях экономического дискурса: промышленно-экономическом, финансово-экономическом, торгово-экономическом и пр.). В силу многих естественных факторов, таких как стремительное развитие общества в эпоху информационных технологий, и искусственных факторов, являющихся результатом намеренного влияния клиента на сознание коллективов потребителей, лингвоконцепты приобретают дополнительный набор признаков, расширяющих и модифицирующих их структуры. Создание привлекательной рекламной реальности предопределяет появление особой характеристики лингвоконцептов – коммерческой ангажированности. Коммерчески детерминированный элемент лингвоконцепта возникает в результате многократного целенаправленного воздействия агентов экономического института на клиентов, с тем, чтобы ориентировать их на совершение социально значимых действий, которые должны привести к увеличению активного спроса на рекламируемые продукты.

Миромоделирующий потенциал импортируемых лингвоконцептов в дискурсивных мирах британской и российской коммерческой рекламы. Группу формируют лингвоконцепты HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TRADITION / ТРАДИЦИЯ, а также лингвоконцепт CHARITY, воспроизводимый в британской коммерческой рекламе и лакунарный для российской. В целях повышения эффективности воздействия на целевую аудиторию в рекламном дискурсе целенаправленно внедряются лингвоконцепты, заимствованные из других дискурсов и не имеющие прямого отношения к объектам рекламирования. Мощный ценностный потенциал данных концептов предопределяет их активное использование в прагматических це-

лях. Специальные наблюдения над рекламными дискурсами позволяют констатировать апелляции к общечеловеческим фундаментальным ценностям, ведущей из которых является здоровье как непереносимое условие счастья и благополучия человека. Трансляция общекультурных ценностей реализуется как обращение к обычаям, порядкам и правилам, приемлемым в лингвокультуре и формирующими ее традиции. В коммерческих интересах также эксплуатируются *высшие духовные ценности*, изначально присущие христианской цивилизации. Такой практически ориентированной духовной ценностью выступает благотворительность, отражающая цивилизационную зрелость британской культуры и только начинающая приобретать институциональное оформление в российском обществе.

Основные итоги проведенного исследования лингвоконцептов в аспекте миромоделирования заключаются в следующих выводах.

Рекламный дискурс проективен в том смысле, что обладает преобразовательной силой, создающей реальность, которая подчиняется законам маркетинга. Проективность рекламных дискурсов в Великобритании и России реализуется как сознательное конструирование дискурсивных миров, в пределах которых профилируются когнитивные структуры, имеющие аксиологическую отмеченность. Дискурсивное выдвижение лингвоконцептов демонстрирует универсальную тенденцию обращения агентов рекламы к ментальному миру клиентов через использование ценностно-маркированных лингвоментальных сущностей в прагматических целях.

Динамическая модель сопоставительного исследования лингвокультурных концептов в дискурсивных мирах британской и российской коммерческой рекламы предполагает признание особой роли их *вариативных характеристик*, приобретающих значимость в условиях многократной дискурсивной актуализации для формирования социально-востребованных смыслов и ценностных установок, и дает возможность рассматривать регулярно объективируемые когнитивные единицы в аспекте миромоделирующего потенциала, то есть способности конструирования рекламной реальности, воплощенной конфигурациями векторов ассоциативно-смыслового развертывания. Уровень миромоделирующего потенциала лингвоконцептов является производным по отношению к уровням системного и текстового потенциалов. Он характеризуется с точки зрения динамики изменений, закладываемых целями усиления прагматической нагруженности лингвоконцептов в условиях дискурсивного регулирования рекламного взаимодействия.

По объективации в когнитивных пространствах дискурсивных миров выделяются *коррелятивные* (концептуальные структуры, обнаруживаемые как в британской, так и в российской рекламе) —

PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, TASTE / ВКУС, HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TRADITION / ТРАДИЦИЯ – и *некоррелятивные* (концептуальные структуры, присутствующие в британской рекламе и не имеющие соответствия в российской) лингвоконцепты – ORGANIC FOOD, CHARITY.

По сфере-источнику формирования и первичной реализации, лингвоконцепты, представленные в дискурсивных мирах британской и российской рекламы, разграничиваются на *интрадискурсивные* и *импортируемые*. Интрадискурсивные лингвоконцепты PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, TASTE / ВКУС, ORGANIC FOOD возникают в пределах рекламного дискурса и являются дискурсивно-закрепленными. Импортируемые лингвоконцепты HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TRADITION / ТРАДИЦИЯ, CHARITY, отличающиеся высокой аксиологической маркированностью, являются дискурсивно-нейтральными и принудительно ассимилируются в коммерческой рекламе.

Насыщение дискурсивных миров британской и российской коммерческой рекламы, происходящее за счет импорта лингвоконцептов, сопровождается модификациями их признакового объема, появлением особой содержательной характеристики – *коммерческой ангажированности* – под влиянием сущностных интенций рекламирования, связанных с регулированием спроса и предложения, распространением сведений о товарах для создания популярности, информированием об особых свойствах товаров.

По соотношению транслируемых ценностей когнитивные образования, объективируемые в дискурсивных мирах британской и российской коммерческой рекламы, делятся на *лингвоконцепты, фиксирующие ценности повседневного спроса* – первичные и вторичные потребительские ценности продуктов, выступающих объектами рекламирования (PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, TASTE / ВКУС, ORGANIC FOOD), и *лингвоконцепты, апеллирующие к высшим ценностям* (общечеловеческим, общекультурным и духовным), формирующим аксиологический шлейф рекламируемого продукта (HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TRADITION / ТРАДИЦИЯ, CHARITY).

Лингвоконцепты-корреляты PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, TASTE / ВКУС закрепляют базовые потребительские ценности, что главным образом отражается в их информационно-понятийном содержании. Миромоделирующий потенциал реализуется как формирование дополнительных потребительских ценностей, которое преимущественно происходит за счет образно-оценочных характеристик, передающих мелиоративные смыслы, и описывается:

– для концептов-коррелятов PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА векторами ассоциативно-смыслового развертывания в рамках оценочной (качество продукта – лучшее), энциклопедической (качество – ингерентное свойство рекламируемого продукта), утилитарной (качество продукта – применение), регулятивной (качество – контроль, стандарт) и социокультурной зон (качество – гордость британцев);

– для концептов-коррелятов TASTE / ВКУС единым ассоциативно-смысловым вектором «вкус как свойство рекламируемого продукта», идентично детализируемым в рамках оценочной (превосходный, улучшенный, приносящий удовольствие), энциклопедической (свойство продукта) и регулятивной (нужно создавать, усиливать) зон.

Миромоделирующий потенциал интрадискурсивного лингвоконцепта ORGANIC FOOD реализуется через установление *потребительской ценности как конкурентного преимущества рекламируемого продукта нового поколения*, что сопровождается актуализацией большого объема содержательно-фактуальной информации, представляющей сведения о значимости биопродуктов в жизни человека, особенностях органического земледелия, регулировании производства, экологически приемлемых методах работы, защите окружающей среды, а также позитивно-оценочную квалификацию рекламируемого биопродукта как лучшего, целебного, произведенного в гармонии с природой.

По общекультурной значимости концептуализируемых феноменов противопоставляются *культурно-значимые / сложившиеся* (регулярно объективируемые в рекламе) и *лакунарные* лингвоконцепты (ментальные образования, находящиеся в стадии формирования и не имеющие регулярных форм выражения), что отражает разные уровни культурно-языкового освоения действительности представителями двух лингвокультур:

– регулярная объективация лингвоконцептов ORGANIC FOOD и CHARITY в дискурсивном мире британской рекламы выявляет концептуальные лакуны в дискурсивном мире российской рекламы, что объясняется отсутствием соответствующих феноменов как ориентиров концептуализации, формирующих единицы лингвокультурного кода, востребованные в отечественной рекламной практике;

– инициализация названных лингвоконцептов связывается с поиском путей внедрения материальных и духовных ценностей в систему ценностей российского общества, что прогнозирует выражение лингвоконцептов в отечественной коммерческой рекламе.

По апелляции к коллективным и индивидуальным ценностям в сопоставляемых дискурсивных мирах выделяются лингвоконцеп-

ты-корреляты HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, TRADITION / ТРАДИЦИЯ, что подчеркивает универсальный характер обращения зарубежных и отечественных специалистов к фундаментальным общечеловеческим и общекультурным ценностям в прагматических целях. Лингвокультурная отмеченность сопоставляемых лингвоконцептов проявляется как на уровне системного, так и на уровне миромоделирующего потенциалов:

– при общности информационно-понятийного ядра на уровне статических признаков обнаруживаются несовпадающие характеристики, подтверждающие разные аспекты концептуализации здоровья (однотипные признаки здоровья: *состояние организма, отсутствие недуга, самочувствие*; этнокультурные признаки: *духовное и социальное благополучие* – в структуре лингвоконцепта ЗДОРОВЬЕ, *умственное и физическое состояние* – в структуре лингвоконцепта HEALTH);

– системный потенциал лингвоконцептов-коррелятов TRADITION / ТРАДИЦИЯ формируется набором инвариантных признаков (*обычаи, навыки практической деятельности, передаваемые потомкам*), этнокультурным признаком *художественный метод* в структуре лингвоконцепта TRADITION и признаком *регулятор общественных отношений* в структуре лингвоконцепта ТРАДИЦИЯ;

– уровень миромоделирующего потенциала лингвоконцептов HEALTH / ЗДОРОВЬЕ демонстрирует расширение палитры культурно-специфичных признаков, представленных комбинаторикой векторов ассоциативно-смыслового развертывания в оценочной, энциклопедической, регулятивной и социокультурной зонах (в структуре лингвоконцепта HEALTH: *health* → *lifestyle*, *health* → *vegetarian*, *health* → *vegan*; в структуре лингвоконцепта ЗДОРОВЬЕ: *здоровье* → *иммунитет*, *здоровье* → *лечение/профилактика*);

– миромоделирующий потенциал лингвоконцептов-коррелятов TRADITION / ТРАДИЦИЯ упорядочивают векторы ассоциативно-смыслового развития, прогрессирующие в оценочной, энциклопедической, утилитарной, регулятивной и социокультурной зонах. Прагматическую нагруженность лингвоконцепта TRADITION отличают концептуальные признаки, реализуемые смысловыми векторами *tradition* → *generation*, *tradition* → *experience*, *tradition* → *craft*, *tradition* → *expertise*, *tradition* → *history*, *tradition* → *heritage*, *tradition* → *century*, *tradition* → *family business*, лакунарными для отечественной рекламной практики. Концептуальное расширение признакового состава лингвоконцепта ТРАДИЦИЯ достигается установлением смысловых векторов *традиция* → *технология производства*, *традиция* → *традиция потребления*.

Регулярная объективация лингвоконцепта CHARITY в дискурсивном мире британской рекламы подчеркивает акцентуацию духовных ценностей. Признаковый состав наддискурсивных характеристик лингвоконцепта модифицируется векторами ассоциативно-смыслового развития, подчеркивающими участие производителя рекламируемого продукта в общественном благоустройстве, что создает его коммерческую детерминированность: *charities/producer* → *children*, *charities/producer* → *animals*, *charities/producer* → *sport*, *charities/producer* → *organic farming*.

По особенностям лингвокультурной кодификации, отражающей механизмы профилирования лингвоконцептов, дискурсивные миры в британской и российской коммерческой рекламе характеризуются значимыми оппозициями:

– *наличие / отсутствие концептуальных разновидностей*, представленных дискурсивно-релевантными словами-ассоциатами (лексема *vegan* (94), представляющая лингвоконцепт HEALTH, не имеет коррелята для лингвоконцепта ЗДОРОВЬЕ; лексема *corn* (184) не имеет коррелята для лингвоконцепта PRODUCT QUALITY).

– *высокая / низкая актуальность лингвоконцептов*, выявляемая через сопоставление востребованности языковых репрезентантов, используемых для концентрированной и дисперсивной реализации (актуальность лингвоконцепта TRADITION выше по сравнению с русским коррелятом: *traditional* (69), *tradition*(21), *traditionally* (10), *generation* (45), *experience* (42), *expert* (40), *craft* (20), *expertise* (16), *history* (16), *heritage* (14), *century* (11), *family business* (23), *family recipe* (13), *family farms* (11); лингвоконцепт ТРАДИЦИЯ: *традиция* (5), *традиционный* (66), *традиционно* (3), *рецепт* (50), *технология* (32)).

– *симметричность / асимметричность актуализации*, определяемая по соотношению базовых репрезентантов (у лингвоконцепта TASTE четыре базовых репрезентанта – *flavour*, *delicious*, *taste*, *aroma*; у лингвоконцепта-коррелята три: *вкус*, *аромат*, *запах*).

– *равномерная / неравномерная концептуализация*, характеризующая системный потенциал лингвоконцептов-коррелятов (признак *удовольствие*: (-/+)) в структурах лингвоконцептов TASTE / ВКУС; признаки *соответствие стандартам* (-/+), *привлекательность для покупателей* (+/-) в структурах лингвоконцептов PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА).

– *однотипная / этноспецифическая комбинаторика* векторов ассоциативно-смыслового развития, характеризующая миромоделирующий потенциал лингвоконцептов-коррелятов (однотипными для лингвоконцептов-коррелятов PRODUCT QUALITY / КАЧЕСТВО ПРОДУКТА являются векторы *качество* → *лучшее*, *качество* → *ин-*

герентное свойство продукта; этноспецифическими – *качество* → *стандарт* у концепта КАЧЕСТВО ПРОДУКТА, *product quality* → *pride* у концепта PRODUCT QUALITY).

– *эстетическая / фактуальная реализация* миромоделирующего потенциала (квалификации оценочного, эмоционального, нравственно-этического планов лингвоконцептов-коррелятов TASTE / ВКУС; представления эмпирического и научно-теоретического планов лингвоконцептов-коррелятов HEALTH / ЗДОРОВЬЕ).

Намеченные векторы исследования лингвоконцептов в ракурсе миромоделирования открывают перспективы для дальнейшего изучения способов репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях. Высказанные идеи могут стать отправными в описании проективной значимости ментальных миров в соотношении с фрагментами действительного мира в других сферах общественной практики.

Библиографический список

1. Воркачев, С.Г., Кузнецова Л.Э., Кусов Г.В., Полиниченко Ю.Д., Хизова М.А. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград, 2007. 400 с.
2. Горюнова О.Н. Концептуальная структура текста рекламного сообщения (на материале печатной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
3. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 224 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик В.И. Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 34–41.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Кушнерук С.Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 295 с.
8. Кушнерук С.Л. Национально-культурная специфика дискурсивных миров в коммерческой рекламе Великобритании и России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Том 1. Филология. № 1. С. 210–220.
9. Кушнерук С.Л. Дискурсивное конструирование рекламных миров: концепты *TASTE / ВКУС* в ракурсе сопоставления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Том 14. Вып. 2. С. 130–135.
10. Минаева М.Л. Теория отражения и проблема интерпретации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. 20 с.

11. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
12. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 78–83.
13. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
15. Руженцева Н.Б., Антонова Ю.А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 292 с.
16. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
17. Шмелева Т.В. *Кризис* как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2(28). С. 63–67.
18. Brown S. Postmodern Marketing. London: Routledge, 1995.
19. Cook G. The Discourse of Advertising. London; New York: Routledge, 2001. 256 p.
20. Goldman R. Reading Ads Socially. London: Routledge, 1992. 252 p.
21. Goldman R., Papson S. Advertising in the Age of Hypersignification // Theory, Culture and Society. 1994. Vol. 11. P. 23–53.
22. O'Donohoe S. Raiding the Postmodern Pantry. Advertising intertextuality and the Young Adult Audience // European Journal of Marketing. 1997. Vol. 31. 3/4. P. 234–253.
23. Wernik A. Promotional Culture: advertising, ideology and symbolic expression. London: Sage, 1992. 208 p.

Глава 5

ДИСКУРС, ТЕКСТ, КОММУНИКАЦИЯ

5.1. Можно ли получить новое лингвистическое знание, изучая макроструктуру текста?

Гришаева Л.И., Воронеж

Развитие любой науки, конечно же, не может стоять на месте. Эта банальная констатация очевидного в ряде случаев нуждается в подтверждении фактами, которые в конкретный период времени можно интерпретировать как приращению научного знания в соответствующей области исследования и вследствие этого – как необходимый исследовательский шаг.

Сказанное справедливо и по отношению к одной из наиболее востребованной сферы приложения научного поиска – к теории текста, положения которой затрагиваются и в актуальных исследованиях. И это не удивительно, т. к. объектом лингвистического анализа в последние десятилетия по праву стали максимально сложные, подпадающие под влияние разнородных и разнонаправленных факторов феномены, которые изучаются в силу своей сложности с самых разных позиций – дискурс как процесс взаимодействия между коммуникантами и текст как продукт этого взаимодействия.

Высокую объяснительную силу обобщений, полученных согласно положениям и процедурам, разработанным в теории текста, можно доказать и тем, что эта теория служит теоретическим фундаментом для лингводидактических рекомендаций, разработки новых учебных пособий по иностранным языкам. Так, Р. Фройденберг-Финдайзен, анализируя последние учебные пособия по немецкому языку, особо характеризует те положения теории текста, которые продуктивно используются лингводидактами в разных дидактических целях, в частности, типы текста [Freudenberg-Findeisen, 2014, с. 566–569] и соответствующая компетенция [там же, с. 570–573], вполне оправданно находятся в фокусе анализа.

Постановка проблемы

В специальной литературе по теории текста сегодня имеются многочисленные классификации текстов, в которых представлены типы текста, выделяемые по разным основаниям³. Соответствующие теории обладают, несомненно, определенной объяснительной силой, позволяющей непротиворечиво описывать текст как динамически, так и статически. Ряд положений теории текста, частью которой является типология текстов, стал в силу многоаспектного исследования текстов разного рода в самых разных условиях их бытования практически аксиоматичным, не подвергающимся сомнениям на разных этапах развития теории текста. Часть тезисов находится, если можно так выразиться, в постоянном развитии, способствуя тем самым углублению представлений о разных свойствах текста. Другими словами, теорию текста сегодня можно охарактеризовать как полноценно описывающую столь сложный для лингвистического описания феномен, как текст.

Следует, однако, обратить внимание на амбивалентность отмеченного положения дел. С одной стороны, нет никакого сомнения в высокой объяснительной силе обобщений, полученных за последние десятилетия в теории текста относительно сущности текста, его свойств, функционального потенциала, принципов его содержательной, структурной, тематической и частично иных принципов организации. С другой стороны, теория текста пока не располагает аргументированными ответами на ряд вопросов, возникающих, например, при сопоставлении текстов одного типа, порожденных в разных культурных пространствах, в частности:

– Чем объяснить очевидное сходство, наблюдаемое в текстах одного типа, порожденных в разных культурах, с различных точек зрения? Например, в тексте типа «инструкция» имеются одни и те же части, легко вычлняемые – между прочим, на одних и тех же основаниях – в содержательном и формальном отношении в разных культурных пространствах.

– Почему в содержательно сопоставимых частях текстов одного типа, порождаемых в разных языковых культурах, степень детализации сообщаемых сведений из одной и той же понятийной сферы разная? Например, в типе текста «инструкция по эксплуа-

³ Анализ специальной литературы по проблематике теории текста в данной публикации отсутствует, с одной стороны, из-за практически необозримого на сегодняшний день количества трудов по теории текста, выполненных на материале разных языков и культур, и, с другой стороны, из-за общеизвестности работ обобщающего характера, тщательно разбирающих общие и частные проблемы теории текста, особо актуальных в разные периоды развития названной области лингвистических исследований.

тации (некоторого прибора)» степень детализации сведений о возможных поломках существенным образом различается.

– В опоре на какие закономерности организации текста можно объяснить, что некоторые части текстов одного и того же типа в культуре *A* адресант может без особых размышлений опустить, в то время как в культуре *B* этого делать нельзя, поскольку такое обращение с текстом разрушает текстовую ткань как таковую?

– Если принять точку зрения о сущности текста как о коммуникативном результате, то как объяснить, учитывая специфичность структуры коммуникативных событий, проявляющуюся в количественном и качественном отношении в каждой языковой культуре, что текст одного и того же типа, написанный, например, на одну и ту же тему, в разных культурах не может быть тождественным? Более того, практика преподавания иностранного языка богата примерами того, насколько разной является с точки зрения носителей языка *A* степень сложности понимания текста, порожденного в культуре изучаемого языка *B*, когда этот тип текста не известен носителям культуры *A*.

Перечень вопросов можно продолжить, однако это вряд ли может приблизиться к объяснению того, как соотносятся друг с другом универсальные и специфические закономерности в организации содержательной и синтаксической структуры текста. Выражаясь иначе, следует акцентировать то, что проблематика теории текста еще не исчерпала себя, несмотря на более чем полувековой пристальный интерес к соответствующим вопросам⁴.

Из-за высокой гетерогенности критериев, применяемых как в типологии текста вообще, так и в разных текстотипологических школах в частности, нельзя, таким образом, продуктивно и надежно сопоставлять тексты, порожденные в разных языковых культурах,

⁴ Одним из косвенных доказательств сказанного можно считать ряд публикаций, представленных в одном сборнике и прямо и/или косвенно анализирующих текст. Разнообразие ракурсов исследования проблем текста, многоаспектность изучения текста как объекта описания, внимание к разным закономерностям организации текста как феномена, тщательность описания отдельных – общих и/или частных – вопросов обсуждаемой теории не оставляет сомнения в необходимости обращения к рассматриваемой исследовательской области в актуальных условиях при решении новых теоретических задач. Особо следует отметить продуктивность положений теории текста для объяснения новых образований в новой коммуникативной среде; см. подробнее публикации [Анисимова, 2014; Бокова, 2014; Довгань, 2014; Кашкина, 2014; Кострова, 2014; Кухарева, 2014; Пастухов, 2014; Рифтина, 2014; Теремкова, 2014; Щипицина, 2014; Freudenberg-Findeisen, 2014; Nord, 2014; Schmitz, 2014; Shevelyova, 2014]. Названные публикации свидетельствуют о значимости получаемых в процессе изучения текстов разного типа данных для лингвистики, коммуникативистики, теории межкультурной коммуникации, жанристики и других гуманитарных наук, о возможности приложения устоявшихся в теории текста положений к непознанным еще объектам лингвистического анализа.

как тексты одного типа, т. е. как тексты, обладающие сопоставимыми, если не идентичными, функциональными, семантическими, синтаксическими, структурными, тематическими, формальными свойствами.

Между тем тексты одного типа/класса, порождаемые в разных языковых культурах, наряду с интегральными для всех лингвокультур характеристиками, обнаруживаемыми вследствие принадлежности этих текстов к одному типу/классу, имеют и дифференциальные признаки, выявляемые как по семантическим, так и синтаксическим, тематическим, структурным или формальным основаниям, признаки, свойственные не только тексту как таковому, но и тексту конкретного типа. Последнее обстоятельство крайне важно, поскольку каждый конкретный текст существует как воплощение некоего типа текста.

Из-за того, что интегральные и дифференциальные признаки текста до сих пор определены не столь надежно, как это необходимо в теории текста, оказывается невозможным, во-первых, охарактеризовать и интегральные, и дифференциальные признаки, присущие некоторому типу текста как таковые, а также, во-вторых, описать макротекстовую организацию текста в семантическом и синтаксическом отношении, т.е. иметь в виду прежде всего цельный текст и особенности организации именно текстового целого.

Таким образом, в качестве цели предлагаемого исследования следует назвать стремление обобщить наблюдения, сделанные как в процессе преподавания немецкого языка как иностранного, так и в ходе теоретического изучения текстов разного типа, а также при осмыслении трудов по теории текста и анализе результатов межкультурного взаимодействия в разных условиях в теоретическом и практическом ракурсе. Целесообразность этого решения основывается на том, что на данном этапе многоаспектного описания текстов накопились факты, нуждающиеся в тщательном анализе и структурировании.

Контрастивный макротекстовый анализ

Для решения этой исследовательской задачи максимально эффективным может стать, как представляется, контрастивный макротекстовый анализ. Как ясно из самого названия, он заключается в сопоставлении макроструктур текстов одного типа, бытующих в разных языковых культурах, чтобы понять, какова доля универсального и/или культурно специфического в процессах порождения и восприятия текстов в разных языковых культурах, а также в соответствующих текстах как результате коммуникации.

Целесообразность использования термина *макротекст* вытекает из практики текстолингвистических исследований, которые богаты примерами того, что в качестве свойств текста в целом нередко выступают обобщения наблюдений либо над теми или иными особенностями микротекстов (или в другой терминологии: сверхфразовых/трансфразических единств, микротекстов, как их называла О.И. Москальская), либо над отдельными характеристиками, присущими тексту и/или его отдельным составным частям, характеристиками, выделяемыми с помощью определенных строгих исследовательских процедур и/или проявляющимися под некоторым теоретически обоснованным углом зрения. Акцент на компоненте *макротекста* делается потому, что термин *текст* исследователи и лингводидакты довольно часто используют применительно к частям цельного текста. Обращение к термину *макротекст* подчеркивает, что речь идет о едином целом, сложно организованном по определенным основаниям и что части подчинены целому.

В ряде случаев отмеченное обстоятельство не имеет принципиального значения в теоретическом и/или практическом отношении. Однако есть случаи, когда невнимание к особенностям семантической и синтаксической текстовой макроструктуре становится крайне важным, например, при порождении в иноязычной культуре текста, тип которого адресанту знаком по «своей» культуре. В силу этого данная коммуникативная задача представляется коммуниканту совсем несложной (*ведь все пишут такие тексты*), так как подобные тексты он считает универсальными: с письмом, инструкцией, благодарностью, отказом, рекламацией, жалобой, резюме, заявлением и т.д. коммуниканты встречаются в своей каждодневной коммуникативной практике. В качестве иллюстрации сказанному можно напомнить о многочисленных курьезных случаях: неофициальное письмо с многочисленными – часто катастрофическими для коммуникации – ошибками, некорректное оформление официального письма, резюме для приема на работу и т. д.

Представления о макротекстовом анализе, кратко излагаемые ниже, вытекают, что естественно, из основных положений теории текста, как они были выработаны еще в 1960–1990-е годы и в последующий период. Эти представления зафиксированы в многочисленных лингвистических словарях, например, [Лингвистический ..., 2000; Kleine Enzyklopädie, 1983; Metzler Lexikon, 1993; Lewandowski, 1994; Bußmann, 2002], а также в трудах обобщающего характера исследователей разных лингвистических школ [Анисимова, 2003; Helbig, 1975; Moskalskaja, 1984; Weinrich, 1993; Heinemann, Heinemann,

2002; Fіx, 2008]⁵. Эти положения теории текста стали обязательным лингвистическим знанием, которое сообщают также учебники по теоретической грамматике и/или общему языкознанию для студентов-филологов и лингвистов, подготовленные авторами, представляющими разные лингвистические школы.

Кроме того, в процессе собственного исследования закономерностей организации текста получены интересные данные относительно способов установления когерентности. Сформулирован вывод о соотношении линейности и иерархичности внутритекстовых связей, прослеживаемых по семантическим, синтаксическим и сугубо формально-структурным основаниям. Выявлена прямая зависимость конфигурации этих связей в зависимости от внешних и внутренних по отношению к тексту факторов, в особенности от интенции адресанта и точки зрения на воспринимаемую им ситуацию и/или фрагмент действительности как комплекс ситуаций [Гришаева, 1998; Гришаева, 1999].

Таким образом, совокупность разнородных данных относительно текста стало ясно, что и те текстовые особенности, закономерность которых до сих пор не столь очевидна и пока не доказана строгими лингвистическими процедурами, не столь произвольны и индивидуальны для отдельных носителей языка и культуры, как это может показаться на первый взгляд. Следствием размышлений над сказанным стал поиск таких лингвистических процедур и становление макротекстового анализа как специально исследовательской процедуры.

В конечном итоге макротекстовый анализ, как сложились мои представления о нем на протяжении почти двадцати лет, базируется на следующих тезисах, которые более или менее подробно изложены в моих публикациях (см. прежде всего [Гришаева, 2013а; Гришаева, 2013б; Гришаева, 2014]) и выступлениях на конференциях различного ранга, в особенности в период 2010–2015 гг. Ряд соответствующих наблюдений над организацией текстов разных типов, предположений относительно принципов текстовой организации, обобщений, значимых в общетеоретическом отношении, были также верифицированы диссертационными исследованиями, выполненными под моим научным руководством [Волкова, 2010; Бокова, 2011; Довгань, 2013а; Довгань, 2013б].

⁵ В этом контексте уместно подчеркнуть особый вклад в развитие положений, принятых позднее в качестве основополагающих для понимания текста как феномена и описания принципов его организации, немецких исследователей, а также советских германистов.

Каждый текст является реализацией определенного типа, даже если носитель языка и культуры и не осознает этого при порождении (устно и/или письменно возникающего) текста.

Неотъемлемой конститутивной единицей (макро)текста признается макрокомпонент текста, имеющий свою семантическую, синтаксическую, тематическую организацию и выполняющий частную коммуникативную функцию, подчиненную функции текста в целом.

Каждый тип текста имеет в языковой культуре свой набор макрокомпонентов, количественный и качественный состав которых складывается в культуре и постепенно закрепляется в коммуникативной практике. Этот своего рода образец становится конвенциональным инвариантом, которым и руководствуются коммуниканты в процессе взаимодействия со своими партнерами в разных условиях, хотя степень осознания этого для разных категорий коммуникантов, естественно, различен. Этот инвариант также не всегда воспринимается носителями языка и культуры как таковой, однако входит в нормы ожидания, нарушения которых носители языка и культуры ясно распознают.

В инвариант входит также последовательность сочленения макрокомпонентов, возможность их содержательного и/или формального распространения либо элиминации, перегруппировку в текстовом целом. Сюда же должны входить и представления о том, каким образом следует преимущественно вербализовывать обязательно / факультативно активизируемые сведения о мире.

Набор макрокомпонентов можно условно разделить на две группы: обязательные и факультативные. Последние можно при порождении опускать, что не сказывается негативно на результате коммуникации в конкретных условиях. Реализация обязательных макрокомпонентов обеспечивает функциональную устойчивость того или иного типа текста.

Инвариант реализуется под влиянием внутренних и внешних для организации текста факторов, что предопределяет количественный и качественный состав входящих в конкретный текст макрокомпонентов, а также выбор средств выражения этих макрокомпонентов. Последние могут быть прототипическими или непрототипическими, конвенциональными и неконвенциональными, допустимыми или невозможными в конкретных условиях.

Средства выражения макрокомпонентов – один и/или несколько сверхфразовых единств, каждое из которых может иметь как минимальную, так и максимальную форму реализации. Так, максимальная форма вербализации пропозиции – финитная конструкция, конституируемая разными глаголами, а также изофункциональные финитной конструкции структуры (субстантивные, адъективные),

минимальная – одна лексема с разной словообразовательной структурой, обладающая тем не менее выраженной коммуникативной функцией.

Макроструктуру можно описывать под разными углами зрения и тем самым дифференцировать сознательно отрефлектированные представления о нормах ожидания того, как в определенных коммуникативных условиях для реализации конкретных целей порождаются тексты того или иного типа. Особого внимания в этом смысле заслуживают синтаксическая и семантическая макроструктура текста, тесно связанные друг с другом.

Синтаксическая макроструктура представляет собой определенным образом организованную в текстовом целом последовательность текстовых образований разной степени сложности: макрокомпонентов, сверхфразовых единств (микротекстов), текстом и др., а также определенным образом организованные на микротекстовом уровне текстовые образования менее сложной, чем макрокомпоненты, степени сложности, т.е. последовательность микротекстов в макрокомпоненте, последовательность текстом в микротексте и т.п.

Семантическая макроструктура текста предполагает закономерную для конкретной языковой культуры содержательную структуру, складывающуюся из чередующихся (строго или менее строго) определенным образом сведений из известных носителям языка и культуры понятийных сфер с разной степенью детализации и конкретизации. Эту структуру можно изучать как на макро-, так и на микроуровне.

Справедливость высказанных положений косвенно можно доказать и результатами анализа модифицированных этнографических интервью, проведенных с носителями разных культур и написанных на русском, немецком, английском языках [Стратегии..., 2005]. В обсуждаемом контексте следует заметить, что интервьюируемым, которые являются экспертами в области теории и практики межкультурной коммуникации и носителями богатого и успешного опыта межкультурного общения, предлагалось написать эссе о «своей» культуре на фоне «чужой»⁶. Несмотря на то, что круг решаемых в названной коллективной монографии задач концентрировался на проблемах теории межкультурной коммуникации, полученные в процессе исследования данные значимы и для теории текста. Редакторы этой коллективной монографии в этой связи специально

⁶ Эта задача была, с одной стороны, новой в теории межкультурной коммуникации и, с другой стороны, чрезвычайно сложной для всех экспертов, поскольку размышления о «своей» культуре обычно не становятся осмысленной задачей, т. е. когнитивной фигурой в акте познания и коммуникации, оставаясь лишь когнитивным фоном.

отмечают: «С точки зрения лингвистической – и, шире, филологической – полученные тексты представляют собой ценнейший исследовательский материал, поскольку в силу условий, в которых проводятся интервью, заведомо унифицируются некоторые важные для коммуникации дискурсивные параметры и остается минимум переменных, влияние которых на результат речемыслительной деятельности представляется возможным проследить с большой степенью объективности» [Стратегии ..., 2005, с. 341].

Главными в этом смысле являются следующие обобщения, лишь по понятным причинам частично освещаемые с текстограмматической точки зрения в цитируемом исследовании (см. подробнее эссе о русской, немецкой, британской, украинской, белорусской, польской, финской, американской, японской, испанской, канадской культурах, написанных на русском, немецком, английском языках, носителями русской, немецкой, британской, чешской, финской культур в работе [Стратегии..., 2005, с. 21–338]):

– носители разных культур, в которых имеется тип текста «эссе», оформляют этот текст по-разному. Названные характеристики текста проявляются как в содержательном, так и формально-структурном отношении. Это свидетельствует о наличии культурно-специфических представлений о типе текста, которыми владеют носители языка и культуры;

– носители одной культуры оформляют один и тот же тип текста более или менее сопоставимо, хотя и не тождественно. При этом для исследователя не составляет труда проследить индивидуальные особенности в появившемся тексте – в эссе. Это позволяет выделить интегральные и дифференциальные черты, свойственные конкретному типу текста не только для одной культуры, но и для эссе как универсального явления, варьируемого в разных культурных пространствах;

– носители одной культуры, раскрывая одну и ту же тему, детализируют сведения из одной понятийной сферы по-разному, в зависимости от личностной идентичности. Вместе с тем набор тем, которые раскрываются в эссе, авторами которых являются носители одной культуры, можно считать в значительной мере одинаковым. Это говорит о сходстве норм ожидания, актуальных в пределах одного культурного пространства, а также о наличии знаний, разделяемых всеми в одной культуре и входящих в структуру коллективной идентичности;

– носители одной культуры, следуя принятым в «своей» культуре нормам ожидания, выбирают определенную перспективу изложения: индуктивный или дедуктивный подход к осмыслению своего межкультурного опыта, взгляд изнутри или извне на

сообщаемое, стремление обобщить или констатировать, посмотреть на ситуацию эмоционально или подчеркнуто отстраненно. Это свидетельствует о необходимости учитывать диалектику субъективного и объективного, универсального и культурно специфичного, обязательного и факультативного при порождении и восприятии текста.

В качестве примера высказанным обобщениям можно сопоставить два эссе, по объему приблизительно одинаковые, тематически предельно близкие, но столь различные в содержательном и формально-структурном отношении. Необходимо подчеркнуть, что на уровне микротекста, т.е. в пределах сверхфразового единства, отмеченные ниже в таблицах 2 и 3 особенности, заметить нельзя. В фокус внимания авторы помещают еду, напитки и все, что связано с приемом пищи и сопутствующими ему традициями, но делают это по-своему, так, как принято в «своей» культуре.

Носитель русской культуры обращает внимание на следующие аспекты приема пищи, называя свое эссе «Мы живем не для того, чтобы есть (см. таблицу 1). А они?» [Стратегии..., 2005, с. 218–224].

Иначе поступает носитель немецкой культуры, давая своему эссе название *Die eigene Kultur vor dem Hintergrund der fremden* / «Своя культура на фоне чужой» [Стратегии..., 2005, с. 181–189]. Следует заметить, что Кристине Мюллер четко структурирует содержание эссе, озаглавив вторую часть *Andere Länder – andere Sitten!*, оставив первую, в которой она рассказывает о себе, без заголовка (см. таблицу 2).

Следует заметить также, что высказанные выше обобщения относительно диалектики универсального и культурно специфичного в макроструктуре текста подтверждаются междисциплинарным – с позиции теории межкультурной коммуникации и теории текста – исследованием текстов одного типа, порожденных в разных языковых культурах (см. подробнее [Гришаева, 2009]).

Проиллюстрировать сказанное выше относительно интерпретации макротекстового анализа можно уже неоднократно цитируемой в моих публикациях последних лет схемой (см. рисунок), обобщающей результаты изучения над типом текста «рецензия на литературное произведение» Н.В. Довгань [Довгань, 2013, с. 46]. Сформулированные обобщения представлены также в форме таблицы 3, наглядно показывающей, как соотносятся друг с другом разные компоненты макротекста, характеризуемые под разными углами зрения.

**Таблица 1 – Макротекстовый тематический анализ текста,
порожденного носителем русской культуры**

Субъект коммуникации	<i>Валентина Владимировна Корнева</i> как носитель личностной и коллективной идентичности
Носитель русской культуры рассказывает об испанской культуре (=6 с.)	
Тематическая сфера	Манера изложения мыслей
Продукты питания, манера питаться в разных условиях Традиции питания	Сопоставление ожидаемых и неожиданных реакций на обыденные действия
Отношения между людьми во время приема пищи	Выявление соотношения приема пищи с ценностными ориентациями
«Философия» питания	Значимость приема пищи для коллективных субъектов
Рацион питания	
Детализации русского хлебосольтва Сравнение с испанским праздничным столом	Сопоставление с известными гетеростереотипами
Рассказ о конкретном случае из личной практики в качестве иллюстрации «социального статуса» еды	Живое повествование сквозь личную призму восприятия Эмоциональная оценка действий инокультурных субъектов
Соотношение высокого и обыденного в русской и испанской культурах	Анализ и объяснение собственного эмоционально-оценочного отношения к наблюдаемым в «чужой» культуре явлениям Объяснение корреляций между действиями носителей испанской культуры и ценностными ориентациями
Ряд аналогичных аутентичных примеров (текстов) из испанской культуры для иллюстрации высокого «социального» статуса приема пищи в этой культуре	Комментарий к обсуждаемым явлениям в виде перевода приведенных текстов
Место еды на шкале ценностей в русской и испанской культурах	Обобщение наблюдений Последовательное поаспектное сопоставление особенностей русской и испанской культур
Отношение к настоящему и будущему в русской и испанской культурах	

Рисунок, представляющий ниже инвариант типа текста «рецензия на литературное произведение», дает исчерпывающую информацию о следующих текстограмматически значимых аспектах:

- количество обязательных и факультативных макрокомпонентов в цельном тексте, их последовательность в текстовом целом;
- последовательность активизации сведений из определенных понятийных сфер;
- потенциально возможные случаи содержательного и синтаксического объединения нескольких макрокомпонентов или их элиминации;

– понятийные сферы, сведения из которых активизируются при порождении соответствующего текста;

– содержательный и структурный стержень, так как рецензия – это развернутая оценка; поэтому оценка может присутствовать в текстовом целом как в каждом из макрокомпонентов, так и в качестве самостоятельного макрокомпонента.

Таблица 2 – Макротекстовый тематический анализ текста, порожденного носителем немецкой культуры

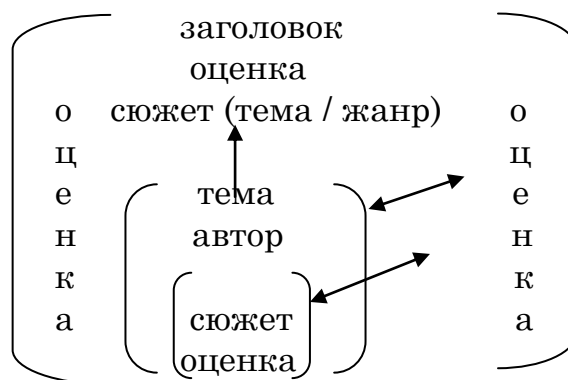
Субъект коммуникации	<i>Christine Müller</i> (Кристине Мюллер) как носитель личностной идентичности
Носитель немецкой культуры рассказывает о русской культуре (=7 с.)	
Тематическая сфера	Манера изложения мыслей
Автопрезентация автора	Констатация фактов биографии
Культурные различия на фоне общих для немцев и русских черт	Констатация как результат богатого межкультурного опыта и успешной аккультурации в русскую культуру
Внимание к мелким различиям и общим чертам, свойственным немцам и русским	
Аккультурация как обогащение для личности по сравнению с людьми, не имеющими межкультурного опыта	
Еда, питье, гостеприимство. Оборудование кухни. Ежедневный рацион	Детальное описание процесса с особым вниманием к различиям между немецкой и русской традициями в этой сфере на типичных примерах
Личные впечатления и личный опыт	Сопоставление двух перспектив (немецкой и русской) и взглядов разных поколений – поколений отцов и детей
Приготовление пищи в других семьях, знакомых автору	
Высказывания немецких школьников о русских традициях питания	Повествование с точки зрения носителей немецкой культуры на конкретном примере из личного опыта
Высказывание носителей русской культуры о немецких традициях питания и гостеприимства по отношению к неожиданному визитеру	Повествование с точки зрения носителей русской культуры на конкретном примере из личного опыта Сопоставление обычаев и конвенциональных способов общения
Высказывания носителя русской культуры о способах общения между соседями	
Высказывания носителя немецкой культуры о способах общения между друзьями	Повествование с точки зрения носителей немецкой культуры на конкретном примере из личного опыта Сопоставление традиций и конвенциональных способов общения в этой ситуации
Значимость еды (меню и ее количество) при приеме гостей в русской культуре	
Приглашение в гости на кофе в немецкой культуре	
Прием напитков и алкоголя в немецкой культуре	Повествование с точки зрения носителей немецкой культуры на типичном примере как обобщение личного опыта
Хлеб в русской культуре	

	Сопоставление немецких и русских традиций и конвенциональных способов общения в соответствующих ситуациях Объяснение собственных действий
Посещение ресторана в немецкой и русской культурах	Сопоставление немецких и русских традиций и конвенциональных способов общения в соответствующих ситуациях
Немцы в ресторане с кружкой пива за один вечер	Повествование с точки зрения носителей русской культуры на конкретном примере из личного опыта Сопоставление обычаев и конвенциональных способов общения
Знакомство немцев с борщом	Повествование с точки зрения носителей немецкой культуры на конкретных примерах с обобщением личного опыта
«Ложные друзья»: котлета, компот, шницель	Объяснение различий между немецкими и русскими нормами ожидания
Что заказывают в немецком и русском кафе?	
Чаепитие в русской культуре	Повествование с точки зрения носителя немецкой культуры на конкретных примерах с обобщением личного опыта
Реакция русских на действия немцев во время коллективного чаепития на работе во время перерыва	Объяснение различий между немецкими и русскими нормами ожидания Рассказ о том, как воспитываются дети в немецкой культуре Сравнение между способами взаимодействия в немецкой и русской культурах в аналогичных ситуациях
Банкет в России во время перестройки	Повествование с точки зрения носителя немецкой культуры на конкретных примерах
Прием в специальной школе для воспитательниц детского сада в Германии	
Поведение русских коллег во время банкета	

Рисунок не демонстрирует – и не должен – влияние на семантическую и синтаксическую макроструктуру внешних и внутренних для текста факторов, обуславливающих как его макроструктуру, так и выбор средств вербализации активизируемых в тексте сведений о мире.

Тем самым инвариант представляет нормы ожидания относительно типа текста «рецензия на литературное произведение».

Инвариант типа текста «рецензия на литературное произведение» в немецкой языковой культуре

Этот инвариант реализуется в немецкой культуре значительным количеством вариантов, подпадающих под влияние разнородных факторов.

Вариативность макрокомпонентов в типе текста «рецензия на литературное произведение» в зависимости от фактора «коммуникативная среда» выглядит следующим образом [Довгань, 2013, с. 46 и сл.]:

заголовок + автор + сюжет + оценка

(„Literaturen“ – 22%, „Bücher“ – 20%, „Buchkultur“ – 22%, „DER SPIEGEL“ – 40%, „Literaturkritik.de“ – 13%, „Berliner Literaturkritik.de“ – 24%);

заголовок + сюжет + оценка

(„Literaturen“ – 18%, „Bücher“ – 21%, „Buchkultur“ – 48%, „DER SPIEGEL“ – 14%, „Literaturkritik.de“ – 25%, „Berliner Literaturkritik.de“ – 20%).

заголовок + тема + сюжет + оценка

(„Literaturen“ – 18%, „Bücher“ – 8%, „Buchkultur“ – 11%, „DER SPIEGEL“ – 5%, „Literaturkritik.de“ – 15%, „Berliner Literaturkritik.de“ – 7%)

Приведенные количественные данные показывают, насколько различным является сочленение макрокомпонентов, образующих в немецкой языковой культуре инвариант типа текста «рецензия на литературное произведение», в разных коммуникативных средах – в разных печатных изданиях или в онлайн изданиях. Вместе с тем очевидно, что все варианты вполне вписываются в выявленный инвариант.

Ниже в таблице 3 обобщаются характеристики компонентов текстового целого, описываемые с когнитивной, тематической, структурно-синтаксической точек зрения.

Изложенные положения позволяют убедиться, что изучение объекта макротекстового анализа – текстового целого – позволяет получить новое лингвистическое знание, непротиворечиво вписывающееся в уже известный комплекс сведений об организации текста.

Таблица 3 – Компоненты макроструктуры текста (см. подробнее [Гришаева, 2013б, с.322])

Структурные ком-поненты текста (снизу вверх)	Критерии		
	Когнитивный	Тематический	Структурный
	Тип активизируемых сведений	Вид тематической прогрессии	Прототипическая форма выражения
Текстема как неотъемлемая составная часть конкретного текста	Сведения из одной понятийной микросферы	Один вид тематического членения предложения как коммуникативной единицы	Эллиптическая и/ или полная финитная конструкция различной структуры и разного коммуникативного типа
СФЕ как некоторая тематическая и структурная совокупность контактно расположенных текстом	Сведения из одной или нескольких понятийной микросфер	Один вид тематической прогрессии	Несколько когерентных финитных конструкций разной структуры и разных коммуникативных типов, связанных друг с другом внутри одного СФЕ
Блок СФЕ как некоторая тематическая и структурная совокупность контактно и дистантно расположенных СФЕ	Сведения из нескольких понятийных микросфер	Несколько видов тематической прогрессии	Несколько когерентных финитных конструкций разной структуры и разных коммуникативных типов, связанных друг с другом внутри одного СФЕ и с другими СФЕ
Макрокомпонент некоторая тематическая и структурная совокупность контактно и дистантно расположенных СФЕ и/или блока СФЕ	Сведения из нескольких или одной понятийной сферы	Несколько видов тематической прогрессии	Несколько когерентных финитных конструкций разной структуры и разных коммуникативных типов, связанных друг с другом внутри макрокомпонента контактно и/или дистантно внутри макрокомпонента
Текст как интенциональное, функциональное, содержательное и формально-структурное единство	Сведения из одной или нескольких понятийных сфер	Несколько видов тематической прогрессии	Несколько когерентных финитных конструкций разной структуры и разных коммуникативных типов, связанных друг с другом контактно и дистантно и реализующих одну коммуникативную задачу через решение серии частных коммуникативных задач

Возможность говорить о новом лингвистическом знании, получаемом с помощью макротекстового анализа, основывается не только на том, что до сих пор не выявлены потенциально вероятные корреляции между степенью дифференциации сведений из некоторой понятийной сферы в тех или иных коммуникативных условиях, с одной стороны, и от влияния разнородных внешних и внутренних по отношению к тексту факторов, с другой. Так, в частности, нет лингвистически выверенных данных о зависимости семантической организации текста, например, от когнитивного стиля единичного и/или коллективного субъекта, от интенции коммуникантов, от характера коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой в тех или иных условиях, и т. д. Все еще отсутствуют научно значимые верифицируемые лингвистическими процедурами сведения о вероятной корреляции между функциональной сферой того или иного типа текста и характером интенции, как эти корреляции сложились в конкретной языковой культуре. Интересным было бы получить научные данные о том, как складываются в диахронии инварианты того или иного типа текста в конкретной языковой культуре, а также о том, обоснованно ли предполагать наличие универсального для всех культур своего рода каталога типа текстов. Не менее важными были бы также сведения о том, почему тексты одного типа в разных культурах организованы по-разному в семантическом и синтаксическом отношении, хотя степень различия оказывается разной не только для отдельных типов текста, но и для тех или иных макрокомпонентов; см. подробнее анализ примеров, например, в работе [Гришаева, 2007, с. 187–209, 210–243].

Выражаясь иначе, предназначение макротекстового анализа можно усмотреть, во-первых, в том, чтобы выявить взаимодействие интегральных и дифференциальных текстотипологических признаков, обусловленных влиянием личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъекта как носителя конкретной культуры. Во-вторых, необходимо описать соотношение интегральных и дифференциальных признаков текста определенного типа в разных культурах, чтобы выявить диалектику универсального и культурно специфического, проявляющуюся при порождении и рецепции текстов как таковых и текста конкретного типа.

Таким образом, очевидно, что соответствующие лингвистически значимые сведения нельзя получить, если не изучать внутритекстовые связи на макроуровне или межтекстовые связи на микро- и макроуровне между текстами разных типов с тождественным и/или сходным/сопоставимым функциональным потенциалом. Поэтому можно назвать ряд исследовательских задач, которые в первом приближении целесообразно сформулировать следующим образом. Сле-

дует заметить при этом, что этот перечень не зависит от того, каков эмпирический материал – монокультурный или мультикультурный. Количественные и качественные особенности сопоставляемых языковых культур также не могут оказывать влияние на решение поставленных исследовательских задач:

(1) выявить необходимые и достаточные макрокомпоненты текста, сочленяемые в тексте того или иного типа,

(2) описать принципы линейного и иерархического сочленения этих макрокомпонентов в текстовом целом,

(3) исчислить разные способы вербального воплощения каждого из текстовых макрокомпонентов,

(4) установить инвариант текста того или иного типа,

(5) выявить факторы, обуславливающие вариативность инварианта конкретного типа текста, определяя вместе с тем сферу воздействия факторов, уровень потенциального воздействия каждого из них на семантическое и синтаксическое варьирование инварианта, степень обязательности/факультативности этого влияния, а также степень универсальности/культурной специфичности,

(6) определить закономерности варьирования инварианта под влиянием внутренних и внешних для организации текста факторов,

(7) охарактеризовать степень влияния разнородных факторов на варьирование инварианта соответствующего типа текста,

(8) описать семантические и синтаксические текстоорганизующие типологические особенности текста,

(9) сопоставить семантическую и синтаксическую макро- и микроструктуру текста конкретного типа в разных языковых культурах,

(10) определить степень вероятности корреляций между семантической и синтаксической макроструктурами в текстах того или иного типа для одной или нескольких языковых культур.

Процедуры макротекстового анализа

В обозначенном контексте необходимо также определиться с лингвистическими процедурами, с помощью которых можно лингвистическими приемами решить упомянутые выше задачи.

Во-первых, нет сомнения в том, что разработанные ранее приемы, позволяющие верифицировать проявление разнородных признаков текстуальности, не утрачивают своей объяснительной силы и при анализе макроструктуры. Это обусловлено тем, что макротекстовый анализ основывается на положениях, многократно верифицированных с помощью известных в теории текста лингвистических процедур: анализ тема-рематической прогрессии, изучение номинативных, коннотативных цепочек как структур, прошивающих весь

текст, выявление средств выражения отдельных текстовых категорий, описание функций некоторых стилистических фигур, определение функционального потенциала того или иного элемента текста и/или текстового образования разной степени сложности и др.

Во-вторых, при анализе текста можно использовать и те лингвистические процедуры, которые первоначально использовались применительно к единицам разной степени сложности (лексеме, словоформе, элементарном предложении, сложном предложении, морфеме), например, лексико-семантический, морфологический, структурно-синтаксический, семантико-синтаксический, словообразовательный и др. виды лингвистического анализа, объяснительная сила которых не утрачена до сих пор. Возможность применения этих лингвистических приемов применительно к единицам более сложным, чем первоначальные, на которых эти приемы апробировались и разрабатывались, основывается на том, что, хотя функции единиц более высокого уровня иерархии не сводятся к сумме функций единиц менее высокого уровня иерархии, функциональный потенциал единиц разной степени сложности снимается (в философском смысле). Кроме того, ряд видов анализа закономерно сочетаются, обогащая объяснительную силу друг друга.

Так, текстоорганизующую функцию отдельных средств обозначения некоторого положения дел, например, предложений с глаголами поведения, можно понять, только если осуществить валентный анализ глаголов поведения, конституирующих соответствующее номинативное средство для ситуации, т.е. глагольное предложение определенной структуры. Валентные свойства же глагола поведения нельзя описать без лексико-семантического анализа глаголов, конституирующих соответствующие предложения как имя ситуации определенного типа, поскольку валентные свойства имеют семантическое основание. Нельзя также пренебречь когнитивным анализом глагольной семантики и семантики конституируемого им предложения. Необходимо сопоставить парадигматические и синтагматические валентные свойства всех элементов одного семантического класса глаголов. Последнее невозможно осуществить, если не выявить состав семантического класса глаголов, т.е. провести тематический, синонимический, антонимический, словообразовательный анализ единиц, образующих эти ряды. Нельзя обойти исследовательским вниманием и изофункциональные средства именованной одной и той же пропозиции, а также семантико-синтаксический и структурно-синтаксический анализ изофункциональных средств именованной одной и той же пропозиции. Наконец, следует провести функциональный анализ средств именованной одной и той же ситуации, а также выявить вероятные корреляции между выбором сред-

ства именованной ситуации, перспективой ее восприятия адресантом и интенцией последнего (см. подробнее реализацию кратко описанных исследовательских шагов в работах: [Гришаева, 1998; Гришаева, 1999]).

В-третьих, уже известные лингвистические приемы, будучи использованными применительно к новым единицам, способны раскрыть новые свойства изучаемого явления. Так, известный еще с 1970-х годов анализ номинативных цепочек [Viehweger, 1978] позволяет выявить новые закономерные внутритекстовые связи, значимые и для семантической, и для синтаксической макроструктуры текста – например, переплетение разных номинативных цепочек, в результате чего аксиологический потенциал одной переносится на другие, первоначально не обладавшие этим потенциалом; это приводит к трансформации дискурсивных стратегий и в конечном счете – к манипуляции сознанием и действиями реципиентов текста (см. подробнее о том, как через изучение макроструктуры текста можно выявить реализацию манипулятивных стратегий в медиасреде [Гришаева, 2014]).

В-четвертых, целесообразно обосновать своего рода иерархию исследовательских шагов, с помощью которых можно описывать макроструктуру текста, и тем самым выстроить последовательность обращения к конкретным лингвистическим – не только давно известным, но и новым – процедурам, учитывая то, что в фокусе анализа – цельный текст, который представляет собой интенциональное, функциональное, содержательное, структурное, формальное, иерархически организованное единство.

Одним из способов последовательно учета названных параметров является обращение к изучению того, как в тексте реализованы дискурсивные стратегии коммуникантов. Для этого необходимо исследовать, как и почему именно так в тексте активизируются, вербализуются и сочленяются в единое коммуникативное целое сведения, необходимые для решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи. Чтобы решить названную исследовательскую задачу, необходимо выявить номинативные стратегии, реализованные при следовании определенным когнитивным стратегиям. В качестве примера можно привести многоаспектный комплексный анализ макротекстовой организации, проведенный в монографии: [Гришаева, 2014], чтобы через описание семантической и синтаксической организации тематически связанных медиатекстов, сообщающих об одном медиасобытии в его временном развитии, раскрыть парадоксы медиалингвистики.

Линейное и иерархическое в организации текста

Макротекстовый анализ позволяет описать соотношение линейного и иерархического в организации текста, что необходимо знать при осмыслении наиболее значимых закономерностей, например, порождения и рецепции текста, выявлении иерархии внутритекстовых связей, установления межтекстовых связей в гипертексте и др.

В самом общем виде есть основания утверждать, что диалектика линейного и иерархического проявляется и в самом тексте как коммуникативном образовании, и в процессе его порождения.

Линейным является следование макрокомпонентов в текстовом целом, а также микротекстов в макрокомпоненте, текстом в микротексте, членов предложения в текстеме – ведь все названные образования представляют собой коммуникативные единицы. Иерархические структуры лежат в основе семантической и синтаксической модели предложения, тема-рематической прогрессии, накладывающейся на содержательную структуру микротекста. Иерархия обнаруживается и в инварианте макроструктуры как своего рода семантической/синтаксической модели определенного типа текста (см. выше рисунок).

Линейной мыслится последовательность референционально идентичных средств именованья некоторого объекта внеязыковой действительности, традиционно описываемой в теории текста как номинативные/коннотативные/акциональные цепочки. Они восстанавливаются в тексте не только при его лингвистическом анализе, но и, например, при рецепции текста обычными носителями языка и культуры в синтаксических текстовых компонентах разного уровня сложности. Именно поэтому такие номинативные и/или коннотативные либо акциональные цепочки воспринимаются как прошивающие весь конкретный текст, и в силу этого они обладают особо значимым текстоорганизующим потенциалом.

Иерархичны когнитивные структуры понятийных сфер / областей, сведения из которых активизируются в коммуникации. Линейным является при этом вербализация активизируемых сведений.

Другими словами, структуры, лежащие в основе тех или иных принципов организации текста, являются иерархическими, а в конкретных коммуникативных условиях они разворачиваются линейно, позволяя коммуникантам решать определенных когнитивные и коммуникативные задачи. А поскольку в культуре задача одного и того же типа имеет несколько потенциальных способов решения, изучение диалектики линейного и иерархического в семантической и синтаксической макроструктуре текста позволяет в перспективе уяснить/исчислить не только значимые для конкретного периода

существования языковой культуры способы решения соответствующей задачи, но и вероятную специализацию способа решения задачи на коммуникативные условия, в которых был порожден текст.

Таким образом, очевидно, что изучение принципов сочленения, к примеру отдельных номинативных цепочек, как проявление диалектики линейного и иерархичного позволяет выявить особенности семантической и синтаксической макроструктуры текста некоторого типа. В качестве примера можно привести результаты анализа медиатекстов, опубликованных в связи с последней президентской кампанией в России. Комплексный многоаспектный анализ позволил показать переплетение цепочек, прошивающих каждый конкретный текст и всю их совокупность, в том числе и как способ активизации сведений, не вербализованных с помощью того или иного механизма вербализации, как способ переключения внимания, как способ изменения коммуникативного веса информации некоторого типа, как средство введения новых сведений, не имеющих непосредственного отношения к обсуждаемой тематике и др. (см. схему 1 на с. 128, схему 2 на с. 133, схему 3 на с. 167, схему 4 на с. 177, схему 5 на с. 180, схему 6 на с. 182, а также обобщения на с. 183–184 и 236–249 в монографии [Гришаева, 2014].)

Выражаясь иначе, выявление конфигурации внутри- и/или межтекстовых связей в пределах гипертекста либо иных текстовых образований, возникающих по разным основаниям, в опоре на семантические и/или синтаксические свойства элементов текста и/или его компонентов позволяет получить научно значимую информацию о том, какие именно сведения и в какой степени детализации обязательно/факультативно необходимы в конкретной языковой культуре для решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи. Описанным выше способом можно также установить, как конвенционально в определенных коммуникативных условиях профилируется комплекс сведений о мире.

С этих позиций средства вербализации сведений о мире можно изучать в их естественной среде – комплексно в тексте, порожденном в известных условиях как продукт коммуникативного взаимодействия коммуникантов с определенными коммуникативно значимыми характеристиками, как средство решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, причем получая данные о степени вероятности появления того или иного способа вербализации сведений о мире в этих условиях.

Диалектика универсального и специфического в организации текста

После высказанных соображений целесообразно сформулировать, наконец, цель контрастивного макротекстового анализа – определить, какие текстотипологически релевантные характеристики являются универсальными, а какие – культурно специфическими. Это необходимо выявить уже только в силу того, что язык – средство познания и коммуникации и что он играет особую роль в межкультурном общении. Незнание и/или полное/частичное неумение породить и корректно, т.е. адекватно культурной среде, декодировать тексты на неродном для коммуниканта языке является серьезным, если не фатальным, препятствием для успешной и продуктивной межкультурной коммуникации. Это касается в том числе и актов (сознательной) манипуляции сознанием носителей культуры. Именно поэтому так важно на современном этапе развития теории текста сфокусировать исследовательские усилия на выявлении диалектики универсального и культурно специфического при проявлении закономерностей в текстовой организации.

Обобщенно характеристика универсального и культурно специфического представлена в форме таблицы 3 в моей публикации под названием «Makro-Textsortenanalyse: Universelles und Kulturspezifisches»/«Макротекстовый текстотипологический анализ: универсальное и культурно специфическое», подготовленной в 2015 году для книги, находящейся в настоящее время в печати, под редакцией Р. Фройденберг-Финдайзен/R. Freudenberg-Findeisen. Есть смысл в данном контексте кратко остановиться на соотношении универсального и культурно специфического, значимого для теоретических размышлений, не вдаваясь в детальный комментарий, поскольку ряд положений еще нуждается в изучении и/или верификации, а некоторые из предположений можно уже считать доказанным и известным.

Универсальным следует признать наличие в разных культурных пространствах некоторого общего набора типов текста как таковых, в то время как сфера функционирования каждого конкретного типа текста все-таки не может не быть культурно специфичной. Например, анекдоты не в каждой культуре являются приемлемым и позитивно воспринимаемым средством разрядки атмосферы для коммуникантов, хотя людические тексты интенционально схожи, если не тождественны.

Универсальным является, вне всякого сомнения, наличие норм ожидания относительно каждого типа текста в содержательном, синтаксическом, функциональном, формальном отношении как та-

ковых. Однако наполнение этих норм, естественно, культурно специфично, равно как и их реализация в конкретных коммуникативных условиях. Например, инструкция по эксплуатации некоторого (электрического) прибора имеет не только специфические для культуры рекомендации, как надо действовать в том или ином случае, но и своего рода «негативные рекомендации».

Универсальным следует признать также то непреложное обстоятельство, что каждый текст определенного типа обладает собственным функциональным потенциалом и функциональной сферой, а также интенцией, которые известны с большей или меньшей степени очевидности каждому носителю языка и культуры. Культурно специфическим же является адаптация этого потенциала к культуре. Например, об этом может свидетельствовать функционирование анекдота либо только в неофициальном общении, либо в неофициальном и официальном.

Универсальным является существование конвенционального оформления каждого типа текста, бытующего как в устной, так и в письменной форме коммуникации. Однако вариативность и принципы варьирования этой конвенциональной формы, равно как и сама форма, являются культурно специфическими. Например, такой текст, как открытка-поздравление с Новым годом, в немецкой и в русской культурах различаются и содержательно (количество и характер пожеланий), и синтаксически (типы синтаксических структур), и формально (способ оформления).

В качестве универсальной необходимо охарактеризовать иерархичность когнитивной структуры, в которой хранятся определенные сведения о внеязыковой действительности, как таковую. Однако конфигурация когнитивно релевантных признаков, присущая соответствующей когнитивной структуре, является культурно специфичной.

Набор типов тема-рематической прогрессии, выявляемых при анализе текста, известны в любом культурном пространстве. Однако принципы активизации сведений из одной и той же понятийной сферы следует признать культурно специфическими, поскольку не все сведения и не в любой культуре подлежат вербализации.

Универсальным является наличие перспективы, с которой адресант делает свое сообщение. Культурно специфическим является предпочтение носителей культуры той или иной перспективы для сообщения о чем-либо. Кроме того, диалектика универсального и культурно специфического сказывается на выборе композиционно-речевой формы – повествования, размышления, сообщения, а также выбор повествователя (Я-, ТЫ-, ОН-повествователь), наличие / отсутствие наблюдателя при повествовании, функциональная нагрузка

на тип дискурса (нарративный, аргументативный, экспликативный, аксиологический или иной), в котором порождаются тексты, а также иные особенности.

Естественно, выше перечислены отнюдь не все значимые для решения поставленных задач аспекты, для которых значима диалектика универсального и культурно специфического. Однако уже только их фрагментарный обзор свидетельствует о том, что с помощью контрастивного макротекстового анализа, действительно, можно получить новое лингвистическое знание. Это знание необходимо не только в лингвистической теории или теории межкультурной коммуникации, но и в практике преподавания иностранного языка или же в транслятологии.

Выводы

Текст, как любое иное коммуникативное образование, является продуктом дискурсивной деятельности коммуникантов. Его с полным правом можно назвать лингвистическим объектом максимальной степени сложности, а его разнородные характеристики подвержены влиянию разнообразных и разнонаправленных факторов. Это влияние проявляется в разных условиях с разной степенью очевидности.

В силу этого текст описывается не только разнообразными лингвистическими процедурами под разными углами зрения, но и изучается литературоведческими приемами, а также с позиций теории межкультурной коммуникации или иной теории из области гуманитарного знания. Результаты изучения текста в опоре на разный теоретический фундамент можно без особой натяжки признать дополняющими друг и друга и обогащающими общетеоретические представления об организации текста как феномена.

Для теории текста лингвистическое описание текста обладает наиболее выраженной объяснительной силой, поскольку лингвистические процедуры достаточно строги, чтобы максимально освободиться от субъективности в интерпретации текста. Поэтому не удивительно, что на соответствующих представлениях основываются не только лингвистические теории разного толка, но и базируются прикладные исследования в лингводидактике, транслятологии, теории межкультурной коммуникации или даже в литературоведении.

Наряду с разработкой процедур, с помощью которых были выявлены наиболее общие закономерности организации текста, можно назвать и такие, которые обещают получение нового лингвистического знания о тексте – приемы макротекстового анализа, а также его продолжения – контрастивного макротекстового анализа.

Следует подчеркнуть, что в фокусе макротекстового анализа находятся не отдельные свойства текста, не текстуальность как таковая, а цельный текст конкретного типа, т. е. текстовая ткань, адаптированная к конкретным коммуникативным условиям, интенции адресанта, характеру коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой в этих коммуникативных условиях в том числе и языковыми средствами, отобранными в опоре на определенные соображения коммуникантов.

Объект макротекстового анализа – семантическая и синтаксическая макроструктурная организация текста определенного типа как инварианта, конвенционально сложившегося на протяжении длительного периода времени в конкретной языковой культуре и бытующая в реальной коммуникации в виде одного из многочисленных вариантов этого инварианта.

Есть варианты текстов, в которых преимущественно прослеживаются либо содержательные, либо формальные, либо и те, и другие изменения. Вариативность инварианта зависит от внешних и внутренних по отношению к тексту факторов. В варьировании макротекстовой организации обнаруживаются обязательные и факультативные элементы, на проявлении которых оказывает влияние диалектика личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъекта как носителя определенной культуры.

Сущность макротекстового анализа заключается в выявлении закономерностей содержательного и структурного варьирования того или иного типа текста в разных коммуникативных условиях. Сущность контрастивного макротекстового анализа – определение универсального и культурно специфического в организации текстов одного и того же типа в разных языковых культурах.

Процедуры, используемые при макротекстовом анализе, условно можно разделить на две группы: традиционные и широко известные в теории текста и нетрадиционные. К последним можно причислить выявление дискурсивных стратегий, реализация которых приводит в известных коммуникативных условиях к порождению того или иного текста, а также определение номинативных стратегий, с помощью которых вербализуются сведения, актуализированные при реализации дискурсивных стратегий и вписывающиеся в когнитивные стратегии, конвенциональные в конкретной культуре и специализирующиеся на определенную когнитивную и коммуникативную задачу.

Отвечая на поставленный выше, в заголовке, вопрос, следует еще раз подчеркнуть, что в форме текста существует любой результат коммуникативного взаимодействия коммуникантов. Поэтому новые приемы изучения и описания принципов организации текста по

определению способны предоставить лингвистике новое знание и обеспечить дальнейшее развитие соответствующих теорий.

Следует также обратить внимание на то, что наряду с преимуществами предлагаемого способа изучения того, как организованы семантическая и синтаксическая макроструктура текста определенного типа, имеются очевидные недостатки. Последние заключаются в том, что объем текста может негативно сказаться на результатах исследования, поскольку с увеличением объема текста серьезно – едва ли не в геометрической прогрессии – возрастает и объем исследовательской работы. Осознавая это, в качестве выхода из создавшегося положения можно предложить сужение объекта исследования, максимальную конкретизацию предмета анализа.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. языков. М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Анисимова Е.Е. Субъект познания и коммуникации в духовном автобиографическом дискурсе (на материале «Книги жизни» Св. Терезы Авильской) // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 68–86.
3. Бокова О.В. Малоформатный текст «сообщение о преступлении»: особенности его семантической и структурной организации (на материале актуальных немецкоязычных медиатекстов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 236 с.
4. Бокова О.В. Особенности освещения чрезвычайных происшествий в немецкоязычных СМИ // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 132–146.
5. Волкова Ю.Ю. Особенности макротекстовой организации интервью (на материале актуальных немецких медийных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 266 с.
6. Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж, ВГУ, 1998. 272 с.
7. Гришаева Л.И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: семантико-структурный, функциональный, когнитивный аспекты описания: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 450 с.
8. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ, 2007. 261 с.
9. Гришаева Л.И. Человек в межкультурной коммуникации // Гришаева Л.И., Стернин И.А., Стернина М.А. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 10–154.
10. Гришаева Л.И. Макроструктурная организация текста // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе

России: материалы всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013а. С. 160–165.

11. Гришаева Л.И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов : учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). *Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten*. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013б. 2-е изд., исп. и доп. 400 с.

12. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 295 с.

13. Довгань Н.В. Макротекстовая организация рецензии на литературное произведение в немецких печатных и электронных изданиях: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013а. 265 с.

14. Довгань Н.В. Макротекстовая организация рецензии // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Саратов: ИЦ «Наука», 2013б. С. 42–55.

15. Довгань Н.В. Рецензия как результат дискурсивной деятельности рецензента // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 146–156.

16. Кашкина О.В. Рекламный потенциал немецких инструкций в аспекте перевода // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 505–525.

17. Кострова О.А. Грамматический субъект и субъект речи в жанре эссе: К постановке проблемы // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 111–122.

18. Кухарева М.Ю. Концепт «событие» в заголовочных комплексах немецкоязычных новостных сообщениях // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 165–174.

19. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 685 с.

20. Пастухов А.Г. Динамизация свойств медиатекста // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 174–195.

21. Рифтина В.А. О структурных особенностях медицинской статьи в зависимости от когнитивного стиля мышления // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 195–201.

22. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации: коллективная монография под общ. ред. Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой. Воронеж: ВГУ, 2005. 391 с.

23. Теремкова О.А. Интертекстуальные связи при переводе рок-лирики // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 536–550.

24. Щипицина Л.Ю. Текстовая организация социальной сети как гипержанра Интернет-коммуникации // Субъект познания и коммуника-

ции: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 211–225.

25. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner Verlag, 2002. 783 S.

26. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008. 506 S.

27. Freudenberg-Findeisen R. Verschenkte Möglichkeiten: Zur Arbeit mit Textsorten in DaF-Lehrwerken // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 564–590.

28. Heinemann M., Heinemann W. Grundfragen der Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 281 S.

29. Helbig G. Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. 323 S.

30. Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1983. 724 S.

31. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1994. 1287S.

32. Metzler Lexikon Sprache / hrsg. von H. Glück. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 1993. 711 S.

33. Moskalskaja O. Textgrammatik. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1984. 171 S.

34. Nord Ch. Jaspis und Diamanten. Bedeutung, Sinn und Funktion in der Bibelübersetzung (am Beispiel Offb 21, 18-21) // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 550–564.

35. Schmitz U. Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 226–244.

36. Shevelyova G.I. Metaphorik im Fachtext // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 348–355.

37. Viehweger D. Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text // Kontexte der Grammatiktheorie / hrsg. von W. Motsch. Berlin: Akademie-Verlag, 1978. S. 149–168.

38. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim: Dudenverlag, 1993. 1110 S.

5.2. Конвенции типа текста как проявление его национально-культурных особенностей

Заиченко Л.С., Архангельск

На современном этапе развития лингвистики текст как феномен речевой деятельности человека является ключевым понятием для

осмысления сущности языка. Еще Л. Ельмслев замечал, что именно текст является высшей единицей языка, так как «язык изначально существует в форме текстов, а текст является лингвистически значимым первичным знаком языка, другие же единицы выводятся из текста посредством лингвистического анализа» [Ельмслев, 1960, с. 143].

Ученые неоднократно предпринимали попытки описать многочисленные разновидности текстов и выделить их конкретные типы на основе функциональных, структурных и языковых характеристик. Существует несколько определений понятия «тип текста». В данной работе под типом текста понимается завершенное, комплексное текстовое единство, состоящее из ограниченного, но регулярно повторяющегося в той или иной коммуникативной ситуации набора внешних и внутренних (текстовых) особенностей [ср. Simmler, 1984, с. 37], используемое в качестве «образца для речевого производства» [ср. Reiß, Vermeer, 1991, с. 62], обладающее такими признаками, как устойчивость его структуры и функции [Glinz, 1982, с. 34] и подчиненность определенным правилам [Luh, 1981, с. 127]. Кроме того, Р. Глезер указывает на наличие такого признака типа текста, как его общественный характер, поскольку, по его мнению, тип текста – это исторически сложившийся образец построения текста для мыслительно-языковой обработки комплексной информации, принятый в том или ином обществе [Gläser, 1990, с. 29]. Немецкие исследователи В. Хайнеманн, Д. Фивегер и Ф. Люкс определяют умение создавать и понимать тексты с аналогичными структурными, функциональными и языковыми особенностями как текстотипологическую компетенцию [ср. Heinemann, Viehweger, 1991, с. 128; Luh, 1981, с. 5], основополагающим признаком которой является ее социальная обусловленность.

Социальная обусловленность типов текста проявляется в том, что один и тот же тип текста в одной и той же культуре создается по одним и тем же «установкам и правилам» и демонстрирует «принятое (в данном обществе – Л.З.) употребление языковых средств». Эти нормы и правила создания текста определенного типа и называются конвенциями [ср. Нелюбин, 2008, с. 86, 121]. Основополагающей характеристикой конвенций является их социальный характер: так, Х. Мауритц определяет конвенции как «коллективную оценку (речевого – Л.З.) поведения обществом» [Mauritz, 1996, с. 47].

Не меньшее значение при определении сущности конвенций как языкового явления имеет и их историческая обусловленность. По мнению К. Бринкера, конвенциональность типа текста является результатом исторического развития определенного культурного общества, что находит свое отражение в виде речевых формулиро-

вок, употребляющихся в повторяющихся коммуникативных ситуациях [Brinker, 2005, с. 144]. И.С. Алексеева также отмечает историческую и социальную детерминированность конвенций, понимая под ними социально и исторически обусловленные правила (или нормы) построения текстов и подбора языковых средств для выражения коммуникативного намерения [Алексеева, 2004, с. 245].

Примерами исторической обусловленности конвенций типа текста может служить эволюция некоторых языковых форм, присущих сфере научной коммуникации. Так, в немецкой научной культуре ранее было принято употреблять так называемые *Wir*-конструкции (авторское «мы»), пассивные или безличные конструкции. Но по причине влияния английской культуры *Wir*-конструкция была заменена *Ich*-конструкцией (ведением повествования от первого лица). К. Райс и Х.Й. Фермеер также приводят пример изменения конвенций, анализируя изменение в лексическом наполнении типа текста «траурного объявления», где изначально широко использовались эвфемизмы, например, *verscheiden*, *entschlafen*, *heimgehen*, сейчас же нормативным является использование нейтрального глагола *sterben* [Reiß, Vermeer, 1984, с. 184].

Однако если в одной культуре какие-то моменты правильны и приняты, то это отнюдь не предполагает того, что они будут релевантны и для другой культуры. Так, например, обращаясь к приведенным выше примерам изменения употребления языковых средств в типах текста «научная статья» и «траурное объявление» в немецкой культуре, стоит отметить, что в российской культуре традиция употребления безличных конструкций в научном тексте или эвфемизмов, заменяющих глагол *умереть*, в тексте траурного объявления до сих пор сохраняется. Культурная обусловленность типов текста может носить и более выраженный характер: так, тип текста «брачное объявление» нерелевантен для культур, где браки заключаются лишь при посредстве членов семьи вступающих в брак.

Говоря о значении конвенций для обеспечения успешности коммуникации, К. Норд подчеркивает их важность как средства прогнозирования отношения и действия коммуникантов. По ее мнению, общество создает стандартизированные образцы поведения для решения конкретных коммуникативных проблем, следование которым позволяет снизить риски недопонимания между коммуникантами [Nord, 2002, с. 170]. Аналогичное видение проблемы наблюдается и в формулировке М.А. Колтуновой, которая также считает, что конвенции являются системой правил, регулирующих взаимодействие коммуникантов [Колтунова, 2006, с. 4]. Д. Льюис обращает внимание на такие признаки конвенций в коммуникативной парадигме, как их регулярность и системность, что обусловлено законо-

мерностями определенного речевого поведения коммуникантов [Lewis, 1975, с. 78]. В свою очередь, Я. Энгберг выделяет такие параметры конвенции, как типичность для определенного типа текста и высокая частота использования в коммуникации [Engberg, 1997, с. 45].

Анализируя признаки регулярности и системности конвенций, В.В. Красных отмечает необходимость наличия у них параметра так называемой социальной «одобряемости». Автор определяет конвенции (по В.В.Красных – каноны) как традиционные, социально одобряемые, закреплённые правила и предписания коммуникативного поведения [Красных, 1998, с. 25].

Кроме того, многие исследователи отмечают негласный, неписанный характер этих правил. Так, например, У. Кауц определяет текстовые конвенции как «специфические образцы использования языковых средств, неписанные правила создания того или иного типа текста» [Kautz, 2000, с. 77]. Тот факт, что конвенции являются негласными правилами, отмечает и Д. Льюис, добавив, что конвенции типа текста не являются неизменяемыми; в процессе развития той или иной культуры они могут принимать определенные изменения [Lewis, 1975, с. 101]. О возможности конвенциализации новых норм говорит и В.В. Красных [Красных, 1998, с. 25].

В ходе исторического и общественного развития данные правила настолько прочно закрепились в сознании носителей языка, что при создании или восприятии текста говорящие даже не осознают, что применяют или декодируют их, подсознательно делая вывод о типе и функции данного текста.

Итак, конвенции типа текста – это традиционные, исторически закреплённые и принятые обществом негласные правила речевого регулирования коммуникации, то есть правила построения текстов и их языкового оформления.

К. Райс и Х. Й. Фермеер выделяют в общей сложности три основные функции конвенций, реализуемые в рамках процесса коммуникации.

а) Конвенции являются сигналами распознавания типа текста. Так, например фраза в начале текста *Im Namen des Volkes* свидетельствует об оглашении приговора, фраза в конце произведения *Und wenn sie nicht gestorben sind, so leben sie noch heute*, информирует о том, что тип данного текста определяется как сказка. Сигналом рецепта является уже устаревшая в немецкой традиции форма *Man nehme*. По рифме читатель или слушатель определяет стихотворение.

б) Конвенции вызывают определенные ожидания у реципиента, то есть подготавливают его к восприятию определенного типа

текста. Реципиент текста распознал тип текста и ожидает, что в дальнейшем будут соблюдены все функционально-стилистические особенности данного типа текста, например, инструкции. В технических текстах ожидается наличие делового стиля изложения, в репортажах – образности, в кулинарном рецепте реципиент ожидает четких указаний по поводу ингредиентов, процесса приготовления и времени, в инструкциях – сведений о настройке электрических приборов. При этом неверная интерпретация реципиентом текста рассматривается им как «дефектность» текста.

в) Конвенции управляют пониманием текста. Так, например, если фраза *Dies ist einer der besten Filme, die in den letzten Jahren gedreht worden sind* появляется в рецензии, то этот текст является информирующим и определяется как текст критики фильма. В объявлении этот же сегмент текста будет оперативным, то есть текст идентифицируется как реклама фильма [Reiß, Vermeer, 1984, с. 189–192].

Многие ученые сходятся во мнении, что языковые средства, носящие конвенциональный характер, пронизывают всю структуру текста и присутствуют на всех уровнях его анализа. Чаще всего лингвисты выделяют два уровня анализа конвенциональных особенностей текста: микро- и макроуровень, или поверхностный и глубинный уровень анализа текста.

Конвенции, выделяемые на микроструктурном уровне текста и называемые также поверхностными конвенциями, включают в себя отражение в языковой оболочке текста особенностей восприятия внешнего мира носителями той культуры, в рамках которой был создан данный текст. Микроструктура текста, или его языковое измерение, включает в себя содержательные аспекты конвенций с точки зрения выбора определенных лексических, грамматических и стилистических средств их выражения.

Лексический уровень реализации текстовых конвенций проявляется в выборе соответствующих лексем, специфичных для того или иного типа. Это могут быть, например, такие языковые средства, как культурно обусловленные фразеологизмы, реалии, конвенциональные аспекты выражения обращения, обозначения адреса и т. д. К поверхностным конвенциям относятся также имеющиеся в тексте явные или скрытые цитаты или отсылки к историческим или современным событиям, например, аллюзии, цитаты из прецедентных текстов, известных песен, важных исторических документов, фильмов и т. д.

На наличие подобных явлений в тексте указывает К. Адамчик, исследующая текст в дискурсивном, или интертекстуальном, измерении. По ее мнению, при анализе текста необходимо учитывать

возможность наличия его взаимосвязи с другими текстами, его «вовлеченности» в культурный контекст, так как наличие цитат, скрытых отсылок к другим текстам свидетельствует о том, что отдельные тексты являются фрагментами некоего «общего дискурса» [Adamzik, 2010, с. 254–255].

В число языковых средств, манифестирующих поверхностный уровень текстовых конвенций, входят и культурные реалии, или так называемые языковые лакуны, определяемые Э. Маркштайном как «элементы бытия культуры, ее истории, политики и т. д., присущие определенному этносу, стране, местности» и не имеющие аналогов в других культурах [Markstein, 1998, с. 288]. И.С. Алексеева выделяет среди культурных реалий географические реалии (*степь, фьорд, саванна*), этнографические реалии (*лапти, изба, иглу, миннезингер*), а также общественно-политические реалии (*кантон, большевики*) [Алексеева, 2004, с. 181]. Особое внимание автор уделяет конвенциональным реалиям меры, которые обладают ярким национальным колоритом, например, рус. *верста*, англ. *inch*. К этой группе реалий И.С. Алексеева относит и различные обозначения времени, ср.: *24 Stunden – сумки, vierzehn Monate später – через год и два месяца* [там же, с. 184].

Обращает на себя внимание тот факт, что конвенционально обусловленными может быть не только выбор той или иной лексемы, но и условия ее употребления в контексте. Примером этого может служить анализ различий в употреблении лексики в немецкоязычных и англоязычных текстах завещания, исследованных Р. Штольце. Автор отмечает, что для англоязычных текстов данного типа характерно употребление широкого ряда синонимичных глаголов (ср. *I give, devise and bequeath*), что не свойственно подобным немецкоязычным текстам (ср. *Ich vermache*) [Stolze, 1999, с. 177–179].

К поверхностному уровню выражения текстовых конвенций наряду с языковыми средствами их выражения относятся и особенности внешнего вида текста, в т.ч. формат набора и шрифт текста. Так, Т. Рельке и С. Гепферих отмечают особенности предпочтительного использования в текстах различных культур арабских или римских обозначений цифр, различия в использовании вставок и других дополнений, а также в оформлении цитат [Roelcke, 1999, с. 91]. По мнению С. Гепферих, к числу конвенциональных особенностей типографического характера относится и наблюдаемое в текстах разных культур предпочтение тех или иных числовых и буквенных обозначений для передачи количественных и порядковых числительных [Göpferich, 1995, с. 389].

Следующим уровнем исследования конвенциональных особенностей типа текста, выделяемым в рамках его микроструктуры, яв-

ляется его синтаксическое строение. Для анализа конвенциональных особенностей типа текста, выражаемых синтаксическими средствами, К. Норд предлагает использовать такие параметры, как сложность и строение синтаксических конструкций, размер предложений, их виды (повествовательные, вопросительные, побудительные, эллиптические и т.д.), а также используемые в тексте средства когезии [Nord, 2002, с. 65].

Релевантность синтаксического уровня организации текста для исследования культурнообусловленной специфики отдельных типов текста объясняется тем, что выбор той или иной синтаксической структуры детерминирован необходимостью решения в том или ином типе текста определенных коммуникативных задач в условиях той или иной этнокультурной среды. Особенно показательным в этом смысле является сравнение синтаксического оформления одного и того же типа текста, принятого в разных культурах.

Так, для типа текста «потребительская инструкция» в различных культурах характерно решение одних и тех же коммуникативных задач, а именно предписание реципиенту действий по эксплуатации какого-либо прибора или агрегата. Следовательно, общими свойствами данных текстов, вне зависимости от их этнокультурных различий, будут являться такие их качества, как краткость, четкость и понятность изложения [ср. Schmitt, 1998, с. 211]. Этнокультурные же особенности данного типа текста выражаются, например, в степени императивности предписаний, релевантной для той или иной культуры, а также в наличии предпочтений в употреблении той или иной синтаксической конструкции.

При сравнении текстов немецкоязычных и русскоязычных потребительских инструкций выяснилось, что основным средством выражения побуждения к действию и в том, и в другом случае являются императивные и инфинитивные конструкции, однако частотность их употребления в немецкоязычном и русскоязычном текстах является различной. Так, в немецкоязычном тексте инструкции императив и императивный инфинитив распределяются достаточно равномерно (36% и 35,2% соответственно), при этом конструкция с императивным инфинитивом наиболее часто используется в разделе «Эксплуатация прибора», поскольку именно данный раздел содержит описание четкой последовательности предписываемых действий. Для русскоязычных инструкций, в отличие от немецкоязычных текстов, характерно доминирование императива (53,6%) над остальными формами выражения оперативной функции.

Явления конвенционально обусловленного предпочтения определенной синтаксической структуры для выражения одного и того же смыслового содержания наблюдается и в других типах текста.

Так, при сравнительном анализе немецкоязычных и англоязычных текстов международного правового договора выяснилось, что обстоятельство образа действия в немецком языке чаще всего выражается конструкцией «предлог + отглагольное существительное» (*in Anerkennung, in Kenntnis*) в то время как в англоязычных текстах в этой функции используется причастная конструкция (*acknowledging ...*) [ср. Kadric и др., 2005, с. 88]. В немецкоязычных текстах научного и правового характера часто используются синтаксические конструкции со сложными существительными как средство языковой экономии и уплотнения информации, а также как стилистическое средство придания тексту строгого научного звучания [Stolze, 1999, с. 130]. В русскоязычном тексте данным конструкциям чаще всего соответствуют сочетания «прилагательное + существительное»), ср. *Gerichtsverfahren – судебный процесс, Bildungsanstalt – учебное заведение, anpassungsfähig – способный приспособливаться*.

При анализе конвенционально обусловленных особенностей текста на уровне его макроструктуры, или глубинных конвенций текста, выделяются две их разновидности: это композиционные конвенции и содержательные конвенции. Данная точка зрения в общем соответствует мнению немецкого исследователя В. Вилльса, выделяющего три параметра анализа конвенциональных особенностей текста на уровне его макроструктуры: автор говорит о наличии внутренней логической структуризации текста, внешней структуризации текста, под которой понимается членение текста на главы, разделы и т.д., и о содержательной структуризации текста [Wills, 1996, с. 156]. При соотнесении данных терминосистем нетрудно заметить, что термин «композиционные конвенции» соотносится с параметрами внешней и внутренней логической структуризации текста, а термин «содержательные конвенции» – с параметром «содержательной структуризации текста».

Под композиционными глубинными конвенциями понимается наличие в тексте облигаторных композиционно-прагматических сегментов, обладающих определенным объемом и расположенных в определенном порядке. При этом под композиционно-прагматическим сегментом понимается «частный компонент глубинного смыслового уровня текста, детерминированный моделью речемыслительной деятельности» той или иной культуры [Чернявская, 2009, с. 69]. Примером культурно обусловленных различий в композиционном строении текста одного и того же типа может служить текст судебного приговора, применяемый в ФРГ и в США, на что обратила внимание немецкий исследователь Р. Штольце. Так, в Германии текст приговора состоит из «шапки», резолютивной части приговора, состава преступления и оснований для принятия реше-

ния, в то время как текст американского приговора включает в себя «шапку», ход разбирательства и резолютивную часть приговора [Stolze, 1999, с. 170].

Заметны различия и в композиционном строении текстов немецкоязычных и русскоязычных потребительских инструкций. В таблице приведены результаты исследования композиционно-прагматической структуры немецкоязычных и русскоязычных текстов потребительских инструкций, отражающие преимущественное расположение отдельных композиционно-прагматических сегментов текстов данного типа.

Сравнительный анализ композиционно-прагматической структуры немецко- и русскоязычных текстов потребительских инструкций

Немецкоязычные тексты	Русскоязычные тексты
Danksagung für den Kauf des Geräts	*(Благодарность за приобретение прибора)
Inhaltsverzeichnis (Inhalt)	Содержание
Allgemeine Hinweise	Общие указания
Gerätebeschreibung	Меры предосторожности
Sicherheitshinweise	Описание прибора
Inbetriebnahme und Bedienung	Ввод в эксплуатацию и использование
Reinigung und Pflege	Обслуживание и уход
*(Störungsbehebung)	(Устранение неисправностей)
Technische Daten	
Umweltschutz	
Kundendienst	
	Транспортировка и хранение
	*(Утилизация)
Garantiebedingungen	Гарантии изготовителя

*Данный композиционно-прагматический сегмент встречается не во всех текстах инструкций

Результаты проведенного сравнительного анализа строения текстов немецкоязычных и русскоязычных текстов потребительских инструкций показывают, что в немецкоязычных текстах обязательными являются такие его сегменты, как «Охрана окружающей среды» (в который входят и сведения об утилизации прибора) и «Сервисная служба», отсутствующие в русскоязычных текстах, что обусловлено имеющимися различиями в отношении к защите окружающей среды и к покупателю в Германии и в России.

Суть содержательных глубинных конвенций состоит в различном объеме и смысловом наполнении одного и того же композиционно-прагматического сегмента текста. Так, например, в немецких и

русских инструкциях по эксплуатации автомобилей присутствует такой раздел, как «Техника безопасности», однако в немецких инструкциях описание необходимых мероприятий по обеспечению безопасной эксплуатации автомобиля представлено более подробно и занимает больший объем, нежели в русских инструкциях.

Отличительной чертой немецкоязычных потребительских инструкций является наличие композиционно-прагматического сегмента текста, содержащего рекламную информацию о приборе и направленную на апелляцию к чувствам и эмоциям потребителя: данный сегмент текста содержится в 78% немецкоязычных потребительских инструкций. В последнее время данный структурный компонент текста стал проникать и в тексты русскоязычных инструкций, однако в них он встречается гораздо реже (в 28% случаев) и занимает значительно меньше места. Культурно обусловленные различия наблюдаются и в содержании данного компонента. Так, для русскоязычных текстов характерно использование средств прямого названия речевого акта благодарности, например, *спасибо, благодарим за выбор*, в то время как в немецкоязычных инструкциях наряду с прямым выражением благодарности отмечается и наличие апелляции к чувствам и эмоциям потребителя, ср.: *Sie finden hier wichtige Hinweise für Ihre Sicherheit, den Gebrauch, die Pflege und die Wartung des Gerätes, damit Sie lange Freude an Ihrem Gerät haben.*

Таким образом, конвенции типа текста – это традиционные, исторически закреплённые и принятые обществом негласные правила речевого регулирования коммуникации, то есть правила построения текстов и их языкового оформления. Конвенции выполняют в тексте такие функции, как распознавание типа текста, актуализация определенных ожиданий у реципиента и управление пониманием текста. С точки зрения их этнокультурных особенностей конвенции типа текста необходимо анализировать и сравнивать как на микро-, так и на макроуровне, при этом первый вид конвенций называется поверхностным, второй – глубинным. К поверхностным конвенциям, выделяемым на лексическом уровне их анализа, относятся культурные реалии, цитаты из прецедентных источников информации, ссылки на авторитетные источники и т. п. На синтаксическом уровне анализа поверхностных конвенций типа текста выделяются отдельные синтаксические структуры, характерные для выражения одного и того же содержания в текстах, порожденных в разных культурах. Глубинные конвенции типа текста подразделяются на два подвида: композиционные и содержательные конвенции, при этом первые характеризуют культурно обусловленные особенности композиционной структуры текста, а вторые отражают различия в содержании его композиционно-прагматических сегментов. В завер-

шение следует отметить, что анализ конвенционально обусловленных различий в структуре и содержании текстов одного типа, порожденных в различных этнокультурах, позволит глубже понять феномен «включенности» речевой деятельности носителя той или иной этнокультуры в общий культурный континуум определенного этноса на определенном этапе его развития.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Наука, 1960. Вып. 1. С. 135–168
3. Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 24 с.
4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта, Наука, 2008. 318 с.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
7. Adamzik K. Sprache: Wege zum Verstehen. Tübingen: A. Francke, 2010. 363 S.
8. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co., 2005. 179 S.
9. Engberg J. Konventionen von Fachtextsorten: kontrastive Analysen zu deutschen und dänischen Gerichtsurteilen. Thübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. 306 S.
10. Glinz H. Textanalyse und Verstehenstheorie. Bd. 1. Wiesbaden: Athenaion, 1982. 157 S.
11. Gläser R. Faxtextsorten im Englischen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1990. 336 S.
12. Göpferich S. Textsorten in Naturwissenschaften und Technik: Pragmatische Typologie, Kontrastierung, Translation. Tübingen: Gunter Narr, 1995. 521 S.
13. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: eine Einführung (Reihe Germanistische Linguistik). Tübingen: Niemeyer, 1991. 310 S.
14. Kautz U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. München: iudicium, 2000. 632 S.
15. Kadric M., Kaindl K., Kaiser-Cooke M. Translatorische Methodik. Wien: Facultas, 2005. 174 S.
16. Lewis D. Konventionen. Eine sprachphilosophische Abhandlung. Berlin/New York: de Gruyter, 1975. 224 S.
17. Lux F. Text, Situation, Textsorte. Tübingen: Narr, 1981. 305 S.

18. Markstein E. *Realia // Handbuch Translation / M. Snell-Hornby et al.* Tübingen: Stauffenburg, 1998. S. 288–291.
19. Mauritz H. *Interkulturelle Geschäftsbeziehungen.* Wiesbaden: DUV, Dt. Univ.-Verl. [u.a.], 1996. 310 S.
20. Nord C. *Fertigkeit Übersetzen.* Alicante: Editorial Club Universitario, 2002. 170 S.
21. Reiß K., Vermeer H.J. *Grundlegung einer allgemeinen Translations-
theorie (Linguistische Arbeiten).* Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1984. 245 S.
22. Reiß K., Vermeer H.J. *Grundlegung einer allgemeinen Translations-
theorie.* Tübingen: Niemeyer, 1991. 245 S.
23. Roelcke T. *Fachsprachen.* Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH&Co, 1999. 269 S.
24. Rolf E. *Die Funktionen der Gebrauchstextsorten.* Berlin: De Gruyter, 1993. 339 S.
25. Schmitt P.A.. *Anleitungen/Benutzerhinweise // Handbuch Translati-
on / M. Snell-Hornby, H.G. Höning, P. Kussmaul u. P.A. Schmitt.* Tübingen: Stauffenburg, 1998. S. 209–213.
26. Simmler F. *Zur Fundierung des Text- und Textsortenbegriffs // Stu-
dia Linguistica et Philologica. Festschrift für Klaus Matzel zum sechzigsten
Geburtstag / H.-W. Eroms, B. Gajek und H. Kolb.* Heidelberg: Winter, 1984. S. 25–50.
27. Stolze R. *Die Fachübersetzung: Eine Einführung.* Tübingen: Narr, 1999. 278 S.
28. Wills W. *Übersetzungsunterricht. Eine Einführung: Begriffliche
Grundlagen und methodische Optimierungen.* Tübingen: Narr, 1996. 229 S.

5.3. Когнитивно-прагматический анализ междометий- маркеров дискурса

Белоус Т.В., Архангельск

Последние десятилетия стали временем многочисленных, комплексных исследований языка. Одним из наиболее успешных направлений в современных лингвистических исследованиях является когнитивно-прагматический анализ дискурса и его единиц. Объектом многих из этих исследований стали языковые единицы, являющиеся источником информации о ходе дискурса и регулирующие процесс общения. Наиболее часто данные единицы обозначаются термином “discourse markers” (маркеры дискурса/дискурсивные слова /метакоммуникативные маркеры).

Изучение маркеров дискурса привело к выделению отдельных функциональных групп внутри данной категории.

В частности, Д. Кристал [Crystal, 2000], рассматривая средства, регулирующие ход дискурса, делит их на маркеры, оперирующие в масштабе всего дискурса (*global macro-organizers*) и локальные маркеры (*local macro-organizers*). К первым относятся маркеры ввода темы (e.g., *let's look at x*), маркеры смены темы (e.g., *by the way*), маркеры подведения итога (e.g., *in a nutshell*).

Список локальных маркеров включает маркеры, вводящие примеры (e.g., *for instance*), реляторы (e.g., *nonetheless*), маркеры оценивания (e.g., *I think that...*), квалификаторы (e.g., *that's true, but...*), маркеры отступления от темы (e.g., *where was I?*), маркеры уточнения (e.g., *Huh? I'm not sure what you mean*), маркеры проверки восприятия (e.g., *OK?*), маркеры принятия ответа (e.g., *Yeah, I guess so; OK; Oh, yeah...*), маркеры подведения итога (e.g., *OK, so*), смены темы (e.g., *OK, now*).

Я. Машлер [Maschler, 1997] выделяет четыре группы маркеров дискурса в зависимости от их функций:

– маркеры межличностных отношений. Единицы данной группы, регулирующие дистанцию общения, включают выражения согласия (e.g., *okay; yes; right*), несогласия (e.g., *no; come on*), удивления (e.g., *Really?; Wow!*), энтузиазма (e.g., *Great!*) и т.п.

– маркеры референции. Эта группа состоит из дейктиков (e.g., *now; then*) и союзов (e.g., *or, but, etc*).

– маркеры структуры, выявляющие порядок и иерархию единиц разговора. К ним относятся маркеры, выражающие последовательность (e.g., *first of all*), возвращающие к главной теме (e.g., *any way*), маркеры подведения итога (e.g., *all in all*), а также маркеры, употребляющиеся в начале (e.g., *okay*) и в конце разговора (e.g., *that's it*).

– когнитивные маркеры, информирующие о когнитивных процессах, происходящих в момент перестройки фрейма интеракции и выражаемых в дискурсе. Данная группа включает сигналы обработки информации (e.g., *uh, uhm*), восприятия новой информации (e.g., *oh*), понимания необходимости разъяснения (e.g., *I mean, like*).

Маркеры межличностных отношений и когнитивные маркеры функционируют в сферах дискурса, непосредственно связанных с участниками коммуникации, а референциальные и структурные маркеры – в сфере текста, обеспечивая его когерентность.

Авторы грамматики устного и письменного английского языка, подготовленной издательством Лонгман [Biber et al., 2000], определяет маркеры дискурса как языковые единицы, обычно встречающиеся в начале реплики (высказывания) и выполняющие две основные функции: а) сигнализация изменений в ходе разговора и

б) сигнализация интеракциональных отношений между говорящим, слушающим и сообщением. Отмечается также, что данная категория не имеет четких границ, в качестве основных маркеров называются *oh, well, right, now, I mean, you know, you see*.

Д. Шифрин [Schiffrin, 1987] перечисляет ряд условий, которым должен соответствовать языковой элемент, употребляемый в качестве маркера дискурса:

– дискурсивные маркеры функционируют в качестве «скобок» (“brackets” – термин И. Гоффмана), т. е. используются в момент перестройки фрейма дискурса: начало, продолжение, конец дискурса, смена коммуникативных ролей, смена темы и т. п.;

– дискурсивные маркеры располагаются, как правило, в начале реплики и интонационно оформлены;

– дискурсивные маркеры можно сравнить с клеем, необходимым для поддержания связности дискурса.

Обеспечивая связность на уровне текста (когезия), они, тем самым, способствуют связности дискурса на уровне ментальных репрезентаций (когерентность). В результате анализа 12 маркеров дискурса (*oh, well, you know, I mean, so, now* и др.) автор приходит к выводу, что каждый из них имеет свои функции и оперирует в определенной сфере дискурса. Наряду с основной / первичной сферой, каждый маркер функционирует еще в одной (вторичной) структуре дискурса.

Маркеры границ взаимодействия на материале русского языка анализирует С.Э. Максимова [Максимова, 1999]. Она описывает фазисные регулятивы: стартерные (*Эй! Ну, здравствуй! А-а, это ты*), финальные (*Ну, всего хорошего! Ну, до свидания!*) и этапные (*Что я хотел сказать..., Ну, Маша, а что ты думаешь о...*).

Лексические показатели границ минимальной диалогической единицы описывают А.Н. Баранов и Е.А. Иванова [Баранов, Иванова, 1999]. Маркеры границ минимальной диалогической единицы делятся на структурные показатели начала минимальной диалогической единицы и структурные показатели конца.

Структурные показатели начала минимальной диалогической единицы – это этикетные приветствия, обращения, выражения привлечения внимания: *(по)слушай(те), смотри(те)*, выражения вежливости *(извини, прошу Вас)*, выражения, вводящие новую тему разговора *(а, а вообще, а теперь/ сейчас, ну вот(что), вот что, (а)знаешь(ли), интересно, пусть, видишь ли, да и т.п.)*, выражения для возврата к теме *(ну-с, ну что, ну - (же), ну а вообще, итак, и все же, так все-таки, да, значит, выходит, словом)*, выражения, прерывающие предыдущий речевой акт *(стоп, подожди(те), постой(те), ну словом, ну послушай(те), кстати, да, ах да, нет)*.

Каждый из типов регуляции в свою очередь может подразделяться на более частные типы.

Структурные показатели конца минимальной диалогической единицы – это этикетные выражения реакции на приветствия и др. этикетные формулы, выражения, грубо прерывающие говорящего (*все, разговор окончен, довольно, хватит, м-м, ну-ну, конечно-конечно, ну ладно*), свидетельства окончания беседы и оценка сказанного (*ну, знаешь ли, вот так, то-то, вот именно, какой разговор, точно, ну как знаешь, будем надеяться, жаль, хорошо, ладно, конечно*), выражения с помощью которых говорящий комментирует свои речевые действия (*вот и все, у меня все*).

Анализ определений сочетания «маркеры дискурса» позволяет сделать вывод, что данный термин служит для обозначения языковых единиц, занимающих позицию в начале реплики, а их основными функциями являются поддержание целостности дискурса, включая указание на переходные моменты в ходе дискурса, на распределение коммуникативных ролей, регуляция когнитивных процессов и отношений между участниками общения.

Проведенный анализ также показывает, что большинство исследователей включают в категорию «маркеры дискурса» *well, oh, right, you know, I mean, now*.

Многие лингвисты, изучающие маркеры дискурса, не уделяют большого внимания частеречной принадлежности данных языковых единиц. Это объясняется тем, что ее определение вызывает затруднения, но не имеет большого значения для исследования их функций в дискурсе.

Вместе с тем, ряд исследователей относит данные единицы к междометиям [e. g., NTC's Guide..., 1998] или к словам-вкладышам / вставкам [Viber et al, 2000].

С нашей точки зрения, рассматриваемые маркеры дискурса являются междометиями, хотя идиомы *You know* и *I mean* находятся на периферии данной категории, так как не функционируют в качестве самостоятельного высказывания.

Многие маркеры дискурса изучались по отдельности, причем наибольшее количество исследований посвящено *well*.

Так, Л. Карлсон [Carlson, 1984] определяет для него два типа функциональных значений в качестве маркера дискурса. Первый тип значений связан с выполнением функции уточнения / квалификации коммуникативной интенции высказывания. Данная функция наиболее характерна для вопросно-ответных диалогических единств. В качестве особого случая выделяется функция *well*-квалификатора при выдвигении аргументов и контраргументов.

Второй тип функциональных значений связан со способностью *well* оформлять диалоговые ситуации, т. е. открывать диалог, служить сигналом смены темы или ситуации и закрывать диалог. Этот тип значений автор называет фреймовым.

Х. Сакс и др. [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974] выделяют функцию *well* в качестве маркера окончания разговора. При этом, адресат имеет возможность продолжить разговор, вернувшись к одной из ранее обсуждавшихся тем или начав новую.

Д. Шифрин [Schiffrin, 1987] считает, что сферой функционирования *well* в дискурсе является сфера коммуникативных ролей. *Well* входит в состав ответной реплики, тем самым определяя роль говорящего в качестве «ответчика» (a respondent).

Кроме того, данный маркер способен указывать на ментальные состояния, которые можно представить в виде единичной пропозиции “I am considering what is appropriate to consider” или набора пропозиций.

Первая точка зрения отражена в работах Д. Болинджера [Bolinger, 1989] и Л. Карлсон [Carlson, 1984]. Вторая – в работе А. Вежбицкой: “This is well // all right // okay; something else is to be said; I don’t want more time to pass like this” [Wierzbicka, 1987].

Л. Шуруп подчеркивает, что *well*, как и все остальные междометия, не называет эти состояния, а является их сигналом, указывает на них. Состояния сознания, на которые указывает *well*, чрезвычайно разнообразны и могут быть по-разному интерпретированы слушающим. Поэтому, количество значений, которые может иметь междометие *well* в дискурсе, фактически безгранично [Schourup, 2001].

В целом можно сделать вывод, что каждое новое исследование вносит свой вклад в изучение роли междометия *well* в дискурсе. Проведенный нами анализ также позволяет сделать некоторые обобщения.

Прежде всего, рассматриваемое междометие указывает на активное участие говорящего в разговоре, на внимание, которое он уделяет ходу общения.

Одним из способов выражения данного внимания является желание говорящего поддержать нормальное течение разговора, его когерентность. В качестве фактора, способного поставить под угрозу когерентность дискурса, можно считать его несоответствие ожиданиям собеседника (*divergence*). Данный фактор упоминается в работах ряда исследователей, см., например, [Schiffrin, 1987].

Отклонение хода разговора может принимать различные формы. В частности, это происходит в случае сообщения новой или неожиданной для собеседника информации. Употребление *well* в

начале реплики сигнализирует появление именно такого типа информации: *well* «подготавливает» собеседника к восприятию новой, неожиданной информации. Например: “Well, can I be honest with you?” [x/ф “What Women Want”]. Данная реплика прерывает сугубо деловое общение и указывает на желание говорящего подготовить собеседника к более дружескому и личному общению. В данном случае *well* сигнализирует намерение говорящего изменить ход разговора.

Well в качестве маркера новой, неожиданной информации может входить в состав расширенной реплики, например, “I stopped here twenty-four years ago because I decided I wasn’t looking for anything anymore. Well, I was mistaken” [Saroyan, 1998, с. 76].

Среди разнообразных типов неожиданной, контрастной информации, которая может содержаться в реплике, вводимой *well*, следует также отметить выражение несогласия, например: “Women, they tell me, are supposed to be real good at washing dishes. ... And cooking too.” - “Well, not this woman” [Tevis, 1985, с. 107].

Предпочтительным ответом на косвенную критику, содержащуюся в первой реплике, было бы выражение согласия с ней. Появление *well* в начале ответного хода указывает на то, что говорящая отдает себе отчет о некотором отсутствии сотрудничества с ее стороны. Желая смягчить вероятный отрицательный эффект своей реплики, она предваряет ее междометием *well*. *Well* в данном случае сигнализирует, прежде всего, стремление смягчить ответ, и лишь во вторую – желание не нарушить ровный ход разговора.

Позиция междометия *well* в начале ответной реплики может указывать на уклонение от прямого ответа на вопрос, что также следует рассматривать как непредпочтительную тактику ведения разговора.

Например: “Do you think there are people who just go and say: “Hi, babe. My name’s Charles. This is your lucky night?” – “Well, if there, they are not English” [x/ф “Four Weddings and the Funeral”].

Уклонение от прямого ответа в данном случае вполне оправдано, так как эксплицитное согласие могло бы повредить чувству собственного достоинства собеседника. С точки зрения вежливости, именно избранная тактика уклонения от прямого ответа является наилучшей в данной ситуации.

Междометие *well* в начале реплики-ответа может указывать и на желание говорящего скрыть истину, слухавить. Например, в ответ на вопрос доктора Спайви, директора психиатрической клиники: “Why did you get sent over here... from the work farm?”, новый пациент, Мерфи, дает следующий ответ: “Oh, ye, well, I really don’t know, Doc” [x/ф One flew over the cuckoo’s nest”].

На самом деле говорящий прекрасно знает причину своего перевода, но не хочет говорить об этом.

В данном примере желание уклониться от прямого ответа на вопрос сочетается с поиском наиболее приемлемого ответа, способного произвести впечатление искренности и готовности к сотрудничеству.

Таким образом, указывая на «непредпочтительность» реплики дискурса, *well* играет важную роль в регулировании процессов восприятия и понимания сообщения: данное междометие служит сигналом необходимости инференциальных действий со стороны собеседника для правильного понимания содержания высказывания. В то же время *well* способствует поддержанию вежливости в общении, так как демонстрирует учет потребностей «лица» собеседника со стороны говорящего.

Появление *well* в начале реплики может также сигнализировать о желании говорящего тщательно обдумать содержание предстоящего высказывания, сформулировать его наилучшим образом. Подобное поведение может рассматриваться как проявление кооперативности, желание оптимизировать общение.

Например: “If you give me a poodle haircut I’ll look more – well, plain and simple” [Saroyan, 1998, с. 78].

Иногда пауза, которой нередко сопровождается междометие *well* в подобных репликах, оказывается настолько продолжительной, что собеседник перехватывает инициативу. Например: “What are you looking for, Miss McCutcheon?” – “Well...” – “I mean, besides a husband” [там же, с. 90].

Заслуживают внимания и случаи трехкратного повторения междометия *well*. При этом вся реплика получает прагматическое оформление интонацией и сопровождается паузой, тем самым становясь средством выражения разнообразных эмоций: удивления, злорадства и т. п., в зависимости от интонации произнесения.

Так, реакцией миссис Лэраби на сообщение о том, что ее младший сын встречается с дочерью их главного конкурента в бизнесе, является многозначительное: “Well, well, well...” [x/ф “Sabrina”]. Полученная информация является новой и неожиданной для говорящей: Миссис Лэраби несколько растеряна, она не знает, то ли ей радоваться, то ли огорчаться и хочет хорошо обдумать ситуацию, прежде чем дать ответ.

Перси, охранник-садист, наблюдая за Дэлом, робким и слабым заключенным, частым объектом его жестоких выходок, произносит многозначительно и, не скрывая угрозы: “Well, well, well...” [x/ф “The Green Mile”]. Дэл, играющий с мышонком и не замечающий нависшей над ним опасности, тут же прерывает игру и в ужасе смотрит на

своего мучителя. Междометие *well, well, well...* становится сигналом угрозы для Дэла, которую представляют собой эмоции и мысли охранника.

Важная роль междометия *oh* в обеспечении связности дискурса также не вызывает сомнений.

Одной из важных особенностей функционирования *oh* в дискурсе можно считать его способность сочетаться с другими междометиями: *Oh, God; oh, boy; oh, hello; oh, thanks*. Благодаря *oh* эксплетивы и формулы речевого этикета гораздо лучше «вписываются» в разговор. Особый интерес представляет собой сочетание *oh* с междометиями *Yeah* и *Sure*, обыкновенно выражающими согласие.

Междометие *Oh, Yeah?*, оформленное соответствующей интонацией, звучит враждебно и даже грубо; *oh, sure* превратилось в рутинное выражение сарказма.

Например: “You could have helped me to convince him, Kay.” – “Oh, Yeah? Convince him of what?” [x/ф “Godfather III”].

Междометие *Oh, Yeah?* выражает открытое неприятие просьбы и даже враждебность. Подобную речевую тактику следует отнести к невежливым и некооперативным, но, с точки зрения говорящей, она является правильной.

В ряде исследований отмечается важная роль междометия *oh* в указании на изменения, происходящие в знаниях коммуникантов, на их отношение к воспринимаемой информации. В частности, Д. Шифрин отмечает, что *oh* маркирует информацию, находящуюся в фокусе внимания обоих собеседников, тем самым способствуя их правильной ориентации в информационном поле дискурса [Schiffrin, 1987, с. 74].

Одной из важных функций междометия *oh* является указание на характер информации, содержащейся в реплике собеседника. Информация может маркироваться как уже известная говорящему, например: “Why does he have a different name?” – “Oh, when my brother Sonny was a kid, he found Tom in the street” [x/ф “Godfather I”].

Oh указывает на «узнавание» вопроса: подобный вопрос уже возникал ранее и не является новым для говорящего.

В то же время информация, содержащаяся в реплике собеседника, может являться новой и неожиданной, например: “No green pepper, no tomatoes.” – “Oh, well, then I’ll just whip up...” [x/ф “Sabrina”].

Междометия *oh* и *well* являются сигналами удивления и замешательства говорящего, так как ответ девушки явился для него неожиданным. И дело здесь даже не в том, что она не ест помидоры и перец. Категоричный ответ собеседницы вызывает растерянность у молодого человека просто потому, что раньше он никогда не получал отказа на приглашение поужинать. Кроме того, *oh* и *well* запол-

няют паузу, давая возможность говорящему собраться с мыслями и сформулировать ответ.

Междометие *oh* может также указывать на новизну предыдущего сообщения, если предваряет вопрос, целью которого является внесение ясности, уточнение деталей, необходимых для полного понимания предыдущей реплики, например: “You know me. One of the lesser Larabeys.” – “Oh, in what way lesser?” [x/ф “Sabrina”].

В данном случае истинной целью вопроса является не просто выяснить, что именно имеет в виду собеседник. Речевое поведение представляет собой одну из тактик позитивной вежливости: своим вопросом девушка хочет подчеркнуть, что не разделяет не слишком высокое мнение большинства о младшем сыне Лэраби.

Междометие *oh* также часто вводит реплику, содержащую, неожиданно пришедшую мысль, например: “Stay forever.” – “OK. Oh, forgot the jam” [x/ф “Notting Hill”].

Рассматриваемый обмен репликами является частью диалога, происходящего утром в спальне. Уильям использует удобный момент для серьезного шага: он предлагает Анне остаться с ним. Анна находится в нерешительности, и вдруг, бросив случайный взгляд на поднос с чаем, вспоминает о джеме.

Среди других значений *oh* важно отметить его участие в регулировании хода дискурса. В частности, данный маркер может сигнализировать желание говорящего скорректировать свою собственную реплику, например: (голос в трубке) I’m not Selena. Oh, I’m not anybody special at all” [Amis, 1985, с. 70].

В данном примере говорящий, не дожидаясь ответа, вновь берет инициативу в свои руки: мены коммуникативных ролей не происходит.

Одним из типичных значений междометия *Right* является указание на завершение предыдущей фазы разговора и начало новой, часто связанной с совершением каких-либо действий, например: “Right, Mr. Thatcher. Will you come this way?” – “Right” [x/ф “Notting Hill”].

Администратор, удостоверившись, что Тэтчера действительно ждут, готов проводить его. *Right* указывает на переход от одной фазы интеракции к другой.

В указанном значении междометие *Right* особенно часто используется в транзакционных диалогах например, в сфере услуг [Carter, McCarthy, 2001].

В дополнение к указанному значению *Right (Allright)* часто сигнализирует уступку со стороны говорящего, например: “Allright, Eddie. You’ve won. Rack your cue. You always win” [Tevis, 1985, с. 126].

Говорящая отказывается от продолжения трудного разговора: междометие *Allright* указывает на сдачу позиций, разочарование и желание закончить разговор.

Уступка в разговоре нередко сопровождается выражением эмоций. То есть происходит совмещение функций междометия: обеспечения связности дискурса и эмотивной функции.

Например: “How much for the last one?” – “15 million dollars.” – “Right, so, that’s, well, fairly good” [x/ф “Notting Hill”].

Автор последней реплики испытывает удивление и замешательство в связи с огромным гонораром собеседницы – актрисы за ее последний фильм. Чувство уверенности в себе, покровительственный тон, присутствовавшие в начале разговора, исчезают. Междометие *Right* сигнализирует сдачу позиций и начало новой фазы разговора. Кроме того, в рассматриваемом обмене *Right* дает возможность собеседнику собраться с мыслями и продолжить разговор.

Маркер дискурса *You know* показывает, что для понимания новой информации собеседнику необходимо привлечь общий фонд знаний, то есть знания, содержащиеся в тезаурусе обоих участников общения, например: “What kind of stuff?” – “Oh, you know, I swim sometimes. I play tennis” [Amis, 1985, с. 23].

В ответе на вопрос о том, какими видами спорта он занимается, говорящий упоминает типичные для американцев формы физической активности, несомненно, хорошо известные собеседнику. Вместе с тем, он испытывает некоторую неловкость, так как находится не в лучшей физической форме. Одной из функций междометия *you know* в данном случае можно считать поиск понимания и снисхождения со стороны собеседника.

В следующем примере *you know* не только указывает на то, что информация, содержащаяся в последующей части реплики известна адресату, но и выполняет эмотивную функцию: “But she said she wanted to go out with you. – Yeah. – Well, that’s nice. – What? – Well, you know, anyone saying they wanna go out with you is great, isn’t it?” [x/ф “Notting Hill”].

Целью автора реплики, содержащей междометие *you know*, является оказание моральной поддержки собеседнику, желание ободрить его: если девушка согласна провести с ним время, значит, есть надежда, что их отношения не закончились.

Междометие *Now* указывает на желание говорящего «продвинуть» разговор, а также привлечь внимание к своему сообщению, например: “Oh, now, I’m sure Mr. Felson knows what he’s doing, Bert...” [Tevis, 1985, с. 153].

В данном случае говорящий вступает в разговор, чтобы примирить двух других собеседников, разошедшихся во мнениях. Междометие *Now* служит средством привлечения внимания к сообщению.

Ту же функцию маркера привлечения внимания *now* играет и в дискурсе-комментарии. Например, поясняя видеозапись происходящего в специальном помещении казино во время подсчета выручки, говорящий стремится привлечь внимание слушающего к тому или иному объекту, используя *now*: “Now, notice how in the councroom nobody ever seems to see anything. Somehow somebody’s always looking the other way. Now, look at these guys...” [x/ф “Casino”].

Понимание важности изучения поведения обоих участников общения (говорящего и слушающего) послужило толчком к изучению действий слушающего: как слушающий сохраняет свой статус в разговоре, не узурпируя роль говорящего (англ. *main / current speaker*).

В современной англоязычной лингвистике существует несколько терминов для обозначения кратких, стандартных реплик-реакций, при помощи которых слушающий сигнализирует свое участие в разговоре, оставаясь в роли слушающего: *response forms, reactive tokens, back channels*.

Авторы грамматики устного и письменного английского языка издательства «Лонгман» включают в категорию ответных реплик (*response forms*) ответы на вопросы (чаще всего *yes, no* и их варианты), ответы на директивные речевые акты (*ok, sure, certainly* и т. п.), а также ответы на ассертивы (*mm, uh, huh, mmhm* и т. п.) [Biber et al., 2000].

Р. Гарднер [Gardner, 1997] относит к средствам организации обратной связи в разговоре (*back channels*) сигналы восприятия (*acknowledgements*), краткие выражения согласия (*brief agreements*), продолжатели (*continuers*), маркеры новой информации (*news-marking items*, например, *oh, really?*), маркеры оценки (*evaluative items*, например, *wow*) и просьбы о разъяснении (*clarification requests*).

Дж. Тотти [Tottie, 1991] рассматривает в качестве средств организации обратной связи первичные междометия, краткие высказывания типа “That’s great”, просьбы о разъяснении и т. п. Автор также проводит различие между репликами, включающими одно междометие, и репликами, в состав которых входит несколько междометий, например, когда *yeah, sure, right* произносятся в быстрой последовательности.

Анализ литературы показывает, что наиболее изученными в качестве средств организации обратной связи являются первичные междометия. Объяснение этому следует, вероятно, искать в том, что

первичные междометия не имеют омонимов среди других частей речи, их легко идентифицировать, таким образом, они более удобны для анализа.

Что касается вторичных междометий, выступающих в функции средств организации обратной связи, например: *Right, Sure, Fine, True, Good, Great, Exactly, Absolutely* и т. п., то они стали включаться в данную категорию лишь в последнее время, в связи с расширенным пониманием *back channels* [Clancy et al., 1996].

Например, междометия *Yes, Yeah, OK, Sure* трактуются как обычные средства выражения согласия, *No* также включается в данный класс в качестве положительной реакции в ответ на высказывание, содержащее отрицание.

Отмечается также, что вариант *Yeah* более характерен для разговорного английского, чем *Yes* [Biber et al, 2000].

Функционируя в качестве ответных реплик – средств организации обратной связи в разговоре, они в то же самое время указывают на границы сегментов дискурса и играют важную роль в регулировании межличностного общения, способствуют достижению его целей благодаря частичному сохранению первичной референции: большинство из них имеют сему эмотивности в значении.

В большинстве случаев данные междометия употребляются в качестве эквивалентов “yes” или “no”, то есть в функции средств организации обратной связи для выражения понимания, согласия, сигнализации окончания речевого контакта и т. п. Вместе с тем они выполняют важную фатическую функцию в дискурсе: в качестве ответных реплик они способствуют созданию и поддержанию благоприятной психологической атмосферы общения, благодаря своей положительной аффективной тональности.

Данные междометия могут выступать в качестве самостоятельных реплик: “Lovely”, “Fine”, “Great”, например:

“I didn’t get down what magazine you’re from.” – “Time out.” – “Great” [х/ф “Notting Hill”].

В данном примере междометие *Great* является сигналом восприятия сообщения, одновременно выражая его положительную оценку говорящим.

Особенный интерес представляют примеры употребления указанных междометий в качестве сигналов положительной оценки сообщения, когда говорящий на самом деле испытывает прямо противоположные эмоции.

Так, в ответ на похвалу своего начальника в адрес ее недавнего конкурента в борьбе за должность, Дарси произносит: “Great!” с улыбкой на лице и энтузиазмом в голосе.

Однако ее внутренние ощущения имеют совсем другой характер: она сожалеет о том, что упущенной возможности показать свою компетентность и превосходство над Ником (бывшим соперником).

По инерции Дарси отвечает “Great” и на приглашение начальника оценить новые кубинские сигары, хотя приглашение адресовано не ей, а ее невольному обидчику, Нику. Произнесенная невпопад реплика вызывает удивление, так как начальник не ожидал, что Дарси курит сигары [х/ф “What Women Want”].

Как и большинство вторичных междометий, рассматриваемые единицы могут употребляться в сочетании с первичными междометиями, а также наречиями-интенсификаторами (“Oh, right.”, “Jolly-good” и т.п.), например: “Is there room for Scarlette?” – “Oh, absolutely” [х/ф “Four Weddings and the Funeral”].

Говорящий сознательно отдает предпочтение данной форме выражения согласия вместо рутинного “Oh, yes”, так как хочет поддерживать дружеские отношения с собеседником.

Вполне обычным является и кластерное употребление указанных междометий, когда они указывают как на окончание определенного сегмента дискурса, так и на характер межличностных отношений, например: “I might be free around four.” – “Right. Right. Great” [х/ф “Notting Hill”].

В данном примере повтор междометие *Right* и междометие *Great* являются сигналом восприятия предыдущей реплики собеседницы и одновременно выражают энтузиазм по поводу предстоящей встречи. Кроме того, рассматриваемая реплика указывает на окончание разговора.

Интерес представляют и случаи функционирования вторичного междометия *Right*, оформленного вопросительной интонацией. Как правило, интонация является лишь формальным признаком: на самом деле это скорее способ достижения наилучшего взаимопонимания с собеседником, регуляции когнитивных процессов дискурса.

Например, Дэвид (преуспевающий бизнесмен) встречается утром за завтраком с Вивиан (его случайная знакомая):

(Дэвид) I took the liberty of ordering everything on the menu. I didn't know what you liked.

(Вивиан) Hm...

(Дэвид) Right? Good [х/ф “Pretty Woman”].

Междометие *Hm*, функционирующее в качестве средства организации обратной связи, служит способом выражения удивления и одобрения: девушка польщена оказанным ей вниманием и немного кокетничает. Дэвид своей ответной репликой дает понять собеседнице, что его действия – не более чем вежливость. Междометие

Right служит сигналом восприятия реплики собеседницы, а вторая часть реплики (*Good*) указывает на окончание разговора и нежелание поддержать кокетство девушки.

Good также можно рассматривать в качестве вторичного междометия, функционирующего в данном примере как средство организации обратной связи: указывает на закрытие темы и окончание разговора.

Ответные реплики могут содержать самые разнообразные сочетания вторичных междометий: “Yeah. Brilliant. Thanks”, “Classic. Classic”, “Exactly. Right” и т. п.

Следует также отметить, что вторичные междометия, омонимичные прилагательным и наречиям, могут занимать позицию в начале реплики, выступая в качестве самостоятельного речевого акта.

Например: “Can I trust you?” – “You can trust me.” – “Good. So, then you could tell me what the money is for” [x/ф “Casino”].

Междометие *Good* функционирует в данном случае в качестве сигнала восприятия и выражает удовлетворение полученным ответом. В то же время оно является сигналом закрытия темы (может ли автор вопроса доверять своей супруге) и окончания этапа диалога.

Таким образом, наряду с функциями организации обратной связи в разговоре, указанием на границы блоков дискурса, на восприятие и понимание сообщения, вторичные междометия, восходящие к прилагательным и наречиям, играют важную роль в поддержании вежливости общения, способствуют установлению и поддержанию доброжелательных, дружеских отношений между собеседниками, особенно между малознакомыми или совсем незнакомыми людьми. Осуществлению данной роли способствует частичное сохранение лексического значения слова, от которого были образованы данные междометия.

В заключение следует отметить, что в соответствии с широким пониманием термина «маркер дискурса» к маркерам дискурса следует отнести все языковые средства, функционирующие в различных сферах дискурса и обеспечивающие его целостность, информативность, регулируемость, в том числе и в сфере межличностных отношений.

Такое понимание термина позволяет включить в категорию «маркеры дискурса» и единицы, традиционно называемые “back channels” (средства организации обратной связи в разговоре), так как единственное различие между ними состоит в том, что средства организации обратной связи в разговоре выступают в качестве самостоятельных реплик.

Маркеры дискурса играют важную роль в обеспечении связности реплик дискурса: они сигнализируют о внимании говорящего к предыдущей реплике собеседника, к общему ходу разговора. Присутствие маркеров облегчает восприятие дискурса, способствует его лучшему пониманию. В то же время междометия-маркеры дискурса играют важную роль в установлении и поддержании речевого контакта, в обеспечении успеха коммуникации, так как способствуют соблюдению принципов речевого общения. Выражение внимания к ходу разговора, забота о поддержании контакта с собеседником, вежливость – достижению этих целей служат маркеры дискурса. Следовательно, их использование можно рассматривать как проявление положительных эмоций со стороны говорящего по отношению к партнеру по коммуникации.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Иванова Е.И. Лексические показатели минимальных диалогов // Вестник МГУ.1999. № 1. С.76–87.
2. Максимова С.Э. Регулятивная функция междометий в диалоге // Тверской лингвистический меридиан. Тверь.1999. № 2. С. 88–95.
3. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Written and Spoken English. Harlow: Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.
4. Bolinger D. Intonation and its uses: Melody and grammar in discourse. Stanford: Stanford University Press, 1989. 186 p.
5. Carlson L. “Well” in Dialogue Games // Pragmatics and Beyond / eds. H. Parret, J. Verschueren. Amsterdam: Philadelphia, 1984. 104 p.
6. Carter R., McCarthy M. Talking, Creating: Interactional Language, Creativity and Context // Applied Linguistics. 2004. V. 25. №1. P. 62–88.
7. Clancy P., Thompson, S.A., Suzuki R., Tao H. The Conversational use of reactive tokens in Japanese, Mandarin, and English // Journal of Pragmatics. 1996. V. 26. № 1. P. 355–387.
8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge: CUP, 2000. 480 p.
9. Gardner R. The listener and minimal responses in conversational interaction // Prospect. 1997. № 12. P. 12–32.
10. Maschler Y. Discourse markers at frame shifts in Israeli Hebrew talk-in-interaction // Pragmatics. 1997. V.7. P. 183–211.
11. NTC’s Guide to Grammar Terms. Chicago, Illinois: Lincolnwood, 1997.202 p.
12. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systemics for the organization of turn taking for conversation // Language. 1974. №4. P. 696–735.
13. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
14. Schourup L. Rethinking well // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. P. 1025–1060.

15. Tottie G. Conversational style in British and American English: The case of backchannels // English corpus Linguistics / K. Aijmer, B. Altenberg (eds.). London: Longman, 1991. P. 254–271.

16. Wiezbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Amis M. Money. London: Penguin Books Ltd., 1985. 394 p.
2. Casino. Universal Pictures, 1995. 178 min.
3. Four Weddings and the Funeral. Polygram Filmed Entertainment and Channel Four Films., 1997. 115 min.
4. The Godfather I. Paramount Pictures, 1972. 167 min.
5. The Godfather III. Paramount Pictures, 1990. 63 min.
6. The Green Mile. Castle Rock Intertainment, 1999. 130 min.
7. Notting Hill. Polygram Films, 1999. 115 min.
8. One Flew Over the Cuckoo's Nest. Fantasy Film, 1976. 133 min.
9. Pretty Woman. Touchstone, 1990. 159 min.
10. Sabrina. Paramount Pictures, 1995. 127 min.
11. Saroyan W. The Oyster and the Pearl // Plays for Reading. Washington, D.C.: United States Information Agency, 1998. P. 73–95.
12. Tevis W. The Hustler. London and Sydney: Pan Books, 1985. 188 p.
13. What Women Want. Universal Pictures, 2000. 126 min.

5.4. Авторский комментарий в немецком рыцарском романе

Баева Г.А., Санкт-Петербург

Средневековый немецкоязычный письменный текст (дискурс), подобно современному, содержит все основные компоненты: адресант, адресат, прагматическую цель, интенции участников коммуникации, их коммуникативную установку, диалогичность, ритуально-этикетные формулы общения для номинации той или иной ситуации и т. п. Понятно, что этот текст значительно отличается от современного, прежде всего тем, что требует для современного читателя определенной дешифровки, ибо отражает через коммуникантов – участников речевой ситуации и автора, повествователя-нарратора – картину мира, отличную от современной, а также передает их (участников речевой ситуации и автора) восприятие этой картины мира, их интерпретацию положения дел, фактов, событий и явлений, т. е. всего того, что связано со знаниями человека о мире в тот или иной период развития общества.

Известный франко-канадский медиевист Поль Зюмтор в «Опыте построения средневековой поэтики» называет три функции средне-

векового дискурса: во-первых, идейную, предполагающую наличие связи между говорящим и внешним миром или говорящим и его сознанием, во-вторых, межличностную, при которой говорящий с помощью языка вводит в дискурс самого себя и предстает перед слушателем (читателем) и, наконец, в-третьих, текстуальную – прикладную по отношению к двум предыдущим, благодаря которой язык устанавливает связь с самим собой и ситуацией, образуя текст как дискурсивную единицу [Зюмтор, 2003, с. 11–13].

Таким образом, одна из функций средневекового дискурса как способа представления различных типов знания заключается в передаче межличностных отношений, когда говорящий (поэт, рассказчик) выступает перед слушателем и вводит в дискурс самого себя. Делает он это, как правило, с помощью разнообразных высказываний, которые можно определить как авторские комментарии или, в другой терминологии, как авторские отступления или текстовые комментарии [ср. Арнольд, 1984, с. 18; Гончарова, 1984, с. 73 и сл.; Бондарева, 1999]. Авторский комментарий представляет собой, таким образом, метанарративный элемент, служащий для организации внутритекстового пространства, посредством которого автор или рассказчик определенным образом включает в текст свои собственные речевые действия, выражая тем самым свое отношение к продуцируемому им высказыванию, к его содержанию и форме, а также презентуя себя самого.

Функции авторского комментария состоят прежде всего в оптимизации и управлении процессом рецепции, а также в обеспечении обозримости и связанности художественного повествовательного пространства для лучшей ориентации читателя или слушателя в тексте повествования. В разных литературных жанрах и стилях роль авторского комментария и его функциональное назначение различны и могут быть определены в диапазоне от практически нулевого до очень значительного.

Авторские комментарии можно разделить прежде всего по месту их появления в тексте (например, начальные, срединные и конечные). Другие классификации комментариев могут базироваться на их содержательных особенностях, например в функциональном плане различаются контактоустанавливающие, контактоподдерживающие или контакторазрывающие комментарии. Некоторые исследователи выделяют, помимо указанных, следующие типы авторских комментариев: ретроспективные комментарии, т. е. комментарии, отсылающие адресата к ранее совершенным повествователем речевым действиям, перформативные комментарии, т. е. комментарии, маркирующие актуально совершаемые повествователем речевые действия и одновременно являющиеся их осуществлением, и, нако-

нец, перспективные комментарии, т. е. комментарии, которые сообщают адресату о будущих речевых действиях субъекта речи [Нистратова, 1985, с.15–16].

В немецких рыцарских романах авторский комментарий представлен достаточно широко, функционально он многоаспектен, в связи с чем разработка его единой типологии является делом сложным. Чтобы охватить все многообразие материала, требуется взять за основу несколько критериев и построить несколько относительно самостоятельных типологий. Так, К. Фелькель, обращаясь к поздним рыцарским романам и романам Й. Викрама (таким образом, анализируя как стихотворные, так и прозаические романы), выделяет два типа «интервенций» средневекового повествователя в повествование – «повествовательные техники» (*Erzähltechniken*) и «содержательные оценки» (*inhaltliche Wertungen*). К первому типу «интервенций» она относит структурирующие (*gliedernde*), заверяющие (*beglaubigende*) вставки и вставки, продвигающие сюжет вперед (*weiterführende*), ко второму типу – визуализирующие (*veranschaulichende*) и дидактические (*didaktische*) вставки [Voelkel, 1978, с. 67–212]. Кроме того, в ряде случаев в классификации комментариев К. Фелькель дополнительно привлекает критерий грамматической формы, например, рассматривая вставки, продвигающие сюжет вперед, автор выделяет вопросы и поясняющие формулы (*Fragen und Erläuterungsformel*).

Из классификации К. Фелькель для нашего материала особый интерес представляют авторские комментарии, которые можно определить как предворящие толкования или объяснения (*Vorausdeutung*) и как сообщения, провозглашения или извещения (*Ankündigung*) [Voelkel, 1978, с. 68 и далее], а также комментарии, которые прогнозируют и иницируют ближайшую деятельность адресата, в частности активизируют его внимание (*Aufforderung zur Aufmerksamkeit*) [Ibid, с. 81–83], ср. также [Burger, 1969].

При определении роли и значения авторского комментария в рыцарском средневековом немецкоязычном романе важно учитывать особенность этого жанра, соединившего в себе черты ранних эпических жанров, таких как *chansons de geste* и шпильманский эпос, и прежде всего тот факт, что все эти жанры первоначально предназначались для декларации и чтения вслух и лишь значительно позже обрели так называемых «тихих» читателей.

В то время, как рассказчик или сказитель древних эпических произведений часто находился в тени рассказываемой им истории и позволял себе лишь редкие отступления от этого правила, немецкие поэты Средневековья, выступая в новом эпическом жанре рыцарского романа, активно участвуют в повествовании. Такое авторское

присутствие может быть как откровенно активным, так и пассивным, или отчасти дистанцированным [Ваева, 2013, с. 14].

Задача настоящего анализа состоит в том, чтобы показать, когда, почему, с какой прагматической целью и какими языковыми средствами автор маркирует свое участие в повествовании. Анализ ограничим так называемыми сильными позициями текста, началом и концом. Критерием выделения инициальных и финальных авторских комментариев является их пограничная позиция, а также связанная с ней специфическая функциональная нагрузка в художественном повествовании [Ritter, 1908; Iwand, 1922; Grosse, 1961/62, с.147–156].

Установление контакта между автором и читателем, т. е. разговор поэта с публикой, может начинаться в традициях народной поэзии (ср. начало «Песни о нибелунгах»: *uns ist in alten mæren wunders viel geseit*) [Petsch, 1900].

Совершенно оправданным для устной презентации произведения представляется и тот факт, что средневековый поэт довольно часто стремится в первых же строках своего произведения сообщить его название, используя модель «Эта книга/ поэма ... называется ...»:

Ditz buch heizet vuchs Reinhart / Got gebezzet vnser vart (Reinhart 1).

Однако намного важнее для поэта оказывается не представление своего творения как такового, а приглашение слушающих внимательно выслушать его произведение, для чего он и требует от них полного внимания. Как показывает материал исследования, характерными для средневекового рыцарского романа были короткие реплики типа *nû vernemet* или *nû hæret* «Ну, а теперь послушайте!». Обычно такие реплики оформляются императивными конструкциями с обращением (*ir lieben liute* «Вы, люди дорогие!»), указанием, о чем идет речь, какую историю предстоит услышать или в форме риторического вопроса «*He хотите ли послушать, что произошло*»:

Nû vernemit ir lieben liute [...] (Jüngerer Titurel, 1);

Vernemet vremdiu mere (Reinhart, 1);

nû hæret waz hie vor geschach (Daniel, 59);

Nû hæret waz hie vor geschach (Amis, 21);

welt ir nû hoeren waz dâs tât? (Helmbrecht, 20).

Риторический вопрос *welt ir nû hoeren* повторяется иногда достаточно часто, например, в начале «Хельбрехта» это происходит так часто, что из средства поддержания контакта и напряжения атмосферы перед увлекательным рассказом становится навязчивым, появляясь практически через каждые 20 строк: ср. строки: 20, 44, 56, 72, 182 и т. д.

Круг потенциальных читателей или слушателей обычно поэтом не называется, но он может быть достаточно широким: *arme und rîche* («бедные и богатые») или *ir lieben liute* («вы, дорогие люди»).

При этом автор осознает, что его поэзия может оказаться не всем по душе. И здесь вместе с призывом слушать внимательно появляется определенная критика в отношении публики: автор указывает на то, что его поэзия рассчитана только на восприимчивую и понимающую публику, т. е. он в самом начале знакомства со своим произведением лично ограничивает круг своих потенциальных слушателей. Императивные конструкции употребляются в ультимативной форме и могут носить приказной характер: «Кому не нравится, должен замолчать или выйти!». Эльхарт фон Оберг, автор одного из переложений «Тристана» на немецкий язык, настойчиво предупреждает, чтобы те, кому не нравятся его стихи, не мешали слушать другим:

Die selben warne ich hie mite
daz sie den selbin bôsin setin
eine wîle varin lazîn
und sich sulchir wîse mâzin,
die an in wandel bêre sint (Tristant 21 ff.).

Как правило, начальные комментарии, достаточно короткие по форме и четкие по коммуникативно-прагматической цели, ограничиваются в основном вышеуказанными задачами – привлечь внимание, ограничить круг слушателей и настроить на внимательное восприятие произведения.

Заключительным комментариям авторы отводят куда больше места, и они гораздо разнообразнее по форме и по содержанию.

Переход к финальной стадии повествования обычно маркируется коротким и ясным указанием на то, что книга или рассказ подошли к концу, типа *nû hat daz buoch ein ende*, похожим на сказочное «Вот и сказке конец». Например:

Hie hât ditz getiht e ein ende (Erec 10134).

При этом автор довольно часто, чаще, чем в начальной позиции, может указать в финальном комментарии название произведения:

Hie hât Kûdrûn ein ende (Kudrun 1705, 5);
Hie mite hat ein ende / diu krône [...] (Krone 29966);
die boecheiten Eneide (Eneide 13510);
Nu hânt ir alle wol vernommen
daz ich schiere zende wære komen
des mæres von Lanzelete (Lanzelet 9309).

Особенностью финального, завершающего комментария является презентация имени автора, упоминания которого не было в начале произведения. Вольфрам фон Эшенбах в конце своего «Парсифа-

ля» называет свое имя *ich Wolfram von Eschenbach*, а затем в начале другого романа «Виллехальм» указывает на то, что рассказал эту историю тот, кто был автором «Парсифаля»:

ich Wolfram von Eschenbach / swaz ich von Parzival sprach (Willehalm 4, 19).

Другие поэты также использовали схожую «рекламу» своего имени: *ich von Türheim Uolrich, ich von durne Rein bot*. Ср. также:

von Hôbergin her Eilhart / hât unz diz buchelîn getihtet (Tristrant 9446 f).

Важно отметить, что помимо указания на авторство, финальные комментарии имеют и другие функции. Поэт может познакомить публику со своей биографией. Автор «Песни о Роланде» называет, например, не только свое имя, но и указывает на свою сословную принадлежность:

ob iut haz liet gevalle, / so gethenke tirmîn alle. / ich heize ther phaffe Kuonrât (Rolandslied 9077f.).

Схожим образом поступает и Рудольф фон Эмс, называя свое полное имя и указывая на рыцарское происхождение:

*von dem wart dis mære
wie es geschehen wære,
ainem knappen erkant,
der ist Ruodolf genant,
ain dienst man ze Muntfort ...
der knappe ich bin (Willehalm, 15625 ff.).*

К гордости, с которой поэты сообщают публике свое имя и рассказывают о себе, присоединяются чувство ответственности и желание получить от слушателей благословение и поддержку. Многие поэтические произведения заканчиваются просьбой к публике упомянуть имя автора в своих молитвах.

При всей значительности информации личного характера и проявляющегося в ней несомненного тщеславия средневековых немецких авторов, анализ произведений позволяет сделать вывод, что более важным является другое. В финальных комментариях поэт часто повторяет те темы и идеи, которые кажутся ему особенно важными для его творчества и конкретного произведения. Довольно часто в заключительных строках дается краткое обобщение рассказанного, прежде всего для того, чтобы эта информация надолго отложилась в памяти слушателей. Так, например, поступает Генрих фон Фельдеке в «Энеиде», приводя краткую хронику римской истории и подчеркивая таким образом связь рассказанного им с историческими событиями:

*Ich hân geseget rechte
des hêrn Enjâs es geslechte*

end dat konne, dat von hem quam.
dat wâren koninge lovesam,
geweld ich ende rîke,
end leve den keiser lîke
beide jonc ende alt,
end hadden grôten gewalt
in der werlde wîden
wârn sî koninge hêre
end hadden mekelêre,
gewalt ende wonne [...] (Eneide 13491ff.).

В последних строфах своего романа кратко обобщает содержание «Парсифаля» и Вольфрам фон Эшенбах:

Sî niu kint, sîn hôch geslehte
hân ich iu benennet rehte,
Parzivâls, den ich hânbrâht
darsîn doch saelde heter dâht (Parzival 1215ff.).

Обобщения как своеобразные послесловия могут быть оформлены директивными высказываниями с призывами помнить услышанное и следовать тем положительным примерам, которые автор приводит в своем произведении:

swer alsô reine sinne hât
daz er daz beste gerne tuot,
der soldiz mære in sînem muot
darum besetzen gerne,
daz er dâ bî gelerne
die minne lûterlichen tragen! (Herzmære 584 ff.)

В некоторой степени допуская несовершенство своего творчества или конкретного произведения, в финальных комментариях автор продолжает разговор с публикой, используя риторический прием *captatio benevolentiae*, своего рода «снискания расположения», со своеобразным призывом к возможной критике своего творчества со стороны слушателей. Но при этом речь идет в первую очередь о благоприятной оценке и доброжелательном приеме произведения. Так, Рудольф фон Эмс просит о снисхождении и допускает лишь небольшое порицание со стороны публики за его «неловкости» (*mine unkunst*), мотивируя свой призыв о снисхождении тем, что он очень старался для людей:

daz si mir genædic sin
und mir ir güete machen schin
und mine unkunst wol füegen
und fruntlichen rüegen,
ob ich unkunstliche han
disen mæren her getan [...] (Willehalm 15675 ff.).

Такой же прием использует и неизвестный автор «Титуреля», когда просит критиковать форму и содержание его произведения, но не (немецкий) язык, на котором оно написано:

Nu pruefet alle werden die wirde dises buches von deutscher zunge
auf erden nie [...] (Titurel 6207).

Дружеские и доброжелательные советы и поучения принимаются поэтами с благодарностью, но недоброжелательная критика отклоняется с самого начала:

Mir ist lieb und bin es vrô,
swer mîn unkunst rüeget sô
daz sîn rât ist sô vriuntlich
daz er an witzen bezzer mich:
des râte tuon ich vol geschîn (Gerhard 6857 ff.).

Авторы благодарят публику за понимание и надеются на создание новых произведений, к которым их стимулирует не только доброжелательное отношение публики, но конкретные личности, их музы, поклонники и, конечно, меценаты. Вольфрам фон Эшенбах выражает благодарность своей госпоже, для которой он и создал свое произведение следующим образом:

ist daz durch ein wîp geschehen, / diu muoz mir süezer worte jehen
(Parzival 1230).

Генрих фон Тюрлин просит всех дам, которым он посвятил свое творение, сохранить к нему благосклонность и дружелюбие:

ir süllent mir enbunnen / i werre gnâden grüeze gunnen (Krone
29998 f.).

Выступая с просьбой об умеренной критике в свой адрес со стороны слушателей, авторы, однако, позволяют себе обрушиться с критикой на публику, повторяя этот прием несколько раз в своем повествовании и не ограничиваясь лишь замечаниями в начале или в конце произведения. Рефреном звучит то, что их произведение предназначено далеко не для всех, а лишь для избранных, круг которых постоянно сужается: добрые люди, благородные дамы, молодые люди, рыцари, но всегда только те, которые смогут извлечь уроки из рассказанного. При этом четко прослеживается мысль, что ограничение круга слушающих связано с нежеланием подвергнуться жесткой критике, поскольку поэт предназначает свои произведения лишь восприимчивой и понимающей публике, а завистники и насмешники априори ничего не понимают в настоящем искусстве. Автор «Коронь» настойчиво подчеркивает, что его произведение предназначено не для всех и каждого, а только для людей с добрым нравом:

Und wizzent daz vürwâr:
si en mügent niht wol ûf getragen

zwispel herze, valsche zagen,
wan sie ist in ze enge;
sie tragent aber die lenge
die guoten und die reinen [...] (Krone 29971ff.).

Такой критический выбор своей публики предпринимает и Рудольф фон Эмс, когда в конце своего произведения «Виллехальм» подчеркивает:

allen werden wiben
und tûgen gern den liben,
es sig man oder wip,
in swelher wirde lebt sin lip,
durch die will ich min arebeit
an dis getihte han geleit [...] (Willehalm 15669 ff.).

Так же поступает и Конрад фон Вюрцбург, указывая, что его рассказ предназначен только для действительно хороших людей, которые извлекут из него пользу и посочувствуют главным героям:

swer alsô reine sinne hat
daz er daz beste gerne tuot,
der sol diz maere in sînem muot
darum besetzen gerne, daz er dâ bi gelerne
die minne luterlichen tragen.
kein edel herze sol verzagen [...] (Herzmære 584 ff.).

Довольно резко и категорично выступает против неприятных «всезнаек» и «насмешников» Рудольф фон Эмс в эпилоге «Доброго Герхарда» и заявляет: «Если вы хотите высмеять меня и насмешкой воспринимаете мой рассказ, то вы не уважаете сами себя»:

swer aber welle spoten mîn
und machen mîniu maere
mit spote wandelbaere,
der unêret selbe sich (Gerhard 686 ff.).

Мотив противопоставления хороших и плохих, добрых и злых слушателей приводит поэта к противопоставлению по времени «тогда и сейчас», хорошие добрые прежние времена вызывают приятные воспоминания и противопоставляются сегодняшним, злым и враждебным, по мнению авторов. Далее обычно следуют рассуждения об утрате благородства и падении нравов, о забвении поэтического искусства. Литературная полемика, как правило, переходит в политическую. Жалобы на общественный упадок приводят авторов к желанию воздействовать на общество, изменить окружающих. В этот момент поэт начинает ощущать себя учителем и воспитателем и стремится через свое произведение показать свою идеальную картину мироустройства и привести предостерегающие примеры.

Уже не поэт, но учитель и дидакт обращается к своей публике и требует извлечь уроки хорошей морали, подчеркивая, что создавал свои произведения для улучшения людей (*ze bezzerunge*), он рекомендует слушателям и читателям подражать героям своей поэзии и следовать их добродетелям. Для усиления своих слов автор обычно приводит устрашающие предупреждающие примеры. Гартманн фон Ауэ надеется, например, что грешные люди возьмут на вооружение поучительную историю Григориуса, которая поможет им освободиться от грехов и приведет к покаянию:

dâ sol der sündige man
ein saelic bilde nehmen an
swievil er gesündet hât,
daz sîn doch wirt guotrât,
ob er die riuwe begât
und rehte buoze bestât (Gregorius 3983-87).

На образцовость Парсифаля и необходимость следовать его примеру Эшенбах указывает следующими словами:

swes leben sich sô verendet
daz got niht wirt gepfendet
der sêle durch des lîbes schulde,
und er doch der werlde hulde
behalten kan mit werdekeit,
daz ist ein nütziu arbeit (Parzival 1219-24).

Рудольф фон Эмс своей историей об императоре Отто и простом кельнском купце дает читателям и слушателям предупреждающий пример о вреде тщеславия, славолюбия хвастовства:

ich (Rudolf) hâniu hie bewaeret
an dirre aventiure wol
daz niemen sich versprechen sol.
swer sich des kann behüeten niht,
verrüemt er sich, dem geschiht
als dem keiser geschach
dô er zehôhe sich versprach
und des koufmannes güete
mit rîcher dêmuete
sine guot tât überwant.
hie bîsultir sîn gemant,
ob ir guote siht getuot,
daz irez lâzent wesen guot
ânitewîzes und erruon.
daz sult ir dêmuotlîche tuon,
so wirt iur dêmuete wert
dâs in âch ruome lônnes gert.

diu welt des ruomes wol vergiht
dâ guote siht durch sî geschiht (Gerhard 6888-906).

Ужасающе-устрашающий пример приводит Вернхер Садовник, обобщая жизненный путь своего героя Хельмбрехта, которого погубили высокомерие, своеволие, тщеславие, жажда власти и наживы, и именно поэтому он плохо закончил свою жизнь:

swâ noch selp her rischiu kint
bî vater unde muoter sint,
die sîn gewarnet hie mite.
begânt sie Helmbrehtes site,
ich erteile in daz mit rehte,
in geschehe als Helmbrehte: [...] (Helmbrecht1913-22).

Подводя итоги анализа, следует также отметить способы номинации автора и его слушателей, которыми пользуются средневековые поэты. То, что поэт, называя свое имя, говорит о себе в 3-м лице, можно считать одним из самых типичных способов авторской номинации. В анализируемом материале встретились самые разнообразные способы номинации автора и его слушателей, которые можно свести к пяти видам:

- 1) поэт рассказывает в 3-м лице и причисляет себя к своей публике;
- 2) поэт ведет повествование в 3-м лице и обращается к публике в 3-м лице;
- 3) поэт говорит о себе в 3-м лице, а разговаривает с публикой во 2-м лице;
- 4) поэт рассказывает о себе в 1-м лице единственного числа, обращаясь к публике во 2-м лице;
- 5) Поэт рассказывает о себе в 1-м лице единственного лица, а с публикой говорит в 3-м лице.

Степень близости и откровенности при единении с публикой оказывается в этих случаях различной, и поэт пользуется этими возможностями по своему усмотрению.

Итак, средневековый немецкий автор выходит к публике в прямом и переносном смысле слова. Ему важно не только сообщить своим слушателям о себе, своих достоинствах и недостатках, о своем творении и его героях, но и вступить в полемический диалог с публикой, провозглашая себя не только поэтом, но и учителем, судьей. Инициальные и финальные комментарии участвуют в оформлении и маркировании начала и конца текста и одновременно вводят читателя и слушателя в мир персонажей, а затем, в конце произведения выводят из него. Инициальные комментарии, в частности, подготавливают публику к восприятию истории, транслируют все необходимые для ее понимания (пред)установки

автора, таким образом, проспективно корректируют процесс рецепции. Финальные комментарии направлены, напротив, на ретроспективное корректирование восприятия слушающего, акцентирование и закрепление информации, необходимой с точки зрения автора произведения.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Коммуникативно-прагматическая функция авторских комментариев // Коммуникативные единицы языка: тезисы докл. всесоюз. науч. конф. М.: МГПИИЯ, 1984. С. 16–19.
2. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности // Коммуникативно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1999. С. 29–35.
3. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. 149 с.
4. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с.
5. Нистратова С.Л. Коммуникативная направленность и стилистическая дифференциация синтаксических средств выражения адресованности речи в письменной и устной сферах коммуникации на научные темы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 23 с.
6. Baeva G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman // Etudes Medievales. Amiens. 2013. N. 15. S. 14–21.
7. Burger H. Vorausdeutung und Erzählstruktur in mittelalterlichen Texten // Typologia Litterarum. Festschrift für Max Wehrli / hgg. von S. Sonderegger, A.M. Haas, H. Burger. Zürich: Freiburg i.Br., 1969. S. 125–153.
8. Grosse S. Beginn und Ende der erzählenden Dichtungen Hartmanns von Aue // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (Tübingen). 1961/62. Nr. 83. S. 137–156.
9. Iwand K. Die Schlüsse der mittelhochdeutschen Epen. Berlin: E. Ebering, 1922. 171 S.
10. Petsch R. Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen. Berlin: Weidmann, 1900. 85 S.
11. Ritter R. Die Einleitungen der altdeutschen Epen. Diss. Bonn 1908. Bonn: Georgi 1908. 90 S.
12. Voelkel C. Der Erzähler im spätmittelalterlichen Roman. Frankfurt/Main; Bern; LasVegas: Lang, 1978. 365 S.

Источники фактического материала

1. Amis – Der Stricker. Der Pfaffe Amis. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / hrsg. von M. Schilling. Stuttgart: Reclam, 2007 (RUB 658).

2. Daniel – Der Stricker. Daniel von dem Blühenden Tal. 2., neubearb. Aufl. / hrsg. von M. Resler. Tübingen: Niemeyer, 1995.
3. Eneide – Heinrich von Veldeke. Eneide. Mit Einleitung und Anmerkungen / hrsg. von Otto Behaghel [1882]. Nachdruck: Hildesheim: Georg Olms, 1970.
4. Erec – Hartmann von Aue. Erec. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / hrsg. von V. Mertens. Stuttgart: Reclam, 2008. (RUB 18530).
5. Jüngerer Titurel – Albrechts Jüngerer Titurel. Band III/1 (Strophe 4395–5417), nach den Grundsätzen von W. Wolf kritisch hrsg. von K. Nyholm. Berlin: Akademie Verlag, 1985.
6. Helmbrecht – Wernher der Gärtner. Helmbrecht. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / hrsg., übersetzt. und erläutert von F. Tschirch. Stuttgart: Reclam, 2007 (RUB 9498.).
7. Herzmære – Konrad von Würzburg. Herzmære // Novellistik des Mittelalters. Märendichtung / hrsg., übersetzt und kommentiert von K. Grubmüller. Frankfurt a.M.: Deutscher Klassiker Verlag, 1996 (Bibliothek deutscher Klassiker 138).
8. Gerhard – Rudolf von Ems. Der guote Gêrhart / hrsg. von J. Asher. 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1989 (ATB 56).
9. Gregorius – Gregorius der gute Sünder. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch. Mhd. Text nach F. Neumann, übertragen von B. Kippenberg, Nachwort von H. Kuhn. Stuttgart: Philipp Reclam, 2005.
10. Krone – Heinrich von dem Türlin. Die Krone (Verse 1–12281), nach der Handschrift 2779 der Österreichischen Nationalbibliothek. Nach Vorarbeiten von A. Ebenbauer, K. Zatloukal und H. P. Pütz / hrsg. von F.P. Knapp und M. Niesner, Tübingen: Niemeyer, 2000; Heinrich von dem Türlin: Die Krone (Verse 12282–30042), nach der Handschrift Cod.Pal. germ. 374 der Universitätsbibliothek Heidelberg. Nach Vorarbeiten von F.P. Knapp und K. Zatloukal / hrsg. von A. Ebenbauer und F. Kragl. Tübingen: Niemeyer, 2005.
11. Kudrun – Kûdrun. Nach der Ausgabe von Karl Bartsch / hrsg. von Karl Stackmann. Tübingen: Niemeyer, 2000.
12. Lanzelet – Ulrich von Zatzikhoven. Lanzelet / hrsg. von F. Kragl. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2006.
13. Parzival – Wolfram von Eschenbach. Parzival. Mittelhochdeutscher Text nach der Ausgabe von K. Lachmann; Übersetzung und Nachwort von W. Spiewok. 2 Bände. Stuttgart: Reclam, 1986 (= Reclams Universalbibliothek; Band 3681 und 3682).
14. Reinhart – Heinrich der Glîchezâre. Reinhart Fuchs. Mittelhochdeutsch – Neuhochdeutsch. Neuhochdeutsch Prosaübersetzung, Nachwort und Anmerkungen von W. Spiewok. Leipzig: Reclam, 1977 (= Reclams Universalbibliothek).
15. Rolandslied – Konrads Rolandslied, hrsg. von K. Bartsch. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1874.
16. Titurel – Wolfram von Eschenbach. 6. Ausgabe von K. Lachmann. Berlin/Leipzig: Walter de Gruyter, 1926.

17. Tristrant – Eilhart von Oberg. Tristrant und Isalde / hrsg. von D. Buschinger und W. Spiewok. Greifswald: Reineke-Verlag, 1993.

18. Willehalm – Rudolf von Ems. Willehalm von Orlens / hrsg. aus dem Wasserburger Codex der Fürstlich Fürstenbergischen Hofbibliothek in Donaueschingen von V. Junk. Berlin, Weidmann, 1905.

5.5. Существует ли языковая норма интернет-коммуникации?

Щипицина Л.Ю., Архангельск

Одной из актуальных сфер использования языка в современном мире становится интернет-коммуникация, т. е. общение людей, опосредованное техническими устройствами и сетью Интернет. Мы считаем интернет-коммуникацию одной из форм существования национального языка, а именно – особым медиалектом, выделяемым в каждом национальном языке наряду с социолектами, диалектами и т.п. Каждый из таких «лектов», реализуемый на общенациональной языковой базе и, соответственно, на общелитературной языковой норме, развивает также и свои правила и законы, а иногда даже и характерные только для него значимые единицы (лексемы), например, для диалектов такими единицами являются диалектные слова. Соответственно, каждая форма реализации языка (т.е. каждый «лект») является особой подсистемой в составе общенационального языка, и ее описание обычно предполагает выявление ее отличительных особенностей на различных языковых уровнях.

Эти отличительные особенности определенной языковой подсистемы можно обозначить по-разному: как языковую или речевую норму, стилистическую норму или правила речевого поведения в определенной сфере. Рассмотрим содержание названных понятий и их применимость к целям нашей работы – подбор обозначения особенностей и правил общения в интернет-коммуникации, а кроме того, рассмотрение вопроса о том, насколько применимо понятие языковой нормы к общению в интернете.

Языковой нормой в целом считается совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом [Семенюк, 1990, с. 337], или, более кратко, «понятие правильности и неправильности языковых форм, употребляемых в речи» [Мыркин, 2002, с. 108]. Многие исследователи выделяют в понятии языковой нормы узуальный и кодификационный аспект [Мыркин, 2002; Крысин, 2011]. Так, Л.П. Крысин говорит о широком и узком значении понятия языковой нормы: в широком значении языковая норма соотно-

сится с понятием узуса и обозначает «традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов», а в узком смысле норма – это «результат целенаправленной *кодификации* языка» [Крысин, 2011, с. 235–236, выделено автором]. В понимании языковой нормы В.Я. Мыркиным наряду с указанными двумя видами нормы, которые он обозначает как прескриптивную и дескриптивную, выделяется также ретроспективная, системная и асистемная норма, а кроме того, отдельные виды языковой нормы, связанные с языковыми уровнями и явлениями: акцентные, фонетические, морфологические и лексические нормы [Мыркин, 2002].

Очевидно, что для целей нашей работы важно выделение языковой нормы в широком смысле как *совокупности способов речи, отличающих данный языковой идиом от других языковых идиомов* (в нашем случае способов речи интернет-коммуникации, отличающих ее от других видов опосредованной и непосредственной (устной) коммуникации). В одной из своих работ Л.П. Крысин говорит о том, что отдельные языковые подсистемы отличаются своей некодифицированностью [Крысин 2008, с. 14], что отличает два выделенных понимания языковой нормы. Языковая норма в узком смысле (или литературно-языковая норма) – это *языковые средства и правила их употребления, кодифицированные как правильные для национального языка в целом* безотносительно к форме его существования (устная или письменная, диалект, функциональный стиль и т. д.).

Но использование одного и того же термина в разных значениях не совсем удобно, поэтому ряд исследователей сознательно разводит термины «языковая норма» и «речевая» / «стилистическая норма» или «речевая практика», чтобы избежать многозначности термина «языковая норма». Так, Т.Б. Трошева соотносит языковую норму с общепринятыми правилами употребления языка, не зависящими от сферы употребления, а стилистическую норму – с принципами отбора и сочетания языковых средств, наиболее целесообразных в каждой сфере общения, отмечая при этом, что стилистические нормы имеют более свободный характер, чем общезыковые [Трошева, 2006, с. 433–444]. Но стилистическую норму целесообразно сопоставлять с правилами речеупотребления в определенном функциональном стиле (деловом, научном, разговорном и т.д.), а поскольку в интернет-коммуникации общение осуществляется в разных стилях, то о какой-то единой стилистической норме интернет-коммуникации говорить вряд ли приходится.

Применяя мысль о широком (узусальном) и узком (кодифицированном) понимании языковой нормы к интернет-коммуникации, Л.Ф. Компанцева утверждает, что здесь присутствует и кодификаци-

онные элементы нормы (например, сетевой этикет чата), и узуальные, причем узус различен для разных жанров общения (в качестве примеров автором приводятся главная страница сетевого журнала, форум, телеконференция (новостная группа) и чат), но «формирование литературной нормы в Интернете, ее динамика проходит через узус» [Компанцева, 2004]. Таким образом, исследователь выделяет общую «литературную» норму интернета, которая, правда, еще только формируется, и узуальные нормы отдельных жанров.

А.Г. Аврамова также пишет о том, что языковая норма интернета только формируется: «...в сети Интернет формируется (если уже не сформировалась) *собственная, отличная от общепризнанной нормативности*» [Аврамова 2004, с. 120, выделено мной. – Л.Щ.]. По мнению данного автора, при условии стабилизации наблюдаемых в Интернете явлений, усвоении и частом применении наиболее удобных способов выражения большинством пользователей можно было бы прийти к выводу о появлении языковой нормы общения в интернете, особенность которой состоит в том, что пользователи «неосознанно создают такие способы выражения, которые максимально эффективно обслуживают актуальную ситуацию общения» [там же].

Учитывая специфику общения в интернет-коммуникации, отличительной чертой которой является демократичность, некоторые исследователи предлагают говорить не о норме этой формы общения, а о *правилах речевого поведения*, т. к. правила речевого поведения предполагают опору на культурную конвенцию, принятую в данной речевой ситуации, не являются строго фиксированными и не всегда четко осознаются носителями языка [Интернет-пространство..., 2012, с. 201]. Но на наш взгляд языковая норма (в широком значении) и определяется как совокупность правил общения и использования определенных языковых форм, удобных для данной ситуации общения и отличающих коммуникацию в определенной сфере. Соответственно, мы считаем возможным использовать понятие языковой нормы в применении к интернет-коммуникации и рассматриваем его синонимичным сочетанию «правила речевого общения» в интернете.

Но можно ли говорить о единой языковой норме для такой широкой сферы интернет-коммуникации? Известно, что в интернет-коммуникации существуют самые разные формы и виды общения: монологическое и полилогическое, межличностное, групповое и массовое, персональное и публичное, синхронное (осуществляемое в присутствии всех участников общения) и асинхронное (отсроченное), устное (в программах типа Скайп) и печатное, общение, осуществляемое в разных стилях (деловое, научное, обиходно-разговорное и т.д.) и, наконец, в разных жанрах (электронное пись-

мо, веб-сайт, блог, форум и т.п.). Очевидно, что сформулировать правила употребления языковых средств, единые для всех этих разных видов интернет-коммуникации, невозможно: в реальной речевой практике одновременно действуют несколько факторов (опосредованность речи, количество коммуникантов, функциональная сфера и т.д.), обуславливающих правила использования речевых средств.

В теории интернет-коммуникация утверждает, что данная форма существования языка отличается своими лингвистически релевантными техническими особенностями канала и средства коммуникации: электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность, вариативность количества и эксплицированности коммуникантов [Щипицина, 2010]. Перечисленные особенности интернет-коммуникации обуславливают появление в тексте определенных языковых средств (фонетико-графических, лексических, морфологических и синтаксических) и специфическое строение текста. Результаты анализа использования в интернет-коммуникации языковых средств отдельных языковых уровней, проведенного различными исследователями на разном языковом материале [Hård af Segerstad, 2002; Атабекова, 2003; Bittner, 2003; Щипицина, 2010 и др.] свидетельствуют, что единый перечень языковых средств и особенностей общения в интернет-коммуникации в целом представить не получается из-за своеобразного сочетания в различных ее видах признаков устной и письменной речи, характерных для синхронной и асинхронной коммуникации. Вторым по значимости оказывается фактор количества и типа коммуникантов (массовое, групповое и межличностное общение, представленные в институциональной и персональной разновидностях). В итоге чтобы обобщить типичные средства для разных жанров интернет-коммуникации, приходится объединить ее виды не в две (синхронное и асинхронное общение), а в четыре группы: 1) асинхронное институциональное, 2) асинхронное персональное, 3) синхронное институциональное и 4) синхронное персональное общение. Эти четыре вида интернет-коммуникации создают своеобразную шкалу убывания признаков синхронности и нарастания признаков асинхронности и адаптации текста к условиям гипертекстовой реализации.

К признакам **синхронности** относятся:

–*фонетико-графические средства*: редукция букв, фонетическая ориентация написания, передача громкости тона прописными буквами, передача протяжности произнесения итерацией букв, печати, смайлы, отсутствие прописных букв в начале предложения, ненормативная пунктуация и т.п.;

–*лексические средства*: сокращения и акронимы;

–*грамматические средства*: личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица, глаголы в настоящем времени, эллипсис, вопросительные предложения.

К признакам *асинхронной коммуникации*, адаптированной к условиям гипертекстовой реализации относятся:

–доминирование существительных в именительном падеже, в т.ч. отглагольных (номинативный стиль),

–использование односоставных предложений и неличных императивных конструкций и некоторые другие.

Из приведенного перечня языковых средств можно заметить, что синхронные жанры ориентированы на нормы устного общения, а асинхронные, в которых средства синхронности отсутствуют, – на норму письменного общения с учетом его гипертекстуальности. Здесь, правда, следует сделать несколько оговорок.

1) Многие средства в интернет-коммуникации используются *вариативно*, т.е. языковая норма как регулярность и общепринятость некоего языкового средства в интернет-коммуникации очень демократична, не догматична. Особенно вариативны языковые нормы синхронного общения, в то время как для асинхронного массового общения языковые способы адаптации текста к условиям его гипертекстовой реализации являются достаточно жестко заданными.

2) Вариативный характер употребления языковых средств синхронной интернет-коммуникации свидетельствует о том, что они, скорее, *сознательно* используются коммуникантами, чем объективно необходимы: большинство программ для синхронного общения на самом деле предполагает квазисинхронный характер: в этом случае коммуникант имеет возможность отредактировать свое сообщение перед его публикацией. Поэтому признаки устного общения в синхронных жанрах интернет-коммуникации обусловлены как техническим параметром канала речи (синхронность), так и прагматическими причинами (стремление коммуниканта имитировать непринужденный, неформальный стиль общения). Прагматические причины использования этих средств усиливаются в асинхронных групповых и межличностных жанрах.

3) Нельзя утверждать, что признаки синхронных форм *полностью* соответствуют языковым признакам устного общения. Несмотря на множество общих параметров экстралингвистического и лингвистического характера для устного и синхронного общения в интернет-коммуникации, в связи с кодированием сообщения в печатном виде последнее приобрело свои специфические особенности. Эти особенности обусловлены адаптацией концептуально устного текста к условиям его существования на экране монитора, или устно-письменной гибридностью. Соответственно, можно ожидать, что

языковые нормы синхронной интернет-коммуникации представляют собой симбиоз языковых норм устной и письменной коммуникации.

Отметим, что использование компьютерной лексики, т.е. лексем, обозначающих разные функции и сервисы программ, необходимых для общения в интернете, актуально для разных жанров интернет-коммуникации вне зависимости от их синхронного или асинхронного характера. Правда, набор таких лексических единиц различен для каждого жанра и составляет достаточно небольшой процент от общего количества использованных слов [ср. Щипицина, 2010, с. 208–216], что, по нашему мнению, иллюстрирует демократичность лексической нормы интернет-коммуникации.

Поскольку названные два вида языковой нормы, или правил общения в интернете обусловлены, главным образом, спецификой канала и средства речи (гипертекстуальность, синхронность / асинхронность и т.д.), то будем считать их *универсальными*, действующими в разных языках. Предварительную гипотезу о существовании двух принципиально различных видов универсальных языковых норм интернет-коммуникации – синхронной и асинхронной – проиллюстрируем на материале анализа текстов, представляющих два названные вида интернет-коммуникации и созданных на разных языках – русском и немецком. Примером синхронного общения будет являться персональный чат на русском и немецком языке, а примером асинхронного институционального общения – русскоязычные и немецкоязычные официальные веб-сайты туристических фирм.

Чтобы выявить степень регулярности языкового средства, привлечем элементы статистического метода, вычисляя долю рассматриваемого явления в общем числе однотипных языковых единиц, используемых коммуникантами в рассмотренном материале. При этом мы предлагаем ориентироваться на следующие принципы. Если доля использования определенного средства достаточно велика и приближается к 100%, то его можно считать *нормативным* для данного вида интернет-коммуникации. Если явление используется единично или достаточно регулярно, но представлено менее чем в 50% всех однотипных речевых контекстов, то это пример *языковой вариативности*, (пока) не приводящей к изменению нормы.

Языковые нормы синхронной коммуникации в русском и немецком чат-общении

Для проверки того, как пользователи соблюдают языковые нормы общения в чате, нами рассмотрены протоколы полилогического персонального общения в веб-чатах на русском (<http://30.krovatka.ru>) и немецком языке (<http://www.chatroom2000.de>), датированные

2015 годом. Каждый прокол включает около 10 страниц печатного текста.

Отметим, что чат является лишь одним из синхронных жанров интернета, при этом он носит, как отмечалось выше, квазисинхронный характер, т.е. минимальное время на обдумывание и правку реплик в чате перед их публикацией коммуниканты имеют. Кроме чата к синхронным интернет-жанрам относится также общение в мультипользовательских мирах (MUD / MOO), интернет-телефония, совершающаяся в различных программах типа Скайп, существуют и монологические синхронные жанры (например, спортивный онлайн-репортаж). Но в связи с самой длительной традицией существования (самый первый протокол чата *Internet Relay Chat* известен с 1988 г.), удобством обработки и прототипичностью для синхронных жанров в данной работе при иллюстрации языковой нормы синхронного общения мы рассматриваем именно чат.

Размышления о языковых нормах синхронного общения в чате следует начать с того, что практически у каждого чата есть свой кодифицирующий элемент – этикет чата. Правда, именно о *языковых* нормах общения в этикете чата пишется очень мало – обычно он касается общего поведения в чате и предписывает не оскорблять других, не помещать рекламные объявления, не затрагивать темы секса, наркотиков и оружия и т.п. [Правила чата: <http://30.krovatka.ru/Chatregeln> <http://www.chatroom2000.de/support/chatregeln.php>]. *Языковые* предписания обычно сводятся к тому, чтобы не печатать прописными буквами всю фразу (это равносильно крику), не использовать нецензурную лексику или лексику, указывающую на запрещенные темы, не повторять подряд одну и ту же фразу и не разбивать ее на несколько реплик – это рассматривается как спам [там же].

Как можно заметить из этого перечня, администраторы чат-серверов не хотят перегружать пользователей подробным списком языковых правил, ограничиваясь лишь самым важным, и полагаются на свободу языкового выражения коммуниканта. Тем не менее, эти минимальные предписания касаются трех разных языковых уровней: фонетико-графического, лексического и синтаксического, что можно трактовать как попытку некоей цельной, хотя и схематичной фиксации языковых норм чата.

Перечисление правил общения в чате, содержащих предписания, как себя в нем следует вести, мы рассматриваем как своеобразную кодифицирующую, *прескриптивную* разновидность нормы чата. Кроме прескриптивной выделяется и *дескриптивная норма*, «опирающаяся на речевой узус», которая «бесстрастно регистрирует: так говорят» [Мыркин, 2002, с. 110].

Для чата такой дескриптивной нормой можно считать перечень

регулярно используемых в нем языковых средств. Эти средства, как было упомянуто ранее, включают фонетическую ориентацию написания, передачу громкости тона заглавными буквами, использование смайлов, сокращений и акронимов, эллипсис и т.п.

Кроме перечисленных явлений, которые носят универсальный характер, т.е. значимы для языков разного типа, в чат-общении на конкретном языке могут использоваться также явления, уникальные для конкретного языка. В частности, для немецкого языка таким языковым средством считают инфлективы типа **lach** (от *lachen* – 'смеяться'), т.е. глагольные основы без окончаний, позволяющие экономично выразить целое высказывание [Schlobinski, 2001]. В русском языке в чат-общении нередки проявления «языка падонкаф», что является следствием стремления пользователей к языковой игре, проявляющегося в их особом обращении с правилами орфографии [Лутовинова, 2008]. При анализе типичных языковых средств собранного нами материала мы будем учитывать этот факт и различать *универсальные* и *национальные* языковые нормы синхронного общения, обусловленные системой конкретного языка. Первоочередное же внимание в данной работе мы уделим сравнению того, как универсальные нормы синхронного интернет-общения преломляются в языках разного строя.

Далее представим актуальную дескриптивную языковую норму синхронного общения в чате, т.е. реально используемые в нем языковые средства, характерные для разных языковых уровней: фонетико-графического, лексического и грамматического.

Фонетико-графическая норма синхронного общения

Как можно заметить из перечисления средств синхронного общения, представленного ранее, самыми многочисленными среди них являются языковые средства фонетико-графического уровня. Это не трудно объяснить устно-письменной гибридность синхронного общения: в связи с необходимостью печати реплик и ограниченным временем на их создание, с одной стороны, а также одновременным присутствием коммуникантов в сети и их невидимостью друг для друга в чате, с другой стороны, фонетико-графические средства служат одновременно и проявлением языковой экономии и некой языковой небрежности коммуникантов, а также пространством для компенсации отсутствующих сигналов их визуальной близости и просодических средств. Соответственно, фонетико-графические средства синхронного общения включают: 1) проявления орфографической и пунктуационной небрежности, свидетельствующие об экономии усилий коммуниканта, а также об отсутствии времени на проверку

написания слов, 2) средства, отражающие на письме особенности произношения слова, 3) средства, компенсирующие отсутствующие просодические явления (протяженность и громкость произнесения слова, паузы), 4) графические нововведения – смайлы, компенсирующие отсутствие визуального контакта между коммуникантами (мимику, жесты и действия).

Представим названные фонетико-графические языковые средства, выявленные в русском и немецком групповом чате, в таблице 1. При этом наряду с типом и примером каждого языкового средства приведем также данные о частотности его использования в собранном материале. Для подсчета частотности языковых средств в каждом случае в русском и немецком материале рассматривалось одинаковое количество языковых единиц (словоформ, предложений или реплик) и подсчитывалось процентное соотношение языковых единиц с рассматриваемым средством и общего количества подобных единиц. В примерах таблицы сохранено авторское написание, рассматриваемые средства выделены подчеркиванием. Самоназвания пользователей (никнеймы, или ники – от англ. ‘nick name’) в целях конфиденциальности заменяются на обозначения «Ник» / „Nick“.

Данные наших наблюдений свидетельствуют о том, что практически все названные ранее фонетико-графические средства, типичные для синхронного общения, используются в русском и немецком чате за исключением написания слова целиком прописными буквами для передачи громкости тона. Отказ от этого средства можно объяснить отсутствием необходимости «повышенного тона» в рассмотренных чат-беседах, экономией усилий на то, чтобы нажимать дополнительную клавишу при печати прописных букв, а также нежелательностью использования данного средства, что сформулировано в правилах обоих чатов.

Среди остальных средств выделяются самые характерные, составляющие в процентном отношении от 38 до 95% всех соответствующих контекстов: отказ от прописных букв, ненормативная пунктуация и использование смайлов. Их появление обусловлено орфографической и пунктуационной небрежностью или необходимостью компенсировать недостающие визуальные сигналы. Именно эти средства можно считать своеобразной нормой чата, т. е. велика вероятность встретить их у большого количества коммуникантов. Но это не означает, что все пользователи чата *должны* придерживаться этой нормы, скорее, они *могут* так писать. При этом возможна комбинация применения и неприменения одного и того же правила, например, отсутствия прописной буквы, в пределах одной реплики. Это говорит о нежесткости данного вида нормы синхронного интернет-общения.

Таблица 1 – Фонетико-графические средства чата

Функция	Языковое средство	Русский язык		Немецкий язык	
		Кол-во	Пример	Кол-во	Пример
Проявление орфографической и пунктуационной небрежности	-отсутствие прописных букв	95% (из 200 словоформ, которые должны начинаться с прописной буквы)	<u>ник ты одобряешь брейвика?</u>	63% ⁷	<u>wunderschönen guten mor- gen Nick</u>
	-опечатки	2,5% (из 200 словоформ)	<i>а, про- ститеп, обознался)</i>	1,5 %	<i>das wirste noch öfetrs sein</i>
	ненормативная пунктуация	50% (из 200 реплик)	<i>нету для него тут хороших ник</i>	48%	<i>Hihi ich trag sie nicht</i>
Передача особенностей произношения слов	-редукция букв	0,5% (из 200 словоформ)	<u>ник прям один по- зитив находит</u>	2%	<i>so ich werd denn heute mal auf ne mütze und pullover verzichetn</i>
	-фонетическая ориентация написания	5% (из 200 словоформ)	<i>а чо мне справляца</i>	1%	<i>was willste mit dem bruder</i>
Компенсация просодических явлений	-передача протяжности произнесения итерацией букв	0,5% (из 200 словоформ)	<u>aaa ты про это</u>	0,5 %	<u>haaaalihaaalooo oo</u>
	-обозначение пауз многоточиями	5% (из 200 реплик)	<i>не ну ... права нету ж на убийство хоть кого</i>	1%	<i>Nick na ja ..</i>
Компенсация отсутствующих визуальных сигналов	Смайлы	24,5% (из 200 реплик)	<i>крепись:)))</i>	38 %	<i>Moin moin :D</i>
	Обозначение своих действий	1,5% (из 200 реплик)	<u>/хмыкнул а</u>	4 %	

⁷ Здесь и далее в немецком материале данные рассчитывались тем же способом, что и в русском тексте.

Отдельно следует упомянуть ненормативное использование пунктуации в рассмотренном материале. Точка в конце реплики в чате никогда не ставится, и это явление в процентных данных таблицы не учитывалось. Вопросительный знак в конце реплики также может отсутствовать. Поэтому процентное соотношение нормативной и ненормативной пунктуации мы подсчитывали только для знаков препинания в середине реплики. Ненормативным для обоих языков является отсутствие запятой при выделении обращений, реже – в сложных предложениях.

Отметим, что правила пунктуации в обоих языках нарушаются чаще (примерно в 50% случаев), чем правила орфографии, которые по разным причинам (опечатки, а также сознательная редукция букв, фонетическая ориентация написания и т. д.) не соблюдаются лишь примерно в 5% случаев в немецком и в 8,5% случаев в русском языке. Мы объясняем стремление коммуникантов соблюдать правила орфографии тем, что в ином случае сообщение может остаться непонятным для читателей. Несоблюдение правил пунктуации практически не мешает пониманию смысла сообщения, так же, как и написание имен собственных или начала предложения со строчной буквы, поэтому в данном случае коммуниканты считают возможным экономить свои усилия и не соблюдать данные правила.

Другие фонетико-графические средства (опечатки, редукция букв, фонетическая ориентация написания, передача протяжности тона итерацией букв и пауз многоточиями, обозначения своих действий) также могут использоваться в чате, но довольно редко – от 0,5 до 5 % соответствующих словоформ или реплик. Появление опечаток случайно, и пользователи обычно стремятся их исправить, привлечение же редукции букв в слове и фонетическая ориентация написания (в т.ч. проявления языковой игры с орфографией как рудименты «языка падонкоф» в современном русскоязычном чат-общении) дают коммуниканту возможность проявить свою индивидуальность и продемонстрировать неформальность общения. В целом в связи с небольшим количеством таких примеров их вряд ли можно отнести к фонетико-графической норме чата.

Случаи передачи протяжности тона итерацией букв, а пауз многоточиями достаточно малочисленны, что мы объясняем трудностью визуального восприятия этих средств на письме. Интересно обозначение своих действий словами или специальными смайлами, что позволяет дополнить чат-беседу компенсацией отсутствующих визуальных сигналов. Но, очевидно, вследствие первоочередной ориентации чата именно на беседу, а не на сопровождающие ее действия, такие средства также остаются в процентном соотношении достаточно редкими.

Процентные данные по использованию названных фонетико-графических средств чата в двух сравниваемых языках примерно одинаковы. Небольшие различия касаются лишь того, что в русском языке коммуниканты более последовательно отказываются от прописных букв в начале предложения и при написании имен собственных (95% соответствующих слов), в немецком языке этому, видимо, препятствует правило написания не только начала предложения, но и всех существительных с прописной буквы, и в целом только в 63% словоформ не соблюдается это правило. Кроме того, в немецком языке чуть активнее (38% реплик) по сравнению с русским материалом (24,5%) используются смайлы – это мы объясняем спецификой рассмотренного немецкого чата, где дается возможность использования самых разных графических видов смайлов, которыми можно изобразить не только свое настроение, но и свои действия.

В целом процентные данные обоих языков говорят о том, что фонетико-графической нормой чата является правильное написание слов с одновременной возможностью (но не обязательностью!) отказа от прописных букв в начале предложения и имен собственных (в немецком языке также в начале любых существительных), отсутствие точек в конце реплики и возможность несоблюдения пунктуации в ее середине, а также возможность использования смайлов. Все остальные фонетико-графические средства (редукция букв, фонетическая ориентация написания, передача протяжности тона итерацией букв и пауз многоточиями), в том числе те, которые не были зафиксированы в нашем материале (использование прописных букв для передачи повышенного тона) могут единично привлекаться пользователями чата для того, чтобы проявить свою индивидуальность и сделать чат-общение более непринужденным.

Лексическая и грамматическая норма синхронного общения

В связи с тем, что лексические и грамматические явления, обусловленные спецификой канала и средства общения в чате, не так разнообразны, как фонетико-графические, рассмотрим их в одном разделе.

Традиционно к лексическим особенностям чата относят использование сокращений разного рода, в т.ч. акронимов – обозначений целой фразы начальными буквами составляющих ее слов. Сокращения помогают сэкономить время на набор фразы, но в то же могут остаться непонятыми непосвященным читателем. Экономии времени служит также использование эллиптических предложений, когда недостающие члены предложения понятны из контекста, односоставных, к которым относятся, в частности, многие этикетные фор-

мулы (*привет, спасибо* и т.д.), и коротких двусоставных предложений – таковыми считаются предложения, имеющие менее 4 членов предложения или менее 10 слов [Sowinski, 1991, с. 80].

Кроме того, исследователи группового чата отмечают его разговорный непринужденный характер, что влечет за собой использование разговорных и диалектных слов. Интерактивность, т.е. участие в чате нескольких коммуникантов, вызывает необходимость использования личных местоимений и глаголов в форме 1-го и 2-го лица, обращений, а также вопросительных и побудительных предложений. В связи с синхронностью чата отметим также его ориентацию на момент речи, что должно способствовать употреблению глаголов в настоящем времени.

Количественные данные по использованию названных средств представим в таблице 2.

Как показывают полученные нами данные, лексическая и грамматическая норма чата, действительно, предполагают использование средств языковой экономии, особенно на синтаксическом уровне, средств, позволяющих создать непринужденное общение (разговорные слова и уменьшительные формы никнеймов при обращениях) и средств, которые свидетельствуют об интерактивности общения и его ориентации на момент речи.

Отметим, что *лексические* средства языковой экономии не совсем характерны для рассмотренного нами материала и составляют лишь 3,5 и 2% всех рассмотренных словоформ для русского и немецкого языка. Лексические сокращения помогают сэкономить время на набор фразы, но в то же время могут быть непонятыми непосвященными читателями, что и препятствует их распространенности в чате.

В синтаксическом плане коммуниканты вполне могут проявить экономичность языкового выражения, используя эллиптические и односоставные предложения, поскольку из контекста становится понятно, о чем идет речь. Среди двусоставных предложений также представлены очень короткие структуры, включающие в среднем 4–6 слов для обоих рассмотренных языков. Синтаксические образования, включающие более 10 слов, сложно воспринимать как в отдельной реплике, так и в мини-беседе. Некоторое превышение среднего количества слов в немецком предложении по сравнению с русским обусловлено более аналитическим строем немецкого языка, в котором присутствуют, в частности, артикли.

Хотя для обоих рассмотренных языков можно отметить непринужденность общения в чате, создаваемую, в частности, использованием разговорных слов, степень ее проявления в рассмотренном русском и немецком чате несколько различается: если в русскоязычном чате на 200 словоформ приходится 14% разговорных слов, причем это

Таблица 2 – Лексические и грамматические средства чата

Функция	Языковое средство	Русский язык		Немецкий язык	
		Кол-во	Пример	Кол-во	Пример
Проявление языковой экономии на лексическом уровне	сокращения слов и словосочетаний	3,5% (из 200 словоформ)	<i>ндс, бух (=бухгалтер), вск (=воскресенье)</i>	2 %	<i>pn (= Private Nachricht), alleinerz. (=alleinerziehend), bzw.</i>
Проявление языковой экономии на синтаксическом уровне	эллиптические и односоставные предложения	70% (из 200 предложений)	<i>по идее</i>	71%	<i>warum das</i>
	короткие двусоставные предложения	100% (из 200 предложений, средняя длина предложения: 4,7 слов)	<i>Ник у меня есть запасной вариант</i>	90% (средняя длина предложения: 6 слов)	<i>also ich find die gelegentlich schick</i>
Проявление непринужденности общения	разговорные и диалектные слова	14% (из 200 словоформ)	<i>ну, почи- кать, ножик, приколь- ный, весе- луха...</i>	8,5%	<i>die (=sie), denn, mal, ja, Mäd- el, moin, hi, Hallö- chen</i>
	уменьшительная форма никнейма	84% (из 200 обращений)	<i>пася (от Passionat а)</i>	10%	<i>dav (von davin- chi61)</i>
Проявление интерактивности общения	местоимения и глаголы 1-го и 2-го лица	40% (из 200 реплик)	<i>щас меня запина- ют</i>	40%	<i>hab auch nichts anderes behauptet</i>
	обращения	23% (из 200 реплик)	<i>ник, там совокуп- ность все- го)</i>	31,5%	<i>danke nick</i>
	вопросительные и побудительные предложения	29% (из 200 реплик)	<i>ник сти- шок пом- нишь?</i>	25%	<i>Mag einer mit mir schreiben?</i>
Ориентация на момент речи	глаголы в настоящем времени	51% (из 200 глаголов)	<i>а красиво звучит))</i>	86%	<i>kommst genau rich- tig zum kaffee</i>

преимущественно имена нарицательные, прилагательные и глаголы, то в немецком языке – только 8,5 %, и среди разговорных слов отмечаются практически только разговорные частицы (*denn, mal, ja*) и формулы приветствия (*moin, hi, Hallöchen*). В еще большей степени это различие касается использования уменьшительных форм от никнеймов коммуникантов при обращении: в русском чате 84% всех обращений являются такими уменьшительными образованиями, а в немецком языке – только 10%. Мы объясняем эти различия прагматическими причинами (в русском чате почти все коммуниканты знакомы по прежним беседам, а немецкий чат в большей степени ориентирован на общение новичков, которые ищут новые знакомства), а также строем языка: в русском языке, по нашим наблюдениям, слой разговорной лексики намного более обширен, чем в немецком. Кроме того, многие немецкие никнеймы уже представляют собой уменьшительные формы (*Wölfchen, gretel*), которые воспроизводятся при обращении. Тем не менее, неформальность общения, связанная с употреблением разговорной лексики, характерна для чата на любом языке, и, по нашим наблюдениям, тем выше, чем выше степень знакомства его участников.

Отметим, что использование разговорной лексики не исключает употребление в чате книжных слов и выражений, которые, впрочем, остаются единичными и служат выражению индивидуальности коммуниканта.

Диалектные слова также используются единично и отмечены только для немецкого материала, где диалектные различия более ярко выражены по сравнению с русским языком. Оставаясь единичными вкраплениями и будучи широко известными за пределами региона, в котором этот диалект используется, диалектные слова в чате выполняют те же функции, что и слова разговорные – создают непринужденный стиль общения, а кроме того вносят определенный вклад в создание речевого портрета говорящего, который использованием диалектного слова сигнализирует о своей принадлежности к определенному региону.

Компьютерная лексика, которая ранее отмечалась нами как свойство, представленное в разных жанрах интернет-коммуникации, в рассмотренном материале зафиксирована в единичных случаях (*комп, чатик, private Nachricht, rausfliegen*). Редкость привлечения такой лексики говорит о незначительности соответствующих тем в общем тематическом поле чата и об отсутствии технических проблем при чат-общении, которые следует решать, используя соответствующую лексику. Кроме того, чат нередко обозначается не специальной лексикой, а дейктическими наречиями *здесь, hier, da*.

Ориентация на момент речи в немецком чате оказалась несколько более выраженной, чем в русском. Это проявляется в том, что в немецком чате 86% всех рассмотренных глагольных форм употреблены в настоящем времени, в то время как в русском чате эта цифра составила чуть более 50%. Это объясняется меньшей степенью знакомства коммуникантов в рассмотренном немецком чате (незнакомые коммуниканты общаются преимущественно о том, что происходит с ними сейчас, а знакомые могут рассказать о том, что было раньше или планируется в будущем), а также аналитическим строем немецкого языка, в котором обязательны глаголы-связки. Но в целом общение в чате привязано к «здесь и сейчас» и требует соответствующих языковых средств, вследствие чего коммуниканты, общаясь, сообщают преимущественно о том, что они думают, делают, чувствуют в настоящий момент. Чем дольше опыт знакомства друг с другом, тем в большей степени можно отвлечься от «здесь и сейчас» и привлечь изображение прошлых событий или сообщить о будущих, т.е. тем разнообразнее может становиться темпоральная характеристика чата, оставаясь все же в пределах настоящего как базовой темпоральной сферы данного жанра.

В отношении интерактивности чата нами получены практически одинаковые данные о частотности использования соответствующих средств (личных местоимений и глаголов в форме 1-го и 2-го лица, обращений, а также вопросительных и побудительных предложений) для обоих языков. Личные формы глаголов или местоимения 1-го и 2-го лица использованы в 40% реплик в обоих языках, обращения – в 23 и 31,5% реплик, а вопросительные и побудительные предложения – в 29 и 25% реплик, соответственно. Нередко наблюдается объединение средств интерактивности в одной реплике.

Интерактивность чата проявляется и на уровне текста: практически каждое высказывание здесь либо продолжает другое, либо само имеет продолжение, оказываясь связанным с другими высказываниями на разных языковых уровнях. Интересно при этом создание нескольких параллельных микробесед, включающих такие тесно связанные высказывания различных коммуникантов [ср. Щипицина, 2011].

В целом констатируем, что лексическая норма чата достаточно свободна и предполагает создание непринужденности общения с помощью использования разговорных слов. Грамматическая норма чата более жестко задана и требует использования экономичных синтаксических структур – эллиптических, односоставных и коротких двусоставных предложений. Кроме того, в чате предполагается регулярное использование вопросительных и побудительных предложений, а также включение в реплики личных форм глагола, преиму-

щественно в настоящем времени, личных местоимений 1-го и 2-го лица и обращений.

В данном исследовании для иллюстрации языковых норм синхронной интернет-коммуникации рассматривался групповой чат. В общении с помощью Скайпа или в институциональном чате могут быть представлены не все перечисленные здесь языковые нормы, которые для большей точности следует определять отдельно для каждого жанра.

Преломление языковых норм асинхронной институциональной коммуникации на русских и немецких веб-сайтах

Жанров асинхронного общения намного больше, чем в синхронной интернет-коммуникации: к первым относятся практически все жанры Всемирной паутины, а также электронное письмо и новостные группы. И если в отношении чата как прототипического жанра синхронной интернет-коммуникации сомнений практически не возникает, то среди жанров асинхронной коммуникации в зависимости от разных параметров (интерактивность, персональность/ институциональность) можно выделить несколько разных прототипических жанров. Как упоминалось ранее, полярными по отношению к синхронным жанрам мы считаем асинхронные институциональные жанры, языковые характеристики которых должны приближаться к нормам литературной письменной речи национального языка. Ярким примером таких жанров выступают официальные сайты различных фирм. Именно этот жанр мы и рассмотрим в данной работе, и возьмем для примера сайты 2 русских (www.intarh.ru; www.pomortur.ru) и 2 немецких туристических фирм (www.hamburg-tourism.de; www.eurocamp.de). На каждом сайте рассмотрены главная и несколько конечных веб-страниц. Объем проанализированного материала составил около 10 страниц печатного текста для каждого языка.

Начнем с описания прескриптивной языковой нормы, т.е. того, как следует выражать свои мысли в этом случае. В отличие от синхронных жанров, где в общении принимают участие все коммуниканты, в создании веб-сайтов принимают участие лишь авторы. Соответственно, прескриптивная норма данного вида интернет-общения сформулирована обычно в пособиях по веб-дизайну (см., например, [Nielsen et al. 1998]), но собственно языковых особенностей в подобных советах указывается мало. Они сводятся к следующему:

- не перегружайте страницу информацией – она должна быть небольшой по объему и не превышать размера двух окон браузера;
- начинайте каждый абзац с главного;

–используйте маркированные списки и выделение ключевых слов;

–используйте простой синтаксис;

–используйте заголовки, подзаголовки и гиперссылки, менее важную информацию помещайте на отдельные веб-страницы;

–избегайте использования компьютерных терминов.

В данном перечне представлены языковые особенности графического, лексического, синтаксического и текстового уровней, и именно в данной логике, т.е. в соответствии с различными языковыми уровнями охарактеризуем реальные языковые нормы асинхронного институционального общения, представленного на туристических веб-сайтах. В дополнение к названным введем еще морфологический языковой уровень, касающийся использования в асинхронной интернет-коммуникации номинативных структур (отглагольных существительных), что является следствием большого количества гиперссылок на веб-сайтах.

Обобщение средств, полученных по материалам нашего исследования, приведем в таблице 3.

Как свидетельствуют данные таблицы, создатели веб-сайтов учитывают прескриптивную норму этого жанра и используют типографское выделение слов (ссылки, заголовки, ключевые слова текста), интегрируют в текст гиперссылки, используют маркированные списки и таблицы и формулируют достаточно простые в синтаксическом плане предложения на всех узлах гипертекста – главных и конечных. Доля использования компьютерной лексики в обоих рассмотренных языках невелика и составляет от 0,3 до 1,4 %, при этом такие слова в целом понятны читателю.

Таблица 3 – Языковые средства институционального асинхронного общения (на примере туристических сайтов)

Тип языковых средств	Языковое средство	Русский язык		Немецкий язык	
		Кол-во	Пример	Кол-во	Пример
Графические	-выделение слов (подчеркивание, полужирный шрифт и т.п.)	100% (из 10 рассмотренных страниц) ⁸	Поиск туров <u>Подбор тура по Европе</u> <i>Просим вас</i> ...	100 %	LAGE <i>Reiseplaner</i> ...in unserer <u>Hamburg App</u> (выделено цветом)

⁸ Выделения слов используются на всех рассмотренных страницах, а соотношение выделенных и не выделенных на странице слов варьируется в зависимости от типа и объема веб-страницы. Так, на главной странице фирмы «Интурист Архангельск» (www.intarh.ru), помещающей полные тексты новостей, из 886 слов выделенными оказались 246 (28%), на странице «Подбор тура» с интерактивной формой выделено тем или иным образом 98% слов.

Лексические	компьютерная лексика	1,4% (из 1000 слов)	<i>сайт, страница, подписаться</i>	0,3%	<i>Online, Sitemap, Cookies, Link</i>
Морфологические	отглагольные существительные	3,1% (из 1000 слов)	<i>Оформление Поддержка</i>	2,3 %	<i>Suche, Beratung, Angebote</i>
Синтаксические	односоставные номинативные предложения на главной странице	(из 200 предложений) 72%	<i>Архангельск Соловки Олений край Выпускные для старших школьников!</i>	64%	<i>Suche, Favoriten, Mein Euro-camp Tickets Hafen-rundfahrt</i>
	на конечной странице	29,7%		37%	
	простые предложения на главной странице	(из 200 предложений) 82%	<i>Зимний отдых в Голубино</i>	98,7%	<i>Legendär und ein Muss für jeden Hamburgbesucher</i>
	на конечной странице	74,5%		57%	
Текстовые	небольшой объем страницы	70% (из 10 страниц)	в среднем 3,35 окна браузера	60%	в среднем 4,6 окна браузера
	наличие гиперссылок на главной странице	(на 200 словоформ) 35,4%	<u>ГЛАВНАЯ</u> <u>О КОМПАНИИ</u> <u>ОТЗЫВЫ</u>	40%	<u>Musicals</u> <u>Reisepakete</u>
	на конечной странице	24%	... спектакль "Садко" будет представлен в <u>Театре драмы</u>	24%	<i>Nachtschwärmer von der <u>Reeperbahn</u> stehen hier...</i>
	маркированные списки и таблицы	100% (из 10 рассмотренных страниц)	Утром +11 2 м/с Днем +14 2 м/с Вечером +11 3 м/с Ночью +8 2 м/с	100%	<i>Termine</i> • <i>im Winter (November bis März) 07:00 - 09:30 Uhr</i> • <i>im Sommer (April bis Oktober) 05:00-09:30 Uhr</i>

Для экономии пространства на веб-сайтах привлекаются односоставные номинативные предложения, причем их доля достаточно высока на главных страницах и понижается на конечных узлах, где публикуется основная информация. В таких односоставных номинативных предложениях, выступающих гиперссылками или заголовками фрагментов страницы, нередко встречаются отглагольные су-

ществительные, помогающие уплотнить информацию и преобразовать предикацию в элемент обозначения, ср. *Искать / Suchen* и *Поиск / Suche*. Тем не менее, на сайтах используются и глагольные односоставные предложения (например, *Reiseziel wählen*), что подчеркивает интерактивность веб-сайта, заключающуюся в приглашении к действию пользователя, обращающегося к данному жанру. Правда, доля таких предложений невелика и составляет в среднем около 2% всех предложений.

Несмотря на то, что для удобства чтения пользователем объем страницы рекомендуется делать небольшим (не более 2 открытых окон браузера), на сайтах туристических фирм средний размер страницы – от 3 до 5 окон браузера, а некоторые страницы далеко превосходят этот показатель и занимают даже 11 окон (www.hamburg-tourism.de/suchen-buchen/pakete/jetzt-online-buchen). Это свидетельствует о стремлении создателей таких сайтов предоставить достаточное количество информации пользователю и о существовании некоторого противоречия между удобством чтения с экрана (минимальное количество открытых окон) и информативностью страницы (максимальное их количество). По нашему мнению, для институциональных страниц нормальным следует считать несколько больший объем отдельной страницы (около 5 открытых окон), чем рекомендовано для сайтов в целом (не более 2 открытых окон). Исходя из этого наблюдения, мы и сформулировали данные таблицы 3: небольшим мы считаем объем страницы, не превышающий 5 открытых окон браузера. Этому условию отвечают 7 из 10 рассмотренных страниц на русских и 6 из 10 – на немецких сайтах туристических фирм, т. е. в целом объем страниц туристических сайтов можно считать небольшим.

Поскольку в качестве материала анализа в работе привлекались туристические сайты, то нельзя не отметить наличие в рассмотренном материале языковых средств, характерных именно для этой сферы общения: тематической лексики из сферы туризма (*туристический маршрут, бронирование авиабилетов, Firma, Weltkulturerbe, Service*), обозначений культурных реалий и названий достопримечательностей (*монастырская ризница, иконостас, St. Pauli, Reeperbahn*), эпитетов (*доступный, красивый, уникальный, Exklusiv, beeindruckend, vielfältig*) и т.д. Очевидно, что сфера общения, или тип институционального дискурса (политический, образовательный, юридический, массово-информационный и т.д.) будет определять характер основной массы используемых на сайте лексических средств, т.е. будет являться переменным фактором, обуславливающим языковую норму веб-сайта. Перечисленные же в таблице 3 средства, появление которых обусловлено особенностями канала и средства комму-

никации, представляют собой постоянную характеристику данного жанра.

К постоянным характеристикам сайта относится также его мультимедийный (поликодовый) характер: многочисленные иллюстрации и иконические изображения вступают в разнообразные отношения с вербальными средствами сайта, создавая специфическую когерентность такого текстового образования (см. подробнее [Щипицина, 2013]). Очевидно, что если мы выйдем за рамки рассмотрения сугубо языковой нормы интернет-коммуникации, то список правил общения в этой сфере расширится.

В целом констатируем, что институциональные веб-сайты ориентированы на нормы литературного языка и предполагают соблюдение кодифицированных норм орфографии, пунктуации и грамматики, отсутствие опечаток и использование общеупотребительной лексики. Определенными нововведениями здесь является типографское выделение слов на странице (подчеркивание, выделение цветом, размером и гарнитурой шрифта и т.д.), использование отглагольных существительных и односоставных предложений, позволяющих уплотнить информацию и адаптировать языковые структуры для называния многочисленных текстовых блоков. Соответственно, на веб-сайте меняется соотношение предикативных и номинативных структур по сравнению с обычным линейным текстом: доля номинативных структур здесь значительно выше, чем в обычном линейном тексте, и составляет от 37 до 64% в зависимости от типа узла веб-сайта.

Выводы

При рассмотрении вопроса о языковой норме в конкретной сфере реализации языка («лекте») следует говорить об общенациональной литературной языковой норме, зафиксированной в многочисленных грамматиках и лексиконах данного языка, а также о «лектной» норме, в нашем случае, норме интернет-коммуникации как особого медиалекта. Поскольку последняя диктуется особенностями средства и канала коммуникации, одинаковых при общении на разных языках, то языковую норму интернет-коммуникации можно считать *универсальной*, а то, как она взаимодействует с нормой конкретного национального языка – *национально-окрашенным*.

Языковую норму интернет-коммуникации можно определить как правила использования языковых средств в интернет-коммуникации, обусловленные объективными лингвистически релевантными техническими особенностями канала и средства общения, наслаивающиеся на языковую норму конкретного национального языка (русского, немецкого и т.д.), на котором общаются коммуниканты.

Единой языковой нормы интернет-коммуникации не существует, есть стихийно возникающие и характеризующие удобные для коммуникантов способы использования языковых средств *в тех или иных ситуациях общения* (жанрах). Эти жанровые языковые нормы ориентируются на *два полюса* языковой нормативности общения в интернете, касающиеся регулярности использования средств *концептуально устного общения в синхронных групповых жанрах* (фонетическая ориентация написания, смайлы, сокращения и акронимы, эллипсис и т.д.) и средств *концептуально письменного общения, адаптированного для публикации в виде гипертекста* (односоставность предложений, простой синтаксис) *в асинхронных массовых жанрах*.

Результаты наших наблюдений над правилами общения в чате как примере персонального синхронного жанра интернет-коммуникации и на туристическом сайте, иллюстрирующем асинхронную институциональную коммуникацию, в полной мере свидетельствуют об ориентации этих жанров на языковую норму синхронной и асинхронной интернет-коммуникации соответственно.

Так, для *персонального чата* характерна в целом ориентация на нормы литературного языка с одновременным развитием некоторых собственных норм: отказ от прописных букв в начале предложения и имен собственных (в немецком языке также в начале любых существительных), отсутствие точек в конце реплики и возможность несоблюдения пунктуации в ее середине, использование смайлов и разговорных слов, экономичность синтаксических структур (использование эллиптических, односоставных и коротких двусоставных предложений), регулярное использование вопросительных и побудительных предложений, а также включение в реплики личных форм глагола, преимущественно в настоящем времени, личных местоимений 1-го и 2-го лица и обращений. Кроме того, речевой узус чата позволяет привлекать редукцию букв, фонетическую ориентацию написания, передачу протяжности тона итерацией букв и пауз многоточиями и некоторые другие средства для того, чтобы проявить свою индивидуальность и сделать общение более непринужденным.

Языковая норма *веб-сайтов* в еще большей степени ориентирована на нормы литературного языка и модифицируется лишь в следующем: привлечение типографских способов выделения слов на странице (подчеркивание, выделение цветом, размером и гарнитурой шрифта и т.д.), уплотнение информации за счет использования отглагольных существительных и односоставных предложений, выступающих заголовками текстовых блоков или входящими в состав маркированных списков и таблиц, а также являющихся гиперссылками.

Незначительные различия в количественных данных русскоязычного и немецкоязычного материала объясняются некоторой разницей строя данных языков (большой аналитизм немецкого языка по сравнению с русским) или культурными различиями (большой процент использования эмоционально-оценочных суффиксов при модификации обращений в русском или наличие диалектной лексики в немецком чате).

Как представляется, изучение языковой нормы интернет-коммуникации, начатое нашим исследованием, предполагает последовательное описание языковых норм других известных жанров интернет-коммуникации на материале разных языков. Это позволит не только значительно дополнить теорию изучения интернет-коммуникации, но и усилить сознательное и более бережное отношение пользователей к своему национальному языку и оценить все его богатство и гибкость.

Библиографический список

1. Аврамова А.Г. Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный/письменный» // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 3. С.119–126.
2. Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставит. анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). М.: Изд-во РУДН, 2003. 202 с.
3. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: коллективная монография / под ред. Т.И. Поповой. СПб.: Эйдос, 2012. 224 с.
4. Компанцева Л.Ф. Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе // Наукові записки Луганського національного педагогічного ун-ту. Сер. «Філологічні науки»: зб. наук. праць [Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта]. Луганськ: Альма-матер, 2004. С.31–55.
5. Крысин Л.П. Литературный язык: регулируемые и «стихийные» сферы функционирования // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 13–16.
6. Крысин Л.П. Языковая норма и узус СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 235–245.
7. Лутовинова О.В. Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях языка Рунета // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы 2-й Междунар. конф. (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 14–16 февраля 2008 г.) / сост. М.Н. Володина. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 401–403.
8. Мыркин В.Я. Языковая норма: узус и кодификация: учеб. пособие. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. 230 с.
9. Правила чата. URL: <http://30.krovatka.ru> (дата обращения: 27.08.2015).

10. Семенюк Н.Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 337–338.
11. Трошина Т.Б. Стилистическая норма // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 433–437.
12. Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2010. 459 с.
13. Щипицина Л.Ю. Текстовые признаки чат-общения // Социокультурные перспективы преподавания иностранных языков. Вып. V: Материалы заоч. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 23 сентября 2011 г. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 225–231.
14. Щипицина Л.Ю. Средства реализации когерентности на веб-странице как мультикодовом гипертексте // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 91–98.
15. Bittner J. Digitalität, Sprache, Kommunikation. Eine Untersuchung zur Medialität von digitalen Kommunikationsformen und Textsorten und deren varietätenlinguistischer Modellierung. B.: Erich Schmidt Verlag, 2003. 324 S.
16. Chatregeln. URL: <http://www.chatroom2000.de/support/chatregeln.php> (дата обращения: 27.08.2015).
17. Hård af Segerstad Y. Use and Adaptation of Written Language to the Conditions of Computer-Mediated Communication: Doctoral Dissertation. Göteborg, 2002. 279 S.
18. Nielsen J, Fox J., Schemenaur P.J. Writing for the Web. 1998. URL: http://www.ewriting.narod.ru/SamplesAndWP/Writing_for_the_Web.pdf (дата обращения: 27.08.2015).
19. Schlobinski P. *knuddel – zurückknuddel – dich ganzdollknuddel* Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2001. Nr. 29 (2). S. 192–218.
20. Sowinski B. Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 345 S.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, проведенное авторами коллективной монографии, позволило выявить ряд важных факторов, касающихся самых разных аспектов функционирования языка.

1) При изучении системности и асистемности выражения темпоральных значений в немецком языке авторами первой главы выясняется, что употребление темпоральных форм, в частности претерита, в немецкой диалогической речи обусловлено а) способностью/неспособностью глагола самостоятельно выступать в роли сказуемого; б) принадлежностью глагола к определенному семантическому классу предиката и тематическим подклассам; в) синтаксической валентностью и коммуникативно-текстовыми возможностями этих форм. Выбор футурального презенса или конструкции „werden + Infinitiv“ для выражения будущего времени по результатам проведенного анкетирования свидетельствуют о модально-темпоральном характере конструкции „werden + Infinitiv“ и заставляют скептически отнестись к существующему обозначению данной конструкции как грамматической формы будущего времени (футур). Выбор формы выражения будущего времени среди прочего обусловлен привлечением лексических указателей времени, способствующих актуализации футурального значения высказывания. В главе представлена их многоаспектная классификация и описаны особенности корреляции лексических маркеров времени с глагольными средствами выражения значения будущего.

2) Сложное переплетение системности и асистемности обнаруживается и при анализе лексической системы русского языка. Авторы второй главы предлагают выйти за рамки традиционных подходов в изучении речевой деятельности и учитывать при составлении словарей не только собственно языковое значение слова, но и его речевую реализацию, когда это значение обогащается значениями, вытекающими из его синонимических, антонимических и гипонимических связей. Это способствует взаимодействию лексических парадигм и расширению их текстообразующих возможностей. Системность и асистемность языковых явлений русского языка иллюстрируется:

– примерами медийных новообразований, в которых сочетание системности и асистемности способствует экспрессивизации медийного текста;

– анализом обозначений лиц мужского и женского пола в современной русской речи, результаты которого доказывают, что традиционная семантическая оппозиция мужское–женское в языке сохраняется, но претерпевает изменения, связанные с разрушением социокультурных стереотипов, что маркируется уничижительными номинациями;

– анализом местоимений, в семантической структуре которых контаминируется номинативное и дейктическое, что доказывает ее проецирование на две области – языка и речи;

– анализом определенного лексико-семантического поля в художественном тексте (на примере лексико-семантического поля «свет–тьма» в стихотворениях О. Фокиной), что позволяет сформулировать методологию такого исследования, а также прийти к выводам о характерных особенностях творчества рассматриваемого автора (доминирование в произведениях О. Фокиной лексики света, что сопрягается с духовным ростом, преображением и устремленностью к свету самой поэтессы);

– исследованием лексико-семантического поля охоты русских старожильческих говоров Якутии, что также позволяет выработать методологию такого исследования, а также описать системные связи лексики охоты и рыболовства старожильческих говоров на территории Якутии и выяснить их взаимосвязь с общеупотребительной лексикой говора.

3) Сопоставительные исследования, результаты которых отражены в 3 главе монографии, выполнены на различном языковом материале и различных подсистемах языка (широкозначные глаголы, денотативно связанная фразеология, заимствованная и исконная лексика). Авторами главы устанавливается совокупность критериев, которые позволяют обозначить порог перехода многозначности в широкозначность (семантический, лексикографический и когнитивный). Доказывается также семантическая симметрия английского и французского языков в плане употребления денотативно связанных фразеологических единиц, главным образом, терминологических сочетаний, что обуславливается сходными процессами в развитии научного знания в разных странах и принадлежностью обоих языков к языкам аналитическим. Одновременно выявляются факты асимметрии семантической организации сопоставляемых языков, причиной которых является различная степень проявления аналитических черт в английском и французском языках и неодинаковыми условиями бытования англичан и французов. Сопоставление

лексических единиц испанского языка и процесса их заимствования в английский язык позволяет выявить различную степень их фонетической, графической, лексической и грамматической ассимиляции и на этой основе предложить классификацию заимствований.

4) При изучении процессов концептуализации мира в языке авторы 4 главы обращают внимание на следующие явления.

– особую роль в концептуализации мира в художественном тексте играют деривационные средства, являющиеся организующим центром актуализации когнитивного и прагматического аспектов художественного повествования; способы выражения деривационных смыслов порождаются конкретной средой художественного текста;

– ценностные пресуппозиции говорящего позволяют концептуализировать аллюзивные афоризмы, среди которых выделяются допускающие однозначную интерпретацию и открытые для множества толкований; механизмы построения таких единиц включают парадоксальные определения, внутренние отрицания, сопоставление предметов речи, кажущийся алогизм, парадоксальную экземплификацию;

– инструментом антропоцентрически ориентированных лингвистических исследований может выступать ассоциативный словарь, он может служить источником для разноаспектных лингвистических исследований с целью постижения картины мира носителя языка, а также установления традиционных, стабильных и динамичных ее составляющих;

– осмысление лингвоконцепта в рекламном дискурсе устанавливает, какие концептуальные структуры профилируются в пределах сопоставляемых когнитивных областей; эти идеи могут стать отправными в описании проективной значимости ментальных миров в соотношении с фрагментами действительного мира в других сферах общественной практики.

5) Исследование дискурса, текста и коммуникации, предпринятое авторами 5 главы, позволило выявить возможность получения нового знания через анализ макроструктуры текста. Выделяются способы такого анализа: макротекстовый и микротекстовый анализ, в том числе контрастивный. Примеры разных видов предлагаемого анализа приводятся на материале сравнения этнокультурных текстовых конвенций в русских и немецких инструкциях по эксплуатации, в изучении роли междометий-маркеров дискурса в разговорной английской речи, в определении функций авторских комментариев в средневековых немецких рыцарских романах и в изучении языковые нормы синхронной и асинхронной интернет-коммуникации.

В целом можно констатировать, что представленные многоаспектные исследования позволяют по-новому взглянуть на традиционные проблемы языка, речи, коммуникации и когнициии, а также обосновывают необходимость дальнейшей разработки методологии их изучения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баева Галина Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, заведующая кафедрой иностранных языков и лингводидактики СПбГУ, Санкт-Петербург. Эл. адрес: baevaga@mail.ru

Белоус Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингводидактики САФУ, Архангельск. Эл. адрес: t.belous@narfu.ru

Беляева Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингводидактики САФУ, Архангельск. Эл. адрес: e.p.belyaeva@narfu.ru

Боднарук Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии САФУ, Архангельск. Эл. адрес: bodnaruk@rambler.ru

Гришаева Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета, Воронеж. Эл. адрес: grischaewa@rgph.vsu.ru

Заиченко Лариса Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии САФУ, Архангельск. Эл. адрес: l.zaichenko@narfu.ru

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, Волгоград. Эл. адрес: vkarasik@yandex.ru

Костеневич Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии САФУ, Архангельск. Эл. адрес: kostenevich_elena@mail.ru

Котцова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, Архангельск. Эл. адрес: e.kotzova@yandex.ru

Куликова Галина Викторовна – аспирант кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, Екатеринбург. Эл. адрес: ga.sch@inbox.ru

Кушнерук Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета, Челябинск. Эл. адрес: Svetlana_kush@mail.ru

Морозова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, Архангельск. Эл. адрес: moroz290693@yandex.ru

Нифанова Татьяна Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания гуманитарного института Северодвинского филиала САФУ, Северодвинск. Эл. адрес: nifanova55@mail.ru

Павлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и риторики Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск. Эл. адрес: ipavlova27@mail.ru

Петрова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, Архангельск. Эл. адрес: petrovanatalja@mail.ru

Петрова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, Архангельск. Эл. адрес: t.petrova@narfu.ru

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, Екатеринбург. Эл. адрес: annamp@yandex.ru

Рацибурская Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный универ-

ситет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород. Эл. адрес: rasicib@yandex.ru

Сидорова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, Архангельск. Эл. адрес: plavnik@atknet.ru

Степырева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии САФУ, Архангельск. Эл. адрес: e.stepyрева@narfu.ru

Храпонова Мария Сергеевна – выпускница Института филологии и межкультурной коммуникации САФУ, магистрант САФУ, Архангельск. Эл. адрес: khraponova@mail.ru

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка РГПУ имени А.И. Герцена, С-Петербург. Эл. адрес: vdcher@yandex.ru

Щипицина Лариса Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии САФУ, Архангельск. Эл. адрес: l.shchipitsina@narfu.ru

SUMMARIES

Chapter I. SYSTEMIC AND ASYSTEMIC PHENOMENA IN GERMAN GRAMMAR

2.1. Preterite in German dialogical speech: semantic and syntactic aspects of verb form choice

Elena Kostenevich, Arkhangelsk

The paragraph explores semantic, syntactic and pragmatic factors influencing the preterite form choice in German dialogical speech. Our analysis of written dialogues sourced from literary works and the transcribed oral speech enables a conclusion that the high preterite usage frequency in dialogues relates to the use of non-fully notional verbs (modifier and delexicalized verbs), as well as to a class of complicator verbs authorizing a modus and at the same time complicating elementary sentence models.

Key words: dialogue, preterite, verb semantics, verb form, modifier verbs, delexicalized verbs, complicator verbs, mental, sensory, speech, voluntary, modus framework.

1.2. The use of the construction “werden + Infinitiv” in the German language (the poll results)

Elena Stepyreva, Arkhangelsk

The paragraph is devoted to the status of the construction “werden + Infinitiv” in German which is usually regarded in traditional grammar as a grammatical form of the future and by some scholars as a modal construction. According to the results of the poll on the use of this construction, we have come to the conclusion that it has a set of meanings and does not only express the meaning of the future. In oral speech this construction expresses the meaning of the future like the futural presence. Factors that influence the choice of the speakers to use the construction “werden + Infinitiv” instead of the futural presence include the use of the third person in the sentence, modal words expressing certainty (*bestimmt*) and uncertainty (*möglicherweise*) and some other. Modal use of the construction “werden + Infinitiv” could be found in sentences that express prophecy.

Key words: semantics, temporality, modality, aspectuality, poll, futural presence.

1.3. The role of lexical tense markers in creating the meaning of the future in the German language

Elena Bodnaruk, Arkhangelsk

The section is an attempt to work up the criteria for the classification of tense markers which actualize the meaning of the future in speech. The classification is based on the distinction of deictic and anaphoric time markers. On the material of German fiction texts the correlation of lexical future markers with verbal temporal means is revealed. The investigation results are illustrated with quantitative data concerning the use of different lexical tense markers in fictional texts.

Key words: lexical tense markers, classification, verb, the meaning of the future, fiction, the German language.

Chapter II. SYSTEMIC AND ASYSTEMIC PHENOMENA IN THE RUSSIAN LANGUAGE

2.1. From lexical paradigms to the text ones: sources and conditions of speech synonymy, antonymy and hyponymy boundaries extension

Elena Kotsova, Arkhangelsk

The paragraph deals with text modifications of paradigmatic word relations. Conditions and sources of lexical paradigms structure extension (synonyms, antonyms and hyponyms) in speech are discovered and systematized.

Key words: lexical paradigm, synonyms, antonyms, hyponyms, context.

2.2. Systemacity and asystemacity of media neologisms

Larisa Ratsiburskaya, Nizhny Novgorod

The paragraph deals with the combination of systemic and non-systemic in creation of derivational neologisms as the manifestation of synthesis of expression and standard in media texts. It is reflected in the activation of usual derivation processes (nominal prefixation, suffixation, affixoidation) with the extension of its syntagmatics, as well as in the actualization of occasional ways of word formation (contamination, graphic derivation).

Key words: media, word formation, nominal prefixation, foreign-language affixes, affixoidation, contamination, graphic derivation.

2.3. Functions of grammatical gender in the contemporary Russian speech (sociolinguistic, psycholinguistic and stylistic aspects)

Olga Morozova, Arkhangelsk

The paragraph deals with the grammatical category of gender in the Russian language in correlation with the functional-semantic category of biological sex and concepts of gender / lack of gender. The overview of various solutions to the problem is given. The author's point of view on some debatable questions is expressed using oral speech records, the content of sociolinguistic surveys, the results of associative experiments and utterances extracted from the National Corpus of the Russian Language. The paragraph discusses male and female name formation in the literary language in comparison with common parlance and jargon, explores the semantics of personal female names, identifies the semantic and stylistic shades of meaning and socio-cultural connotations; examines trends in the development of semantic "male – female" opposition.

Key words: grammatical gender, the Russian language, functional-semantic category, semantic gender, literary language, everyday speech, slang, sociolinguistics, psycholinguistics, trends of language development.

2.4. On the nominative and deictic aspects of pronominal vocabulary

Natalya Petrova, Arkhangelsk

The subject of the paragraph is the problem of the relationship between deictic and nominative components in the semantic structure of pronominal words. The results of the analysis show that the semantic structure of the pronouns includes both nominative and deictic components, which are projected onto two areas – language and speech. The nominative pronoun senses can be observed in expressing the categorical (object, feature, number, etc.) and typological information (person / object, question, denial, etc.) in language. The deictic component in the semantic structure of pronouns is associated with the conditions and participants of communication and is manifested in speech.

Key words: deictic, nominative, semantics, pronoun, language, speech.

2.5. Lexico-semantic field "Light – Darkness" in the early poems by Olga Fokina

Tatiana Petrova, Arkhangelsk

The paragraph focuses on the lexico-semantic field "Light – Darkness" in Olga Fokina's early poems (the 1950s). The components of this lexico-semantic field and the peculiarities of their usage are described; the interconnection of "light" and "dark" words is revealed and their role in generating visible flexible images is investigated. The paragraph shows the essential features of the poet's perception of the world and outlines the role of the

"Light – Darkness" vocabulary in her works. Also some aspects of the perception of poetic texts are discussed.

Key words: vocabulary, lexico-semantic field, text analysis, fictional text, Olga Fokina.

2.6. Hunting Vocabulary in the old-Russian dialects of Yakutia

Irina Pavlova, Yakutsk

The paragraph is devoted to studying the hunting lexical elements of old Russian dialects of Yakutia. The relevance of the study is connected with the relevance of systematizing and describing the unique material representing the dialectal linguistic view of the world. The investigation is based on hunting lexemes from the dictionaries edited by M. Druzhinina. The material was collected by Yakut State University teachers in 1997-2013 in numerous dialectological expeditions to the places of compact residence of Russian old-timers. The paragraph represents an attempt to systematize the hunting vocabulary from the dictionaries: it includes a large number of lexical and semantic groups and subgroups. The hunting vocabulary is characterized by the heterogeneity of its origin. We can observe the influence of indigenous languages of Yakutia, and, above all, the Yakut language.

Key words: dialectology, linguistic picture of the world, system, nomination, lexico-semantic group, paradigmatic relations, synonyms, antonyms, doublets, derivation means, borrowing.

Chapter III. COMPARATIVE LANGUAGE STUDIES

3.1. Words with wide semantics as a cognitive phenomenon (on the material of Russian and German verbs)

Galina Kulikova, Anna Plotnikova, Ekaterinburg

Eurosemy (wide semantics) phenomenon is under study in the paragraph. The authors investigate semantic features of verbs with wide semantics and define their role in the lexical system of the language and participation in the processes of conceptualization and categorization. In the paragraph criteria of eurosemy are analyzed, the authors attempt to reveal cognitive factors defining the emergence of verbs with wide semantics.

Key words: semantics, lexical meaning, verb, eurosemy, polysemy.

3.2. Comparative research of denotatively related phraseological units (on the material of the French and English languages)

Tatyana Nifanova, Severodvinsk

The paragraph is about a new aspect of comparative phraseology – a comparative research of denotatively related phraseological units of different languages. It allows to reveal relevant fragments of semantic space in analyzed languages and to understand how they are organized by means of denotatively related phraseological units, to describe semantic spheres formed by phraseological units in the compared languages and to investigate how phenomena described by means of denotatively related phraseological units are valued by native speakers. The card index includes two groups of language units – proper phraseological units and compound names, the delimitation of which is highly disputable.

Key words: phraseological unit, comparative phraseological research, denotatively related phraseology, proper phraseological unit, compound unit.

3.3. Spanish borrowings in the English language: aspects of assimilation

Elena Belyaeva, Maria Khraponova, Arkhangelsk

The paragraph considers the aspects of phonetic, graphical, lexical and grammatical assimilation of Spanish borrowings in the English language. The classification of Spanish borrowings according to the type and degree of assimilation is introduced.

Key words: the English language, Spanish borrowings, phonetic, graphical, lexical and grammatical assimilation, full assimilation, partial assimilation.

Chapter IV. CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD IN LANGUAGE UNITS

4.1. Derivation means as a way of world conceptualizing in a fictional text (based on the works by Ludmila Petrushevskaya)

Tatyana Sidorova, Arkhangelsk

The main objective of the paragraph is to show the role of derivation means in the conceptualization of the world by the author of a fictional text. It demonstrates the anthropocentric approach to the analysis of the text, which allows to comprehend the meanings in close connection with the consciousness of the author, his mentality and culture. The basis of the interpretation of the text is the process of restoring the mental speech activity of the author, who objectifies different meanings with the help of special techniques, including word-building means. The reader has to decode them. The

study uses the interpretative analysis technique, which involves the interpretation of derivation units (morphemes, motivational and word-building structures, models, derivation text paradigms), which actualize aesthetic functions fulfilled by the author's meanings. Text derivation meanings are being interpreted as those arising on the basis of usual ones under the influence of not only linguistic context, but also on the basis of extra-linguistic knowledge (cultural, cognitive and psychological contexts).

Key words: derivative sense, conceptualization, categorization, motivational structure, aesthetic code, cognitive text space.

4.2. Value priorities in allusive aphorisms

Vladimir Karasik, Volgograd

The paragraph deals with reconsideration of axiologically marked situations as presented in allusive aphorisms. Such reconsideration is basically ironic. Allusive aphorisms contain direct or indirect references to original phrases, disprove or affirm the meaning of the alluded sentences and vary in their interpretative depth and the degree of paradoxical essence. Such texts are built mostly with the help of paradoxical definitions, inner negations, object juxtaposition, seeming alogism and paradoxical exemplification.

Key words: values, aphorisms, allusions, interpretation, paradox.

4.3. The dictionary of associations as a tool for anthropocentric linguistic research

Valentina Chernyak, St. Petersburg

The paragraph considers the interpretation possibilities of dictionaries of associations. This kind of dictionaries applied in various linguistic investigations allows to obtain verified data on the organization of lexicon and thesaurus of the modern linguistic personality. The analysis of the associative fields based on ethnonyms shows various vectors of the youth mental world map.

Key words: dictionary of associations, lexicon, linguistic personality, associative field, ethnonym, youth, mental world map.

4.4. Linguistic concepts in world-modelling perspective: constructing the advertising reality

Svetlana Kushneruk, Chelyabinsk

In the paragraph linguistic units are considered as means of access to mental structures foregrounding the transcultural (HEALTH, TASTE, TRADITION, PRODUCT QUALITY) and unicultural concepts (CHARITY, ORGANIC FOOD). Regularly objectified in British and Russian advertising,

these concepts are classified as *intra discourse* and *imported* and analyzed in the world modelling perspective, i.e. with the focus on their role in constructing the symbolic world of advertising that reflects the most essential socio-cultural priorities of consumption. Dynamic model of comparative concept studies presented in the chapter enables to describe vectors of semantic development specifying that the analyzed concepts are pragmatically determined. It is argued that semantic features of the concepts under consideration are constantly modified by the pragmatic intentions of this type of discourse. The major of these is supply-and-demand regulation, distributing information about goods to increase their popularity and giving information about exceptional quality of goods. The concepts discussed are described as *commercially engaged*, featuring similar semantic characteristics arising from advertising discourse aims.

Key words: concept, intra discourse concepts, imported concepts, world-modelling, advertising discourse, British and Russian advertising.

Chapter V. DISCOURSE, TEXT AND COMMUNICATION

5.1. Getting new linguistic knowledge by studying the macrostructure of the text

Ludmila Grishaeva, Voronezh

The paragraph shows the importance of studying the microstructure of the text for the general text theory. The macrotextual analysis focuses not on the separate text features and not on textuality as such, but on a particular type of the whole text. The object of a macrotextual analysis is the semantic and syntactic macrostructural organization of the text as an invariant of a certain type, conventionally developed over a long period of time in a specific language and culture and existing in real communication as one of the many variants of this invariant. The essence of the macrotextual analysis is identifying the patterns of content and structure variation of a particular text type in different communication situations. The essence of the contrastive macrotextual analysis is defining the universal and culturally specific features in the text organization of the same type in different cultures.

Key words: text, macrostructure, invariant, macrotextual analysis, contrastive analysis.

5.2. The reflection of ethnocultural text features in text conventions

Larisa Zaichenko, Arkhangelsk

Text conventions are understood as traditionally, historically, socially, culturally and ethnically settled rules of certain types of texts composition. Text conventions serve for text type identification, they are also means of cer-

tain expectations actualization of recipients as culture-bearers and with their help the governing of text understanding is accomplished. Text type conventions are identified both on the surface level (microlevel) and on the deep level (macrolevel) of text analysis. Surface level conventions comprise linguistic means, which serve to express a certain conventionally conditioned meaning of lexical and syntactical levels of text organization. Deep level conventions of the text type are divided into two subtypes: compositional and contentional, therewith the former characterize culturally conditioned text structure peculiarities, while the latter reflect the differences of the content of its compositional and pragmatic segments.

Key words: text, text type, text conventions, historical, social and national determinacy, surface level, deep level.

5.3. Cognitive and pragmatic analysis of interjections as discourse markers

Tatyana Belous, Arkhangelsk

The paragraph aims to describe modern English interjections as discourse markers and backchannels. The results of the study show that interjections can initiate and sustain discourse, ensure communication success by maintaining the principles of speech communication. The secondary interjections as backchannels aid the speaker in sustaining communication and in effecting cooperation and intimacy between the speaker and the hearer.

Key words: interjection, discourse marker, turn, backchannels.

5.4. Comments by the narrator in the German knight romances

Galina Bayeva, St. Petersburg

In an oral narrative, the narrator generally acts not only as the transmitter of a story but also as its commentator. Three kinds of the narrator's interventions are commonly found: appeals to the audience to listen and to empathize with the action; explanations of customs, objects or words which are unfamiliar to the audience; evaluations of the protagonists and the events narrated. These kinds of narrators are illustrated and discussed with reference to medieval German knight romances for which an oral background can be assumed.

Key words: comment, narrator, communication, reception, oral narrative, dialogue.

5.5. Can we speak about the linguistic norm of the computer-mediated communication?

Larisa Shchipitsina, Arkhangelsk

The paragraph deals with the notion of the linguistic norm and the possibility of its use referring to the computer-mediated communication. Our

theoretical analysis and the investigation of the practical material (Russian and German personal chat and official sites of travel agencies) make it possible to come to the following conclusions. There is a literary linguistic norm of a national language (Russian, German, etc.) and the language norm of a certain linguistic subsystem, for example, that of computer-mediated communication. We suggest defining the linguistic norm of the computer-mediated communication as the complex of rules concerning the use of linguistic means on the Internet which depend on the objective linguistically relevant technical features of the channel and means of communication. In each genre of computer-mediated communication these features are different, that is why the linguistic norm of the computer-mediated communication depends on the genre. In general, the language norms of certain computer-mediated genres are guided by the two poles of linguistic normativity – linguistic norms of personal synchronous and institutional asynchronous communication. The first one includes the orientation on the norms of the literary language and simultaneously developing some of its own rules: the rejection of capital letters in the beginning of a sentence and proper names, the possibility of non-compliance with punctuation, using smileys and spoken words, efficiency of syntactic structures, the use of interrogative and imperative sentences, as well as personal verb forms, mostly in the present tense, personal pronouns of the 1st and 2nd person and forms of address. Linguistic norm of asynchronous institutional computer-mediated communication is even more focused on the rules of the literary language, and modified only by typographical emphasizing of key words on a page, by compact information expression through the use of verbal nouns and one-member sentences as headings of text parts and hyperlinks.

Key words: linguistic norm, computer-mediated communication, literary language, genre, synchronous, asynchronous.

16+

Научное издание

**Язык как система, деятельность
и пространство мысли**

*Коллективная монография
памяти профессора В.Я. Мыркина*

Ответственные редакторы:
Щипицина Лариса Юрьевна,
Сидорова Татьяна Александровна

Подписано в печать 27.11.2015. Формат 60×84 1/16. Бумага офисная.
Печ.л. 21.9/ Тираж 100 экз. Заказ № 258.

Издательство «КИРА»
163061, г. Архангельск, ул. Поморская, 34, тел. 650-670.

Типография «КИРА»
163061, г. Архангельск, ул. Поморская, 34, тел. 65-47-11.
e-mail: oookira@yandex.ru